400 лет ДОМУ РОМАНОВЫХ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ СЕМЬИ РОМАНОВЫХ

XIX — начало XX в.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

А. СОКОЛОВ, И. ЗИМИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами продолжение серии о жизни правителей России. В книге изложены результаты глубокого и всестороннего исследования существования и деятельности благотворительных учреждений, находившихся под покровительством членов Императорской фамилии в период XIX – начала XX в. Благотворительные ведомства, комитеты, общества и входившие в их состав попечительские учреждения осуществляли широкую поддержку различным категориям нуждавшихся, оказывали достаточно совершенную по тем временам социальную помощь. Рассказ об этом представляет собой не только «академический» интерес, потому что и для современной России проблема привлечения общественных сил и средств к решению социальных задач остается чрезвычайно актуальной. Многое из опыта работы ведомств и комитетов под покровительством Дома Романовых может быть востребовано и в наше время.

- Александр Соколов, Игорь Зимин
  -
  - Введение
  - Благотворительность дома Романовых: мотивация, традиции и организационно-правовые формы
    - «Сбережения отдавала в пользу вдов, сирот, раненых и больных…»
    - Благотворительные ведомства и комитеты под покровительством Дома Романовых
  - Помощь бедным в контексте социальной политики Романовых
    - Попечение о «сирых и убогих» в Московском царстве и Российской империи с XVI до конца XIX вв.
    - «Будьте милосердны и нравственно, и материально…». Совершенствование системы призрения бедных на рубеже XIX–XX вв. Развитие трудовой помощи
    - Милосердие под грохот орудий. Помощь беженцам и членам семей военнослужащих
  - «Воспитывать полезных обществу граждан…»
    - Питомцы императрицы. Призрение детей и юношества во второй половине XVIII – второй половине XIX вв.
    - «Попечения о преобразовании быта питомцев»

детско-юношеских учреждений призрения на рубеже XIX–XX вв.
- Живущие в безмолвии и мгле
  - Первые опыты призрения слепых в 1880-1890-е гг
  - Совершенствование системы призрения слепых на рубеже XIX–XX вв. Социальная и медицинская помощь глухонемым
- Заключение. Возрождение традиций

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122

- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166

- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210

- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254

- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298

- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342

- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386

- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430

- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474

- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518

- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562

- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606

- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650

- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694

- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738

- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782

- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826

- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870

- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878

Александр Соколов, Игорь Зимин Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора

© Соколов А. Р., Зимин И. В., 2015
© ООО «Рт-СПб», 2015
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Введение

Личная благотворительность в форме традиционной милостыни осуществлялась Романовыми с начала XVII в., однако организованный, системный характер это явление приобрело в только имперский период русской истории. Благотворительность под верховным управлением и с личным участием членов императорской фамилии основывалась на тех же религиозно-нравственных принципах, что и все отечественное благотворение, но имела свои особенности. Она была призвана демонстрировать патерналистское попечение монаршей власти о подданных, однако не сводилась к мероприятиям декларативного характера. В России отсутствовала официальная государственная социальная политика, и, по сути, средством решения этих задач в общегосударственном масштабе являлась организованная благотворительность под покровительством царской семьи и осуществлявшаяся на ее основе социальная помощь.

Организационными формами благотворительности являлись крупные ведомства и комитеты, действовавшие под непосредственным руководством самодержцев, их жен и других членов первой семьи империи.

К XX столетию благотворительные ведомства императорской фамилии стали важнейшим элементом системы социальной поддержки в России. А в начале века к ним добавились новые благотворительные комитеты и общества, в том числе созданные для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. Все благотворительные структуры под покровительством дома Романовых пережили Первую мировую войну и свержение в феврале 1917 г. монархии. Они продолжали действовать при временном правительстве и даже некоторое время при Советской власти, закончив свое существование в конце 1917 – начале 1918 гг.

Благотворительность дома Романовых: мотивация, традиции и организационно-правовые формы

«Сбережения отдавала в пользу вдов, сирот, раненых и больных…»

Присущая самодержавию парадигма персонификации власти, олицетворявшейся монархом, обусловила многие особенности становления и развития благотворительности в России. Фигура монарха, как зримого олицетворения политической, накладывала свой отпечаток на всю юридическую конструкцию самодержавной России. При такой форме правления власть передавалась по прямому наследству (за исключением ситуаций, складывавшихся в результате дворцовых переворотов), и потому определенную роль во внешней и внутренней политике России играла семья императора. В XVII–XVIII вв. эта роль была обусловлена политическими традициями, а с 1796 г. еще и «Учреждением об императорской фамилии». В XIX столетии влияние монаршей семьи на внутреннюю политику возросло в связи с увеличением числа ее членов, а также тем, что самодержцы назначали своих ближайших родственников-мужчин на высшие государственные посты. Представительницы женской половины традиционно покровительствовали благотворительности.

В XVII столетии, когда Романовы пришли к власти, правовое положение царя и членов его семьи не устанавливалось специальным законом. В XVIII в. решение стоявших перед Россией исторических задач потребовало укрепления и четкого законодательного определения личного статуса монарха и его властных функций. Формулировка, впервые определявшая характер самодержавия в стране, содержится не в отдельном законодательном акте, а в артикулах Устава воинского, принятого в 1716 г. И это не случайно, поскольку армия была важнейшей опорой российского абсолютизма, а воинская иерархия и дисциплина наиболее полно воплощали дух самодержавия.

В Артикуле 20 главы III «О команде, предпочтении и почитании высших и нижних офицеров и о послушании рядовых» говорится: «Кто против Его Величества особы хулительными словами погрешит, Его действо, намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением головы казнен»[1]. Суровость наказания объясняется в Толковании к Артикулу, которое дает определение самодержавной власти: «Ибо Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и

благонамерению управлять»[2]. Эти полномочия также имели ближайшие родственники государя. В толковании уточняется: «И яко же о Его Величестве самом в оном Артикуле помянуто, разумеется тако и о Ее Величестве Царской супруги, и Его Государства наследии»[3]. Приблизительно так же определялся характер монаршей власти в Духовном регламенте, принятом в 1721 г.

В 1722 г. Петр I «Уставом о наследовании престола» отменил фактически являвшуюся законом традицию, согласно которой власть переходила к старшему сыну монарха. После череды дворцовых переворотов, Павел I законодательно определил статус монарха, порядок передачи престола и состав императорской семьи. Два закона были изданы 5 апреля 1797 г.: «О священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти» и «Учреждение об императорской фамилии». Первый определял статус и полномочия монарха. Статья I этого акта подчеркивает неограниченный и сакральный характер самодержавной власти: «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти, не токмо за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает»[4]. Принимая этот закон, Павел, в первую очередь, стремился уберечь свою власть и государство от заговоров и смут. Хотя сам он погиб в результате дворцового переворота, законы, посвященные самодержцу и его семье, просуществовали почти без изменений до свержения монархии в России.

Принадлежность к императорской семье также устанавливалась Учреждением об императорской фамилии. Особенно почетным было положение вдовствующей императрицы. «она, – сказано в Учреждении об императорской фамилии, – сохраняя все свои прежние преимущества, имеет председание перед супругой царствующего императора»[5]. Вдовствующая императрица имела право держать свой собственный двор. Титулами вдовствующих императриц долгое время пользовались две Марии Федоровны – супруги императоров Павла I и Александра III. Недолго – супруга Александра I Елизавета Алексеевна и жена Николая I – Александра Федоровна.

Очень важной является четвертая часть Учреждения – «О содержании членов императорского дома». На это выделялись весьма значительные суммы. Императрица получала 600 тыс. руб. в год помимо средств на содержание двора. Такое обеспечение она сохраняла за собой и будучи вдовствующей. В случае ее отъезда за границу на постоянное место жительства сумма выплат сокращалась наполовину[6].

Учреждение об императорской фамилии просуществовало в

неизменном виде до 1886 г., когда Александр III внес в него некоторые коррективы. Они касались изменения титулов, сокращения выплат членам императорской семьи и круга лиц, пользовавшихся ими.

Создание в России выборного всесословного законодательного органа – Государственной думы, придание Госсовету функции верхней палаты парламента потребовали корректировки закона о статусе монарха. В 1906 г. вышла новая редакция основных государственных законов. Характер самодержавной власти в них определяется, по существу, как и прежде. Статья 4 главы 1 «о существе верховной самодержавной власти» гласит: «императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»[7]. Следующая статья напоминает: «особа государя императора священна и неприкосновенна»[8].

Эти формулировки не были только данью традиции. Закон отражал порядок, при котором самодержавие сохраняло за собой многие прерогативы. Монарх руководил вооруженными силами и внешней политикой. Из ведения думы был изъят ряд статей государственного бюджета, а также дела, касавшиеся ведомств и учреждений, «на особых основаниях управляемых». К их числу относились благотворительные ведомства и комитеты дома Романовых. Однако монарх должен был считаться с законодательной властью. В статье 7-й названной главы разъясняется: «государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думой»[9] (соответственно, верхней и нижней палатами парламента).

Несмотря на некоторое сокращение, произведенное Александром III, средства, поступавшие на содержание августейшего семейства, были огромны. Эти средства были выведены из хозяйственной жизни страны. О том, чтобы платить с них налоги, не могло быть и речи. Министерство императорского двора, в которое входили уделы и кабинет (с 1893 г. – Министерство императорского двора и уделов), фактически являлось «государством в государстве», работавшим исключительно в интересах первой семьи империи. Благотворительные отчисления из указанных сумм, осуществлявшиеся императорами, их супругами и прочими членами царской семьи, были обусловлены традициями и осуществлялись в форме личных пожертвований.

Законы, регламентировавшие полномочия монарха, порядок престолонаследия, права и обязанности родственников по

отношению к государю, являлись основой юридической конструкции самодержавия. В вышедшем при Николае I своде законов российской империи закон о священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти и Учреждение об императорской фамилии составляют соответственно первый и второй разделы части первой основных государственных законов. Самодержец являлся главой семьи и главой государства, защитником и покровителем православной веры, источником закона, центральным элементом политической системы абсолютизма. С его фигурой неразделимо были связаны социально-политические представления о власти всех сословий российского общества. Поэтому личный авторитет монарха и членов его семейства, которое насчитывало к началу XX в. до 60 человек[10], был политическим капиталом, тщательно оберегаемым и всячески умножаемым. Этому служила и традиция покровительства благотворительности со стороны дома Романовых, включавшая непосредственное участие в благотворении членов императорской фамилии.

Необходимо отметить, что, кроме императора и наследника, готовившегося к выполнению монарших обязанностей, остальные члены августейшего семейства не обязаны были выполнять какие-либо обусловленные законодательством государственные и общественные функции. Их занятия определялись сложившейся в XIX столетии традицией, согласно которой мужчины занимали военные и административные должности, а женщины покровительствовали благотворительности и просвещению.

Сегодня нет нужды опровергать категорическое утверждение, продиктованное советской идеологией, что все Романовы были «жадными и праздными тунеядцами»[11]. Романовы, конечно, были очень разными, но в императорской семье было немало умных, образованных, безупречных в нравственном отношении людей, которые ответственно относились к возложенным на них обязанностям. Правда, во многих случаях занятия членов императорской фамилии носили представительский характер и приносили мало пользы. Хуже было, когда личные качества, интеллектуальные и организаторские способности августейших особ явно не соответствовали занимаемым ими важным государственным постам. Примерами могут служить деятельность великого князя Сергея Александровича на посту генерал-губернатора Москвы и руководство Морским министерством со стороны великого князя Алексея Александровича. Но это был «врожденный» порок монархической системы правления.

В XIX столетии окончательно определился род занятий женской половины императорской фамилии. Бурный XVIII в., на

протяжении которого женщины четыре раза занимали российский престол, ушел в прошлое. Государственная власть стала уделом мужчин, а высочайшие особы женского пола нашли применение своим силам в покровительстве благотворительности. Начало этому положила супруга Павла I Мария Федоровна (София-Доротея Вюртембергская), взявшая под свое личное руководство и покровительство основанные Екатериной II благотворительные учреждения призрения. В дополнение к ним Мария Федоровна создала целый комплекс учебно-воспитательных, медицинских и богаделенных благотворительных организаций, названный позднее в ее честь «ведомством учреждений императрицы Марии».

Покровительство благотворительности, являвшееся выражением личных качеств Марии Федоровны, еще при ее жизни стало устойчивой традицией, которой следовало большинство членов императорской фамилии. В России участие обладателей верховной монархической власти в делах благотворения имело глубокие исторические корни.

С утверждением на Руси христианства милосердие, забота о сиротах, детях, немощных стали важной составляющей образа доброго, справедливого и мудрого правителя, частью, говоря современным языком, его политического имиджа. В относящемся к XI в. «слове о законе и Благодати» Иллариона, автор, прославляя князя Владимира, восклицает: «…кто поведает нам о многих твоих милостынях и щедротах, творимых денно и нощно убогим, сиротам, больным, должникам и всем, просящим о милости»[12]. Подчеркивается цель этой деятельности: «твои щедроты и милостыни и поныне вспоминаются людьми, но еще выше они перед Богом и ангелом его…»[13]. Эту цель благотворители на Руси преследовали в течение веков.

Характеризуя средневековую русскую благотворительность, В. О. Ключевский, в частности, замечает: «Любовь к ближнему полагали, прежде всего, в подвиге сострадания к страждущему, ее первым требованием признавали личную милостыню. Такая помощь рассматривалась не как средство облегчить жизнь нуждающимся, а как духовное, нравственное возвышение самого дающего»[14]. Богоугодным делом считалась не только раздача милостыни, но и призрение на основе благотворительности, которое власть признавала необходимым уже в XVI столетии. Стоглавый собор 1551 г., в частности, постановил создать в городах богадельни для больных и престарелых нищих, которым «боголюбцы могли приносить милостыню и все необходимое для жизни своего ради спасения»[15]. Но это была не практическая попытка создать систему учреждений призрения, а, скорее,

декларация о намерениях. Благотворительность оставалась частным делом, в том числе для носителей верховной власти.

Иногда дореволюционные и современные исследователи рассматривают как благотворительность мероприятия Бориса Годунова и Василия Шуйского по раздаче денег в Москве во время голода. По форме это напоминает благотворение, но, по существу, такие раздачи являлись скоротечными акциями, призванными снять социальное и политическое напряжение в столице.

Конный портрет царя Алексея Михайловича. Неизвестный художник. 1670–1680-е гг.

Классический пример частной благотворительности русского государя – поведение царя Алексея Михайловича, которое было, по словам того же В. О. Ключевского, «дополнительным актом церковного богослужения, практическим требованием правила,

что вера без дела мертва»[16]. В дни религиозных праздников Алексей Михайлович лично раздавал милостыню продуктами и деньгами нищим и даже заключенным. Это являлось, прежде всего, выражением его личных качеств. «Царь Алексей Михайлович, – отмечает Ключевский, – был добрейший русский человек, славная русская душа. Он любил людей и желал им всякого добра»[17].

Современные историки видят и другие истоки такой благотворительности. Например, И. Я. Фроянов полагает, в частности, что она «указывает не просто на нищелюбие русских самодержцев, а свидетельствует об их попечительстве, обращенном к бедным»[18]. Но это попечительство скорее было выражением тех же личных качеств и следованием патерналистской традиции, чем результатом осмысления социальных проблем. В средние века в сознании народа «главнейшими качествами идеала „истинного царя“ были защита народа от бояр и воевод, милостивое отношение к простым людям, верность православным традициям и заветам»[19]. В императорскую эпоху, когда действовали благотворительные ведомства под покровительством дома Романовых, оказываемая ими помощь облекалась именно в форму патерналистской заботы монаршей власти о подданных.

И в Средневековье, и в имперский период такой подход власти к благотворению отвечал религиозным идеалам русского народа и сакрализации монаршей власти. Возвращаясь к Алексею Михайловичу, отметим, что сведений об осуществлении каких-либо организованных мероприятий в области благотворительности и призрения в его царствование не имеется. Отчасти к подобным деяниям можно отнести выкуп пленных, о котором говорится в главе восьмой соборного уложения 1649 г. Он признается обязанностью государства. Для его осуществления с населения взимался налог. Но выкуп считался таким же богоугодным делом, как раздача милостыни. За это, говорится в Уложении, «общая милостыня нарицается, а благочестивому Царю и всем православным христианам за это великая мзда от Бога будет»[20].

Царь Федор Алексеевич. Гравировальный портрет XVIII в.

Первые сведения о попытках организовать призрение относятся ко времени правления царя Федора Алексеевича. При нем в 1682 г. был издан указ об открытии в Москве приютов и богаделен. Однако никаких конкретных сведений о деятельности этих учреждений не имеется. Больше известно о том, как пытался организовать благотворительность и призрение Петр I. Как и его предшественники на престоле, Петр считал себя не просто правителем, а покровителем и защитником всех своих подданных. Однако это не находило выражения в его личной благотворительности. Он стремился регламентировать ее и поставить под контроль государства, на которое он смотрел как на военный корабль – «символ организованной, рассчитанной до дюйма структуры, воплощение человеческой мысли, сложного движения по воле разума человека»[21]. На корабле не следовало находиться лишним людям. Дворянину надо было служить, священнику – молиться, купцу – торговать, крестьянину – пахать. Просящим милостыню места не было. Больным и немощным должно было находиться в богадельнях. Здоровых, которые не

служили и не трудились, Петр требовал наказывать и определять в работу. Бродяжничество и попрошайничество жестоко преследовалось. Запрещалось как просить, так и подавать милостыню на улицах.

В принципе Петр не был против того, чтобы частные лица творили добро. Он лишь стремился упорядочить такую помощь, чтобы не плодить профессиональных попрошаек. В одном из указов царь требовал «милостыни отнюдь не давать; а ежели кто похочет дать милостыню: и им отсылать в богадельню; а буде которые люди станут таким нищим милостыню подавать, имать у них штрафу, первый (раз. – *Прим. авт.*) по 5, другой по 10 рублей»[22].

Борьба с нищенством была поручена полицейским властям. Однако репрессивные меры, широко применявшиеся Петром для искоренения нищенства, были малоуспешны. Об этом свидетельствуют несколько десятков указов, посвященных этой проблеме. Только в 1710 г. Подобных документов вышло пять[23]. Попытки Петра создать сколько-нибудь организованное государственное призрение также не увенчались успехом. Для этого у него не было ни времени, ни средств.

Екатерина II – законодательница в храме богини Правосудия. Художник Д. Г. Левицкий. 1798 г.

Трудно согласиться с мнением некоторых исследователей благотворительности, утверждающих, что «при Петре законодательство стало на верный путь общественного призрения бедных»[24]. Но положительным моментом в подходе Петра к вопросам призрения было то, что заботу о сиротах, а также об инвалидах и немощных, отслуживших государству, он признавал обязанностью таких государственных институтов, как монастыри. При преемниках Петра в первой половине XVIII в. ситуация в области благотворительности и призрения принципиально не менялась.

Печать Императорского воспитательного дома

Непосредственное внимание верховной власти к благотворительности и призрению на ее основе возрождается во второй половине XVIII столетия. Екатерина II, вступив на престол, вскоре провозгласила: «Призрение бедным и попечение о умножении полезных обществу жителей суть две верховные должности каждого боголюбивого правителя»[25]. Так императрица определила свое отношение к проекту воспитательного дома, разработанному и представленному ей государственным деятелем и просветителем И. И. Бецким. Воспитательный дом мыслился как благотворительное учреждение призрения для подкидышей и сирот. Бецкой также был разработчиком проекта воспитательного общества благородных девиц – закрытого учебно-воспитательного заведения для девушек дворянского происхождения. Созданные императрицей воспитательные дома в Москве и Петербурге и воспитательное общество благородных девиц (иначе – Смольный институт) пользовались ее постоянным вниманием. Руководствуясь идеями просвещения, Екатерина в то же время по существу возродила древнюю российскую традицию покровительства благотворительности и участия в ней правителей государства. Это полностью укладывалось в сознательно культивировавшийся императрицей образ гуманного и просвещенного монарха, «философа на троне» и «боголюбивого правителя». Но речь шла уже не только о демонстрации личного милосердия, а о создании на основе благотворительности

организованной социальной помощи в виде учреждений призрения.

Учреждение Воспитательного дома императрицей Екатериной II. Гравюра XIX в.

Покровительствуя благотворительности, Екатерина не объявляла призрение прямой обязанностью государства. Чтобы не обременять казну, она решила создать и содержать воспитательные дома «на едином самоизвольном подаянии от публики»[26]. Образованные в 1775 г. учреждением о губерниях приказы общественного призрения были органами государственной власти, но имели право привлекать благотворительные пожертвования. Эти средства поступали и в Смольный институт, хотя при Екатерине он содержался, главным образом, за счет казны.

Таким образом, в екатерининское время начал формироваться системный подход к благотворительности, использовавшейся не только для достижения властью политических и идеологических целей, но и для финансирования призрения.

Существовало и еще одно обстоятельство, заставлявшее Екатерину лично заниматься вопросами благотворительности и

призрения. На него указывал Бецкой, представляя императрице в 1764 г. доклад «о воспитании юношества обоего пола». Социальная помощь этой категории неотделима от процесса воспитания, поэтому слова Бецкого вполне можно отнести и к призрению. Дело воспитания юношества чрезвычайно трудное, рассуждает Бецкой, обращаясь к императрице, поэтому оно «не имеет к тому иного поощрения, кроме обитающих в особе вашего величества Божественных дарований и матерняго (материнского. – *Прим. авт.*) благоутробия и при всей тягости государственного управления не находит иного подкрепления кроме вашей твердости и великодушия»[27]. Высоким стилем Бецкой излагает простую мысль – без постоянного и непосредственного внимания государыни дело не пойдет. Основания так рассуждать у Бецкого имелись. Реформами Петра I был создан достаточно эффективный для того времени государственно-бюрократический аппарат, который, так или иначе, работал все XVIII столетие. Но организация благотворительности и призрения являлась совершенно новым (если не считать спорадических попыток Петра I) и очень сложным делом.

Итак, при Екатерине II бы ли заложены принципы, на которых впоследствии развивались благотворительные учреждения призрения под покровительством дома Романовых: демонстрация заботы монаршей власти о подданных; придание этим учреждениям государственного характера, но исключение их из общей системы государственных органов империи; финансирование, как на основе благотворительности, так и с использованием казенных средств.

Императрица Мария Федоровна. Гравировальный портрет начала XIX в.

Несмотря на высочайшее внимание, созданные Екатериной благотворительные учреждения к концу ее правления пришли в полное расстройство (как и многие другие начинания).

Фактическое возрождение и дальнейшее развитие этих учреждений связано с именем императрицы, супруги (и вдовы) Павла I Марии Федоровны, создавшей целую систему учреждений призрения, действовавших на благотворительной основе.

Благотворение в то время по-прежнему рассматривалось как доброе дело, направленное на помощь бедным и нищим, как средство спасения души творящего добро. Но оно стало необходимым элементом призрения, социальной политики. Это нашло свое выражение в сосредоточении благотворительности под покровительством дома Романовых в особых ведомствах, куда вошли как екатерининские учреждения призрения, так и вновь созданные в конце XVIII – начале XIX вв.

С этого времени вплоть до свержения монархии число

благотворительных ведомств, комитетов и обществ, подчинявшихся непосредственно монарху и членам его семьи, постоянно возрастало. Для понимания роли и места этих организаций, как инструментов социальной политики, следует определить, что такое благотворительность, как она рассматривалась в России в разное время, что понимали под этим термином на рубеже XIX–XX вв., как благотворительность рассматривается в наше время, какова ее связь с призрением.

В зависимости от целей, задач и традиций благотворения на разных этапах истории страны, уровня развития государственных и общественных институтов, сословных представлений благотворительность понималась в России по-разному. «спросите, что значит делать добро ближнему и, возможно, что получите столько ответов, сколько у вас собеседников, – отмечал В. О. Ключевский, посвятивший благотворительности специальное исследование „добрые люди Древней Руси“. – но поставьте их прямо пред несчастным случаем, пред страдающим человеком с вопросом, что делать – и все будут готовы помочь, кто чем может»[28].

В самом широком смысле благотворительность понималась и понимается как оказание бескорыстной, добровольной помощи в чем-то нуждающемуся. В средневековой Руси, как отмечалось, она рассматривалась, главным образом, как средство спасения души подающего, выполнение христианского долга. Такой подход сохранялся и позже. Но возрастание роли благотворительности как средства оказания социальной помощи, создание действовавших на такой основе обществ и учреждений призрения требовали более точного определения значения этого термина.

В начале XIX в. «словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный» трактовал «благотворение» как «благодеяние, оказывание добра другому»[29]. Это определение не указывает именно на социальный характер помощи. Но в том же словаре приводится часто использовавшийся термин «призирать», «призреть», то есть «принимать о ком попечение, брать кого в свое покровительство, благодетельствовать кому»[30]. В данном определении прослеживается социальный характер оказания помощи.

В начале XIX столетия начал использоваться и термин «общественное призрение». В изданном в 1818 г. Министерством внутренних дел сборнике материалов «Об общественном призрении в России» оно определяется как «устроение пристанища для бедных, больных, вдов и сирот, доставление им и всем нуждающимся пропитания, покрова, пособия и вообще призрения»[31].

До конца XIX в. четкого различия между благотворительностью и общественным призрением не прослеживается. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, впервые выпущенном в 1861–1867 гг., указано: «Благотворительный о человеке: склонный к благотворению», то есть «готовый делать добро, помогать бедным»[32]. Даль упоминает и о благотворительном «учреждении, заведении: устроенном для призрения дряхлых, увечных, хворых, неимущих или ради попечения о них»[33]. «Призирать», или «призревать, призреть, призрить», у Даля означает: «Принять, приютить и пристроить, дать приют и пропитание, взять под покров свой и озаботиться нуждами ближнего»[34]. Так В. И. Даль указывает на социальное значение благотворительности, отдельно упоминая о призрении.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона благотворительность объясняется как «проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему»[35]. В статье «Благотворительность», содержащей это определение, имеется также термин «призрение», но лишь как синоним благотворительности. Однако «призрение общественное» характеризуется в словаре иначе. Оно представлено как разновидность благотворительной деятельности, как «культурная форма благотворительности»[36]. В противоположность стихийному благотворению, исходящему от индивидуума, не поддающемуся организации и не всегда направленному на тех, кто действительно в нем нуждается, общественное призрение трактуется как отличающееся «организацией, мотивами и целями»[37]. В статье «Призрение общественное» подчеркивается: «организация в общественном призрении проявляется двояким способом: по отношению к получающим помощь и к оказывающим ее»[38]. Общественное призрение рассматривается как задача общины, земской единицы. Соответственно главной мотивацией призрения является «сознание гражданской солидарности между членами общины, общественный интерес, забота правительства о благе населения»[39], однако, не уточняется, что в общественном призрении является функцией общества и что государства. В статье «Россия», в разделе «общественное призрение и благотворительность», также не указано, каковы принципиальные различия между этими понятиями.

Дореволюционное российское законодательство тоже не устанавливает четкого различия между благотворительностью и призрением и даже не дает их подробного определения. Последняя (1915 г.) редакция «Устава о общественном

призрении», содержащегося в своде законов российской империи, включает «Учреждение установлений общественного призрения и заведений, императору подведомственных», в котором говорится о благотворительном характере этих установлений и заведений. «Учреждение» включает закон «о благотворительных обществах, заведениях и кассах, о кассах взаимопомощи и о пособиях и ссудах по разным случаям». Как видно, законодательство отдает приоритет общественному призрению и понимает его более широко, чем благотворительность.

Отсутствие четких определений в законодательстве объясняется тем, что в российской империи не было единой, общегосударственной, официальной системы социальной помощи. Действовали многочисленные, но разрозненные организации благотворительного характера, а также государственные структуры, призванные координировать их работу.

Недостатки этой системы стали особенно очевидны к концу XIX в., когда бурное развитие капиталистических отношений привело к обострению прежних и появлению новых социальных проблем. К этому времени российская благотворительность накопила огромный опыт, а власть позволила публично обсуждать в допустимых границах социальные вопросы. Видя инерцию государства в области совершенствования системы социальной помощи, общественность, мало рассчитывая на то, что оно возьмет на себя инициативу в этой области, активно обсуждала и предлагала различные проекты реорганизации призрения. При всем разнообразии высказывавшихся идей, общей мыслью была необходимость выработки общегосударственной социальной политики, в реализации которой наряду с официальными структурами участвовали бы и широкие слои общественности.

В этой связи для теоретиков и практиков благотворительности важно было установить, что в области социальной политики является функцией государства, а что задачей общественных организаций и частных лиц. Это, в свою очередь, требовало уточнения понятий, в том числе того, что же следует понимать под благотворительностью и призрением. Например, П. Н. Георгиевский выделял частную, общественную и государственную деятельность в социальной сфере. Благотворительность он рассматривал как область общественной и частной работы. Однако общественность, по его мнению, не могла заменить государство, которое «должно было охранять правовой порядок, так как неимущие, голодающие всегда являются угрозой спокойному существованию и развитию

общества»[40]. Задача государства – общественное призрение, состоявшее в том, чтобы не позволять никому из граждан умереть от голода и лишений. Государство должно было вмешиваться там, где частной и общественной инициативы не хватало для решения социальных задач. Георгиевский полагал, что государству следует поручить контроль и координацию деятельности благотворителей «скорее в форме побуждения, чем приказания»[41].

В том же направлении рассуждал и Е. Д. Максимов. Благотворительность, по его мнению, являлась сферой деятельности частных лиц и их объединений. Задача государства – оказание помощи благотворителям в тех случаях, когда они, помогая нуждающимся, не могли обойтись своими средствами. «таким путем, – рассуждает Максимов, – из соединения частной благотворительности и общественного призрения как отрасли государственного у правления возникает идея организованного общественного попечения о бедных»[42].

Подобные суждения высказывали и другие исследователи, теоретики и организаторы благотворительности.

В ряде случаев субъектом благотворительности представлялось государство. В 1901 г. вышел первый том официозного издания «Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России». Как видно из названия, составители полагали, что существует «государственная благотворительность». При этом в книге отсутствуют указания на различия между упомянутыми видами благотворительности. Можно предположить, что под государственной благотворительностью понимались приказы общественного призрения и благотворительные заведения министерств и прочих государственных ведомств. Это издание – подтверждение того, что в высших эшелонах государственной власти отсутствовало четкое понимание того, что в области призрения является задачей государства и что – задачей общественной и частной благотворительности.

К концу XIX столетия сложилось более или менее общее понимание благотворительности как деятельности частных лиц либо сословных, профессиональных, религиозных, территориальных и прочих негосударственных объединений и организаций по оказанию добровольной, бескорыстной помощи нуждающимся. Общественное призрение рассматривалось, как правило, в качестве общегосударственной задачи. Но четкого различия в понимании благотворительности и призрения не было. Объяснение этому можно найти в докладе К. И. Ануфриева «основы обязательного призрения бедных», сделанном на съезде по общественному призрению, состоявшемся в мае 1914 г.

в Петербурге. Докладчик отмечал, что «основой дела призрения в России до сего времени являлась частная благотворительность, традиции которой невольно передаются организациям, имеющим общественный характер, настолько, что даже самое понятие об общественном призрении у большинства деятелей на этом поприще отождествляется с понятием о благотворительности»[43]. В действительности, подчеркивает Ануфриев, разница между благотворительностью и общественным призрением велика. Благотворительность «может делать в пределах своих средств все, в основу чего заложено чувство благодеяния к более слабому»[44]. Но благотворительность, заключает Ануфриев, «не может быть положена в основу общественного призрения, так как является слишком неустойчивым и самобытным элементом, рассчитывать на который, как на нечто постоянное, правильное совершенно невозможно»[45]. С такой оценкой можно согласиться. В дореволюционной России, однако, почти все учреждения призрения традиционно назывались благотворительными. До революции 1917 г. Власть так и не провела черту между благотворительностью и общественным призрением.

В советское время благотворительность характеризовалась как политика буржуазии, маскирующая эксплуатацию трудящихся и отвлекающая их от классовой борьбы. Во втором издании Большой советской энциклопедии, выпущенном в 1949–1958 гг., в статье «Благотворительность» дается такое определение: «Благотворительность – помощь, лицемерно оказываемая представителями господствующих классов эксплуататорского общества части неимущего населения с целью обмана трудящихся и отвлечения их от классовой борьбы»[46]. Утверждается, что, несмотря на это, «капитализм обрекает трудящихся на разорение и вымирание»[47]. Разъясняется, почему при социализме не может быть благотворительности: «социалистический строй ликвидировал нужду, нищету и безработицу»[48]. Решение всех социальных задач взяло на себя государство, поэтому частная и общественная инициатива в социальной сфере не требовалась.

Подобным образом в советское время трактовался и термин «филантропия». В «Словаре иностранных слов», вышедшем в 1955 г., это слово переводится как «человеколюбие», «благотворительность» и определяется, как «одно из средств буржуазии маскировать свой паразитизм и свою эксплуататорскую сущность посредством лицемерной, унизительной „помощи бедным“ в целях отвлечения их от классовой борьбы»[49].

Общественно-политические перемены в СССР на рубеже 1980–1990-х гг. позволили приступить к изучению проблем

отечественной истории, исследования по которым ранее не были возможны. В их числе была и история российской благотворительности. С распадом Советского Союза и ликвидацией советской политической и экономической системы оказалась разрушенной прежняя система социального обеспечения. Создание новой, соответствующей реалиям рыночной экономики, сопровождалось большими сложностями.

Немало проблем в социальной сфере имеется и сейчас. Этим тоже обусловлен научный и практический интерес к истории российской благотворительности. Соответственно, современные исследователи обращаются к той терминологии в области благотворительности и призрения, которая выработалась до революции. При этом допускается очень широкая трактовка этих понятий.

Не вызывает сомнений оценка благотворения как частной или общественной деятельности. Но встречаются и такие определения, как «народная благотворительность» и «государственная благотворительность». Первая, по мнению некоторых исследователей, заключалась в том, что «даже небогатый русский мужик давал приют и делил свою, иногда скудную пищу с обездоленным… поминки, крестины или другие торжественные дни всегда отмечались раздачей милостыни»[50]. В данном случае речь идет о разновидности частной благотворительности, самой распространенной и широко описанной в исторической литературе. О «государственной благотворительности» современные исследователи упоминают, как правило, в связи с реформами Петра I. Например, И. Я. Фроянов полагает, что «Петр I отдавал предпочтение государственной благотворительности перед индивидуальной милостыней»[51]. Но этот же автор отмечает, что Петр «вооружился против частной милостыни во имя общественной благотворительности как учреждения, как системы богоугодных заведений»[52].

Петр, как известно, не запрещал частную благотворительность в принципе, а только стремился направить ее для оказания помощи находившимся в государственных учреждениях – богадельнях и монастырях. Поэтому в данном случае речь может идти о попытках Петра организовать государственный контроль над благотворительностью, но никак не о замене частной благотворительности «общественной» или «государственной».

О роли государства в этой сфере упоминается и в энциклопедии «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года». В первом томе в статье

«Благотворительность» дается такое определение: «Благотворительность, помощь нуждающимся со стороны общественных организаций, государственных учреждений, церкви и частных лиц (общественное и частное призрение)»[53]. Четкого разделения между благотворительностью и призрением в статье нет, но авторы различают побудительные мотивы. Если личная и общественная благотворительность, по их мнению, вызывалась в дореволюционной России «состраданием, сознанием гражданской солидарности между членами общества, нравственными воззрениями, патриотизмом, желанием получить признательность со стороны правительства, которое поощряло благотворительность», то заинтересованность государства состояла в стремлении «устранить социальную опасность, источником которой было нуждающееся население»[54]. Характеристика благотворительной деятельности как государственной вызывает сомнение, поскольку функция государства состоит в поддержании социального порядка, в том числе путем оказания помощи всем нуждающимся, а не выборочно, как это делали и делают благотворители. Благотворительность не может полностью заменить государство в социальной сфере, поскольку у них разные задачи. В дореволюционной России государство сознательно поощряло благотворительность, если не могло или не желало брать на себя ответственность за призрение подданных. Поэтому помощь нуждающимся со стороны государства традиционно воспринималась как благотворительность, а в ряде случаев сознательно облекалась в форму заботы монаршей власти о подданных, осуществлявшейся на основе организованной благотворительности с привлечением государства. Некоторые современные исследователи выбирают более верную характеристику, подчеркивая, что со времен Петра I благотворительность сделалась «общегосударственной проблемой»[55].

В новейшей отечественной историографии четкая граница между благотворительностью и другими формами социальной поддержки была установлена в диссертационном исследовании Г. Н. Ульяновой «Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914 г.». Автор отмечает, что «термин „призрение“ („общественное призрение“) применяется ко всей сфере, связанной с социальной реабилитацией основных категорий населения, нуждающихся в помощи»[56], подчеркивая, что «понятие «благотворительность» не совпадает целиком с «общественным призрением», ибо не включает государственный уровень реализации программ социальной реабилитации»[57].

Обстоятельная характеристика благотворительности дается в социальной энциклопедии, вышедшей в 2000 г. Благотворительность рассматривается как «общечеловеческое движение, включающее совокупность гуманитарных действий отдельного человека, организаций, обществ и так далее. В их основе – стремление проявить любовь не только к ближнему, но и к незнакомому человеку, оказать безвозмездную материальную, финансовую помощь нуждающимся и социально незащищенным гражданам»[58]. Характер взаимодействия государства и благотворительности определяется следующим образом: «Благотворительность призвана восполнить или дополнить усилия государства в отношении социальной заботы о людях»[59]. Указывается и на конкретные направления такой работы. К их числу относится «поддержка программ общественно важных форм деятельности (борьба с опасными заболеваниями, охрана окружающей среды, развитие науки, образования, здравоохранения, культуры и т. д.)»[60].

В современной России благотворительность вновь получила признание как важнейшая форма общественной деятельности, требующая ее законодательной регламентации. 11 августа 1995 г. принят федеральный закон № 135-Фз «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», в котором дается следующее определение: «Под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки»[61].

Несмотря на широкое развитие благотворительности в дореволюционной России, юридический статус благотворителей не был определен общим законодательством. В законоположениях отдельных благотворительных ведомств, обществ и учреждений говорилось только об участии благотворителей в управлении этими структурами или о предоставлявшихся императором привилегиях. Современный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» четко определяет: благотворители – это «лица, осуществляющие благотворительные пожертвования в формах: бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передачи в собственность имущества, в том числе денежных средств и (или) объектов интеллектуальной собственности; бескорыстного (безвозмездного или на льготных условиях) наделения правами владения, пользования и распоряжения

любыми объектами прав собственности; бескорыстного (безвозмездного или на льготных условиях) выполнения работ, предоставления услуг благотворителями – юридическими лицами»[62]. Закон указывает также, что благотворители сами могут определять цели и порядок использования своих пожертвований.

Кроме благотворителей, бескорыстную помощь могут оказывать и добровольцы, то есть «граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации»[63]. Закон устанавливает взаимоотношения государства и благотворительных организаций. Разумеется, и речи не может идти о том, чтобы государство облекало социальную помощь в форму благотворительности, как это было в дореволюционной России. Государством лишь «гарантируется и обеспечивается защита предусмотренных законодательством российской Федерации прав и законных интересов граждан и юридических лиц – участников благотворительной деятельности. В некоторых случаях определения благотворительности включают ее мотивацию. Например, в социальной энциклопедии отмечается, что «в основе благотворительности лежит мотивация людей, испытывающих сострадание к людям, потребность во взаимной поддержке и помощи»[64].

Воплощение этой мотивации в акт благотворения иногда сопровождается условиями, установленными религиозной традицией и общественным мнением. Христианство, в частности, требует скромного и тихого подаяния милостыни. В новом завете рекомендуется, творя милостыню, «не трубить перед собой» ради своего прославления. В данном случае христианское вероучение исходит из того, что милостыня важна не для окружающих, а для самого дающего, как средство индивидуального духовного самовоспитания. И, чтобы оно было действенным, милостыня должна быть искренней, а не показной. Однако для человека важна общественная оценка его деятельности, которая становится все более значимой с развитием государственных и общественных институтов. Уже во времена Киевской Руси подаяние было в ряду поощряемых обществом добродетелей, оценка окружающих стала важна для благотворителя, особенно если он занимал видное положение. Кроме того, дающий милостыню побуждал своим примером делать добро других.

Развитие государственных и общественных институтов влияло и на формирование стимулов к благотворительной деятельности. Религиозно-нравственные стимулы наиболее

последовательно проявлялись в помощи людям своего социального круга, сословия. Такая позиция учитывалась и российским законодательством, закреплявшим обязанности по призрению нуждающихся за сословными органами управления – крестьянской общиной, мещанскими и купеческими обществами. Так проявлялись не только религиозно-нравственные, но и социальные истоки. Благотворители стремились оказывать реальную социальную помощь в первую очередь людям своего круга.

Если для того или иного сословия или общественной группы благотворительность как средство решения социальных задач имела единичный или локальный характер, то в общегосударственном масштабе ее значение неизмеримо возрастало.

Благотворительность расценивалась властью как важный инструмент решения социальных проблем еще, по крайней мере, с XVI в. в императорской России практически вся социальная политика государства строилась на благотворительной основе и посильное участие в столь важной сфере всячески стимулировалась властью. Для благотворителей, жертвовавших на призрение, социальные стимулы играли не меньшую роль, чем религиозно-нравственные.

Мероприятия власти по организации призрения на благотворительной основе были направлены на обеспечение политического спокойствия в империи. Эта задача решалась, в том числе, и благотворительными ведомствами под покровительством дома Романовых. В России, государстве с монархической формой правления и патриархальными представлениями о царе, как защитнике бедных и слабых, высочайшее покровительство благотворительности решало политическую задачу. Следовательно, еще одним стимулом российской благотворительности был политический, выражавшийся в стремлении власти и определенной части общества сохранить стабильность в стране и поддержать авторитет монархии.

Чтобы обеспечивать бесперебойное функционирование и развитие учреждений призрения на основе благотворительности, необходимо было активно вовлекать в нее подданных. Власть различными способами поощряла благотворительность. Жертвователи могли рассчитывать на ордена, медали и почетные знаки, на присвоение их имен благотворительным заведениям, капиталам, стипендиям. Лица, жертвовавшие заведениям и обществам Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества, могли, кроме того,

рассчитывать на чины и ведомственные мундиры. Чины и мундиры также предоставлялись тем, кто безвозмездно служил в упомянутых ведомствах. Благотворительная деятельность могла послужить средством к общественному признанию для того, чтобы, например, пройти по выборам в земство или стать предводителем дворянства. Благотворительный бал или вечер помогал организатору познакомиться с «нужными» людьми из властных структур.

Итак, российскую благотворительность, включая осуществлявшуюся под покровительством дома Романовых, можно охарактеризовать как основанную на религиозно-нравственных, социальных, политических, карьерно-служебных и материальных стимулах, поощрявшуюся государством и императорской властью добровольную, инициативную деятельность частных лиц и общественных организаций, направленную на оказание помощи в различных формах тем, кто не мог обеспечить свое существование по социально-экономическим, медицинским и психологическим причинам.

Главной особенностью российской благотворительности являлось то, что она была необходимым и важнейшим элементом общественного призрения. В отличие от благотворительности призрение представляло (и представляет) собой комплекс организационно-правовых, патронажных, медицинских, социально-реабилитационных и учебно-воспитательных мероприятий, направленных на оказание помощи различным категориям нуждающихся в установленном законодательством порядке. Общественным призрение в дореволюционной России называлось не потому, что существовало за счет благотворительных средств общественности, а потому, что рассматривалось как задача всего общества. Государство, при отсутствии социальной политики в современном понимании, не устранялось от призрения. Оно не только поощряло и направляло благотворительность, но и оказывало помощь благотворительным ведомствам, обществам и учреждениям, в первую очередь, состоявшим под покровительством дома Романовых. Оно выражалось в личной благотворительности членов императорской фамилии и в осуществлении ими руководства этими ведомствами, комитетами, их структурными подразделениями и отдельными учреждениями. «собственные средства» членов царской семьи формировались из казенных сумм и доходов с уделов. Поскольку императорская фамилия существовала за счет эксплуатации подданных, благотворительные пожертвования ее членов могут рассматриваться как фактическое перераспределение этих

средств. Но с учетом исторической роли и места императора и его семьи в политической системе самодержавия их пожертвования можно рассматривать как проявление личной благотворительности. В дореволюционной литературе неизменно подчеркивается частный, благотворительный характер пожертвований монархов и их родственников.

Императрица Елизавета Алексеевна. Литография XIX в.

Из представителей императорской фамилии наиболее значительные пожертвования подведомственным учреждениям были сделаны супругой и вдовой Павла I Марией Федоровной. По данным «сборника сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии», вышедшего в трех томах в 1884–1898 гг., по состоянию дел на 1884 г. ее пожертвования исчислялись в 1 241 478 руб. серебром и еще 515 389 руб. ассигнациями[65]. Пожертвования супруги Александра I Елизаветы Алексеевны по исчислению на 1884 г. составляют 1 510 597 руб. ассигнациями[66].

Супруга Николая II Александра Федоровна пожертвовала

Попечительству о домах трудолюбия и работных домах 50 тыс. руб. На библиотеку и 70 тыс. руб. На учреждение премий авторам трудов о благотворительности[67]. Прочие члены женской части монаршей семьи также жертвовали благотворительным заведениям, но не столь значительные суммы.

Следует отметить, что исчисление пожертвований первой четверти XIX в. по состоянию на 1884 г. не искажает приведенных сведений. Россия в те времена переживала инфляцию. Капиталы обесценивались, менялся курс серебряного рубля по отношению к ассигнационному. Ценные бумаги, в которых помещались капиталы, меняли курс.

Императоры и другие представители мужской половины дома Романовых также жертвовали учреждениям императрицы Марии. Николай I даровал Александринскому сиротскому дому 100 тыс. руб. ассигнациями, к 1884 г. составлявших 36 тыс. 516 руб. серебром[68]. Александр II пожертвовал Ведомству детских приютов 70 тысяч рублей для создания эмеритальной (пенсионной. – *Прим. авт.*) кассы[69]. Он же даровал ведомству императрицы Марии один миллион рублей в память скончавшейся супруги[70].

Николай I. Неизвестный художник Копия с ориг. Ф. Крюгера. Середина XIX в.

В отдельных случаях пожертвования членов императорской фамилии играли существенную роль в формировании средств благотворительных заведений. Но в целом капиталы, сформированные из этих средств, составляли небольшую часть от общих сумм, которыми располагали благотворительные ведомства дома Романовых. Капитал только главного управления Ведомства учреждений императрицы Марии составлял к 1884 г. 24 159 521 руб. 77 коп.[71] Крупные средства поступали от монархов Императорскому Человеколюбивому обществу, но по сравнению с прочими благотворительными пожертвованиями XIX – начала XX вв. Эти средства составляли меньшую часть. Больше других пожертвовал Александр I. Начиная с 1816 г. и до конца его правления Человеколюбивое общество всего получило пожертвований на сумму 1 327 950 руб., из них более 600 тыс. руб. поступили от имени императора. В годы правления Николая I это общество получило 9 606 203 руб. пожертвований. Из них около 7 000 000 руб. от различных обществ, учреждений и

частных лиц. Остальные деньги поступили от имени царя. При Александре II Императорскому Человеколюбивому обществу были переданы от имени монарха 2 756 466 руб., тогда как всего поступили 15 086 940 руб. От имени Александра III получено 1 167 105 руб., а общая сумма пожертвований составила 21 362 298 руб.[72]

Невелики были августейшие пожертвования Попечительству о домах трудолюбия и работных домах. По состоянию на 1915 г. средства Попечительства составляли 1 784 990 руб. 86 коп.[73] Императрица Александра Федоровна пожертвовала в общей сложности 120 000 руб.

То, что пожертвования членов дома Романовых составляли существенную, но сравнительно небольшую часть от общего количества пожертвований благотворительным организациям не может рассматриваться как «скупость» или «жадность» августейших особ. Важен был не размер суммы, а сам факт участия монархов и их родственников в богоугодном деле. С одной стороны, это служило укреплению патриархально-патерналистских представлений о самодержавной власти, а с другой, должно было вдохновлять на пожертвования подданных, полагавших, что они делают одно общее дело с первыми лицами страны.

Характер управления благотворительными ведомствами и их структурными подразделениями со стороны членов императорской фамилии был обусловлен как их личными качествами, так и ролью в функционировании имперской государственности на разных этапах ее развития. Часть представителей дома Романовых, занимавших такие посты, выполняла свои обязанности формально, ограничиваясь представительскими функциями. Другие, напротив, реально и эффективно руководили вверенными императорской фамилии благотворительными структурами.

Александр II. Неизвестный художник. Середина XIX в.

Екатерина II активно занималась разработкой законодательных основ деятельности созданных ею благотворительных учреждений призрения, учебно-воспитательных программ воспитательных домов и Смольного института. Императрица часто бывала в Смольном, переписывалась с его воспитанницами. Однако ее интересовало не призрение, а педагогический эксперимент по воспитанию «новой породы людей». Непосредственно в административно-хозяйственные вопросы Екатерина мало вникала.

Мария Федоровна лично руководила подведомственными ей благотворительными учреждениями. Она составляла учебно-воспитательные программы, занималась правовыми, административно-хозяйственными, финансовыми и кадровыми вопросами, связанными с этими учреждениями, входила во все,

даже самые незначительные детали жизни своих учреждений, такие как прием на работу и увольнение учителей, заключение контрактов на поставку продовольствия, восковых свечей и прочее. Добросовестность при выполнении любой работы, методичность и внимание к деталям были чертами ее характера, проявлявшимися с детства. Биограф Марии Федоровны Е. С. Шумигорский отмечает: «Уже одна аккуратность в ведении переписки с родителями при самых тяжелых обстоятельствах домашнего обихода, и чистота черновых тетрадей, в которых первоначально писались, почти без помарок, эти письма, доказывают склонность принцессы к обдуманному, методическому образу действий…»[74]. Другой чертой характера Марии Федоровны была бережливость, хозяйственность. «Без сомнения, расчетливость Марии Федоровны может показаться иногда чересчур мелочной для супруги наследника русского престола, – пишет Шумигорский, – но не надо забывать, что финансовые дела великокняжеской четы… поневоле вынуждали Марию Федоровну быть бережливой на расходы по Павловску…»[75]. Подаренный Екатериной наследнику престола и его супруге Павловск стал местом, где Мария Федоровна осуществляла свои первые благотворительные акции. В частности, под ее руководством делались прививки от оспы, была открыта и содержалась на ее средства школа для детей бедных жителей Павловска. Став императрицей, Мария Федоровна деньги считать не разучилась.

Императрица Мария Федоровна. Литография Ф. Шевалье с картины Дж. Лоу. 1820-е гг.

Четкая организация, порядок и экономность в вопросах организации призрения были обусловлены личными качествами императрицы. Но исходным мотивом ее деятельности были другие личные качества – доброта, человеколюбие, осознание того, что обездоленные подданные требуют поддержки и защиты. Высокие нравственные качества Марии Федоровны неоднократно подчеркивались современниками и биографами. Е. С. Шумигорский, монархист по убеждениям, историограф и

служащий Ведомства императрицы Марии представляет Марию Федоровну как воплощение всех человеческих добродетелей. И она действительно обладала безупречной нравственной репутацией, резко контрастировавшей с нравами эпохи. Личные качества Марии Федоровны никем не ставились под сомнение. Даже такой недоброжелательный и придирчивый мемуарист как Шарль де Массон, подробно описавший нравы императорского двора и правителей России XVIII – начала XIX вв., отмечает: «она не искала уважения этой нации (русских. – *Прим. авт.*), притворно стараясь презирать свою и краснеть за свое происхождение, она заставила себя любить за доброту и уважать – за свои добродетели»[76]. Но лучше всего о заслугах Марии Федоровны свидетельствуют не мемуаристы и официальные биографы, а созданный ею комплекс благотворительных учреждений призрения.

Мария Федоровна является первым настоящим организатором призрения в России. Однако не все современники положительно оценивали ее деятельность. Графиня В. Н. Головина, приближенная ко двору Екатерины и Павла, пишет в своих «мемуарах» о Марии Федоровне: «она полагала, что, помогая несчастным, исчерпывает все свои обязанности благотворения, однако тщеславие, которое часто вредило ей, отравляло и дела ее благотворительности, главным источником которых должно быть доброе сердце»[77]. Возможно, мемуаристка принимала за тщеславие стремление Марии Федоровны придать благотворительности организованный характер. Это вполне могло рассматриваться в придворных аристократических кругах как проявление тщеславия.

Мария Федоровна пережила своего старшего сына Александра I и невестку, императрицу Елизавету Алексеевну, скончавшись в 1828 г. Тогда же комплекс благотворительных учреждений призрения, находившийся под ее управлением, был преобразован в IV отделение собственной его императорского величества канцелярии и назван в честь покровительницы «учреждениями императрицы Марии».

Благотворительность императрицы Марии Федоровны. Гравюра XIX в.

Супруга Николая I Александра Федоровна (Шарлотта-Фредерика Прусская) в роли покровительницы благотворительности ограничивалась только представительством, посещая вместе с супругом женские институты. Николай I интересовался жизнью учреждений императрицы Марии, поскольку стремился лично вникать во все дела государственного управления. Но прежнего внимания к благотворительным учреждениям уже не было. Это стало заметно даже по отношению к самым привилегированным из них – женским институтам. Современники отмечали, что в новое царствование «женские заведения», пользовавшиеся особым внимание императорской семьи, были уже «не в таком цветущем состоянии, как при императрице Марии Федоровне»[78].

Во второй половине XIX столетия высочайшее покровительство благотворительности и непосредственное участие в ней членов императорской фамилии не только сохранило прежнее значение, но и приобрело новое. Развитие общественной инициативы в этой сфере нашло отражение в изменении законодательства. В 1862 г. министру внутренних дел разрешено было утверждать уставы благотворительных обществ и заведений, тогда как раньше это делал лично император. Только

за 1856–1865 гг. были созданы 85 новых благотворительных обществ, тогда как за предшествующее десятилетие – только 33. Всего в царствование Александра II возникло более 750 благотворительных организаций[79]. Это, а также повышение общественного внимания к социальным вопросам, привело к появлению альтернативы привилегированным ведомствам в области призрения. Это не означало прямой конкуренции в заботе об обездоленных, но объективно заставляло августейших покровителей думать о развитии подведомственных им благотворительных структур.

Во второй половине XIX в. появилось еще одно обстоятельство, побуждавшее монархию поддерживать традиции покровительства благотворению. Первая семья государства оказалась под пристальным вниманием общественного мнения. В XVIII в. российские самодержцы, за исключением Петра I, редко показывались народу, общаясь с достаточно узким кругом подданных. В глазах обывателей монарх был почти что небожителем. С начала XIX столетия ситуация начала меняться. Развитие общественной жизни и государственных институтов требовало от самодержцев решать гораздо больше управленческих задач, больше знать и видеть. Круг их общения расширялся, они вынуждены были прислушиваться к голосу общественности.

Императрица Александра Федоровна. Литография первой половины XIX в.

Развитие российского общества в период реформ Александра II, рост числа образованных людей, появление разночинной интеллигенции, оппозиционные настроения – все это привело к тому, что общественное мнение стало более взыскательным к носителям верховной власти, хотя и патриархальные представления о ней оставались достаточно прочными. Демонстрация монаршей заботы о подданных была призвана поддерживать ее авторитет не только в глазах «простого народа», но и образованных общественных кругов.

Интерес Александра II к благотворительным учреждениям под монаршим покровительством ограничивался, как правило, посещением женских институтов. Прочие учреждения Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества удостаивались таких визитов редко. Однако Александр II, несомненно, понимал, какое значение имело личное участие монарха в делах благотворительности и призрения. Свидетельство этому – один миллион рублей, пожалованный царем на благотворительные цели в память о своей супруге Марии Александровне.

Александр III, вступив на престол, обнаружил полную неосведомленность о деятельности благотворительных учреждений под монаршим покровительством. Даже о том, что его мать лично покровительствовала призрению слепых, он имел весьма смутное представление. В биографии первого руководителя попечительства императрицы Марии Александровны о слепых К. К. Грота упоминается, что в одной из бесед император «выразил, что он мало знает о деятельности покойной его родительницы в пользу слепых»[80]. Александр III посещал вместе с супругой женские институты, знакомился с отчетами по ведомству императрицы Марии и Человеколюбивому обществу, но в детали управления не вникал. Он стремился лишь к упорядочению их финансово-хозяйственной деятельности, чтобы не покрывать из казны убытков. Именно поддержка монарха позволила К. К. Гроту решить сложнейшую задачу наведения порядка в финансах Ведомства императрицы Марии. То, что Александр III не вмешивался в непосредственное управление благотворительными ведомствами, пожалуй, было к лучшему, если учесть, что однажды вмешательство монарха серьезно осложнило использование упомянутого миллиона, пожертвованного Александром II. По распоряжению Александра III на проценты с этого миллиона была куплена и передана Попечительству о слепых абсолютно не нужная ему дача, то есть участок земли с постройками под Петербургом. Небрежное юридическое оформление сделки доставило немало хлопот Попечительству, которое позднее избавилось от дачи с убытком для себя.

Женские институты Александр III посещал нечасто и только вместе с супругой, не проявляя к ним никакого интереса. В официозной литературе, посвященной ведомству императрицы Марии, подробно рассказывается о том, как император интересовался жизнью воспитанниц женских институтов. Однако в мемуарах хорошо знавшего Александра III графа С. Д. Шереметева говорится, что эти посещения лишь раздражали императора. Граф отмечает, что Александр «…вовсе не ездил по институтам, куда посылал императрицу с фрейлинами. Можно отметить только редкие посещения, и то в последние годы, и лишь по необходимости»[81]. Шереметев полагал, что Александр III вообще отрицательно относился к ведомству императрицы Марии, «ненормальность которого он вполне сознавал»[82]. Здесь мемуарист выразил свою, субъективную точку зрения. Хотя Александр III и не вникал глубоко в деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества, он, в принципе, понимал их роль и

значение. Иначе одним росчерком пера просто упразднил бы эти структуры или передал в Управление министерств.

Взгляды последнего российского императора Николая II на благотворительность и призрение не выходили за рамки традиционных патриархально-патерналистских воззрений. Об этом свидетельствует хотя бы его отношение к женским институтам Ведомства императрицы Марии. Мнение Николая о цели их деятельности менее известно, чем знаменитое высказывание о «бессмысленных мечтаниях» по поводу участия земств в делах государственного управления, но оно не менее ярко характеризует последнего российского самодержца. Ознакомившись с отчетом Ведомства учреждений императрицы Марии за 1890–1900 гг., представленным главноуправляющим ведомством графом Н. А. Протасовым-Бахметевым, Николай заметил: «мне не надо, чтобы из институтов ваших выходили Ковалевские (имелась в виду женщина-ученый Софья Ковалевская. – *Прим. авт.*). Я требую, чтобы вы возвращали детей родителям здоровыми, сильными, чтобы впоследствии они могли быть хорошими матерями…»[83].

Забота царя о здоровье воспитанниц понятна. Николай сам был примерным мужем и отцом, но совершенно не понимал образовательных и воспитательных задач, которые время поставило перед женскими учебными заведениями России в канун XX столетия.

Императрица Мария Александровна. Дагерротип. 1860-е гг.

Супруги императоров во второй половине XIX – начале XX вв. по традиции продолжали покровительствовать благотворительности. В какой-то степени делами Ведомства императрицы Марии занималась супруга Александра II Мария Александровна (Мария Гессен-Дармштадтская). При ней произошли некоторые позитивные изменения в учебно-воспитательной части заведений для призрения детей и юношества, главным образом, в женских институтах, отличавшихся чрезвычайным консерватизмом. В частности, положительное отношение императрицы позволило перевести в русло практического обсуждения и реализовать предложение отпускать воспитанниц институтов на летние каникулы. У этой, казалось бы, вполне разумной идеи было в то время немало противников. При поддержке императрицы в Смольный институт был назначен инспектором классов и начал в нем преобразования выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский. У Марии Александровны хватило здравомыслия не поверить доносам о его политической неблагонадежности. Но она и не выступила в его

защиту, когда педагог столкнулся с яростным сопротивлением институтского начальства, не желавшего ничего менять и считавшего порядки времен Марии Федоровны идеальными.

С началом царствования Александра III Ведомство императрицы Марии возглавила его супруга, также Мария Федоровна (Дагмара Датская). Она управляла им до свержения монархии в России. В отличие от Марии Федоровны «вюртембергской», Мария Федоровна «датская» глубоко не вникала в жизнь подведомственных ей учреждений. Но она обладала здравым практическим умом и, безусловно, понимала, какое значение имело покровительство благотворительности со стороны монаршей власти. Мария Федоровна осознавала, что крупнейшее благотворительное ведомство под высочайшим покровительством нуждалось в преобразованиях. Именно по ее настоятельной просьбе должность главноуправляющего ведомством занял К. К. Грот, опытный и честный администратор. Пользуясь поддержкой императрицы и самого монарха, он провел ревизию капиталов и упорядочил финансовую отчетность, сделав бюджет ведомства бездефицитным.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна и сопровождающие ее лица выходят из здания Главного склада Российского общества Красного Креста в Санкт-Петербурге (Корпусное шоссе, 1) 1912–1913 гг. Фото ателье К. Буллы. ЦГАКФФД СПб.

При Марии Федоровне было принято новое Положение о детских приютах, введен ряд законоположений, облегчивших сотрудничество ведомства с другими благотворительными организациями и государственными структурами. В начале XX в. были приняты новые положения о женских институтах и гимназиях императрицы Марии, унифицированы табели и учебные планы этих и других учебно-воспитательных заведений, что положительно сказалось на их деятельности, а собственно

ведомство сохранило самостоятельность и независимость от государственного контроля, что вряд ли было возможно без санкции августейшей покровительницы.

Группа медицинского персонала и раненые в Дворцовом лазарете с императрицей и великими княжнами (во 2-м ряду сидят слева направо: великие княжны Анастасия, Мария и Ольга Николаевны, императрица Александра Федоровна, великая княжна Татьяна Николаевна: в 3-м ряду стоит справа у колонны дочь английского посла Мириэль Бьюкстен). Царское Село. 1915 г. ЦГАКФФД СПб.

Руководство благотворительностью было для Марии Федоровны важным делом и по причинам личного характера. Хорошо известно, что она недоброжелательно относилась к невестке – Александре Федоровне, супруге наследника престола, а позже императора Николая II. Существовало неофициальное соперничество между двором Марии Федоровны и императорским двором. Управление учреждениями императрицы Марии являлось для Марии Федоровны свидетельством ее самостоятельности и независимости в семье монарха. О том, чтобы она уступила руководство ведомством императрицы Марии или Российским обществом Красного Креста не могло быть и речи.

Александра Федоровна (Алиса Гессен-Дармштадтская), в

1894 г. Обретя статус императрицы, первое время не имела под своим покровительством никакого крупного благотворительного ведомства. Но уже в 1895 г. она приняла покровительство над созданным Попечительством о домах трудолюбия и работных домах. Это должно было помочь формированию образа милосердной и добродетельной государыни. Однако Александра Федоровна ограничивалась представительством и не интересовалась конкретными вопросами деятельности вверенных ей учреждений. Она предпочитала посещать не дома трудолюбия, а женские институты. Следует отметить, что контингент, призревавшийся в домах трудолюбия, был специфическим. К трудовой помощи прибегали безработные, бродяги, освободившиеся из мест заключения, лица, утратившие прежний социальный статус. В отличие от благородных девиц, эти люди в меньшей степени подходили для выражения верноподданнических чувств.

Помимо императоров и их жен, благотворению покровительствовали и другие члены императорской фамилии. Во второй половине XIX в. выдающуюся роль в руководстве благотворительностью, призрением и женским образованием в России сыграл принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Службу в ведомстве императрицы Марии принц начал в 1839 г. В 1860–1880 гг. он возглавлял ведомство, энергично и последовательно занимаясь вопросами образования и призрения.

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Литография XIX в. РНБ

Помимо этой, главной в его жизни должности, принц числился почетным опекуном и председателем опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии, попечителем свято-троицкой общины сестер милосердия, покровителем глазной лечебницы, почетным попечителем Мариинского благотворительного общества в Петербурге, Киевского дома призрения бедных, общества для поощрения трудолюбия в Москве. Кроме того, он являлся попечителем Мариинской женской гимназии в Петербурге, входившей в состав Ведомства императрицы Марии[84]. На всех этих должностях принц стремился реально руководить подведомственными ему обществами и учреждениями, но главное внимание уделял ведомству императрицы Марии, в особенности входившим в его состав учебно-воспитательным учреждениям. Под руководством и при личном участии принца с середины XIX в. и до его кончины в 1880 г. Разрабатывались все учебно-воспитательные планы и программы, уставы, положения и штаты детско-юношеских учреждений призрения.

Значительную роль принц П. Г. Ольденбургский сыграл в развитии женского образования в России. В период, когда он возглавлял ведомство императрицы Марии, была реформирована учебно-воспитательная часть женских институтов, устранены наиболее архаичные черты институтского воспитания и обучения, усовершенствованы учебно-воспитательные программы прочих учебных заведений.

С именем принца связано создание женских гимназий – первых в России всесословных средних женских учебных заведений открытого типа. Эти гимназии по своим целям и задачам не являлись учреждениями призрения и по существу были чужеродным элементом в ведомстве императрицы Марии. Но именно авторитет ведомства и внимание члена императорской фамилии способствовали распространению этого типа учебных заведений в стране.

Посещая вверенные ему благотворительные заведения, принц стремился вникать во все детали учебно-воспитательного процесса и жизни питомцев. А. В. Стерлигова, воспитанница Петербургского женского института ордена св. Екатерины, приводит в своих мемуарах пример доброжелательности принца и его внимания к мелочам. Во время обеда с воспитанницами он обратил внимание на то, что институтки не притронулись к овсяному супу, и поинтересовался, почему они так поступают. В ответ на то, что блюдо не нравится воспитанницам, принц возразил: «Но почему? Это очень вкусно. Мне очень понравилось». В ответ услышал: «Это естественно, ваше императорское высочество, это ваш национальный суп»[85]. И нелюбимое девицами блюдо исчезло из меню. Подобный разговор с любым другим членом императорской фамилии был едва ли возможен.

Принц П. Г. Ольденбургский не только управлял ведомством императрицы Марии, но жертвовал личные средства на благотворительные цели. Став в 1847 г. попечителем основанной тремя годами раньше свято-троицкой общины сестер милосердия, он пожертвовал общине 50 тыс. руб. на покупку дома[86]. Всего община получила от принца 225 тыс. руб.[87] Детскому приюту его имени в Петербурге он пожертвовал 40 тыс. руб.[88] Медицинские учреждения Ведомства императрицы Марии получили от него в общей сложности более 1 000 000 руб.[89] Кроме того, 1 300 000 руб. Петр Ольденбургский пожертвовал Училищу правоведения в Петербурге[90] – элитарному высшему учебному заведению для подготовки юристов и государственных служащих. К ведомству императрицы Марии и к призрению вообще Училище правоведения не имело отношения, но и это пожертвование принца можно отнести к благотворительности.

Деятельность Петра Георгиевича Ольденбургского высоко оценивалась современниками. Хорошо знавший семью Ольденбургских граф С. Д. Шереметев так характеризует принца в своих мемуарах: «Человек глубоко верующий, безукоризненно нравственный, сильный духом, незлобный и смиренный, повелительный и нервный. Большой хлопотун, неутомимый при исполнении служебных обязанностей, самим им создаваемых, в высшей степени подвижной (так в тексте. – *Прим. авт.*), то и дело путешествующий по России для обозрения различных учреждений ему подведомственных… его центральною заботою было делание добра, его добросовестная мысль никогда не забывала блага России»[91]. Современники видели и другие черты характера П. Г. Ольденбургского. В «воспоминаниях» М. Н. Стоюниной, учившейся в Мариинском женском училище в Петербурге, отмечается: «По общему мнению, старый принц (П. Г. Ольденбургский. – *Прим. авт.*), будучи очень добрым человеком и полный самых лучших намерений, не отличался умом, и о нем ходили в Петербурге анекдоты, причем этот недостаток ярко рисовался»[92]. Но тот же мемуарист отмечает заботу принца о воспитанницах женских институтов, которая была вполне искренней: «он любил посещать институты, возил воспитанницам угощения конфетами, привозил им свои музыкальные и литературные произведения, одним словом наслаждался своей ролью покровителя, воспитателя и защитника молодых девушек. Он, конечно, не подозревал той лжи, которой были пропитаны чуть ли не стены закрытых учебных заведений, где блистала только внешняя сторона»[93].

Современникам было хорошо известно, что П. Г. Ольденбургский, будучи мягким и доброжелательным человеком, иногда неожиданно впадал в ярость по самым незначительным поводам. В 1860 г. Состоялся первый выпуск учениц, поступивших сразу в шестой, старший, класс Мариинского женского училища. По этому поводу в училище состоялся «торжественный акт», на котором присутствовал принц П. Г. Ольденбургский. Ему показалось, что в «актовой» речи содержалось осуждение деятельности И. И. Бецкого. Выступавший с речью преподаватель училища В. Я. Стоюнин (впоследствии супруг мемуаристки М. Н. Стоюниной) был вызван к принцу «для объяснения», и тот «…в сущности, очень добрый человек, по общему мнению, дал волю своему гневу, разбранил все новое направление в женском образовании, тех новых преподавателей, которые были приглашены в институты… и объявил, что всех их нужно было бы повесить и притом почему-то головой вниз. Потом он подвел Владимира Яковлевича к окну своего кабинета,

выходившего на Неву, с видом на Петропавловскую крепость и, указывая на нее, в бешенстве воскликнул: «вот где ваше место, а не на учительской кафедре»[94]. Однако хорошо было известно, что приступы ярости, посещавшие принца, быстро проходили и не имели никаких последствий. Подвергшийся разносу педагог «все это спокойно с виду выслушал, затем забавно было, что принц указал в рукописи данной ему речи, какую-то ошибку, притом неправильно, и Владимир Яковлевич тут же поспорил с ним, не уступая ни на йоту»[95].

Несмотря на некоторые особенности своего характера, принц П. Г. Ольденбургский, тем не менее, пользовался безусловным уважением современников, как человек, обладавший высокими нравственными качествами, и как организатор благотворительности и женского образования в России.

В конце XIX столетия известный журналист и публицист А. К. Скальковский, далекий от придворных кругов, писал в биографическом очерке, посвященном Петру Ольденбургскому: «имея возможность, по своему положению, пребывать в почетной праздности, принц смолоду предпочел хлопотливые и ответственные ежедневные занятия делами благотворительности»[96]. Скальковский отмечает: «Популярность его в России и в Петербурге была громадна»[97]. Характерно, что упоминание о «почетной праздности», в которой могли пребывать члены императорской фамилии, сделано не в оппозиционном нелегальном издании, а в дозволенных цензурой очерках. Сам А. К. Скальковский, близкий к редактору и издателю газеты «новое время» А. С. Суворину, не имел никакого отношения к политической оппозиции. Это указывает на то, какое значение имело на рубеже XIX–XX вв. покровительство благотворительности со стороны членов дома Романовых для формирования их личной репутации.

Искренняя, глубокая любовь принца к России находила выражение даже, казалось бы, в мелочах. В «Наставлении для образования воспитанниц женских учебных заведений», составленном принцем и утвержденном императором в 1852 г., указано на слабое знание воспитанницами женских институтов русского языка. В ту эпоху дворянство гораздо больше внимания уделяло французскому языку, который, по существу, был родным для многих представителей этого сословия. Однако, П. Г. Ольденбургский считал ненормальным положение дел, при котором русский язык находился в пренебрежении, тогда как ошибки во французском считались в определенных кругах признаком необразованности. «отечественный язык, – говорится в „наставлении“, – должен быть известен каждому русскому во всей

полноте»[98]. Масштабы деятельности Петра Георгиевича Ольденбургского в области благотворительности, призрения и просвещения могут быть сравнимы разве что с деятельностью Марии Федоровны в конце XVIII – начале XIX вв. Принц реформировал и совершенствовал благотворительность и призрение под августейшим покровительством в период, когда самодержавная власть постепенно утрачивала ореол непогрешимости и всемогущества, а общественная активность и оппозиционные настроения, напротив, возрастали.

Традицию покровительства благотворительности в роду Ольденбургских продолжил старший сын Петра Георгиевича принц Алексей Петрович Ольденбургский. Он не унаследовал высоких нравственных качеств и организаторских способностей своего отца, имел репутацию энергичного, но неуравновешенного человека. Друг семьи Ольденбургских С. Д. Шереметев упоминает о характере принца: «с молодых лет он отличался горячностью и порывами»[99]. Другой современник А. П. Ольденбургского, С. Ю. Витте, указывает в своих «воспоминаниях» на «ненормальность» принца, добавляя, что он «…вместе с тем известен своей весьма полезной деятельностью»[100]. А. П. Ольденбургский занимал ряд руководящих постов в учреждениях призрения и здравоохранения. При его активном участии в Петербурге были созданы институт экспериментальной медицины, лечебница для душевнобольных и народный дом императора Николая II. «все это, – отмечает Витте, – создано принцем А. П. Ольденбургским, но на казенные деньги; можно даже с уверенностью утверждать, что то же самое было бы создано с гораздо меньшими затратами и, вероятно, более разумно обыкновенными смертными, если бы те деньги, которые ухлопал на это дело из казенного сундука принц А. П. Ольденбургский, были бы даны обыкновенным русским обывателям»[101]. Однако Витте вынужден признать, что упомянутые учреждения были созданы благодаря энергии А. П. Ольденбургского, который организовывал «…большие предприятия, не имея денег и зная, что так или иначе, но деньги эти будут уплачены, так как в крайнем случае он всегда упросит государя, чтобы его величество приказал это сделать»[102]. При самодержавном строе умение «упросить» государя выделить деньги на доброе дело было, все-таки, положительным качеством.

Великая княгиня Елена Павловна. Литография П. Сюдре. 1836 г.

К членам дома Романовых, которые не ограничивались лишь представительством в подведомственных благотворительных учреждениях, можно отнести великих княгинь Елену Павловну и ее дочь Екатерину Михайловну. Елена Павловна (Каролина Вюртембергская) была супругой великого князя Михаила Павловича, сына императора Павла, слыла одной из самых образованных и культурных представительниц августейшей семьи. Она достаточно активно занималась управлением нескольких благотворительных учреждений, переданных под ее покровительство по завещанию Марии Федоровны. После кончины Елены Павловны эти учреждения перешли в ведение ее дочери, великой княгини Екатерины Михайловны, супруги герцога Мекленбург-Стрелицкого Георга.

Великая княгиня Екатерина Михайловна. Литография второй половины XIX в.

В 1872 г. Екатерина Михайловна была избрана председательницей совета Патриотического общества, входившего в состав Ведомства императрицы Марии. Возглавляя совет, она лично рассматривала все вопросы, связанные с учебно-воспитательной частью женских школ Патриотического общества, разрабатывала новый для них устав совместно с принцем П. Г. Ольденбургским. При этом даже вступала с принцем в полемику, которая, впрочем, не выходила за рамки обсуждения деталей учебно-воспитательного процесса.

Великая княгиня Елизавета Федоровна. 1910-е гг.

В какой-то степени занималась управлением подведомственными учреждениями великая княгиня Александра Петровна (Александра Ольденбургская), супруга великого князя Николая Николаевича старшего, сына Николая I. Во второй половине XIX в. Александра Петровна возглавляла Санкт-Петербургский совет детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии, рассматривала и утверждала ежегодные отчеты совета, посещала столичные детские приюты. Однако основная работа по управлению этими учреждениями выполнялась чиновниками совета и директорами приютов. Благотворительные пожертвования Александры Петровны были более чем скромными и имели символический характер.

В начале XX столетия широкую известность получила деятельность великой княгини Елизаветы Федоровны (Елизавета гессенская), в 1904 г. возглавившей благотворительный комитет для оказания помощи воинам, пострадавшим в сражениях русско-

японской войны. Полностью он назывался «особый комитет ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке». (После окончания войны этот комитет был преобразован и продолжал оказывать помощь ее участникам).

Кроме того, Елизавета Федоровна была покровительницей нескольких учреждений призрения, входивших в состав Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества. Она участвовала в управлении благотворительностью, но была известна, главным образом, благодаря своей безупречной нравственной репутации и трагической судьбе. Супруг Елизаветы Федоровны, генерал-губернатор Москвы, великий князь Сергей Александрович был убит в 1905 г. эсерами-террористами. После его гибели она полностью посвятила себя покровительству делам благотворительности.

В соответствии с традицией почти все члены императорской фамилии состояли покровителями или председателями правлений благотворительных ведомств, комитетов, обществ и отдельных учреждений. Но те из них, кто реально выполнял государственные обязанности, не имели времени на руководство благотворительностью. В первую очередь, это относится к императорам, которые были заняты решением сложнейших задач внутренней и внешней политики государства. Роль прочих членов царской семьи как руководителей учреждений призрения и щедрость их как благотворителей ограничивались только личными качествами каждого. Не все Романовы обладали соответствующими знаниями и способностями.

Управление комплексами учреждений призрения и даже отдельными организациями было само по себе чрезвычайно сложным делом. Поэтому многие члены императорской семьи ограничивались выполнением представительских функций – покровителей, попечителей, председателей и т. д. Эффективность работы благотворительных организаций во многом зависела от профессиональных чиновников-управленцев и пожертвователей, добровольно и безвозмездно исполнявших управленческие функции.

Однако с учетом роли и места императорской фамилии в политической системе России, в структуре государственных и общественных институтов. Покровительство со стороны монархов и членов правящей династии можно рассматривать как реальный, действенный фактор, который в значительной степени определял развитие благотворительности в стране.

Говоря об актах благотворительной деятельности членов

императорской фамилии, следует иметь в виду их различные уровни. Дело в том, что кроме проектов, осуществляемых Романовыми с использованием государственного потенциала и административного ресурса, занимались они и сугубо личными благотворительными делами, к которым их подвигали как воспитание, так и движения души.

Начало этой традиции положила императрица Екатерина II, которая из своей «комнатной суммы» поддерживала становление и развитие Калинкинской больницы, специализировавшейся на лечении больных «любострастной болезнью», или сифилисом. По ее распоряжению с 1773 по 1775 г. Больнице выплачивались довольно крупные средства из «комнатной суммы императрицы». Вне всякого сомнения, за решением о выделении крупных сумм стояла сама императрица. Так, в июне 1773 г. состоялся именной указ Екатерины II «о заплате в медицинскую коллегию за пользование женщин от венерической болезни 2 238 руб. 19 коп.».[103] В августе 1776 г. указ о выделении денег на нужды Калинкинской больницы за период с 6 марта 1774 г. по 1 августа 1775 г. был повторен: «в медицинскую контору за лечение в Петербурге от венерической болезни марта 6 1774 г. по 1 число сего 1775 г. женок и девок и им на пищу и содержание 850 руб.».[104] Тогда же были выплачены деньги и за 1776 г.: «в медицинскую коллегию за лечение женщин от венерической болезни 1 605 руб.».[105]

Детям и внукам Николая I буквально с детства внушалось, что одной из святых обязанностей членов императорской фамилии является личная благотворительность.

Например, полковник К. К. Мердер, воспитатель будущего Александра II, в своей педагогической практике тесно увязывал воспитание и образование цесаревича. В 1829 г. он придумал «кассу благотворения». Замысел воспитателя заключался в том, что успехи в науках и поведении цесаревича и его двух приятелей-соучеников оценивались в сугубо денежной форме. Проще говоря, за хорошие оценки цесаревичу платили, но полученные деньги должны были идти не на личные нужды, а на благотворительность. Два раза в год предполагалось считать собранные деньги и тратить их на какое-либо полезное дело. Николай I одобрил идею, и касса действовала все время обучения наследника, т. е. с 1829 по 1837 гг.

Эта практика со временем распространилась и на остальных детей Николая I. Им ежегодно выделялось по 5000 руб. сер. в год, которые они могли потратить только на благотворительные цели. Отметим, что на гардероб великой княжне выделялось 3000 руб. в год. дочь Николая I, великая княгиня Ольга Николаевна

вспоминала: «на милостыню были предназначены 5000 руб. сер. в год. Остальное из наших доходов откладывалось, чтобы создать для нас капиталы. Каждый год Папа проверял наши расходы».[106] Таким образом, основными статьями расходов маленьких великих князей и княжон были затраты «на гардероб», на благотворительность и учителей.

Внуки Николая I в 1840-х гг. росли уже в рамках сформированной педагогической парадигмы: благотворительная деятельность есть неотъемлемая часть жизни императорской семьи. Отметим, что воспитание в подобном духе не было чем-то уникальным, характерным только для российского императорского двора. Такая же практика существовала и при европейских владетельных дворах. Разница заключалась лишь в том, что не всякий двор был в состоянии обеспечить достаточно большие суммы каждому из детей для расходов на благотворительность.

О воспитании в душах маленьких великих князей и княжон чувства сострадания, стремления помочь бедствующим, упоминается в эпистолярных источниках и мемуарных свидетельствах. Например, в 1847 г., один из воспитателей сыновей будущего Александра II писал родителям, что их старшие сыновья дали денег мальчику, который работал в парке Александрия без сапог. Воспитатель, комментируя в письме этот эпизод, отмечает, что «это уже не первые издержки при мне их высочеств. Мне часто приходится выдавать, по желанию их, особенно старшего, то нищим, то бедным итальянским шарманщикам, то старым солдатам, то фонтанщикам; так что я всякий раз, когда с ними, должен иметь при себе мелкие деньги».[107] При этом следует отметить, что «старшему», великому князю Николаю Александровичу, в 1847 г. было только четыре года, а его брату, будущему Александру III, шел третий год. Подчеркнем, что подобная практика со временем распространилась и на аристократические семейства, и вплоть до 1917 г. являлась частью воспитательного процесса в дворянских семьях.

Когда дети вырастали и обзаводились семьями, традиции личной благотворительности не прерывались. Из приходно-расходных книг членов императорской семьи известно, что в 1856 г. по случаю окончания крымской войны императрица Мария Александровна потратила в качестве пожертвований 60 159 руб.

С годами императрица Мария Александровна стала перечислять все больше средств на различные благотворительные цели. Тому было много причин: и фактический разрыв с мужем, у которого появилась вторая семья; и смерть в 1865 г. старшего

сына Николая Александровича; и развитие ее легочного заболевания, сделавшее для императрицы невозможной светскую жизнь. Нельзя не сказать и об искренней вере бывшей дармштадской принцессы. Все это позволяло современникам заявлять, что при ежегодном бюджете в 200 000 руб. императрица Мария Александровна тратила на себя «лишь 50 тыс., отдавая все остальное на благотворительность».[108]

По поводу «50 тыс.» мемуарист слегка преувеличил, но тенденция отмечена верно. Как следует из данных приходно-расходной книжки императрицы Марии Александровны в 1856 г. она «сэкономила» только на трех позициях: на «собственных издержках» (–1830 руб.), на пособиях (–2371 руб.) и на пожертвованиях (–26 961 руб.). Последняя цифра объясняется прекращением работы специального комитета императрицы в Симферополе, который оказывал помощь семьям погибших и раненных в ходе крымской войны.

Камер-юнгфера Яковлева вспоминала, что «императрица Мария Александровна имела огромное количество драгоценностей, которые редко надевала. Она давно отказалась от дорогих подарков, а принимала от государя *деньгами* (выделено авт.). Много золотых и драгоценных вещей превращала в деньги. Во время войны она отказалась даже шить себе новые платья и все эти сбережения отдавала в пользу вдов, сирот, раненых и больных».[109]

Следует подчеркнуть, что именно императрица Мария Александровна горячо поддержала идею организации Российского общества Красного Креста (РОКК). Благодаря этому РОКК быстро превратился в самую крупную общественно-государственную структуру, аккумулировавшую на своих счетах огромные суммы, переводимые благотворителями со всей России. Именно императрица Мария Александровна вплоть до своей кончины в 1880 г. являлась высочайшей покровительницей Российского общества Красного Креста.

После смерти императрицы Марии Александровны в мае 1880 г. обязанности высочайшей покровительницы РОКК приняла на себя супруга цесаревича (с 1881 г. императрица) Мария Федоровна, выполнявшая их вплоть до 1917 г. Благотворительность в царской семье скорее была уделом ее женской части, но и мужчины периодически вносили свою лепту. Как правило, из «собственных» сумм.

Периодически члены императорской семьи принимали участие в различных благотворительных акциях, чаще всего носивших «целевой характер». Это была давняя традиция, восходившая к временам Николая I. Например, в апреле 1838 г.

в Александровском дворце Царского села состоялась известная лотерея, на которой разыгрывалась картина К. Брюллова «В. А. Жуковский». Вырученные от продажи картины деньги пошли на выкуп крепостного Тараса Шевченко. Сам портрет воспитателя Александра II В. А. Жуковского потом хранился в библиотеке императора в Зимнем дворце.

Т. Шевченко писал в своей автобиографии: «сговорившись предварительно с моим помещиком, Жуковский просил Брюллова написать с него портрет, с целью разыграть его в частной лотерее. Великий Брюллов тотчас согласился, и портрет у него был готов. Жуковский с помощью графа Вильегорского, устроил лотерею в 2500 рублей, и этой ценой была куплена моя свобода 22 апреля 1838 года».[110] В камер-фурьерском журнале о событиях 14 апреля 1838 г. было записано: «Ввечеру Их Величество с Их Высочеством Государем Наследником, Великою Княгинею Еленою Павловною и Великою Княжною Мариею Николаевною и собравшимися к 8-ми часам по приглашению Государыни Императрицы особами обоего пола, бывшими сего числа за обеденным столом, изволили препроводить время в круглом Нового дворца зале разными играми, танцами и розыгрышем лотареи вещей».[111]

Заметим, что сумма за портрет Жуковского, написанный великим К. П. Брюлловым, определялась ценой, запрошенной за Т. Г. Шевченко его владельцем. Поскольку сумма была довольно значительной, то члены царской семьи сложились для того чтобы выкупить картину. Например, великая княжна Мария Николаевна, старшая дочь Николая I, внесла 300 руб. В ее бухгалтерских книгах указывается: «Препровождены сего числа при отношении за № 360 к Ея превосходительству Ю. Ф. Барановой триста рублей ассигнациями для уплаты за билеты, взятые великою княжною Мариею Николаевною, при розыгрывании в лотерее, в императорском семействе, написанного живописцем Брюлловым портрета В. А. Жуковского, – записать в расход по шнуровой книге о суммах Ея Высочества. Апреля 23 за 1838 год».[112]

Сам наследник Александр Николаевич также внес 300 руб.: «24 апреля. Заплачено за лотерейный билет портрет Жуковского живописца Брюллова 300 р.».[113] Императрица Александра Федоровна внесла 400 руб.: «действ[ительной] ст[атской] советнице Ю. Ф. Барановой, за билеты на лотерею, в которой Ея Величеством выигран портрет В. А. Жуковского, четыреста рублей».[114] Остальную сумму внес Николай I. В результате лотереи крепостной Т. Г. Шевченко фактически был выкуплен из крепостной неволи членами императорской семьи.

Другим ярким примером может служить благотворительный

концерт «в пользу раненых», состоявшийся в Белом зале Зимнего дворца в феврале 1883 г. Тогда выступал «оркестр медных инструментов из любителей, который долгое время собирался у государя, когда он был великим князем». Александр III в оркестре уже не участвовал, но в нем продолжали играть его «соратники» по музыкальным увлечениям. Сбор «в пользу раненых» предполагалось передать Российскому обществу Красного Креста. [115]

Отметим, что буквально в первые же дни пребывания великой княгини Марии Федоровны (датской) в России (с осени 1866 г.) она сделала несколько ожидаемых жестов в сфере благотворительности. Так, ее первыми пожертвованиями Марии Федоровны стали деньги в пользу Царскосельского благотворительного общества (50 руб.) и деньги в пользу больницы «для страждущих от рака на содержание одной (именной. – *Прим. авт.*) кровати за год вперед с 28 октября 1866 по 28 октября 1867 г.» (120 руб.).

Впоследствии в приходно-расходных книгах императрицы Марии Федоровны появилась отдельная строка «на пожертвования». На эти цели ежегодно выделялась 21 000 руб. Значительная часть этих денег выделялась медицинским структурам: общинам сестер милосердия, преимущественно входивших в структуры Российского общества Красного Креста и различным лечебным заведениям.

Суммы пожертвований были очень разными: от 540 руб. в год на содержание одной кровати в больнице св. Ольги до 50 руб. в год, жертвуемых московскому Арнольдо-Третьяковскому училищу для глухонемых. Также императрица покровительствовала разным художественным обществам.

Ежегодно Мария Федоровна жертвовала деньги и различным медицинским структурам в родной Дании. Например, с 23 ноября 1885 г. по 1916 г. она переводила по 200 крон на счет поликлиники для бедных в Копенгагене. С 29 марта 1888 г. по 1916 г. переводились 100 крон Датскому обществу Красного Креста.

Поддерживал благотворительные устремления Марии Федоровны и ее супруг – император Александр III, у которого в его приходно-расходной книге также имелась отдельная строка – «пожертвования». Подчас эти пожертвования были очень внушительными. Подчеркнем, что речь идет не о бюджетных средствах, а о личных деньгах императорской четы. Так, в 1882 г. 300 000 руб. из личных денег царя ушло на постройку барачного лазарета и школы фельдшериц дамского лазаретного комитета Российского общества Красного Креста. Поскольку императрица

Мария Федоровна с 1880 г. Являлась высочайшей покровительницей Российского общества Красного Креста, то, судя по всему, эти 300 000 руб. были потрачены наверняка по просьбе императрицы.

Вплоть до конца XIX в. российские императоры жертвовали на благотворительные цели подчас очень крупные суммы. Но даже на этом фоне пожертвования императора Николая II и императрицы Александры Федоровны выглядят беспрецедентно.

Во-первых, в приходно-расходных книгах Николая II средства, расходуемые по статье «Пособия богоугодным и благотворительным, лечебным и разным общеполезным учреждениям», постоянно росли. Поясним, что у Николая II в бухгалтерских книгах эта статья делилась на две составляющие: пожертвования в пользу различных учебных заведений и пожертвования в пользу благотворительных учреждений. В число «благотворительных учреждений» были включены и различные храмы. Суммы, пожертвованные царем учебным заведениям, были довольно значительны. Так, с 1896 г. по 1913 г. они пять раз превышали сумму в 10 000 руб. (1896 – 16 400 руб.; 1898 – 10 600 руб.; 1900 – 11 250 руб.; 1906 – 14 250 руб.; 1907 – 13 657 руб.). Подобные выплаты по большей части не носили регулярного характера и были связаны с официальными визитами царя в те или иные учебные заведения по случаю их юбилеев. Этим, собственно, и объясняется то, что в 1903 г. По данной статье потрачено всего 264 руб.

Что касается пожертвований в пользу благотворительных заведений, то самым крупным «проектом» Николая II стало строительство в Дармштадте православного храма св. Магдалины. Основные средства на строительство храма были выделены в период с 1898 по 1901 гг. Суммы оказались весьма значительны для личного бюджета Николая II. Так, в 1898–1899 гг. «постройку православного храма в Дармштадте» потрачено 194 732 руб. Позже, когда начались работы по оформлению интерьеров храма, суммы колебались в пределах от 17 до 23 тысяч руб. Например, из этих средств в 1902 г. художнику В. М. Васнецову перечислили 10 000 руб. за икону Богоматери, переданную в Дармштадт. В том же 1902 г. знаменитому архитектору Л. Н. Бенуа дважды выплачивалось по 1000 руб. за наблюдение «за постройкой храма в Дармштадте… по статье пожертвования».

Другое крупное пожертвование Николая II по этой статье было связано с канонизацией серафима Саровского и последующими за ней торжествами. Летом 1903 г. император со своими ближайшими родственниками посетил Дивеевскую обитель в нижегородской губернии, где проходило чествование

святого. Поэтому для Дивеевской обители Николай II выделил из «собственной суммы» крупные средства: в 1903 г. – 44 424 руб. и 1904 г. – 11 434 руб.

На протяжении своего правления Николай II несколько раз делал крупные пожертвования на строительство разного рода храмов. В 1898 г. им пожертвовано на достройку православного храма в Буэнос-Айресе 5000 руб. В 1913 г. на постройку богадельни в память царского духовника протопресвитера Янышева пожертвована 1000 руб.

Начало правления Николая II омрачила Ходынская трагедия в мае 1896 г., произошедшая во время коронационных торжеств в Москве. В первые несколько дней после трагедии императору и императрице постоянно докладывали о количестве погибших. Николай II немедленно распорядился выделить крупную сумму из собственных средств на оказание помощи семьям погибших и пострадавшим в этой трагедии. Не осталась в стороне и императрица Александра Федоровна. 27 мая 1896 г. «на усиление средств, поступивших от Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны для устройства убежища детей, родители которых пострадали во время народного праздника на Ходынском поле 18 сего мая» было «принято в кассу московской городской управы» 10 000 руб.[116]

Следует подчеркнуть, что царь и царица всячески старались сгладить впечатление от произошедшей трагедии. Императрица Александра Федоровна посещала больницы, где пострадавшим раздавались образки, коронационные кружки и платки. Но само количество пострадавших было беспрецедентно велико, оно составляло по официальным данным 1379 чел.[117] Умерших хоронили преимущественно на ваганьковском кладбище. В газетах публиковались списки пострадавших, которым, в зависимости от степени тяжести травм, выплачивались казенные пособия. Полное пособие составляло 1000 руб. Неполные пособия составляли суммы по 750, 700, 500, 350 и 250 руб. Кроме этого назначались ежегодные пенсии: по 24, 40 и 60 руб., выплачивались специальные пособия, «выданные в возврат расходов на погребение» от 10 до 76 руб.

Император Николай II по сложившейся в царской семье традиции поддерживал деятельность Красного Креста. В июле 1896 г. в кассу комитета попечения о сестрах Красного Креста от имени Николая II перечислено 400 руб.[118] Кроме этого, в 1896 г. Николай II, поддержав идею открытия в Петербурге женского медицинского института, распорядился выделить из средств Кабинета Е.И.В. 65 000 руб. на приобретение участка земли (10 тыс. кв. саженей) под строительство общежития для

иногородних студенток.[119]

Случались разовые пожертвования «с историей». Например, Николай II принял на себя традиционные пожертвования Александра III на устройство благотворительных елок и ежегодно выделял несколько сотен рублей давнему знакомому князю В. В. Мещерскому (1903 г. – 300 руб.; 1913 г. – 1000 руб.) «на елку для бедных детей».

Николай II, будучи прекрасным спортсменом, всячески поддерживал стремление к здоровому образу жизни и идеи, связанные с развитием спорта в России. В 1911 г. царь из собственных средств выделил «обществу физического воспитания Богатырь» 5000 руб. Были и пожертвования совершенно в духе русской интеллигенции второй половины XIX в. Например, в 1901 г. Николай II приказал перечислить в редакцию журнала «русский инвалид» 50 руб., как пособие «сестрам Холяро от неизвестного». А в январе 1901 г. за благотворительный спектакль «русского театрального общества» им уплачено 300 руб.[120]

Когда в 1914 г. началась Первая мировая война расходы Николая II по статье «Пособия богоугодным и благотворительным, лечебным и разным общеполезным учреждениям», многократно возросли. Например, в военные 1916 и 1917 гг. На эти цели император потратил соответственно 427 763 и 431 583 руб.

Подобные траты значительно сократили личный капитал Николая II. Великий князь Александр Михайлович упоминал, что «еще в бытность наследником цесаревичем император Николай II получил от своей прабабушки наследство в 4 млн. руб. Государь решил отложить эти деньги в сторону и употребить доходы от этого капитала специально на нужды благотворительности. Однако весь этот капитал был израсходован через три года».[121] В результате из 20 000 000 рублей, составлявших бюджет Министерства императорского двора, «на личные нужды государю оставалось ежегодно около 200 тыс. руб., после того как были выплачены ежегодные пенсии родственникам, содержание служащим, оплачены счета подрядчиков по многолетним ремонтам во дворцах, покрыт дефицит императорских театров и удовлетворены нужды благотворительности».[122] Однако эти громадные расходы были необходимы, поскольку «крайне скромный и простой в своей частной жизни, царь должен был в таких случаях подчиняться требованиям этикета. Правитель одной шестой части земного шара мог принимать своих гостей только в атмосфере расточительной пышности».[123]

Таким образом, пожертвования на различные

благотворительные цели в структуре «собственной суммы» Николая II были достаточно значимы. Вместе с тем сама номенклатура пожертвований определялась как прочными традициями «на что надо жертвовать», так и личными решениями Николая II.

Что касается императрицы Александры Федоровны, то она в полной мере продолжила традицию благотворительной деятельности. В ее приходно-расходной книге ежегодный бюджет на личные пожертвования определялся суммой в 46 000 руб. Однако эта сумма, как правило, превышалась и дефицит бюджета императрицы Александры Федоровны покрывался за счет статьи на экстраординарные расходы. В последние годы царствования пожертвования доходили до 93 000 руб.

Отметим, что благотворительная деятельность императрицы Александры Федоровны определялась не только ее статусом императрицы, но и ее весьма непростыми жизненными обстоятельствами. Так, став матерью, Александра Федоровна очень близко к сердцу приняла проблемы, связанные с материнством и детством. Поэтому один из первых крупных благотворительных проектов Александры Федоровны был связан с финансированием «Школы нянь» в Царском селе, на что ежегодно тратилось 73 496 руб. 73 коп.[124]

Двухэтажное здание школы, построенное в Царском селе, было обращено фасадом и детскими комнатами на юг и разделялось на три части. В средней части располагались: классная, лаборатория, бельевая, квартира начальницы. Левое крыло принадлежало приюту: здесь помещались детские с относящимися к ним помещениями (теплая стеклянная веранда, ванная, буфетная, прачечная, комната сестры милосердия и аптека). В правом крыле находились помещения нянь, а также комната для кормилиц. На 3-м этаже-мансарде находился лазарет для детей и нянь. Столовая для нянь, кухня, гладильня, детская молочная, кладовая и помещения для прислуги располагались в особой одноэтажной пристройке. В подвале находились баня, прачечная и центральное отопление. При школе была устроена своя молочная ферма на 6 коров.

Царское Село. Школа нянь Е. В. Госуд. Императрицы Александры Феодоровны.
TZARSKOE SKLO. École de nourrices de S. M. Alexandra Feodorowna.

Царское Село. Школа нянь. 1910-е гг.

Школа нянь была рассчитана на 50 воспитанниц (курс по 25 чел.), а состоящий при ней приют на 50 детей. В число воспитанниц принимались девицы в возрасте не моложе 16 лет, а в исключительных случаях – молодые женщины. Воспитанницы принимались на 2 года в течение которых их обучали теоретическому и практическому уходу за ребенком дошкольного возраста. Образовательная программа включала следующие предметы: анатомию с физиологией, гигиену, оказание первой помощи в несчастных случаях и детские заболевания. Воспитанницы находились на полном содержании и получали от школы одежду и учебные пособия. Годовая плата составляла 360 руб. в год, для лиц неимущих устанавливались бесплатные вакансии и стипендии, преимущественное право на стипендии и бесплатный прием предоставлялись детям воинских чинов, пострадавших на войне. Каждая из воспитанниц опекала на протяжении всего курса обучения одного из детей, содержавшегося в приюте (50 воспитанниц – 50 детей). Директором школы был детский врач, ученик профессора К. А. Раухфуса Владимир Петрович Герасимович. Сам лейб-педиатр К. А. Раухфус был врачом-консультантом и председателем попечительского совета школы.

Царское Село. Школа нянь. Кухня. 1910-е гг.

28 мая 1905 г. Школа была торжественно открыта в присутствии членов императорской фамилии. В этот день Николай II записал в дневнике: «…в 2 1/2 поехали на освящение только что выстроенного здания Школы нянь. После молебна осмотрели все помещения сверху донизу. Очень уютно, практично и никакой роскоши. Заведует школой Раухфус, а строил наш архитектор Данини. Присутствовало довольно много дам. Вернулись после 4-х…».

Здание Школы нянь с некоторыми утратами дошло до наших дней. Его современный адрес г. Пушкин, Красносельское шоссе, 9. В нем расположена общеобразовательная школа.

Царское Село. Школа нянь. Современный вид

Второй крупный благотворительный проект императрицы Александры Федоровны был связан с поддержкой идей ее лечащего врача К. Х. Хорна по строительству в Петербурге первого в России ортопедического института. Дело в том, что Александра Федоровна с молодых лет страдала крестцово-поясничными болями. Лечащим врачом императрицы Александры Федоровны с 1896 г. стал массажист и ортопед доктор К. Х. Хорн. В 1896 г. Александра Федоровна выплатила ему 120 руб. за два гимнастических аппарата (так тогда называли тренажеры).

История реализации этого проекта была следующей. Во время лечебных процедур Александра Федоровна и ее врач обсуждали «ортопедические темы». Во время этих бесед К. Х. Хорн поведал императрице о статистике различных заболеваний, упомянув, что ортопедическими заболеваниями страдают и дети. Поскольку императрице всегда были близки детские проблемы, она согласилась с предложением своего лечащего врача открыть государственную ортопедическую лечебницу.

12 февраля 1901 г. К. Х. Хорн направляет на имя Александры Федоровны записку о необходимости строительства ортопедического института в Санкт-Петербурге. Финансирование проекта должно было идти из государственного казначейства, из бюджета Министерства внутренних дел. Автор записки предполагал, что городские власти, при лоббировании императрицы Александры Федоровны выделят бесплатный земельный участок под здание ортопедического института.

Канцелярия императрицы Александры Федоровны ходатайствовала перед телефонной компанией об установке на квартире доктора «в самом непродолжительном времени за счет статского советника Хорна телефонного аппарата».[125]

Весной 1902 г. при всемерной поддержке императрицы Александры Федоровны городские власти начали обсуждение вопроса о выделении земли под ортопедический институт. В марте 1902 г. министр внутренних дел сообщил городскому голове о предположении императрицы Александры Федоровны устроить в С.-Петербурге специальное ортопедическое лечебное заведение, «в котором больные могли бы получать правильно организованную, соответственно последним требованиям науки, медицинскую помощь. …выбор государыни императрицы остановился на принадлежащем городу участке, известном под названием «мытный двор»… министр предложил внести на обсуждение городской думы вопрос о предоставлении в распоряжении государыни императрицы Александры Федоровны для постройки ортопедического заведения упомянутого участка земли».

В апреле 1902 г. состоялось решение С.-Петербургской Городской думы «О прирезке к отведенному городом под постройку зданий ортопедического клинического института участку из Александровского парка полосы земли со стороны пешеходной дорожки и угла набережной кронверкского пролива».[126]

Также был образован оргкомитет по сооружению лечебницы во главе с бароном И. Л. Корфом. 18 марта 1902 г. министр внутренних дел Д. С. Сипягин распорядился выделить из бюджета министерства до открытия нового института пособие в 6000 руб. в год.[127] 13 июля 1902 г. Николай II одобрил планы по возведению здания ортопедического института. Подчеркнем то, что император выделил на строительство института 2 000 руб. из собственных средств.

Официальная закладка здания ортопедической лечебницы состоялась 21 сентября 1902 г. Председатель организационного комитета П. Л. Корф послал приветственную телеграмму императрице Александре Федоровне, находившейся в это время в Севастополе. На закладной доске, замурованной в основании здания, было написано: «в благополучное царствование его императорского величества государя императора Николая Александровича, по мысли и повелению Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны заложено сие здание 21 сентября 1902 года». Отметим, что работы по возведению здания института начались 20 июля 1902 г.

И на момент его официальной закладки заканчивалось возведение второго этажа здания. Уже 6 ноября 1902 г. начальник строительства придворный архитектор Р. Ф. Мельцер сообщил организационному комитету об окончании строительных работ.

Затраты только на возведение здания ортопедического института составили почти миллион рублей (958 000 руб.). Из этой суммы 200 000 руб. пришлись на пожертвования императрицы Александры Федоровны и 758 000 руб. были отпущены из государственного казначейства. Кроме этого предстояли крупные расходы по оснащению ортопедического института необходимой аппаратурой и на комплектование квалифицированными кадрами.

Ортопедический институт. 1907 г.

В процессе работы изменилось и название медицинского учреждения. Если поначалу в документах фигурировал термин «лечебница», то с марта 1903 г. упоминается «Ортопедический институт». Сделано это было по инициативе императрицы Александры Федоровны, которая ознакомилась с деятельностью подобных лечебных заведений в Европе. Оргкомитет обратился к российским посольствам некоторых стран Европы и Америки с просьбой сообщить об имеющихся там подобных заведениях. В течение зимы 1902–1903 гг. были получены ответы, на основе которых была подготовлена соответствующая справка. В Лондоне в то время существовало три ортопедических госпиталя.[128] В Северо-Американских Соединенных Штатах действовали 6 ортопедических лечебниц (в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Балтиморе). Судя по полученной информации, лучше всего было поставлено дело лечения ортопедических больных в германии (клиники А. Гоффа в Берлине и Вюрцбурге) и в Италии

(ортопедический институт в Болонье, основанный Франческо Риццоли и возглавляемый знаменитым хирургом Алессандро Кодивилла). Для того чтобы ознакомиться с устройством и организацией ортопедических учреждений, в 1902 году архитектор Р. Ф. Мельцер посетил Берлин, вену и Дюссельдорф.

Ортопедический институт. Современный вид

Здание института сохранилось до сих пор, его современный адрес Александровский парк, 5. Оно построено в стиле модерн, облицовано светлым матовым кирпичом и декорировано цветным глазурованным. В центральной части здания на втором этаже размещалась домовая церковь Христа Целителя, увенчанная маковкой, главка которой утрачена, а барабан сохранился. До наших дней дошла и мозаичная икона Иверской Божией матери, украшающая фасад. Ее автор – К. С. Петров-Водкин, талант которого открыл и воспитал создатель проекта здания института Р. Ф. Мельцер. Мозаика была изготовлена из майолики в Лондоне на фабрике Дультона и установлена осенью 1904 г.

В 1904 г. началась русско-японская война и, соответственно, выросло число раненых с ампутированными конечностями, которые нуждались в профессиональной помощи ортопедов. В этой ситуации К. Х. Хорн обращается к Александре Федоровне с просьбой ускорить завершение строительства института. Его записка была доложена императрице 8 июня 1905 г. В Петергофе, а 22 июня 1905 г. состоялось подписание комиссией акта о приемке здания института и началась работа по его оборудованию и оснащению специальной аппаратурой.

Однако доктору К. Х. Хорну так и не суждено было увидеть свой ортопедический институт, поскольку он умер 2 сентября 1905 г. 3 сентября 1905 г. Александра Федоровна направила

телеграмму с соболезнованием вдове врача, в которой подчеркивала, что смерть К. Х. Хорна является «незаменимою потерею для близкого Ея сердцу Ортопедического института в коем покойному доктору Хорну не суждено было проявить свою квалификацию…».[129]

После смерти К. Х. Хорна руководство оснащением ортопедического института приняла на себя вдова врача – Э. Р. Хорн. Именно ей Александра Федоровна поручила довести до конца оборудование института, со всеми административными правами и обязанностями, которые имел ее муж. Это было очень непросто, поскольку в процессе строительства и оборудования института возникали неизбежные трения даже с очень надежными подрядчиками. Так, Элеонора Хорн в письме к императрице жалуется на Мельцера за «мотание денег».

В феврале 1906 г. был решен вопрос о ведомственной подчиненности ортопедического института, который отнесли к Министерству внутренних дел, курировавшему всю систему здравоохранения России.[130] 26 апреля 1906 г. Николай II утвердил «Положение» об ортопедическом институте.[131] Врачебный штат был определен в 7 единиц.[132]

Всем было очевидно, что здание института построено, оно насыщается оборудованием и необходимо поставить во главе нового института известного врача ортопеда. Институт строился для К. Х. Хорна. Когда стало понятно, что он тяжело болен, врач озаботился своим вероятным преемником. Э. Р. Хорн писала императрице: «…мой муж с горестью ведал, что среди русских врачей нет ни одного специалиста, который мог бы занять должность директора института».[133] Тем не менее, в качестве возможной кандидатуры она предлагала либо известного немецкого хирурга-ортопеда Гохта из галле, либо многолетнего ассистента ее мужа – Федора Карловича Вебера.

Императрица Александра Федоровна включилась в решение кадрового вопроса и поручила лейб-хирургу Г. И. Гиршу «осведомится о профессоре Турнере». Но Элеонора Хорн, опираясь на мнение своего покойного мужа, писала императрице: «Проф. Турнер и д-р Гейкин – это два лица, которые, не называя их, я подразумевала в письме к графу Ростовцеву. Их обоих покойный считал неподходящими людьми для ведения нового института».[134]

На специальном заседании 17 апреля 1906 г. Государственный совет пришел к заключению, что директором института может быть только доктор медицины, ученая степень которого получена непременно в России, а не за границей. Руководителя института фактически назначила императрица

Александра Федоровна, которая устами своего лечащего врача Е. С. Боткина рекомендовала приват-доцента медицинской академии доктора Р. Р. Вредена, который неоднократно лечил членов императорской фамилии. 9 июля 1906 г. Р. Р. Вреден официально был назначен директором ортопедического института в Санкт-Петербурге.

Сохранились воспоминания врача Ю. И. Лодыженского, который работал в ортопедическом институте перед началом Первой мировой войны. По его словам: «ортопедический институт считался в Петербурге наиболее богато оборудованным лечебным учреждением после «оттовского» акушерского института, отличавшегося даже излишней роскошью. Наш институт возник по инициативе молодой государыни, при содействии ее массажиста и ортопеда Хорна. Он, как и Вреден, был англичанином и, видимо, в своем деле достаточно опытным и добросовестным работником. Его и назначили первым директором института, который числился почему-то по ведомству внутренних дел и имел хорошо обеспеченный бюджет. Штат его состоял из директора, старшего ассистента, 3-х младших, которые менялись каждые 3 года, врача, заведующего гимнастическим залом и массажем, и врача, заведующего ортопедической мастерской, 6 общинских сестер (Кресто-Воздвиженской общины Красного Креста – по времени своего возникновения она была первой в России) и нужного числа административного персонала, санитаров и сиделок. Те, кто жили в институте, были отлично размещены. Каждая сестра имела свою комнату и пользовалась общей столовой, в начале здесь жили 3 младших ассистента, но потом их комнаты были отведены под палаты. В нижнем этаже размещались: канцелярия, склады, мастерская и замечательно оборудованная кухня. Во втором: амбулатория, лаборатория, рентгеновский кабинет, библиотека (красиво отделанная темным деревом и очень обширная), большой «холл», где посетители надевали обязательные халаты, ординаторская, три большие отдельные палаты (бывшие ассистентские квартиры) и квартира директора. Весь 3 этаж был занят палатами – большими общими и маленькими одиночными, меньшего размера. Затем шли перевязочные, комната врачей и операционные – главная очень большая, в которой, вероятно предполагалось устроить аудиторию, но это не осуществилось. На 4 этаже помещались сестры и другой низший персонал. Всюду царил образцовый порядок, все было выкрашено белой краской и уложено белыми торцами. Этажи были соединены широкими лестницами и лифтом.

Лестницы соединяли коридоры главного здания с боковым

корпусом, в котором помещался гимнастический зал, а над ним очень хорошая, уютная церковь, куда стекались по воскресеньям ходячие больные, а лежачие слушали издали церковную службу через широко раскрытые двери. В обширном институтском здании имелось три подъезда: амбулаторный, он же хозяйственный; врачебный и для посетителей; директорский.

В довольно большом саду было несколько хозяйственных небольших построек, а также особое помещение для «опытных» собак и кроликов и экспериментальная операционная и лаборатория.

Старшим ассистентом состоял русский грек Виктор Викентьевич Дуранте. На нем, в сущности, и держался весь порядок в институте, и им же определялись добрые отношения, царившие среди персонала… Все серьезные операции делал Вреден, а Дуранте лишь ассистировал. Работал там и Владимир Александрович Бетехтин… Под его непосредственным наблюдением изготовлялись аппараты для наследника, и Бетехтин сам их примеривал, сопровождая Вредена во дворец.

Ортопедический институт в Петербурге был в то время почти единственным и, во всяком случае, наилучшим оборудованным специальным лечебным учреждением, поэтому к нам стекались по всей России. В институте числилось 70 мест, но при желании число кроватей могло быть удвоено (это было во время войны). Большинство больных лежало бесплатно, также бесплатно производились все операции… всегда было много больных детей».

Еще одной проверенной методикой сбора довольно крупных сумм, направляемых на благотворительные цели, являлись традиционные благотворительные базары. Довольно часто благотворительные базары проводились для сбора денег под конкретные проекты. Например, в 1911, 1912, 1913 и 1914 гг. императрица Александра Федоровна организовала в Ялте четыре больших базара в пользу туберкулезных больных, они принесли «массу денег».[135] Кроме этого, в Ялте императорская семья приняла участие в проведении праздника «Белого цветка» и только в апреле 1911 г. сумели собрать 1 500 000 рублей. Непосредственно в сборах средств принимали участие цесаревич и все великие княжны.

На собранные средства в 1912 г. Морское министерство приступило к строительству в Массандре, близ Ялты, санатория имени императрицы Александры Федоровны для лечения моряков, больных туберкулезом. 29 мая 1913 г. состоялась закладка первого строения – корпуса для лечения офицеров. На освящении 2 апреля 1914 г. присутствовали члены императорской

семьи.

На все эти проекты требовались огромные деньги. Поэтому для того чтобы их получить, нелюдимая императрица Александра Федоровна соглашалась принимать людей, способных пожертвовать «серьезные деньги» на ее благотворительные проекты. Например, для того чтобы получить дополнительные средства для строительства упомянутого санатория Морского министерства в Массандре, императрица согласилась принять семейство предпринимателя Полякова, поскольку тот гарантировал крупный вклад на строительство санатория, столь необходимого российскому флоту.

После начала Первой мировой войны расходы императрицы Александры Федоровны на различные благотворительные проекты значительно возросли. На средства великих княжон содержались лазареты в Царском селе. Сама императрица Александра Федоровна курировала открытый в Зимнем дворце крупный лазарет «для нижних чинов» на 1000 мест. На содержание лазарета в Зимнем дворце шли очень значительные суммы, поступавшие со всей страны в распоряжение императрицы Александры Федоровны. Об объемах этих сумм говорит то, что только в 1914 г. На счета склада императрицы в Зимнем дворце поступило 2 509 131 руб. 91 коп. Из пожертвований упомянем о 800 000 руб., поднесенных Николаю II разными лицами в начале войны. Кроме этого, прямо на счет склада императрицы эмир Бухарский перевел 100 000 руб. из более чем двух с половинной миллионов рублей к декабрю 1914 г. израсходовали 1 810 814 руб. 06 коп.[136]

Рост расходов отражен в бюджете императрицы. В ее приходно-расходной книге приведены следующие цифры:

	1914 г. (руб.)	%	1915 г. (руб.)	%	1916 г. (руб.)	%
Дебет	266506	100	227612	100	231959	100
Пожертвования	44256	16,6	23098	10,14	12047	5,19
Расходы по лазарету	1746	0,65	23098	10,14	3191	1,37

Также императором Николаем II было пожертвовано из личных средств 100.000 руб. В распоряжение Международного комитета Красного Креста в Женеве с целью оказания помощи русским военнопленным, находящимся в концентрационных

лагерях воюющих с Россией держав.[137]

Следует подчеркнуть, что эти конкретные примеры далеко не исчерпывают всего спектра благотворительных дел и пожертвований, осуществляемых Романовыми по зову души и сердца. Жертвуемые, подчас, скромные суммы не могут рассматриваться как «скупость» или «жадность» августейших особ. Важен был не размер суммы, а сам факт участия монархов и их родственников в богоугодном деле. С одной стороны, это служило укреплению патриархально-патерналистских представлений о самодержавной власти, а с другой, должно было вдохновлять на пожертвования подданных, полагавших, что они делают одно общее дело с первыми лицами страны. Таким образом, традиции благотворительности в семье Романовых, восходившие ко временам московского царства, сохранялись в тех или иных формах вплоть до 1917 г.

Благотворительные ведомства и комитеты под покровительством Дома Романовых

Самым крупным проектом, находившимся под партонажем Дома Романовых, являлось ведомство учреждений императрицы Марии, получившим такое официальное именование по имени создательницы – супруги Павла I Марии Федоровны. Через шесть дней после кончины императрицы Екатерины II наследовавший ей Павел I своим указом 12 ноября 1796 г. отдал воспитательное общество благородных девиц под управление Марии Федоровны. Статус ее, как покровительницы Смольного института, окончательно был оформлен указом императора от 2 мая 1797 г. Именно эту дату принято было считать началом истории Ведомства учреждений императрицы Марии. В указе Николая II по случаю празднования столетия ведомства 2 мая 1897 г., говорится: «с этого достопамятного дня в России возникло, под непосредственным покровительством их величеств, новое учебно-благотворительное ведомство…»[138].

Объединив под своим управлением екатерининские благотворительные учреждения призрения и создав ряд новых, Мария Федоровна управляла ими лично, без посредства бюрократического аппарата. Кончина императрицы в 1828 г. Потребовала реорганизации управления этими учреждениями. Для того чтобы они продолжали «действовать как доселе на пользу государства и человечества», император Николай I указом от 26 октября 1828 г. принял их под свое «непосредственное и особое покровительство»[139]. Упоминание государства в указе было неслучайным. Деятельности этих учреждений власть придавала важное значение. Двумя днями позже 28 октября 1828 г. вышел указ, которым многолетний помощник Марии Федоровны Г. И. Вилламов назначался статс-секретарем для докладов императору по делам учреждений покойной императрицы, которые преобразовывались в IV отделение собственной его императорского величества канцелярии. Одновременно, в память о покровительнице они получили название «Учреждения императрицы Марии». С октября 1854 г. В официальной документации появляется наименование «Ведомство учреждений императрицы Марии»[140]. Продолжает использоваться и прежнее название.

Собственная его императорского величества канцелярия, в состав которой вошли учреждения императрицы Марии, подчинялась непосредственно монарху. Ее прообразом была

личная канцелярия императоров и императриц, возникшая в XVIII столетии. В 1812 г. в условиях военного времени канцелярии были поручены такие вопросы, как переписка императора с командующими, размещение военнопленных, комплектование и квартирование войск и так далее[141]. Канцелярия также принимала прошения на высочайшее имя. С 1818 по 1823 г. канцелярией руководил А. А. Аракчеев, при котором значение этого учреждения возросло – рассматривались вопросы государственного управления, готовились доклады императору, «представления» министерств и «мнения» Государственного совета. Окончательно собственная его императорского величества канцелярия сформировалась как высший орган управления в царствование Николая I. Расширение ее компетенции отвечало желанию императора лично входить в важнейшие государственные дела. Кроме того, сложные социально-экономические и внутриполитические задачи, стоявшие перед государством и императорской властью, развитие бюрократического аппарата в первой четверти XIX в. требовали создания органа, который позволял бы монарху держать под личным контролем главные отрасли управления страной.

В соответствии с этим в собственной канцелярии были созданы отделения. Первое и второе отделения организовали 31 января 1826 г. Первое наблюдало за службой чиновничества, второе занималось кодификацией законов. Третье отделение, выполнявшее функции политической полиции, было образовано 3 июля 1826 г. Упомянутое выше четвертое отделение было создано 28 октября 1828 г. Таким образом, благотворительность и призрение вошли в число важнейших приоритетов самодержавной власти.

Роль и место собственной его императорского величества канцелярии в системе управленческих органов российской империи рассматриваются историками по-разному. Существует точка зрения, согласно которой, ее можно лишь условно причислять к высшим государственным учреждениям, поскольку «она подчинялась только императору и действовала по его поручению и от его имени»[142]. Сторонники иной точки зрения характеризуют собственную канцелярию как высшее государственное учреждение[143]. В Полном собрании законов и в своде законов отсутствует положение о собственной канцелярии. В 1818 г. было составлено «образование собственной его императорского величества канцелярии», определяющее ее компетенцию как учреждения «для производства дел, стекающихся к непосредственному самого государя императора усмотрению и разрешению»[144].

С учетом того, что император был главой государства, и функции монарха закреплялись законом, собственную его императорского величества канцелярию можно характеризовать как одно из высших государственных учреждений российской империи. Учреждения императрицы Марии Федоровны, преобразованные в IV отделение собственной канцелярии, формально стали государственными. При этом к управлению благотворительными обществами и заведениями на местах допускалась общественность.

Здание Опекунского совета в Санкт-Петербурге на Казанской ул., 7. 1913 г. Фото ателье К. Буллы

Внутренняя структура Ведомства учреждений императрицы Марии была довольно сложной и неоднократно менялась. Непосредственные управленческие функции осуществлял статс-секретарь, подчинявшийся императору и его супруге. Кроме того, управление осуществляли опекунские советы, созданные Екатериной II при воспитательных домах. В 1797 г. Санкт-

Петербургский и Московский опекунские советы вместе с воспитательными домами перешли под управление Марии Федоровны. Постепенно эти советы начали управлять не только воспитательными домами, но и другими благотворительными учреждениями.

Здание Опекунского совета. Москва. Литография середины XIX в.

В 1828 г. они вошли в состав IV отделения собственной его императорского величества канцелярии и рассматривали практически все вопросы, связанные с деятельностью Ведомства императрицы Марии: утверждали положения, уставы и штаты отдельных заведений, обществ и структурных подразделений, инструкции должностным лицам, учебные планы и программы, счета и сметы. Опекунские советы состояли из председателей и неограниченного числа почетных опекунов. В 1873 г. был образован один опекунский совет, состоявший из Санкт-Петербургского и московского присутствий. В число почетных опекунов входили только представители аристократии и высшие государственные сановники, имевшие чины первых трех классов. Например, по «списку почетных опекунов опекунского совета учреждений императрицы Марии», составленному по состоянию на 15 ноября 1896 г., из 49 почетных опекунов 13 имели различные генеральские чины второго и третьего классов, 8 – придворные чины этих же классов и 27 почетных опекунов – чины тайного советника и действительного тайного советника, то есть третьего и второго классов соответственно[145]. Товарищ (помощник. – *Прим. авт.*) главноуправляющего ведомством

императрицы Марии П. М. фон-Кауфман имел чин действительного статского советника, то есть четвертого класса, но одновременно состоял «в должности гофмейстера», которая относилась к третьему классу. Некоторые почетные опекуны управляли отдельными заведениями. Например, председатель опекунского совета, главноуправляющий ведомством императрицы Марии, граф Н. А. Протасов-Бахметев управлял учебной частью Смольного института, Александровского института и являлся попечителем Александровского лицея. Порядок взаимоотношений почетных опекунов и руководителя Ведомства императрицы Марии не был четко установлен законодательством. Но «мнения» опекунских советов поступали на высочайшее утверждение через руководителя ведомства. По Положению о собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, принятому в 1873 г., ее глава занимал должность председателя опекунского совета.

Почетные опекуны исполняли свои обязанности на «общественных началах». В большинстве случаев они не принимали реального участия в управлении вверенными им заведениями. Служба в армии, государственных учреждениях и при дворе не оставляла им на это времени. В лучшем случае почетные опекуны ограничивались рассмотрением проектов различных законоположений. Реальные управленческие функции выполняли чиновники центрального аппарата, к которым фактически относились и статс-секретари по делам учреждений императрицы Марии (с 1860 г. – главноуправляющие ведомством императрицы Марии). Управленческие функции на местах осуществляли служащие благотворительных обществ и заведений. Во второй половине XIX столетия опекунский совет окончательно превратился в архаизм. Его существование было лишь данью традиции. Ликвидирован он был вскоре после свержения монархии в России.

Опекунский совет всегда считался государственным органом. Принятый в 1873 г. устав опекунского совета учреждений императрицы Марии гласил: «опекунский совет есть высшее государственное учреждение…»[146]. Тем самым подчеркивался государственный характер самого Ведомства учреждений императрицы Марии.

Ведомство состояло из нескольких структурных подразделений. Заведения Санкт-Петербургского приказа общественного призрения, переданные в 1828 г. в подчинение Марии Федоровне, вошли в IV отделение собственной канцелярии как особый Попечительный совет заведений общественного

призрения. Действовавший в 1829–1885 гг., он управлял рядом богаделенных и медицинских учреждений в Петербурге.

Расширение категорий призреваемых вело к созданию новых подразделений. В 1838 г. Создан комитет главного попечительства детских приютов. В 1869 г. его ликвидировали, и управление детскими приютами Ведомства императрицы Марии перешло к созданной вместо него канцелярии по управлению детскими приютами при главноуправляющем. К концу XIX столетия приютское ведомство значительно расширило свою деятельность. В 1896 г. комитет главного попечительства детских приютов был воссоздан.

В 1845 г. для управления женскими учебно-воспитательными учреждениями был образован главный совет женских учебных заведений. Созданный первоначально «в виде опыта» на срок в два года он просуществовал до 1873 г. Все это время его возглавлял принц П. Г. Ольденбургский. Дольше действовал Учебный комитет, образованный в 1844 г. и занимавшийся всеми вопросами, связанными с постановкой учебно-воспитательного процесса в учреждениях призрения детей и юношества. К их числу относились разработка планов, программ и табелей, рассмотрение и утверждение учебников и пособий и так прочее.

Учебный комитет фактически прекратил свою деятельность в конце 1917 г., когда заведения бывшего Ведомства императрицы Марии как единая организационная структура были ликвидированы. Само ведомство было изъято из общего порядка государственного управления. Поэтому за финансовой деятельностью его учреждений наблюдала собственная контрольная экспедиция. Первоначально она имела два отделения – Санкт-Петербургское и московское. В 1861 г. Московское отделение упразднено, а Санкт-Петербургское преобразовано в контрольную экспедицию при IV отделении собственной его императорского величества канцелярии. Ссудные и сохранные казны при Петербургском и московском воспитательных домах в 1860 г. передали в Министерство финансов. В 1888 г. контрольную экспедицию преобразовали в контроль Ведомства учреждений императрицы Марии. В июле 1917 г. временное правительство передало его в государственный контроль.

С образованием IV отделения не все учреждения Марии Федоровны вошли в его состав. По ее завещанию Павловский и Мариинский институты, а так же родильные госпитали в Петербурге и Москве были переданы под покровительство великой княгини Елены Павловны. В соответствии с завещанием их также решено было «почитать государственными

учреждениями»[147]. Елена Павловна управляла ими до своей кончины в 1873 г. Затем они были преобразованы в отдельное ведомство учреждений великой княгини Елены Павловны и поступили в ведение ее дочери, великой княгини Екатерины Михайловны. В 1894 г., после ее кончины, эти заведения вошли в состав Ведомства императрицы Марии. Еще несколько заведений по завещанию Марии Федоровны перешли под покровительство супруги Николая I Александры Федоровны. Управлял ими статс-секретарь М. Н. Лонгинов. В 1854 г. он умер, и заведения Александры Федоровны вошли в состав IV отделения собственной канцелярии.

Помимо учреждений императрицы Марии, при Николае I государственный статус приобрело Санкт-Петербургское женское патриотическое общество – благотворительная организация, созданная в 1812 г. для помощи пострадавшим во время нашествия наполеона на Россию. Общество состояло под покровительством императрицы Елизаветы Алексеевны, а после ее кончины было передано Николаем под покровительство его супруги – Александры Федоровны. В 1833 г. Патриотическое общество получило новый устав, в соответствии с которым фактически приняло характер государственного учреждения. В параграфе втором первой части Устава «общие правила», говорится, что учрежденные Патриотическим обществом «… частные школы для бедных детей женского пола составляют… благотворительную цель…»[148]. Однако в параграфе сорок четвертом части шестой Устава «о канцелярии» указано, что сотрудники канцелярии «считаются в действительной службе». Кроме того, Патриотическое общество в соответствии с параграфом сорок пятым той же части Устава имело печать с государственным гербом[149]. В 1844 г. школы общества «вошли в общегосударственную сеть женских учебных заведений»[150]. В 1854 г., остававшийся самостоятельным Патриотический институт и Патриотическое общество, как и другие учреждения под покровительством императрицы Александры Федоровны, были включены в состав Ведомства учреждений императрицы Марии.

Ведомство учреждений императрицы Марии находилось «под непосредственным их императорских величеств покровительством». Руководителями его считались император и его супруга, однако непосредственное управление осуществлялось высшими чиновниками. С 1828 по 1860 г. ведомство возглавляли статс-секретари по делам учреждений императрицы Марии – главноуправляющие IV отделением собственной его императорского величества канцелярии. С 1860

по 1917 г. ведомством императрицы Марии руководили главноуправляющие. В 1860–1880 гг. эти функции выполнял принц П. Г. Ольденбургский. В 1880 г. В связи с реорганизацией канцелярии ее IV отделение было преобразовано в самостоятельную собственную его императорского величества канцелярию по учреждениям императрицы Марии. Во второй половине XIX столетия в их число были включены два новых благотворительных ведомства для оказания специализированной помощи слепым и глухонемым – Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых и попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых.

История возникновения Попечительства о слепых связана с организацией помощи инвалидам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Эта помощь осуществлялась главным попечительством для призрения нуждающихся семейств воинов. Его руководитель, К. К. Грот, пришел к мысли о необходимости создания специализированной структуры для призрения как слепых инвалидов войны, так и вообще людей, лишенных зрения. В 1881 г. создано Мариинское попечительство о слепых, названное в честь императрицы Марии Александровны, супруги Александра II. Действовало оно на благотворительной основе и некоторое время находилось в ведении Министерства внутренних дел. Высочайшим указом 10 марта 1883 г. Оно было причислено к Ведомству учреждений императрицы Марии и получило окончательное наименование Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых.

Статус новой благотворительной структуры устанавливался «основными началами для деятельности Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых» и определялся весьма своеобразно. В документе указывалось, что Попечительство, «будучи учреждением частным, пользуется покровительством Правительства и состоит со всеми устроенными им заведениями в ведомстве учреждений императрицы Марии»[151]. Упоминание о «частном» характере Попечительства не означало его принадлежности какому-либо лицу. Имелось в виду, что Попечительство – самостоятельное ведомство, не зависящее от государства и других благотворительных обществ. Возглавлял его председатель. Он руководил общим собранием и советом – центральными управленческими органами. Общее собрание, созывавшееся периодически, рассматривало все вопросы, связанные с деятельностью Попечительства. Текущей деятельностью руководил совет. Его председатель, он же председатель Попечительства о слепых, руководил работой общих собраний.

Взаимоотношения председателя и главноуправляющего ведомством императрицы Марии законодательством не оговаривались. Главноуправляющий осуществлял «высший надзор» над всеми учреждениями императрицы Марии. Исходя из этого, председатель Попечительства о слепых должен был подчиняться главноуправляющему. В то же время председатель имел право докладывать о делах Попечительства лично императору и его супруге. Порядок представления этих дел на «высочайшее благовоззрение» тоже не оговаривался, но председатель Попечительства имел звание статс-секретаря, дававшее право личного доклада императору.

В 1898 г. в ведомстве императрицы Марии была создана специализированная благотворительная организация – Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых, состоявшее под ее покровительством. Фактически Мария Федоровна являлась покровительницей трех благотворительных ведомств – Ведомства учреждений императрицы Марии, Российского общества Красного Креста и вновь созданного, которое полностью именовалось как «состоящее под августейшим покровительством их императорских величеств Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых». Деятельность этого ведомства определялась специальным Положением. Характер Попечительства этим документом не определялся. Указывалось только, что оно «состоит в ведомстве учреждений императрицы Марии»[152]. Его центральными управленческими органами являлись комитет и совет. Комитет осуществлял «высший надзор» за всеми учреждениями призрения глухонемых и рассматривал наиболее важные вопросы, связанные с деятельностью Попечительства. Совет занимался текущими учебно-воспитательными, медицинскими и административно-хозяйственными делами. Непосредственное управление находилось в руках председателя комитета. Он являлся одновременно председателем совета. Порядок взаимоотношений председателя комитета Попечительства о глухонемых с главноуправляющим ведомством учреждений императрицы Марии не оговаривался. Попечительства о слепых и глухонемых просуществовали до 1917 г.

Финансирование всех структурных подразделений, обществ и учреждений Ведомства императрицы Марии имело «внебюджетный» характер. Оно осуществлялось за счет средств опекунского совета, неприкосновенных капиталов учреждений призрения и благотворительных пожертвований. Неприкосновенные, или основные, капиталы вкладывались в ценные бумаги. Проценты с этих капиталов шли на обеспечение

текущей деятельности учреждений. Во многих случаях основные капиталы формировались на основе крупных пожертвований членов императорской фамилии. Благотворительные средства поступали в виде спорадических и регулярных взносов. Последние уплачивались лицами, имевшими различные благотворительные звания и считавшимися служащими в ведомстве императрицы Марии. Поступление средств из казны, несмотря на особый статус учреждений императрицы Марии, было нечастным явлением. Как правило, казенные средства использовались для покрытия расходов на ремонтно-строительные работы. Средства, поступавшие от имени членов императорской фамилии, считались частными пожертвованиями.

Особенностью порядка привлечения благотворителей ведомством учреждений императрицы Марии было то, что за пожертвования определенных сумм и другие услуги они получали права государственных служащих, чины и мундиры, могли рассчитывать на правительственные награды.

Практика награждения орденами, медалями и чинами за общественную, в том числе благотворительную, деятельность была распространена в России достаточно широко. Но только в ведомстве учреждений императрицы Марии и Императорском Человеколюбивом обществе она была упорядочена и представляла собой определенную систему. По данным на 1905 г., в ведомстве императрицы Марии чины и мундиры за благотворительные пожертвования и услуги предоставлялись от государства детскими приютами, Патриотическим обществом, Елисаветинским и Киевским благотворительными обществами и еще 21 отдельным заведением[153].

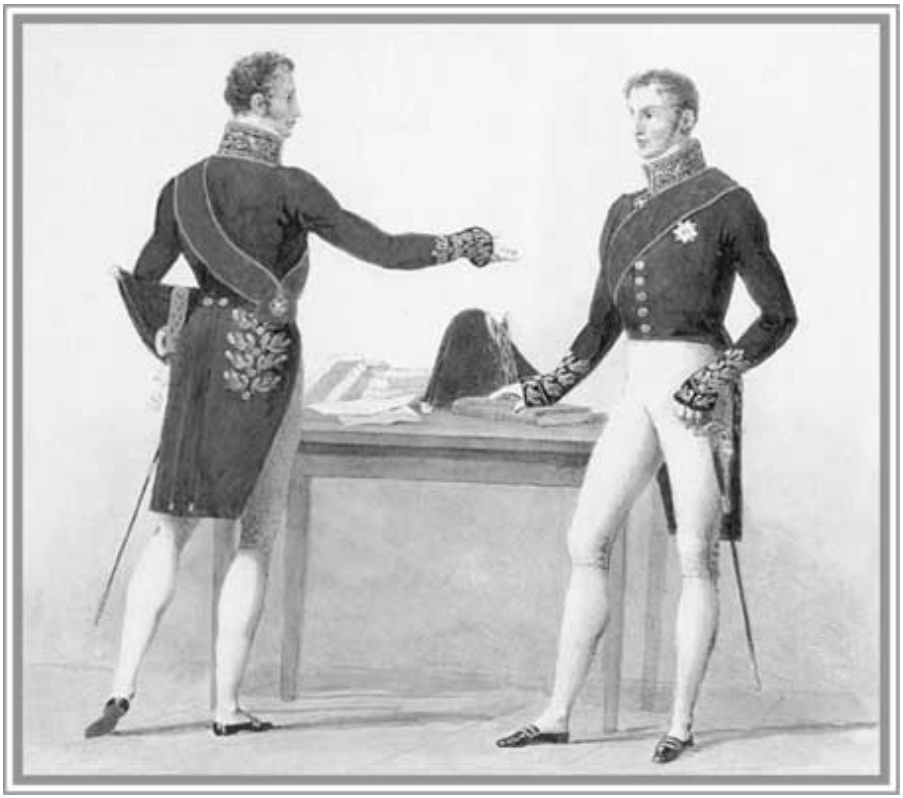
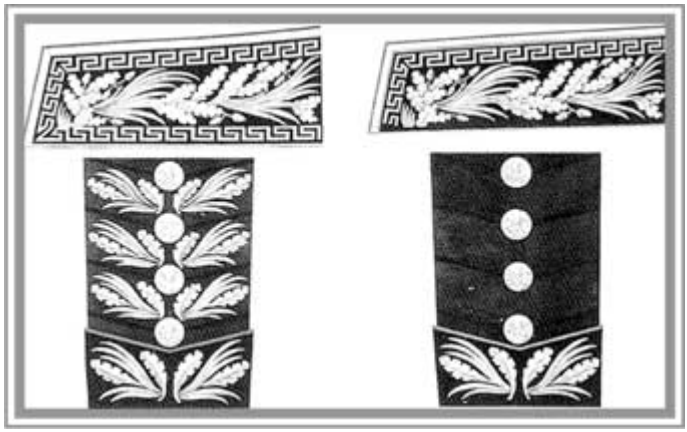


Рисунок мундиров почетных опекунов и других высших служащих Ведомства учреждений императрицы Марии. 1834 г. РГИА

Чины и мундиры имели не только благотворители, но и собственно чиновники. При этом жалование и содержание (зарплату в современном понимании) они получали не во всех случаях. Во многих учреждениях императрицы Марии управляющие, бухгалтеры, архитекторы, врачи и прочие служащие трудились только из-за престижа государственной службы, чина и ведомственного мундира. Свое существование они обеспечивали заработками в других местах. Функции чиновников и благотворителей, имевших чины, различались. Последние, финансируя подведомственные благотворительные заведения, участвовали в управлении или управляли ими, определяя стратегию развития. Чиновники центрального аппарата выполняли распоряжения главноуправляющего, помогали ему координировать деятельность сложного комплекса благотворительных обществ и учреждений призрения, готовили документацию и тому подобное. Чиновники, служившие в заведениях, выполняли административные, технические, финансово-хозяйственные функции, если этим не занимались

благотворители. К чиновникам относился и учебно-воспитательный персонал Ведомства императрицы Марии. Речь, разумеется, идет о мужчинах. Женщины классных чинов и мундиров не имели.



Шитье на воротничках и рукавах мундиров высших служащих (слева) и служащих IV–VIII классов Ведомства учреждений императрицы Марии. 1834 г. РГИА

Ведомство учреждений императрицы Марии имело признаки, как государственного учреждения, так и общественной организации. Принадлежность к собственной его императорского величества канцелярии, право предоставлять чины, мундиры и награды, государственный статус служащих и благотворителей, строго централизованное управление, подчинение верховной власти монарха – все это признаки государственного учреждения. Порядок финансирования учреждений призрения, участие благотворителей и других представителей общественности в управлении благотворительными организациями на местах – дает основание считать ведомство также и общественной организацией. То есть это было специфическое, исключительное в своем роде государственное учреждение, действовавшее как благотворительная общественная организация.

Вторым по времени создания благотворительным ведомством под покровительством дома Романовых было Императорское Человеколюбивое общество. Началом его деятельности принято считать образование 16 мая 1802 г. Указом Александра I Благодетельного общества в Петербурге, работа которого рассматривалась как «государственное благодеяние»[154]. Спустя два дня в Петербурге был создан медико-филантропический комитет для оказания врачебной помощи неимущим. На базе Благодетельного общества 11 ноября 1805 г. Учреждается Санкт-

Петербургский Попечительный о бедных комитет, задачей которого было оказание денежной помощи нуждающимся. Для координации и расширения деятельности этих учреждений 16 июля 1816 г. Создается Императорское Человеколюбивое общество, принятое под непосредственное покровительство монарха. Спустя некоторое время в его состав вошел ряд других благотворительных обществ. Оно само начало создавать благотворительные учреждения призрения. К концу первой четверти XIX в. деятельность Императорского Человеколюбивого общества приняла общероссийский масштаб.

Управление Императорским Человеколюбивым обществом было сходным с управлением ведомством императрицы Марии. Высшим руководителем считался император. Как единый исполнительный руководящий орган с 1816 г. действовал Совет Человеколюбивого общества. Поначалу он состоял из одиннадцати членов, избиравшихся собранием совета и утверждавшихся императором. Со временем их число увеличилось. В начале XX столетия в совет входили более семидесяти действительных и почетных членов[155]. Как и почетные опекуны, члены совета являлись высшими государственными чиновниками, генералами или придворными. Все они выполняли свои обязанности «на общественных началах». Возглавлял совет главный попечитель. Первым был князь С. М. Голицын, занимавший эту должность до 1824 г. После него и до конца существования Императорского Человеколюбивого общества пост главного попечителя занимали высшие представители православного духовенства – митрополиты Санкт-Петербургские. Дела Человеколюбивого общества представлял императору вначале главный попечитель, затем особый статс-секретарь, а с 1902 г. – помощник главного попечителя.

Член Совета Императорского Человеколюбивого общества князь А. Н. Голицын, министр народного просвещения в 1816–1824 гг. Гравюра XIX в.

Все вопросы, связанные с деятельностью Человеколюбивого общества, подлежали обсуждению в совете, но их подготовка и последующее выполнение обеспечивались чиновниками центрального аппарата. Члены совета, имевшие чины первых трех классов, были заняты на службе по основному месту работы и не имели времени глубоко вникать в дела Человеколюбивого общества. Главные попечители тоже не могли уделять ему много времени, так как были заняты церковным служением и деятельностью в ведомстве православного исповедания. Поэтому ключевая роль в управлении Человеколюбивым обществом фактически принадлежала помощнику главного попечителя. Как и ведомство императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество управлялось строго централизованно. В руководстве благотворительными обществами и учреждениями на местах участвовали представители общественности, главным образом, благотворители.

Член Совета Императорского Человеколюбивого общества митрополит Московский и Коломенский Филарет (В. М. Дроздов), в 1812–1819 гг. – архимандрит, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии. Литография XIX в.

Дореволюционное российское законодательство не упоминает Императорское Человеколюбивое общество в числе государственных учреждений. Однако некоторые благотворители и чиновники имели права государственных служащих, чины и мундиры. В 1816 г. их получила небольшая часть служащих центрального аппарата и некоторых заведений. В 1858 г. статус чиновников получили те лица, которые выполняли одинаковые обязанности со служащими, уже имевшими чины. В начале XX столетия права государственных служащих имели практически все лица, работавшие в центральном аппарате и местных учреждениях на административно-хозяйственных и педагогических должностях. Чины и мундиры за благотворительную деятельность в Человеколюбивом обществе предоставляли медико-филантропический комитет в Санкт-Петербурге, Попечительные о бедных комитеты в столицах и губерниях, женское благотворительное общество в калуге,

одесское благотворительное общество и Струдзовская община сердобольных сестер, а также еще 38 отдельных учреждений[156]. Функции чиновников и благотворителей различались так же, как и в ведомстве императрицы Марии.

По способу финансирования Императорское Человеколюбивое общество являлось общественной организацией, привлекавшей благотворительные пожертвования. К ним относились и средства, поступавшие от лица монарха из кабинета его императорского величества. Пособия из казны выделялись учреждениям общества довольно редко. Они шли на покрытие непредвиденных расходов, на ремонтно-строительные нужды или на поддержание только что открытых учреждений.

Поскольку по формальным признакам Императорское Человеколюбивое общество не относилось к государственным учреждениям, его можно охарактеризовать как привилегированную общественную благотворительную организацию. Важнейшей привилегией являлось право предоставлять от государства чины, мундиры и прочие награды за благотворительную деятельность.

Это были мощные стимулы и значение их велико. Государственная служба и чины имели особый престиж. Все подданные российской короны были разделены на сословия. Принадлежность к ним давала определенные социальные привилегии, имевшие как личный, так и наследственный характер. Наибольший объем привилегий обеспечивал дворянский титул. Одним из способов его обретения было получение соответствующего классного чина. Получить такой чин не служившему лицу позволяло крупное благотворительное пожертвование какому-либо заведению, входившему в состав Ведомства императрицы Марии или Императорского Человеколюбивого общества.

Надо отметить, что государство постоянно ужесточало условия получения дворянского титула для выходцев из других сословий. Еще в начале XIX столетия личное, то есть не распространявшееся на членов семьи, дворянство давалось обладателям самого низшего гражданского чина – XIV класса. В гражданской службе потомственное дворянство давал чин VIII класса. Со временем доступ в дворянское сословие был затруднен. Царским манифестом 10 апреля 1832 г. образована новая сословная группа «городских обывателей» – почетные граждане. Потомственное почетное гражданство присваивалось детям лиц, имевших личное дворянство, духовных лиц со средним или высшим образованием, коммерц– и мануфактур-советникам, купцам первой и второй гильдии, имевшим чин или

орден, ученым и художникам, имевшим степень. Личное почетное гражданство присваивалось детям духовных лиц без образования, выпускникам университетов и других высших учебных заведений. Законом от 11 июля 1845 г. обладатели гражданских чинов XIV–X классов были отнесены к почетным гражданам. Право на личное дворянство давал с этого времени чин IX класса. Потомственное дворянство предоставлялось обладателям чина V класса. Законом от 9 декабря 1856 г. потомственное дворянство предоставлялось обладателям чина IV класса в гражданской службе при условии, что этот чин присваивался не при выходе в отставку.

Как правило, благотворительными обществами и заведениями, входившими в два вышеназванные ведомства, предоставлялись чины XIV–X и VIII–VI классов. Самым высоким был чин V класса – статский советник. Следовательно, после 1856 г. благотворители могли рассчитывать на почетное гражданство, либо, в лучшем случае, на личное дворянство.

Стремление повысить сословный и социальный статус было существенным стимулом к пожертвованиям. Почетное гражданство давало ряд преимуществ, особенно до 1860– 1880-х гг. Лица, получившие его, освобождались от телесных наказаний, рекрутской повинности и подушной подати. Чин мог иметь значение и для потомственного дворянина. Дворяне не всегда желали посвящать себя военной или гражданской службе, дававшей чин. Однако он был необходим для службы по дворянским выборам или требовался просто для престижа, чтобы указывать его рядом с фамилией.

Названные ведомства вовсе не стремились к широкой раздаче чинов. Они предоставлялись, когда не хватало средств на обеспечение текущей деятельности благотворительных заведений, и не было иной возможности пополнить их капиталы.

Табель о рангах и чины являлись одной из опор государственного строя российской империи. Чин по представлениям власти следовало выслужить. Получение его вне гражданской, военной или придворной службы рассматривалось как исключение. Самодержавие, заинтересованное в поступлении благотворительных средств в подведомственные учреждения призрения, вместе с тем, стояло на страже интересов чиновничьего корпуса и дворянского сословия.

В ряде случаев стремлению благотворителей получить чин препятствовало законодательство. Получение чина даже за благотворительные пожертвования или безвозмездную службу в учреждениях призрения обуславливалось происхождением и образованием. Согласно Уставу о службе по определению от правительства, содержащемуся в своде законов, изданном в

1857 г., вступать в гражданскую службу могли дворяне потомственные и личные, дети личных дворян, коммерц– и мануфактур-советников, купцов первой и второй гильдий, «дети военных офицеров и вообще чиновников, получивших на службе личное по чинам почетное гражданство, исключая рожденных в то время, когда отцы их находились в нижних воинских званиях»[157]. Кроме того, правом на вступление в гражданскую службу обладали дети священников русской православной и армяно-григорианской церквей и пасторов протестантской церкви. Могли приниматься на государственную службу дети канцелярских служителей и мастеровых, работавших в учреждениях кабинета и департамента уделов, малолетние певчие, уволенные из Придворной капеллы в связи с потерей голоса и дети однодворцев Бессарабской губернии[158]. Прочим лицам доступ к гражданской службе был закрыт. Параграф четвертый Устава о службе по определению от правительства гласил: «…запрещается принимать в гражданскую службу кого-либо из прочих состояний и званий, хотя по постановлениям прежнего времени некоторые лица и к тому допускались»[159].

Существовало еще одно препятствие для получения чинов за благотворительность. По законодательству получение чина выше XIV класса обуславливалось выслугой предыдущих чинов. В исключительных случаях чин высокого класса, минуя табель о рангах, предоставлялся по решению императора. Ограничения на получение чина, обусловленные происхождением и требованием выслуги предыдущих чинов, препятствовали привлечению благотворителей, поэтому высочайше утвержденным положением опекунского совета от 20 ноября 1893 г. Законодательство было откорректировано. По всем учреждениям императрицы Марии разрешалось определять в чины до VI класса включительно благотворителей, «не имеющих соответствующих чинов, а равно не имеющих чинов вообще», если они по своему происхождению и образованию могли поступать на государственную службу. Это правило распространялось также на лиц, занимавших «вышеупомянутые должности со дня вступления в оные»[160].

В тех случаях, когда происхождение и образование не позволяли обладать чином даже с учетом упомянутого выше исключения, своеобразной формой поощрения благотворителей был ведомственный мундир. Лица, не имевшие чинов, могли занимать классные должности по ведомству императрицы Марии «зауряд», то есть без права на чин, но с правом ношения соответствующего мундира. Ведомство имело свой особый мундир. Он представлял собой обычную чиновничью «тройку» – сюртук с бархатным воротником, жилет и брюки черного цвета.

Главноуправляющий и его товарищ имели так называемые плечевые продольные знаки, то есть гражданские погоны из «золотого» жгута на черном бархате с бирюзовой «выпушкой», то есть кантом. Прочие чины Ведомства императрицы Марии имели поперечные наплечные погоны также из черного бархата с бирюзовым кантом. На них крепилась «золотая тканая рогожка» с серебряными звездочками. Количество и рисунок звездочек зависели от чина. Главноуправляющий, его товарищ и чиновники собственной канцелярии имели бирюзовый кант на обшлагах сюртуков. Утвержденное 8 августа 1896 г. «Положение о форменной одежде для чинов Ведомства учреждений императрицы Марии» подтверждало право лиц, не имевших классных чинов, носить «в соответствующих случаях» парадный мундир. При исполнении служебных обязанностей дозволялось носить «по желанию» обыкновенную форму, но без наплечных знаков и шпаги[161].

Законоположения Императорского Человеколюбивого общества не предусматривали присвоения классных чинов без выслуги предыдущих. Однако благотворители, не имевшие права на чин, могли, как и в ведомстве императрицы Марии, занимать классные должности «зауряд». Лицам, состоявшим в должностях и званиях, по которым было «не присвоено прав государственной службы», разрешалось носить «форменную одежду»[162]. Они имели право носить праздничный, парадный и обыкновенный мундиры.

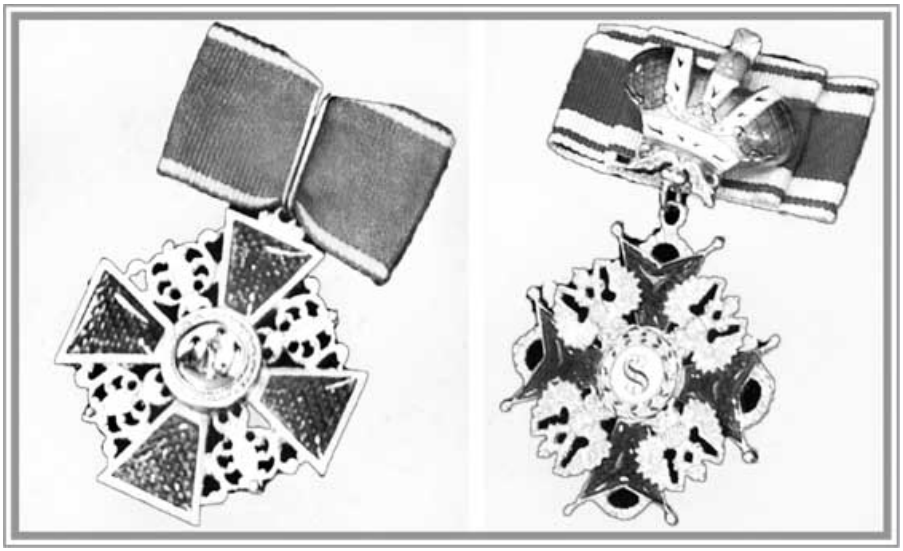
Императорское Человеколюбивое общество тоже имело свой ведомственный мундир. Согласно «описанию и правилам ношения форменной одежды» от 24 августа 1904 г., чиновники и благотворители, имевшие чины, а также лица, имевшие право только на мундир, носили сюртук, брюки и жилет темно-зеленого сукна. Сюртук имел отложной воротник из фиолетового бархата. Помощник главного попечителя носил продольные плечевые погоны в виде серебряного галуна с золочеными звездочками, нашитого на фиолетовую суконную основу. Прочие чины носили на воротниках петлицы из фиолетового бархата. Определенному чину соответствовало определенное количество просветов и звездочек на петлицах. Чиновники и благотворители Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества также имели мундирные фраки, шинели, плащи, фуражки и шляпы. Для многих ведомственный чиновничий мундир был желанной наградой. Он возвышал обладателя в собственных глазах, мог вызвать уважение окружающих. Мундир свидетельствовал о принадлежности обладателя, пусть и косвенной, к касте государственных служащих, стоящих над простым народом.

Средством поощрения благотворителей также служили ордена и медали, которыми названные ведомства награждали от государства. В ведомстве императрицы Марии порядок награждения чиновников и благотворителей был различным. Благотворители представлялись к наградам отдельно. Представления рассматривал опекунский совет, после чего они поступали на утверждение императором. В Императорском Человеколюбивом обществе отдельных правил для награждения чиновников и благотворителей не существовало.

Наиболее престижной наградой считался орден. Благотворители получали ордена в соответствии с классом чинов. Не имевшие чинов могли получать ордена в порядке постепенности, в соответствии с орденской иерархией, но не выше ордена св. Владимира III степени. Если при этом благотворители не были дворянами или почетными гражданами, то награждению первым, самым низшим орденом св. Станислава III степени должно было предшествовать награждение медалью на андреевской ленте (ленте ордена св. Андрея Первозванного).

Низшее место в орденской иерархии российской империи занимал орден св. Станислава III степени – наиболее распространенная награда за благотворительность. Она представляла интерес, главным образом, для лиц, не имевших чинов, классных должностей или почетного гражданства, поскольку сразу давала потомственное почетное гражданство. Имевший орден св. Станислава III степени мог рассчитывать на награждение следующим в иерархии орденом св. Анны III степени (орден св. Анны IV степени представлял собой орденский знак на холодном оружии. Это было, так называемое, «аннинское» оружие, которым награждались военнослужащие).

Лица, имевшие чин коллежского или статского советника, то есть VI и V класса соответственно, допускались к награждению этим орденом без получения более низкой награды. Законодательством предусматривалось награждение орденом св. Анны III степени за благотворительность того, «кто учредит на свой счет больницу, богадельню или училище не менее как на двадцать человек, и исправным содержанием того или другого заведения в продолжение, по крайней мере, семи лет упрочит содержание оного»[163]. Благотворители, получившие орден св. Анны III степени, приобретали личное дворянство.



Орден Св. Анны II степени. Музей РРИА Орден Св. Станислава II степени. Музей РГИА

Следующим, более высоким в наградной иерархии, являлся орден св. Владимира IV степени. Статутом этого ордена предусматривалось награждение и за благотворительность, если благотворитель вновь учреждал или постоянно содержал какое-нибудь общественно-полезное заведение. Гражданское лицо с получением ордена св. Владимира IV степени приобретало потомственное дворянство. С 1900 г. получение потомственного дворянства обуславливалось награждением орденом св. Владимира уже III степени.

Благотворительная деятельность в ведомстве учреждений императрицы Марии и Императорском Человеколюбивом обществе могла отмечаться и более высокими в орденской иерархии наградами – орденами св. Станислава III степени и св. Анны II степени, св. Станислава I степени и св. Владимира III степени. Допускалось награждение и еще более высокими орденами, но для этого надо было иметь чин не ниже действительного статского советника.

Менее престижными наградами были медали. Благотворители, как правило, награждались медалями за «общеполезную деятельность» – золотыми и серебряными с изображением головы царствующего императора в профиль. Иерархия медалей определялась металлом, из которого они изготовлялись, и лентой ордена, на которой носились. Медаль на ленте определенного ордена в наградной иерархии.

Близким по своему значению к ордену был Мариинский знак отличия беспорочной службы, введенный манифестом от 14

декабря 1828 г. Николаем I «об учреждении для лиц женского пола знака отличия беспорочной службы» (по примеру введенного в 1827 г. знака отличия беспорочной службы для офицеров и чиновников). Им награждался женский учебно-воспитательный персонал Ведомства учреждений императрицы Марии. Датой учреждения знака было объявлено 14 октября 1828 г. В память дня рождения императрицы Марии Федоровны. В ее честь знак получил наименование Мариинского. Им награждались «…все исправлявшие свою должность с непременною соответственною важности оной точностию, в званиях классных дам, учительниц, смотрительниц и главных надзирательниц, настоятельниц, инспектрис, директрис и начальниц в одном или нескольких из заведений, состоящих под непосредственным покровительством Любезной родительницы нашей»[164].

Мариинский знак имел две степени. Первой награждались лица, прослужившие в указанных должностях 25 лет и более, второй – более 15, но меньше 25 лет. Мариинский знак носился на ленте ордена св. Владимира. Это была престижная награда. Представления к ней утверждались лично Императором, а сами знаки и соответствующие грамоты поступали из капитула российских орденов.

Наряду с орденами и медалями, заслуги благотворителей и служащих Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества отмечались различными нагрудными знаками и жетонами, вручавшимися непосредственно этими ведомствами. В 1894 г. был утвержден знак двух степеней для служащих детских приютов Ведомства императрицы Марии. Золоченый знак носился председателями, председательницами, вице-председателями, вице-председательницами и членами региональных попечительств, действительными членами комитета главного попечительства детских приютов, Санкт-Петербургского и московского советов, членами постоянных комиссий при советах, чиновниками органов управления. Серебряный знак носили смотрители и смотрительницы, их помощники, служащие и учителя приютов. Знак вручался за плату, устанавливавшуюся главноуправляющим ведомством императрицы Марии. В 1899 г. ведомство установило знак и жетон для награждения лиц, жертвовавших заведениям Санкт-Петербургского совета детских приютов. Для получения знака необходимо было пожертвовать не менее 125 руб. на создание либо расширение сиротских отделений при приютах. Жетоном отмечалось пожертвование не менее 35 руб. «…вообще в пользу заведений Санкт-Петербургского совета детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии»[165]. В 1908 г. аналогичные знак и жетон

были установлены «…для лиц, оказавших услуги московскому совету детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии»[166].

Нагрудный знак выдавался пожертвовавшим не менее 200 руб. на увеличение бесплатных вакансий в приютах, а также действительным и почетным членам совета и почетным старшинам приютов, оказавшим «выдающиеся» услуги совету. Жетон вручался лицам, пожертвовавшим любому заведению совета не менее 50 руб., а также упомянутым членам совета и старшинам «вообще за заслуги» перед ним.

Свои нагрудные знаки имели Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых и Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых. В 1895 г. установило нагрудный знак – золотой и серебряный – Попечительство о слепых. Правом ношения знаков пользовались члены Попечительства и прочие лица, оказавшие ему «выдающиеся услуги», должностные лица, непрерывно прослужившие в учреждениях Попечительства 25 лет, а также прослужившие меньше 25 лет, но имевшие особые заслуги. В зависимости от уровня заслуг и служебного положения указанных лиц знак носился пожизненно либо во время исполнения ими служебных обязанностей. Пожизненно носился золотой знак, в период исполнения служебных обязанностей – серебряный.

Знак двух степеней и жетон Попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых были установлены в 1899 г. знак «высшего достоинства» вручался лицам, пожертвовавшим Попечительству не менее 300 руб. Лица, пожертвовавшие не менее 150 руб. или привлекшие в Попечительство не менее 30 человек, каждый из которых жертвовал не менее 5 рублей, получал право носить знак «низшего достоинства». Жетон вручался лицу, внесшему 75 руб. или привлекшему в Попечительство 15 человек с взносом по 5 руб. Знаки и жетоны предоставлялись бесплатно.

Рисунок знака для мужчин, принимавших участие в деятельности Императорского Человеколюбивого общества трудами и пожертвованиями. Утвержден 17 мая 1897 г. РГИА

Императорское Человеколюбивое общество в 1897 г. установило нагрудный знак для лиц мужского пола – благотворителей и служащих в учреждениях призрения, равно как и для всех, занимавших в них классные должности. Знак имел три степени или «рода». Золотой вручался попечителям и руководителям заведений, председателям комитетов и лицам, служебное положение которых соответствовало чину V класса. Серебряный знак носили все прочие лица, состоявшие на службе в Человеколюбивом обществе, кроме членов-благотворителей и членов-соревнователей. Две последние категории лиц носили бронзовый знак. Для обладания знаком нужно было уплатить денежный взнос, размер которого устанавливался помощником попечителя Человеколюбивого общества. В некоторых случаях этот чиновник имел право освобождать от взноса за знак. Изданные в 1900 г. «Правила о членах-благотворителях и членах-соревнователях Императорского Человеколюбивого общества»

позволяли требовать от членов-благотворителей и членов-соревнователей при вручении знака удостоверение «…местной полиции об их благонадежности, неподсудности и непринадлежности к вредным сектам»[167]. Член-благотворитель и член-соревнователь, жертвовавший не менее 200 руб., получал указанное звание пожизненно и, соответственно, пожизненное право его ношения.

Императорским Человеколюбивым обществом был установлен специальный знак и для дам, принимавших участие в его деятельности. Желавшие иметь этот знак должны были уплатить взнос в 100 руб., но в некоторых случаях помощник главного попечителя имел право освобождать от взноса. Нагрудные знаки были менее престижными, чем ордена, медали и чины наград за благотворительность. Обладание ими не давало служебных, сословных и социальных преимуществ. Но они свидетельствовали об участии их обладателей в добрых делах, повышали престиж благотворительной деятельности.

В конце XIX – начале XX вв. повышение образованности российского общества, рост престижа предпринимательской, научной, технической, литературной, журналистской деятельности привели к тому, что значение чина и мундира как показателей жизненного успеха уменьшилось. Это, в частности, нашло отражение в том, что законоположениями новых благотворительных ведомств и комитетов дома Романовых предоставление чинов и мундиров не предусматривалось. Это относится к Попечительству о домах трудолюбия и работных домах, морскому благотворительному обществу, Татьянинскому и Ольгинскому комитетам.

Рисунок знака для мужчин, принимавших участие в

деятельности Императорского Человеколюбивого общества трудами и пожертвованиями. Утвержден 17 мая 1897 г. РГИА

Созданное в 1895 г. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах состояло под покровительством супруги Николая II Александры Федоровны. В 1906 г. оно было реорганизовано и стало называться Попечительством о трудовой помощи. Полностью оно именовалось как «состоящее под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительство о трудовой помощи». Центральным органом управления им являлся комитет, возглавляемый императрицей, состоял из вице-председателя и действительных членов. Все они утверждались августейшей председательницей сроком на три года. Непосредственное руководство Попечительством находилось в руках вице-председателя комитета. Делопроизводство вела канцелярия, состоявшая из управляющего делами, инспектора и письмоводителей. С 1906 г. в составе комитета работали несколько постоянных комиссий – ревизионная, уставная и финансовая. Они формировались из числа действительных членов комитета. Председатели комиссий утверждались императрицей. Комитет имел право создавать по мере надобности и другие постоянные либо временные комиссии. Докладывать о делах Попечительства императрице было обязанностью вице-председателя комитета. И он, и действительные члены комитета назначались из числа высокопоставленных чиновников и придворных. Законоположениями Попечительства о трудовой помощи не оговаривалось, в каком чине, должности и звании должны были состоять члены комитета. Как правило, это были лица, обладавшие военными, гражданскими и придворными чинами не ниже IV класса. В этом отношении комитет был похож на опекунский совет Ведомства императрицы Марии и совет Императорского Человеколюбивого общества. Но существовали и отличия. По сведениям на 1915 г., в число действительных членов Попечительства о трудовой помощи входила женщина – статс-дама, гофмейстерина Е. А. Нарышкина. В состав опекунского совета и совета Человеколюбивого общества женщины не входили.

В Комитет входили известные в России правоведы, специалисты в области призрения. В частности – известный юрист, государственный и общественный деятель А. Ф. Кони, видные теоретики и организаторы благотворительности и призрения М. Н. Галкин-Враский и Е. Д. Максимов. Помимо

действительных, в состав Попечительства входили почетные члены и пожизненные члены-благотворители. Те и другие также являлись высокопоставленными чиновниками и придворными. Члены комитета и члены Попечительства исполняли свои обязанности безвозмездно, не получая материального вознаграждения, чинов и ведомственных мундиров. Так же и служащие местных подразделений и заведений. Чиновниками, получавшими жалование, содержание и «квартирные» деньги, являлись только управляющий делами, инспектора и делопроизводители.

Порядок принятия решений в ведомстве трудовой помощи напоминает порядок, существовавший в учреждениях императрицы Марии и Человеколюбивом обществе. Документы и законоположения общего характера готовились в комитете. Все решения, принимавшиеся им, подлежали утверждению покровительницей – императрицей. Общественность в лице благотворителей, жертвовавших деньги, материальные ценности либо бескорыстный труд, принимала участие в управлении местными благотворительными обществами и заведениями. Однако непосредственно влиять на принятие решений руководством она не могла.

Средства Ведомства трудовой помощи составлялись из процентов с неприкосновенного капитала в полмиллиона рублей, пожалованного из бюджета при основании Попечительства, доходов с недвижимого и движимого имущества, сборов от различных благотворительных пожертвований. Последние поступали как в форме регулярных взносов, так и спорадически.

В отличие от учреждений императрицы Марии и Человеколюбивого общества, ведомство трудовой помощи не предоставляло права государственной службы, чины и мундиры за благотворительные пожертвования и безвозмездную службу в учреждениях призрения. Не было и особых правил о награждении благотворителей орденами, хотя практика награждения за безвозмездную службу в учреждениях призрения существовала. Служащие Попечительства и благотворители могли награждаться ведомственными знаками и значками, которые вручались по усмотрению Александры Федоровны «…за выдающиеся труды деятелям Попечительства и за пожертвования, при дипломе за Собственноручною Ее Императорского Величества подписью»[168]. Знаки были эмалированные, позолоченные, серебряные и бронзовые, и вручались они в зависимости от конкретных заслуг получавшего их лица. Знаки и значки были именными.

Попечительство о домах трудолюбия и работных домах как до, так и после реорганизации и переименования в

Попечительство о трудовой помощи являлось типичной общественной благотворительной организацией. Отсутствие в законодательстве указаний на государственный характер Попечительства, привлечение общественности к управлению структурными подразделениями и заведениями на местах, финансирование учреждений призрения за счет благотворительности, отсутствие прав государственной службы, чинов и мундиров у благотворителей – все это дает основание характеризовать ведомство трудовой помощи именно так. Единственным отличием его от обычных благотворительных организаций было высочайшее покровительство, которое в данном случае имело конкретное материальное выражение. Любая благотворительная организация могла только мечтать о пятистах тысячах рублей основного капитала.

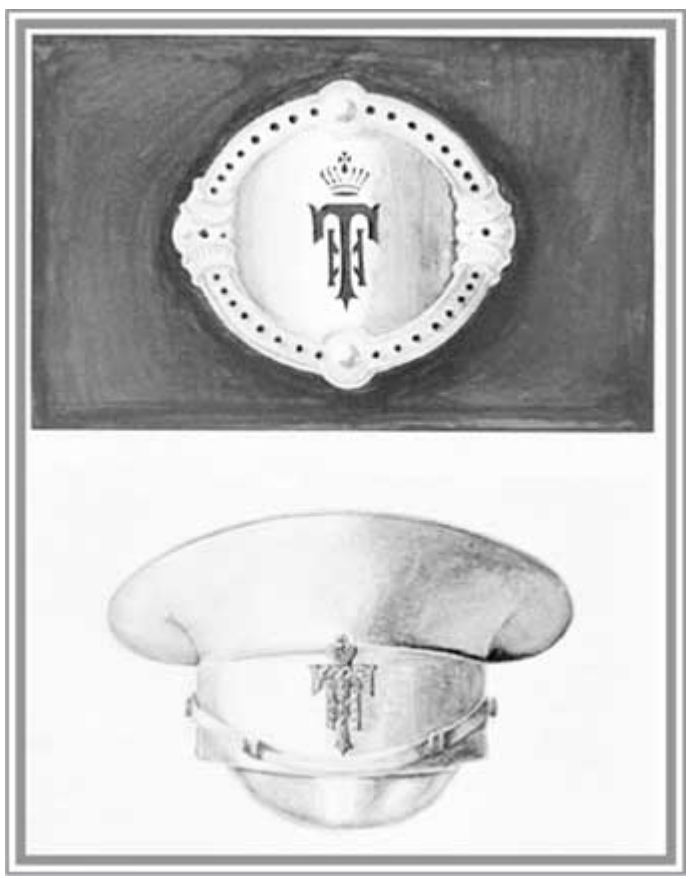
Во втором десятилетии XX в. был создан ряд новых благотворительных структур под покровительством императорской фамилии. В 1913 г. для призрения сельских детей был организован романовский комитет, находившийся под покровительством императора. В том же году возникло Попечительство по охране материнства и младенчества, состоявшее под покровительством императрицы Александры Федоровны.

Вступление России в Первую мировую войну привело к созданию нескольких благотворительных комитетов, предназначенных для оказания помощи различным категориям пострадавших на ней. Крупнейшей из этих структур был названный в честь дочери Николая II «Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий», учрежденный 14 сентября 1914 г. сокращенно комитет назывался Татьянинским. Организационно он состоял из собственно комитета, располагавшегося в Петербурге, и подчинявшихся ему губернских и областных отделов. Им, в свою очередь, подчинялись уездные отделения. Финансировался Татьянинский комитет также, как и другие благотворительные организации дома Романовых. Согласно положению, средства комитета формировались за счет благотворительных пожертвований постоянных и временных сборов, доходов от недвижимости, аренды, благотворительных лотерей, а также «ассигнований из казны». Но в отличие от благотворительных ведомств дома Романовых, созданных в XIX столетии, Татьянинский комитет финансировался преимущественно из казны. К началу 1916 г. из 22 759 105 руб. и 1 коп., составлявших приход комитета, 15 400 000 руб. были получены из государственного

казначейства. Пожертвования императора и его супруги составляли 4 250 000 рублей. Сумма в 3617 руб. 31 коп. поступила по процентам с текущего счета комитета в Волжско-Камском банке. От благотворительной лотереи 1914 г. комитет получил 3 000 000 руб. Пожертвования учреждений и частных лиц составили 3930 руб. 70 коп.[169]

Татьянинский комитет, являясь общественной организацией, решал, как и другие крупные благотворительные ведомства императорской фамилии, государственные задачи в области призрения. При этом он финансировался почти на три четверти из государственных средств. Этот факт можно рассматривать как шаг к государственному призрению.

Работа в Татьянинском комитете не давала никаких сословных или служебных привилегий и преимуществ. Активное сотрудничество отмечалось только дипломами и жетонами, которые вручались от имени великой княжны «…за оказание комитету выдающихся заслуг жертвами или устройством сборов, подписок, выставок, концертов, спектаклей, лекций и так далее»[170].



Удостоенные высочайшего утверждения рисунки нарукавной повязки и знака на фуражку для лиц, служащих в Комитете великой княжны Татьяны Николаевны. РГИА

Награждение дипломами и жетонами было введено в 1915 г. Дипломы первого разряда, вручавшиеся общественным организациям и учреждениям, печатались на «веленевой» бумаге «золотым» шрифтом, второго разряда – на обыкновенной бумаге черным шрифтом. Частным лицам вручались жетоны: первого разряда – серебряные и второго – бронзовые. Они представляли собой подобие нагрудного значка «…из синего эмалевого щита, на коем помещены накладные инициалы ее высочества»[171]. Своих ведомственных мундиров Татьянинский комитет не имел. Его служащие носили эмблемы на фуражках и нарукавные повязки. Эмблема представляла собой значок «…из золотого вензелевого изображения имени августейшей Почетной Председательницы комитета великой княжны Татьяны Николаевны»[172]. Нарукавная повязка состояла из ленты светло-синего сукна, к которой крепилась медная бляха со сквозным изображением инициалов Татьяны Николаевны.

Петроградские благотворительные структуры под покровительством дома Романовых – морское благотворительное общество и Ольгинский комитет – по правовому положению и способам финансирования являлись общественными организациями. Деятельность морского благотворительного общества обеспечивалась только за счет пожертвований, включая незначительные поступления от членов императорской фамилии. Управлялось морское благотворительное общество общим собранием и избираемым из его состава советом. Заслуги перед обществом отмечались серебряными и золотыми жетонами. Серебряные вручались тем, кто вносил единовременно 10 руб., «а равно служащим в обществе и другим лицам, оказавшим ему содействие иными способами»[173]. Золотой жетон вручался почетным членам общества, членам совета, служившим в этом звании непрерывно не менее трех лет, и «тем из жертвователей, имеющих серебряные жетоны, которые привлекли 10 других жертвователей с рублевым взносом каждый»[174].

Великие княжны Мария, Анастасия, Татьяна и Ольга Николаевны. 1910-е гг.

Созданный 11 августа 1914 г. «Особый Петроградский комитет ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну», сокращенно называвшийся Ольгинским, или Петроградским Ольгинским, также привлекал благотворительные пожертвования. Кроме того, Ольгинский комитет получал денежные средства, если не из казны, то от государственного органа – верховного совета по призрению лиц, призванных на войну. Организационное устройство Ольгинского комитета было подобно Татьянинскому. Собственно комитет составлял 21 человек, работавших под почетным председательством великой княжны. Собирался он в полном составе редко, поэтому его деятельностью фактически руководил Постоянный исполнительный отдел. Местными отделениями комитета были 12 уездных и городских комиссий.

Наиболее заметной отличительной чертой крупных благотворительных ведомств и комитетов под покровительством дома Романовых является их, если так можно выразиться, двойственный характер. Они сочетали в себе элементы государственных структур и общественных организаций. Такое положение определяло как положительные, так и отрицательные стороны осуществлявшегося ими призрения. На первый взгляд,

это отражало внутреннее противоречие в организационной структуре и образе действия указанных ведомств. Но если рассматривать российскую благотворительность под покровительством Романовых и призрение на ее основе в контексте исторических условий, в которых они существовали, то никакого противоречия, противопоставления государственных и общественных элементов в деятельности названных ведомств и комитетов не было. Император являлся правителем государства и главой всех своих подданных, из которых, собственно, и состояло российское общество. В число подданных входили и члены семьи монарха, покровительствовавшие благотворительности от его имени как главы государства и патриархального отца семейства. Отсюда объединение, но не смешение государственных и общественных элементов в благотворительных ведомствах и комитетах под покровительством императорской фамилии. Такой порядок, несмотря на недостатки, был понятен современникам и одобрялся общественностью, что выражалось в благотворительных пожертвованиях и безвозмездной службе в учреждениях призрения.

В начале XX столетия длительные преобразования в благотворительных ведомствах дома Романовых в основном завершились. Правовая база и организационная структура Ведомства учреждений императрицы Марии, включая Попечительства о слепых и о глухонемых, Императорского Человеколюбивого общества и Попечительства о трудовой помощи приняли окончательный вид и в последующие годы существенно не менялись, равно как и принципы оказания социальной помощи. Эти принципы были положены в основу деятельности и новых благотворительных комитетов дома Романовых, созданных с началом мировой войны, – Татьянинского и Ольгинского. Однако на рубеже XIX–XX вв. и в первое десятилетие XX столетия изменились исторические условия деятельности ведомств и комитетов под покровительством императорской фамилии.

Период ускоренной модернизации страны, начавшийся в 1890-е гг., сопровождался обострением социальных противоречий. Это заставляло власть уделять больше внимания вопросам призрения. В первую очередь требовала пересмотра правовая база социальной помощи, поскольку без разработки отвечающего требованиям времени законодательства было сложно осуществлять общегосударственные мероприятия в этой сфере. Прежний Устав об общественном призрении, по существу не менявшийся на протяжении XIX в., устарел. В нем, как уже нами отмечалось, не указывалось конкретно, какие категории

населения и при каких обстоятельствах подлежали обязательному призрению, не устанавливались единые общегосударственные формы призрения и источники его финансирования, никак не определялась роль самого государства.

Без предварительной проработки дать ответы на эти сложнейшие вопросы было нельзя, поэтому в конце 1892 г. при Министерстве внутренних дел была создана межведомственная комиссия для разработки нового законодательства о призрении. Возглавил ее создатель и многолетний руководитель Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых Константин Карлович Грот. Комиссия рассмотрела несколько проектов, свидетельствующих о том, какими виделись пути реформирования законодательства о призрении представителям правительственных и общественных структур, организаторам и теоретикам благотворительности и призрения. Ряд проектов был разработан уже после закрытия комиссии, в начале XX в.

Характеристика обсуждавшихся в комиссии и созданных позже законопроектов облегчается тем, что их краткий анализ дан в докладе Н. К. Ди-Сеньи «К вопросу о пересмотре действующего законодательства об общественном призрении», сделанном на Первом съезде русских деятелей по общественному и частному призрению, состоявшемся в 1910 г. в Петербурге. В числе этих проектов были как разработанные в правительственных структурах, так и представленные «со стороны» общественными деятелями и организаторами призрения.

К правительственным можно отнести проекты, так называемой, Подкомиссии, разработанный под руководством К. К. Грота «Проект общих оснований положения об общественном призрении», а также представленное руководителем хозяйственного департамента МВД И. И. Кабатом «Положение об общих основаниях общественного призрения». В 1897 г. они все были представлены в комиссию под руководством К. К. Грота, уже после ее закрытия Хозяйственным департаментом МВД был разработан «Проект об изменениях и дополнениях Устава общественного призрения». Свои проекты представили известный теоретик и организатор призрения и благотворительности Е. Д. Максимов, работавший в Попечительстве о трудовой помощи, и профессор Санкт-Петербургского университета, историк В. И. Герье.

Разработанное В. И. Герье «Положение о попечительствах общественного призрения» с приложением «свода общих оснований для проекта об общественном призрении» было представлено в комиссию К. К. Грота. Е. Д. Максимов подготовил

«Устав попечения о трудящихся» в 1906 г. По предложению главного управления по делам местного хозяйства МВД.

Общим для всех проектов было то, что в них, в отличие от действовавшего Устава об общественном призрении, указывались категории нуждающихся в помощи. Обязательному призрению подлежали «…душевнобольные, одинокие дети, беспомощные старики, калеки и т. д., словом, все те нуждающиеся, неоказание помощи которым может служить ближайшей причиной потери ими жизни или здравия или может повести к нарушению общественной безопасности»[175]. Принцип обязательности призрения этих категорий граждан был сформулирован во всех проектах, кроме проекта Герье.

Сложнее было определить кто, собственно, должен нести главную ответственность за призрение. «общая схема оказания обязательной помощи нуждающимся во всех рассматриваемых проектах одинакова, – отмечает Ди-Сеньи, – обязанности и расходы по призрению, прежде всего, возлагаются на ближайших родственников… При отсутствии у нуждающихся родственников обязанности по призрению переходят или на сословные общества, к которым эти нуждающиеся принадлежат (проекты Герье, Грота, Кабата и бывшего Хозяйственного департамента), или на земские и городские установления (проекты Подкомиссии и Максимова)»[176].

Общее руководство призрением авторы проектов предлагали поручить МВД. Кроме того, в земских губерниях обязанности по призрению предполагалось возложить на губернские и уездные земства, а в городах – на городские общественные управления. Но роль государства, которое только и могло гарантировать обязательное призрение, была выражена в проектах нечетко. «Что касается обязанности государства, как такового, принимать непосредственное участие в деле общественного призрения, – отмечается в обзоре законопроектов, – то проект подкомиссии говорит об этом в самых общих чертах, а проект бывшего хозяйственного департамента даже совершенно умалчивает. Проекты Герье и Кабата устанавливают, что помощь из государственных источников имеет место лишь в случаях массовых чрезвычайных бедствий…»[177]. В проекте Максимова к обязанностям государства отнесена помощь тем категориям нуждающихся, которые не могли рассчитывать на какую-либо иную поддержку, а именно: бродягам, увечным воинам, семействам погибших на войне и пропавших без вести. Предусматривались также государственные субсидии земствам на содержание учреждений призрения.

Государству в указанных проектах отводилась достаточно

скромная роль. Это можно объяснить тем, что их авторы опасались негативной реакции со стороны власти, не желавшей возлагать на государство ответственность за призрение. Поэтому и финансирование призрения рассматривалось в большинстве проектов как обязанность общества. В проектах Кабата и Хозяйственного департамента МВД вопросы финансирования фактически не рассматривались. Прочие проекты называли в качестве источников финансовых средств «…ассигнования земств и городов, пожертвования, доходы с капиталов недвижимых имуществ, принадлежащих попечительствам, штрафные суммы и другие случайные и чисто хозяйственные доходы…»[178]. Частичное финансирование призрения государством предусматривалось проектами подкомиссии и Грота. В первом признавалось необходимым «…образование особого фонда государственного призрения путем равномерного сбора со всего населения империи; по проекту Грота на нужды призрения должен поступать известный процент с доходов некоторых частных и общественных учреждений и предприятий»[179]. Проект Максимова предлагал дать земствам и городскому общественному управлению право устанавливать сборы с различных увеселительных мероприятий. Но все эти источники рассматривались как экстраординарные.

Авторы проектов рассчитывали, главным образом, на традиционные источники обеспечения призрения, среди которых были и благотворительные пожертвования. На практике они часто являлись единственным источником. Чтобы получать доходы с недвижимости и капиталов, учреждение призрения должно было прежде приобрести либо получить недвижимость и составить капитал. Многие учреждения не имели такой возможности и существовали за счет текущих пожертвований. У земств и городских общественных управлений были свои расходы, а штрафные, хозяйственные и прочие источники поступления средств были действительно «случайными». На рубеже XIX–XX вв. благотворительность по-прежнему представлялась важнейшим источником обеспечения призрения.

В 1895 г. комиссией была разработана и разослана по городам и земствам анкета, которая включала вопросы о количестве нуждающихся, о направлениях и формах осуществлявшегося в городах и губерниях призрения, об источниках его обеспечения, правах и обязанностях организаций и их взаимоотношениях с благотворительностью. Е. Д. Максимов по этому поводу отметил: «нельзя не приветствовать самого факта обращения правительственной комиссии к общественным учреждениям с запросом по делу, в котором они являются

наиболее компетентными и осведомленными»[180]. Полученные в виде ответов на вопросы анкеты данные комиссией были обработаны, обобщены и опубликованы в 1896 г. в «Своде ответов земских и городских управлений на основные вопросы общественного призрения по запросу комиссии 30 марта 1895 г.»[181]. Кроме того, комиссией были обработаны и изданы собранные через Хозяйственный департамент МВД сведения об общественном призрении и благотворительных учреждениях в 44 губерниях России, а также обзор деятельности земств по общественному призрению в течение 30 лет[182].

Представленные в комиссию Грота проекты вызвали серьезные разногласия среди ее членов, которые не смогли выработать общий проект. Дело увязло в бюрократической рутине. К. К. Грот, видя и понимая это, в 1895 г. начал просить об отставке по состоянию здоровья с поста руководителя комиссии. Это было вполне уважительной причиной – ему исполнилось 80 лет. В 1896 г. Грот тяжело заболел и оставил работу. В марте 1897 г. он получил отставку, а в октябре скончался. С его отставкой комиссия фактически прекратила свою деятельность и вскоре была ликвидирована, а ее материалы переданы в Министерство внутренних дел, где практически никак не были использованы.

Чтобы дополнить и откорректировать хотя бы существовавший Устав об общественном призрении, Хозяйственный департамент МВД разработал проект изменений и дополнений в этот документ, но он даже не был принят к рассмотрению в государственном совете. «тем не менее, – отмечает современный исследователь, – работа комиссии не прошла бесследно – с конца 1890-х годов МВД в своих циркулярах и в практической деятельности стало учитывать „интеллектуальный капитал“, накопленный комиссией Грота»[183].

Основной причиной неудачи попытки разработать общегосударственное законодательство о призрении являлось отсутствие у власти ясного понимания того, каким оно должно быть, из каких источников финансироваться, какие категории населения охватывать и кому подчиняться. Административный аппарат самодержавия оказался не в состоянии самостоятельно разрешить эти вопросы. Не был способен осмыслить их и государь.

Представления последнего российского монарха о социальной политике не выходили, как отмечалось, за рамки традиционных патриархально-патерналистских воззрений на народ. Этому вполне отвечала деятельность благотворительных

ведомств дома Романовых. В результате ни один из проектов реорганизации призрения, разработанных с конца XIX столетия до 1906 г., когда уже шла революция, не был востребован. Более того, ни один из законопроектов даже не обсуждался в государственном совете (имеется в виду дореформенный Госсовет, не имевший прав верхней палаты российского парламента).

К этому времени благотворительные ведомства дома Романовых накопили огромный опыт работы по оказанию социальной помощи практически всем категориям нуждающихся, кроме душевнобольных. Но ни одно из них ни до, ни после революции 1905–1907 гг. не представило своих соображений о реорганизации общественного призрения в стране. Работавшие в этих ведомствах специалисты, несомненно, понимали, что нужны серьезные реформы. Но инициатива «снизу» не поощрялась, а привилегированное положение ведомств вполне устраивало их руководителей и августейших покровителей. В императорской семье в начале XX столетия не нашлось человека, подобного принцу П. Г. Ольденбургскому, способного инициировать благотворительные ведомства и общегосударственные преобразования в области призрения.

Во втором десятилетии XX в. обсуждение российской общественностью проблем благотворительности и призрения вышло на новый уровень. В марте 1910 г. в Петербурге прошел Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению. Инициатива его созыва принадлежала всероссийскому союзу учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, созданному 15 февраля 1909 г. Второй общероссийский форум по общественному призрению был созван в мае 1914 г. Министерством внутренних дел.

Надо отметить, что такая форма обсуждения вопросов социальной политики не была новой. С 1877 г. проходили съезды уполномоченных петербургских благотворительных обществ. В 1886 г. в Москве работал съезд представителей учреждений детской помощи. Благотворительные ведомства дома Романовых съездов не проводили. Этому мешали их статус и порядок управления. Исключением было Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых, которое провело два съезда – в 1901 и в 1909 гг. Эти съезды рассматривали широкий круг вопросов, связанных с призрением слепых, но имели ведомственный характер. Собрать общероссийский форум долгое время было невозможно. Власть допускала обсуждение социальных вопросов в печати, но отрицательно относилась к их

рассмотрению на собраниях, особенно всероссийского масштаба.

В 1902 г. о проведении съезда ходатайствовал благотворительный совет, созданный Московским городским общественным управлением для координации такой деятельности в городе. Но против этого резко выступили Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и министр внутренних дел В. К. Плеве, опасавшиеся обсуждения политически нежелательных вопросов. Безрезультатными оказались и ходатайства московского губернского земства о созыве съезда по общественному призрению.

После первой русской революции общественная атмосфера в стране стала иной. В феврале 1909 г. в Петербурге возникла общественная организация – всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, стремившийся объединить как отдельных лиц, так и существовавшие в России структуры. Цель союза была сформулирована известным теоретиком и организатором благотворительности С. К. Гогелем. В речи, посвященной открытию съезда, он, в частности, отметил, что союз «…имеет в виду посвятить свои труды даже не столько русским, нуждающимся вообще, сколько самой русской благотворительности, она то и является его главным и единственным клиентом, так как союз направит свою деятельность на упорядочение и объединение благотворительной деятельности по всей России. Такова цель нового общества»[184]. Характер деятельности союза определялся так: «роль посредника, советчика и ходатая наиболее отвечает задачам общества, которое является частным обществом, не имеет ни власти, ни намерения вмешиваться в дела отдельных обществ и учреждений, или тем менее с ними конкурировать»[185].

Для того, чтобы выполнить указанную роль, союз собрал Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению, состоявшийся 8–13 марта 1910 г. в Петербурге. На нем был выработан устав, более четко определивший цель союза как распространение в российском обществе «правильных взглядов на благотворительность» и «способы ее осуществления», объединение стремлений «к преобразованиям в области общественного и частного призрения, в видах правильной постановки благотворительности в России»[186]. Под «правильной постановкой» благотворительности подразумевалось придание ей организованного характера. Устав поставил весьма скромные задачи и цели перед столь представительным собранием (список участников съезда насчитывает четыреста человек). Они явно не соответствовали и масштабу социальных проблем в России.

Организаторы съезда учитывали предыдущий неудачный опыт разработки проектов реформирования призрения и решили не тратить время на разработку очередного проекта. Кроме того, надо было иметь в виду разнообразное устройство российских благотворительных ведомств и амбиции их руководителей.

На это прямо указывал С. К. Гогель, не рекомендовавший создавать «центральный правительственный орган» для управления благотворительностью и призрением хотя бы «по одному тому, что этого не допустят никакие наши ведомства»[187]. Несовершенство российского законодательства о призрении Гогель характеризовал как «невиданный ни в одном культурном государстве пробел»[188]. Но, задаваясь вопросом, кто в этом виноват, докладчик ответил сам: «Пока никто»[189]. Говоря «пока», Гогель полагал, что съезд поможет сдвинуть дело с мертвой точки, но сказать «кто» виноват, не мог, поскольку тогда съезд вообще не состоялся бы. В этих условиях съезду оставалось только обсудить и вынести на суд общественности наиболее важные вопросы благотворительности и призрения, наметить пути объединения этой деятельности в масштабах страны. Все докладчики сходились в том, что законодательство о призрении было несовершенно и высказывались за его скорейшее изменение. «Устав, – говорится в общей резолюции первой секции, – должен создать стройную целесообразную систему общественного призрения в России, согласованную с основными началами предстоящего преобразования органов местного самоуправления»[190].

У съезда не вызывало сомнений то, что призрение должно осуществляться совместными усилиями общества и государства. Но каким должно быть непосредственное участие последнего, кто обязан, в конечном счете, отвечать за призрение в России – съезд не определил. Делегаты опасались, что государственная бюрократия может загубить любое живое дело. Отдавать руководство призрением общественности они тоже не предлагали – слишком сложная и масштабная это была задача. В резолюции съезда содержался призыв к органам власти и прессе шире освещать проблемы благотворительности и призрения, а также краткая программа предполагавшегося второго съезда под эгидой союза, включавшая вопросы регистрации неимущего населения, организации трудовой помощи, попечения о беспризорных детях и замены благотворительности страхованием, где это было возможным. Но планировавшийся второй съезд так и не состоялся.

Для благотворительных ведомств дома Романовых съезд заметным событием не стал. Августейшие покровители

благотворительности внимания на него не обратили. Самыми высокопоставленными лицами были директор канцелярии по управлению детскими приютами Ведомства императрицы Марии О. К. Адеркас и товарищ (заместитель) Председателя совета Императорского Человеколюбивого общества Г. Ф. Ракеев. В докладах и прениях они приняли незначительное участие, выступив за объединение благотворителей и учреждений призрения. «отдельные, слабые попытки благотворительных обществ в деле устройства собственных учебно-ремесленных заведений и мастерских кустарного характера, – говорилось в докладе Ракеева „о постановке профессионального образования в благотворительно-воспитательных заведениях“, – должны замениться учреждением на общие средства при соединенных усилиях заинтересованных обществ, новых ремесленных торговых школ, поставленных так, чтобы дать возможность воспитанникам по выходе из школ легко находить работу…»[191]. Однако ничего конкретного, что вело бы к взаимодействию «при соединенных усилиях» в области призрения, ни Человеколюбивое общество, ни другие благотворительные ведомства дома Романовых не предложили.

Выступление историографа и чиновника Человеколюбивого общества В. Д. Троицкого «Краткий исторический очерк и современное состояние благотворительной деятельности Императорского Человеколюбивого общества» не содержало анализа проблем благотворительности и призрения и носило чисто информационный характер. Столь невыразительное участие организаций дома Романовых в работе съезда было обусловлено не тем, что им нечего было сообщить. Ведомство императрицы Марии имело огромный опыт призрения различных категорий детей и юношества. Оно могло представить немало полезных наработок в области женского образования и воспитания, постановки работы воспитательных домов и детских приютов. Многое могли сообщить участникам форума сотрудники императорских Попечительств о слепых и глухонемых, об организации трудовой помощи, а также Человеколюбивого общества. Однако ничего существенного съезд от них не услышал. Возможно, они чувствовали себя неуверенно перед столь широкой аудиторией.

Но, думается, что главная причина была в том, что объединение не на словах, а на деле создавало угрозу исключительному статусу благотворительных ведомств императорской фамилии. Несмотря на перемены в общественной жизни страны и на то, что эти структуры делали то же дело, что все остальные российские учреждения призрения, их августейшие

покровители и руководители не были готовы к тому, чтобы этот статус изменить. Примером может служить история с попыткой подчинить финансы Ведомства императрицы Марии государственному контролю.

В июле 1913 г. контролер П. А. Харитонов, ссылаясь на пожелания Третьей и Четвертой думы подчинить ревизии госконтроля изъятые из сферы его пристального внимания учреждения, направил в Ведомство императрицы Марии письмо. В нем, в частности, говорилось: «в виду важности затронутого вопроса, продолжающихся настояний государственной думы и того обстоятельства, что средства ведомства в значительной части образуются путем непосредственного отпуска из государственного казначейства и от сборов, предоставленных ведомству государством, я находил бы благовременным поставить означенный вопрос на обсуждение»[192].

Ответ был неспешным (его направили в госконтроль лишь в феврале 1914 г.) и давал понять, что вопрос, поднятый госконтролем, неуместен. Возглавлявший ведомство бывший министр внутренних дел, статс-секретарь А. Г. Булыгин сообщил: «…вопрос о подчинении ведомства государственному контролю в ревизионном отношении поднимался уже неоднократно в течение истекшего столетия, тем не менее, в виду исторически сложившегося строя ведомства, осуществление означенного мероприятия… не признавалось возможным, и финансовые обороты его не подлежали никакой другой ревизии, кроме отчетности, представляемой на непосредственное рассмотрение Их Императорских Величеств»[193]. Указав, что и в настоящее время статус организации не изменился, Булыгин заключил: «я со своей стороны не усматриваю никакой необходимости в подчинении ведомства ревизии государственного контроля»[194].

Подобная реакция последовала и со стороны Императорского Человеколюбивого общества, когда в 1902 г. департамент гражданской отчетности госконтроля предложил ему «подвергнуть разработке… вопрос о подчинении отчетности в денежных суммах общества ревизии государственного контроля и предложение по сему предмету внести на утверждение установленным порядком»[195].

Рассмотрение этого вопроса затянулось на шесть лет. В 1902–1905 гг. госконтроль неоднократно интересовался состоянием дела и получал стандартные отписки в том смысле, что «вопрос решается».

В 1908 г. заключение контрольной комиссии Человеколюбивого общества было, наконец, подготовлено и направлено в госконтроль. Из него следовало, что подчинение

средств общества ревизии госконтроля невозможно. В исторической справке, составленной по этому поводу, подтверждалось, что любое изменение в статусе Человеколюбивого общества если «…не доведет его деятельность до полного уничтожения, то, наверное, значительно его ослабит»[196].

11–16 мая 1914 гг. в Петербурге проходил съезд по общественному призрению, созванный Министерством внутренних дел. Сам этот факт говорит о том, что в правительственных кругах осознали – разработать программу решения социальных задач без привлечения общественности невозможно. Участники этого форума попытались сделать то, что не удалось Первому съезду – объединить благотворителей, ведомства и учреждения призрения и разработать законодательные основы общегосударственной социальной политики. На неудовлетворительное положение дел в этой области указывал, как и четыре года назад, председатель оргкомитета съезда С. К. Гогель в речи «о задачах съезда»: «У нас нет организованной общественной благотворительности, у нас нет даже приблизительных определенных категорий неимущих, которые подлежат обязательному призрению со стороны государства»[197]. Задачу съезда Гогель сформулировал так: «Чтобы помочь больному, надо, прежде всего, поставить диагноз, и этот диагноз призван поставить наш съезд, именно благодаря единению, собравший в свою среду стольких видных представителей всех отраслей благотворительности; только она (среда. – *Прим. авт.*) может беспристрастным путем обмена мнений выяснить, в чем нужда, и этим облегчить задачу и законодателю, и правительственной власти»[198].

«Поставить диагноз» оказалось сложно. Съезд обнаружил существенные разногласия во взглядах на то, при каких обстоятельствах призрение должно быть обязательным, кто должен им руководить и непосредственно его осуществлять. Они усугублялись и тем, что государство в лице МВД, собравшего съезд, не сформулировало конкретных требований, которым должны отвечать предложения по законодательной основе призрения, источникам его финансирования и порядку управления. В результате съезд поставленной цели не достиг. Выяснилось, что не все ведомства действительно желают объединения. Характерны были приветствия съезду от благотворительных организаций дома Романовых. О. К. Адеркас, выступая от Ведомства императрицы Марии, подчеркнул, что оно, «являясь одним из наиболее обширных благотворительных ведомств России, глубоко сочувствует высшим человеколюбивым

целям съезда…»[199]. Представитель Человеколюбивого общества В. Д. Троицкий выступил в том же духе: «Что наше общество сочувственно к просвещенным задачам и предстоящим трудам съезда, это доказывается не только командированием представителя от Центрального управления общества, но и присутствием здесь представителей учреждений как Санкт-Петербурга, так и иногородних»[200]. Но «сочувствие» заканчивалось там, где затрагивались прерогативы императорских благотворительных структур. При обсуждении вопроса об обязательном призрении детей органами земского и городского управления съезд, в частности, отметил, что «необходим пересмотр положений о воспитательных домах, в целях включения означенных домов в общую сеть учреждений, ведающих обязательным призрением детей и согласования их деятельности с деятельностью органов самоуправления в этой области»[201]. Такое предложение вызвало резкие возражения у директора Санкт-Петербургского воспитательного дома П. Н. Исаева, заявившего, что «императорские воспитательные дома занимают особое положение, находясь под высочайшим Покровительством их величеств и подведомственны опекунским советам, ввиду чего включение в их общую сеть заведений общественного призрения, подведомственного городским и сельским самоуправлениям недопустимо»[202]. Более того, недовольство представителей Ведомства императрицы Марии вызвало даже то, что в тексте резолюции по итогам обсуждения вопроса слова «воспитательные дома» были написаны с маленькой буквы. По их настоянию буквы были заменены на заглавные. Как и в прежние времена, руководство Ведомства императрицы Марии ревниво оберегало его привилегированный статус.

Два общероссийских съезда по вопросам призрения и благотворительности показали возросший интерес общества к социальной проблематике. Теоретики и практики в области призрения, благотворители, представители городов и земств, церкви, правительственных учреждений обсудили практически все актуальные вопросы социальной политики. Несомненной заслугой съездов явилось то, что они утвердили представления о благотворительности как о факторе, который помогает организации призрения, но не заменяет его. Оба съезда безоговорочно признавали, что призрение должно иметь организованный и систематический характер. Однако практических последствий съезды не имели. Без четкой законодательной основы и последовательной правительственной политики, направленной на объединение усилий

благотворителей и учреждений призрения в масштабах империи, их самостоятельное объединение было невозможным. Основные принципы оказания социальной помощи нуждающимся, по существу, не менялись до революции 1917 г., хотя роль государства в ее осуществлении постепенно возрастала.

Благотворительные ведомства и комитеты дома Романовых пережили свержение своих покровителей в феврале 1917 г. необходимость модернизации призрения в России была очевидной, но временное правительство сознавало, что резкие перемены в этой сфере могли привести к дезорганизации системы социальной помощи. Этим объясняется осторожность, с которой новая власть осуществляла изменения в благотворительных структурах свергнутой династии. Из названий ведомств и комитетов исчезли имена членов бывшей императорской фамилии. Кроме этого, произошли незначительные перемены в их организационной структуре и порядке управления.

Превращение императорской фамилии в «граждан Романовых» мало отразилось на деятельности учреждений, входивших в состав Ведомства императрицы Марии. Решением временного правительства 4 марта 1917 г. оно было формально упразднено, но фактически сохранилось как единая организационная структура, именовавшаяся «Управлением Мариинских благотворительных и учебных учреждений». Комиссаром по делам этих учреждений, вошедших в Министерство народного просвещения, был назначен Е. П. Ковалевский. Чтобы внести ясность в судьбу местных органов управления обществами и учреждениями и не допустить их дезорганизации, 7 марта 1917 г. им было направлено «распоряжение комиссаров временного правительства по учебным заведениям и учреждениям бывшего Ведомства императрицы Марии». В документе содержалось обращение «к советам и лицам, заведующим отдельными учреждениями ведомства, с покорнейшей просьбой продолжить или возобновить там, где она была прервана, свою деятельность и принять все меры к восстановлению правильной жизни и занятий в учебных заведениях[203].

В местных учреждениях бывшего ведомства призыв новой власти был встречен с полным одобрением. Не исключено, что среди сотрудников бывшего ведомства были люди с реакционно-монархическими взглядами. Однако для подавляющего большинства служащих падение монархии трагедией не стало. Постоянное общение с обездоленными людьми, столкновение с реальными проблемами призрения, воспитания и образования не могло способствовать укреплению монархических взглядов.

Кроме того, необходимым условием существования учреждений призрения было конструктивное взаимодействие с новой властью. Свидетельство отношения преподавателей и служащих Ведомства императрицы Марии к Февральской революции – сорок две приветственные телеграммы с мест в центральное управление ведомства, поступившие, главным образом, от учебно-воспитательных заведений. Почти все приветствия носят не эмоциональный, а деловой характер. Руководители и педагогические коллективы докладывали, что учебно-воспитательный процесс из-за революционных событий не прерывался. Новой власти задавались практические вопросы, над которыми ее представители ранее, будучи в оппозиции, вряд ли задумывались. Например, совет Киевского института, приветствуя «новое правительство России», спрашивал, «куда направлять отчетность и переписку… и откуда просить денег на содержание института»[204]. Педагогический коллектив саратовского Мариинского института, приветствуя «переход управления бывшими Мариинскими учебно-воспитательными заведениями в надежные руки избранников народа», напоминал, что «необходима незамедлительная и коренная реформа отживших форм воспитания»[205]. Из общего ряда выделяется приветствие Смольного института, учебно-воспитательный персонал которого выразил стремление служить «обновленной родине с твердой верой, что новый строй жизни обеспечит свободной России полную победу в мировой войне»[206]. Бывшее Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых не ограничилось приветствием, а направило комиссару по делам бывшего Ведомства императрицы Марии Е. П. Ковалевскому записку, составленную по итогам общего собрания педагогического персонала петербургских учреждений Попечительства. Автор записки, делегат от петербургского Училища глухонемых П. В. Кудрявцев, предлагал власти и коллегам «сообща, через посредство своих делегатов, выработать единый правильный план обучения глухонемых детей в связи с новым строем и тем посильно придти на помощь новому правительству…»[207]. В качестве первого шага на этом пути предлагалось ввести обязательное государственное обучение глухонемых детей. При этом отмечалось, что «абсолютное большинство глухонемых детей – дети воинов, сироты и полусироты, забота о коих всецело должна лежать на государстве»[208]. В записке указано и на необходимость организации призрения воинов, ставших глухонемыми в результате контузии или ранения.

Весной 1917 г. новая власть приступила к поиску путей решения задач социальной политики. В апреле Е. П. Ковалевский

обратился к министру народного просвещения А. А. Мануйлову с запиской, в которой указывал, что передача учреждений призрения из бывших благотворительных ведомств и комитетов дома Романовых в другие структуры может отрицательно повлиять на дело социальной помощи. Для обсуждения вопроса о том, что делать с этими учреждениями и как реорганизовать призрение, 17 апреля 1917 г. Ковалевский собрал совещание, в котором приняли участие товарищ министра народного просвещения Д. Д. Гримм, члены государственной думы В. В. Милютин, В. П. Баскаков, Э. П. Бенигсен, председатель городского управления Москвы Д. Я. Дорф, а также известные специалисты в области призрения С. К. Гогель и В. Ф. Дерюжинский. Совещание единогласно высказалось за создание единой общегосударственной структуры управления призрением и «…признало необходимым неотложное принятие мер для образования хотя бы временного органа единения всех разрозненных учреждений общественного призрения»[209]. Решено было приступить к скорейшей разработке нового законодательства об общественном призрении и положения о постоянном государственном органе управления призрением. У совещания не вызывало сомнений участие в организации социальной помощи земств и городских общественных управлений. Предполагалось, что новый орган примет меры «к передаче дел местных учреждений упраздненных комитетов (под покровительством Романовых. – *Прим. авт.*) в ведение органов городского и местного самоуправления»[210]. В состав этого органа планировалось включить представителей земств, городов, Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, министерств (военного, внутренних дел, просвещения, юстиции и финансов), а также представителей союза больничных касс и союза увечных воинов. Предусматривалось приглашение специалистов в области призрения, «…и в случае необходимости, представителей крупнейших организаций частной благотворительности»[211].

Таким образом, совещание сформулировало основные принципы организации государственного призрения, о которых говорилось еще с конца XIX столетия – широкое участие общественности в его делах и управлении, привлечение организованной благотворительности, сосредоточение его в одном ведомстве, выработка нового устава. Первым шагом в этом направлении стало создание в мае 1917 г. Министерства государственного призрения, которое возглавил видный деятель партии кадетов князь Д. И. Шаховской. Тогда же в состав нового министерства были включены учреждения Ведомства

императрицы Марии и Человеколюбивого общества[212].

Но созданные преподавателями и служащими учреждения призрения комитеты встречали в штыки любые инициативы, если предварительно они не получали согласия общественности. Например, после того как в Министерстве государственного призрения решено было создать специальный отдел для управления учебно-воспитательными заведениями, совет союза родительских комитетов Петроградских женских институтов направил Ковалевскому письмо, в котором выразил недовольство тем, что это решение не было предварительно с ним согласовано. Совет напомнил, что «вопросы о реформе учебных заведений и управлении ими с наибольшей полнотой могут быть разрешены только на предстоящем всероссийском съезде представителей учебных заведений ведомства Министерства государственного призрения», а до тех пор следует соблюдать порядок, при котором «все проекты перед поступлением во временное правительство представлялись бы совету союза родительских комитетов»[213]. Ковалевскому также поступило письмо родительского комитета Петроградского Мариинского института. Комитет выступил против перепрофилирования женских институтов и за сохранение их закрытого характера, аргументируя это тем, что дети воинов и беженцев нуждаются в интернатском призрении, а, кроме того, «все возрастающая дороговизна жизни принуждает многих родителей к усиленному заработку в ущерб заботам о воспитании детей»[214].

Немало проблем было и с управлением медицинскими учреждениями бывшего Ведомства императрицы Марии. Вскоре после падения монархии к Ковалевскому обратились военно-медицинская академия, Психоневрологический институт и Петроградский женский медицинский институт с просьбами передать им ряд учреждений из состава ведомства. Напротив, персонал петроградских лечебных заведений, входивших в ведомство, высказался против их передачи или расформирования. Врачи Мариинской женской больницы, больницы Петра Ольденбургского и родовспомогательного заведения выступили за объединение медицинских учреждений бывшего ведомства в единый комплекс на базе клинического института Елены Павловны «в целях руководства и выработки … мероприятий для восстановления правильного течения больничной жизни и возможного улучшения больничного дела в научном, административном и хозяйственном отношениях»[215].

Мариинская больница для бедных на Литейной улице. С.-Петербург. Литография 1820-е гг.

В этих условиях сложно было сохранить контроль за деятельностью многочисленных разнотипных учреждений бывшего Ведомства императрицы Марии, не говоря уже о каких-либо системных преобразованиях. Причиной такого положения дел были не амбиции сотрудников и не стремление сохранить привилегированный статус. Служащие, преподаватели и родители полагали, что при наступившей демократии все, даже текущие вопросы управления, должны решаться после всестороннего обсуждения общественностью. Граждане России, до февраля 1917 г. никогда не жившие в условиях реальных демократических свобод, считали, что они, эти свободы, должны быть безусловными, и стремились воспользоваться ими в полном объеме. Кроме того, новое руководство учреждениями бывшего ведомства само рекомендовало создавать в них советы из выборных лиц, которые с энтузиазмом взялись за управление. Подобные трудности были вполне преодолимы. Но для этого требовалось незамедлительно начать разработку основ общегосударственной социальной политики. Такая сложная работа требовала времени, и для ее выполнения нужна была спокойная политическая обстановка в стране, конструктивное сотрудничество политических сил, пришедших во власть. А эти условия отсутствовали.

Воспитанники приюта принца П. Г. Ольденбургского и сестры милосердия у памятника П. Г. Ольденбургскому перед главным фасадом Мариинской больницы в день 100-летия выдающегося благотворителя. С.-Петербург. 1912 г. Фото ателье К. Буллы

Не дожидаясь инициативы со стороны власти, вновь активизировалась общественность в лице сотрудников бывшего Ведомства императрицы Марии. Летом 1917 г. они создали организационный комитет для подготовки всероссийского съезда представителей учебных заведений ведомства. Заявку на участие в форуме подали 80 учебно-воспитательных заведений[216]. По сохранившимся архивным документам не представляется возможным точно установить круг вопросов, предполагавшихся к обсуждению на съезде. Но с большой долей вероятности можно допустить, что учителя, воспитатели и врачи стремились обсудить и донести до власти наболевшие вопросы о необходимости скорейшей разработки нового устава общественного призрения, о планах и программах работы в новых условиях, о недостатке средств на их содержание и развитие учреждений и прочее. Съезд планировалось провести в Петрограде во второй половине октября 1917 г. Оргкомитет обратился к министру государственного призрения с просьбой о выделении кредита на размещение делегатов, делопроизводство и другие расходы. По подсчетам требовались не менее 25 000 руб. Министерство поддержало инициативу, но выделило всего 1200 руб. на канцелярские расходы. Съезд не состоялся. Этому помешали бурные политические события в Петрограде, в

результате которых власть перешла к большевикам.

Прочие благотворительные ведомства и комитеты бывшей императорской фамилии после февраля 1917 г. также продолжили свою деятельность как единые организационные комплексы. Их сотрудники не выдвигали предложений по реорганизации призрения и образования в масштабах страны, ограничиваясь текущей работой. Человеколюбивое общество перестало быть императорским, но его учреждения продолжали существовать как прежде. Совет общества, в который входили высокопоставленные чиновники и придворные, был упразднен. Функции управления перешли к канцелярии бывшего совета, возглавлявшейся выборной комиссией из служащих.

Продолжало действовать Попечительство о трудовой помощи, из названия которого исчезло упоминание об августейшей покровительнице. Из членов Попечительства был исключен Николай II. Институт действительных и почетных членов Попечительства прекратил свое существование как руководящий орган, поскольку высокопоставленные царские чиновники и придворные лишились своих постов. Центральное управление ведомства трудовой помощи, местные благотворительные общества и учреждения призрения перешли под контроль выборных комитетов и комиссий из служащих. Попечительство продолжало выпускать журнал «трудовая помощь», в котором широко обсуждались проблемы модернизации призрения.

Комитет по организации временной помощи пострадавшим от военных бедствий, лишившийся наименования Татьянинского, как и прежде, действовал, хотя управление его делами и учреждениями в центре и на местах также перешло к выборным лицам.

Существование благотворительных ведомств и комитетов бывшей императорской фамилии в период от свержения монархии до утверждения Советской власти свидетельствует о той заметной роли, которую они играли в общероссийском призрении. Организованная благотворительность с широким участием общественности доказала свою жизнеспособность и востребованность в новых политических условиях. Потенциал и опыт этих организаций были достаточными, чтобы сыграть важную роль в намечавшемся реформировании призрения. Однако этому помешали бурные политические события, в результате которых в октябре 1917 г. временное правительство было свергнуто большевиками. Чтобы оказывать социальную помощь нуждающимся, Советская власть вынуждена была использовать ту систему призрения, которая осталась ей в наследство от самодержавия и временного правительства.

Поэтому она первое время не стремились к разрушению организационных структур и учреждений призрения, существовавших при старом режиме.

Учреждения бывшего Ведомства императрицы Марии в первые месяцы Советской власти управлялись прежней администрацией. Центральное управление в условиях разгоравшейся гражданской войны перестало существовать. Там, где новая власть утвердилась, большевики приступили к передаче учреждений призрения в ведение местных советов и наркоматов. В Петрограде и Петроградской губернии в детские приюты и подобные им заведения районные советы назначили «комиссаров по попечительству». В ноябре – декабре 1917 г. новые власти приступили к обследованию Петроградских приютов и признали их состояние «катастрофическим»[217]. Другим оно не могло быть в условиях развала экономики, начинавшейся гражданской войны и разрушения старой системы призрения. Но даже в таких условиях прежнее руководство Петроградских детских приютов пыталось их сохранить. Только к середине февраля 1918 г. «большинство детских приютов было изъято из ведения старых попечительств и передано районным отделам социального обеспечения»[218]. В конце 1917 г. началась передача органам Советской власти петроградских медицинских учреждений бывшего Ведомства императрицы Марии. Несколько месяцев они существовали фактически самостоятельно, управляясь выборными комитетами из врачей и служащих. За это время ни одна из больниц не была закрыта и не лишилась своих капиталов. Передача этих учреждений в ведение Наркомздрава Союза коммун северной области завершилась летом 1918 г. При этом составлялся акт, подписывавшийся представителями комиссариата и комитета, управлявшего больницей. Например, 13 мая 1918 г. такой документ подписали служащие комиссариата и члены административно-хозяйственного комитета глазной лечебницы в Петрограде[219]. В мае – июле того же года в ведение комиссариата перешли больницы святой Ольги, Петра Ольденбургского, всех скорбящих и Мариинская. Из названий этих и других медицинских учреждений исчезли упоминания о христианских святых и членов императорской фамилии. Больница Петра Ольденбургского, например, была переименована в больницу имени Раухфуса, Мариинская получила название Больницы в память жертв революции[220].

Если судьба приютских и медицинских учреждений была решена, то у женских институтов в их прежнем виде перспектив не было. Дворяне, офицеры, чиновники, священнослужители, чьи дочери здесь обучались, были для новой власти классовыми

врагами. Еще до свержения временного правительства, в августе 1917 г., большевиками был занят Смольный институт. После каникул заниматься было негде. Оставшийся персонал и часть воспитанниц были переведены в Ксенинский институт. Следует отдать должное педагогам и служащим старейшего женского института России. В меру своих сил и возможностей они позаботились о смолянках-сиротах. В декабре 1917 г. их организованно перевели из Петрограда в Харьковский институт, который функционировал до декабря 1919 г. При отступлении деникинцев он был эвакуирован в Новороссийск. Видимо, руководство института рассчитывало организованно отправить воспитанниц за границу. «говорили, что он отправится на остров Мальту», – отмечает в своих мемуарах воспитанница Харьковского института Т. Г. Морозова[221]. По косвенным данным, до декабря 1919 г. действовал Киевский институт. Пережив революционные события конца 1917 – начала 1918 г., Центральную Раду, германскую оккупацию, Скоропадского, Директорию, кратковременное правление большевиков, он прекратил существование с окончательным занятием Киева Красной армией. «На улицах много народу, стоят, собравшись в кучку, воспитанницы института с узелками в руках… я спрашиваю их, что они здесь делают. „Нас распустили домой“, – говорят они», – вспоминает мемуаристка под псевдонимом «Л. Л-ва» в «Очерке жизни в Киеве в 1919–20 гг.», опубликованном в «Архиве русской революции»[222].

Некоторое время при советской власти продолжало действовать Человеколюбивое общество, управлявшееся канцелярией упраздненного совета. Сохранившиеся документы этого периода не дают полного представления о том, как работала канцелярия и в каком положении оказались благотворительные общества и учреждения призрения общества, разбросанные по территории России. По имеющимся данным можно сделать вывод, что служащие канцелярии всячески старались сохранить порядок в документах и финансах. Понимая, что в новых условиях прежнее существование Человеколюбивого общества не возможно, комитет служащих канцелярии принял решение передать органам Советской власти учреждения призрения, финансовые средства и делопроизводство. В июне 1918 г. Комитет разослал в подведомственные учреждения циркуляр, требовавший подготовиться к ревизии со стороны комиссариата социального обеспечения. В документах фонда Императорского Человеколюбивого общества в РГИА нет сведений о том, в каком состоянии в то время было положение дел в учреждениях общества. Вряд ли эта ревизия вообще могла

быть проведена, когда в России уже шла гражданская война. В лучшем случае можно было обследовать петроградские учреждения, но и о них сведений нет.

Осенью 1918 г. началась ликвидация Человеколюбивого общества как самостоятельной структуры. На общем собрании служащих канцелярии 25 сентября была создана специальная комиссия для подготовки делопроизводства к передаче в наркомат соцобеспечения. В начале октября эта комиссия получила распоряжение наркома соцобеспечения, которым в целях «объединения всего дела социального обеспечения в руках государства» постановлялось: «1. Упразднить временное управление Человеколюбивого общества в лице комитета служащих..; 2. Дела, капиталы, имущества и учреждения передать в комиссариат социального обеспечения; 3. Для передачи назначить двухнедельный срок»[223]. Для приема дел наркоматом была создана еще одна комиссия, в которую вместе с представителями Советской власти вошли служащие бывшего Человеколюбивого общества. Ликвидационная комиссия 15 октября 1918 г. постановила «упразднить все входящие в состав ликвидируемого общества попечительные о бедных комитеты на всем пространстве российской республики», оформить «переход всех учебно-воспитательных заведений общества в ведение народного комиссариата по просвещению и всех учреждений, имеющих характер медицинской помощи, в народный комиссариат здравоохранения», а также «разослать всем учреждениям Человеколюбивого общества на бланках общества извещения о таковой ликвидации сего общества»[224]. Сроком завершения ликвидации было определено 1 декабря 1918 г. Эту дату можно принять за окончание существования одного из крупнейших благотворительных ведомств дома Романовых, которое пережило своих покровителей почти на два года. Последний документ в делах общества датирован 18 ноября 1918 г. Ликвидация Человеколюбивого общества – пример сотрудничества благотворительного ведомства бывшей императорской фамилии и Советской власти. Каковы бы ни были политические взгляды сотрудников общества, они, несомненно, понимали, что с исчезновением благотворителей, как таковых, учреждения призрения без прямой государственной поддержки не просуществуют. И комитет служащих канцелярии принял единственно правильное в тех условиях решение – передать их новой власти. Разумеется, сделать это на всей территории России было невозможно, поскольку разгоралась гражданская война.

После Октября 1917 г. продолжило свою деятельность и Попечительство о трудовой помощи. Комитет его сохранял

контроль над финансовыми средствами ведомства и управлял теми учреждениями, связь с которыми сохранялась. С началом гражданской войны Попечительство, как единая организационная структура, распалось. Фактически в ведении комитета остались учреждения, располагавшиеся в Петрограде и Петроградский губернии. К тому времени комитет Попечительства согласовывал свои действия с комиссариатом соцобеспечения. Например, в июне 1918 г. служащие Петроградского детского приюта трудолюбия ходатайствовали перед ним об увеличении жалования. Комитет в ответ сообщил, что обсуждение этого вопроса он «… постановил отложить до получения от комиссариата социального обеспечения сведений о новых окладах содержания для служащих по комиссариату»[225]. При Советской власти некоторое время продолжал выходить периодический печатный орган Попечительства – журнал «трудовая помощь». Это издание не было политизированным и сохраняло лояльность по отношению к Советской власти. Последний номер вышел в августе 1918 г. В нем были опубликованы обычные материалы: журналы заседаний комитета Попечительства, сведения о работе учреждений трудовой помощи, информация о передаче учреждений земского и городского союзов органам Советской власти, программа обучения ремеслам в трудовых приютах, разработанная К. Ю. Цирулем, который занимался этим вопросом еще в царское время. В конце номера содержались сведения о подписке на оставшиеся месяцы 1918 г. Очевидно, закрытие журнала стало для редакции и комитета Попечительства полной неожиданностью. К концу 1918 г. прекратило существование и само ведомство трудовой помощи.

При большевиках некоторое время существовал Татьянинский комитет, точнее – его местные отделы и отделения. Октябрь 1917 г. изменил в положении беженцев только то, что они сами получили возможность участвовать в разрешении своих проблем. В Петрограде 21 ноября состоялся второй всероссийский съезд беженцев, избравший Центральное правление всероссийского союза, которое стало преемником отдела по устройству беженцев МВД. Правление обратилось к Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов с предложениями назначить комиссара по делам беженцев или создать соответствующую комиссию при совете, установить контроль над «существующими старыми беженскими учреждениями, как национальными, так и общими», реорганизовать их «на демократических началах путем привлечения к ним широких масс беженцев», создать в уездах и

городах советы беженцев и передать этим советам право распоряжаться суммами, «ассигнуемыми на нужды беженцев»[226]. К «старым беженским учреждениям» относились и структуры бывшего Татьянинского комитета, Петроградский губернский отдел которого продолжал функционировать. Одновременно съезд направил Петроградскому отделу резолюцию. В ней предлагалось «поднять вопрос на мирной конференции народов о планомерном возвращении беженцев в родные места», которое должно было «начаться одновременно с общей демобилизацией»[227]. В резолюции подчеркивалось, что все заботы об устройстве и перемещении беженцев должно взять на себя государство. Против этого никто не возражал, но очевидно, что резолюция принималась под воздействием революционного энтузиазма. Предполагалось, видимо, что «мирная конференция народов» состоится после победы революций в воюющих странах. Но война продолжалась. Примеру России, с октября 1917 г. фактически прекратившей ее в одностороннем порядке, не собирались следовать ни противники, ни бывшие союзники по Антанте. Более реалистической была резолюция финансовой комиссии съезда. В ней, в частности, говорилось, что «средства на обеспечение нужд беженцев должны быть черпаемы из государственных источников, для чего должна быть предусмотрена в смете государственных расходов особая статья по устройству беженцев», а размер расходов следует устанавливать, руководствуясь «фактическими статистическими данными о количестве и нужде беженцев»[228].

Петроградский отдел принял к сведению резолюции съезда, но в архивных документах отдела нет свидетельств того, чтобы эти резолюции воплощались в жизнь. Хватало текущей работы. Петроградский отдел бывшего Татьянинского комитета продолжал оказывать помощь беженцам, находившимся на территории губернии. В январе – феврале 1918 г. отдел выплачивал беженцам пособия. За ним продолжали числиться общежития и другие объекты созданной ранее инфраструктуры для призрения беженцев. Пособия в начале 1918 г. выдавались не обесценившимися деньгами, а продовольственными пайками. Вскоре и такая помощь стала невозможна. Петроградскому губернскому совету из наркомата внутренних дел 27 марта 1918 г. пришло распоряжение прекратить выдачу пайков всеми организациями по призрению беженцев «вследствие затруднительного положения народной казны и возникающих на почве выдачи пайков беженцам трений между последними и местными жителями, а также невозможности прожить на выдаваемый паек в виду мизерности его»[229]. Наркомат требовал

оказывать помощь только нетрудоспособным беженцам. Мартом 1918 г. датируются последние документы Петроградского отдела бывшего Татьянинского комитета. В условиях развала государства и разраставшейся вооруженной борьбы внутри страны прежняя система помощи беженцам не могла сохраниться. К беженцам мировой войны добавились беженцы войны гражданской. В тот период прекратили свое существование учреждения и другого бывшего «именного» благотворительного комитета – Ольгинского.

Передав учреждения призрения бывших благотворительных ведомств и комитетов императорской фамилии в ведение государственных структур, отвечавших за социальную помощь, новая власть не забыла и об их архивах, располагавшихся в Петрограде. В ноябре 1918 г. началась ликвидация этих архивов как самостоятельных и сосредоточение хранившихся в них документов в общий архив ликвидированных благотворительных комитетов при комиссариате внутренних дел союза коммун северной области[230]. Передача дел бывших архивов завершилась в 1919 г. Позднее их материалы поступили на хранение в соответствующие архивные учреждения Советской власти.

Так окончательно была поставлена точка в более чем вековой истории благотворительных ведомств и комитетов под покровительством дома Романовых. Вопрос о степени эффективности социальной помощи, которую они осуществляли, и их роли в общероссийском призрении, является сложным.

Законодательством не определялись категории лиц, обязательно подлежавших призрению. Отсутствовали общепринятые критерии бедности и нужды. Подавляющее большинство населения империи жило в стесненных материальных условиях, но черта, за которой человек считался неспособным обеспечить свое существование, не была проведена. У разных сословий и социально-профессиональных групп были свои представления о достатке и нужде. Без оговорок к числу нуждавшихся общественное мнение и государство относили тех, кто явно не мог существовать без посторонней помощи. Это были младенцы-подкидыши, сироты, немощные из-за болезней и по возрасту, инвалиды, слепые, неимущие больные. В конце XIX столетия к ним добавились глухонемые. В то же время ведомство императрицы Марии призревало в женских институтах дочерей дворян и чиновников, не всегда обладавших достатком, но имевших привилегированный сословный и социальный статус.

Неизвестно количество подданных российской империи, явно нуждавшихся в призрении. Обследования, предпринятые в России конца XIX – начала XX вв. силами Ведомства императрицы Марии,

дают представление о том, сколько лиц пользовалось социальной помощью, а не нуждалось в ней. Но и эти данные далеко не полны, так как не все благотворительные общества и учреждения призрения предоставляли сведения о своей деятельности. Кроме того, во многих случаях сообщалось о суммах, затраченных на организацию помощи, а не о числе людей, ею воспользовавшихся. Отсутствует информация о качестве социальной помощи и сравнительные данные о количестве призревавшихся благотворительными ведомствами и комитетами дома Романовых и другими организациями.

Такой подход к оценке результативности призрения объясняется не тем, что власть стремилась избежать невыгодного для нее сравнения. Напротив, по многим позициям структуры под покровительством императорской фамилии превосходили прочие благотворительные общества и учреждения. Ведомство императрицы Марии и Императорское Человеколюбивое общество располагали учреждениями, аналогов которым вообще не было в стране. Самодержцы и их августейшие родственники не ставили задачу соревноваться в щедрости по отношению к своим подданным. Важны были не суммы, которые жертвовали высочайшие особы, а сам факт их участия в благотворительности. Тем самым демонстрировалась забота монаршей власти о населении.

Деятельность благотворительных ведомств и комитетов под покровительством императорской фамилии власть стремилась представить в наилучшем виде, в том числе в цифрах. Но по количественным показателям сложно определить степень ее эффективности. В издании «Благотворительность в России. т. I.», подготовленном ведомством императрицы Марии и вышедшем в 1907 г. в Петербурге, указано процентное соотношение благотворительных обществ и заведений различной подчиненности на 1902 г. организации, входившие в состав Ведомства императрицы Марии, Человеколюбивого общества и Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, составляли 8,6 %, а с теми, что входили в Российское общество Красного Креста, – 16 % от всех благотворительных структур империи. Заведения названных ведомств (доля Красного Креста – всего 0,4 %) составляли приблизительно 14 % от имевшихся в империи. Таким образом, по общему числу благотворительных обществ и заведений ведомства дома Романовых занимали третье место после Министерства внутренних дел и ведомства православного исповедания (синода)[231]. Но по этим данным трудно определить их реальный вклад в большое и важное дело осуществления социальной помощи. Например, входившие в

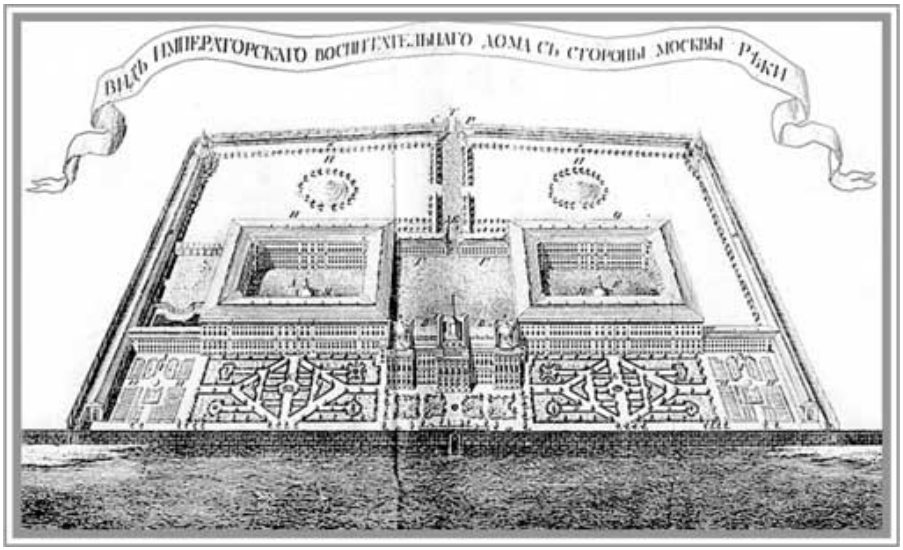
число учреждений императрицы Марии Санкт-Петербургский и Московский воспитательные дома по сведениям на 1904 г. единовременно призревали 59 337 детей[232], а многие заведения, подчинявшиеся синоду и МВД, призревали лишь по несколько человек. Кроме того, в ведении МВД находились частные благотворительные общества и заведения, которые министерство контролировало, но не содержало.

Более ясное представление о масштабах деятельности различных благотворительных структур дают сведения о расходах на эти цели. В упомянутом издании «Благотворительность в России. т. I.» приведены по состоянию на 1901 г. сведения об общих расходах «на оказание благотворительной помощи нуждающемуся населению»[233]. Они составляли по неполным данным 50 152 370 руб.[234] Расходы же одного только Ведомства учреждений императрицы Марии по состоянию на 1904 г. (разница выделенных сумм в 1901 и 1904 гг. очень незначительна) составили 23 114 216 руб. на содержание административного аппарата, строительство, ремонт и прочее ушло только 6 291 683 руб.[235] Расходы Императорского Человеколюбивого общества тогда же составили приблизительно два с половиной миллиона рублей[236], а Попечительство о домах трудолюбия и работных домах истратило 246 752 руб.[237] Расходы двух последних ведомств на административное управление были невелики. Таким образом, в начале XX в. благотворительные ведомства под покровительством дома Романовых ежегодно расходовали около 20 000 000 руб. – примерно треть расходов всех российских благотворительных ведомств, обществ и учреждений. Это свидетельствует о значительном вкладе в призрение со стороны монаршей семьи.

Можно лишь приблизительно определить количество пользовавшихся помощью благотворительных ведомств дома Романовых. Как отмечалось, государство и благотворительные ведомства не подсчитывали общее количество российских подданных, нуждавшихся в призрении. Это попытался сделать известный теоретик и организатор благотворительности, действительный член комитета Попечительства о домах трудолюбия и работных домах Евгений Дмитриевич Максимов. Он неоднократно подчеркивал важность установления общего числа нуждавшихся в призрении. В «очерке земской деятельности в области общественного призрения» Максимов отмечал: «действительно, пока не будут названы все лица, подлежащие призрению, до тех пор очевидно нельзя определить и размеры самого дела призрения…»[238]. К подлежащим призрению Максимов относил душевнобольных, слепых, калек, дряхлых,

немощных, глухих и глухонемых, едоков при них всех, сирот, подкидышей и заброшенных детей[239]. Используя данные земской статистики и материалы комиссии К. К. Грота, созданной для разработки проекта реформы призрения, Е. Д. Максимов произвел подсчеты, результаты которых были опубликованы в журнале «русское богатство» в 1896 г. По этим подсчетам число нуждавшихся в призрении (душевнобольных, слепых, калек, дряхлых, немощных, глухих и глухонемых, едоков при них, сирот, подкидышей и заброшенных детей) на середину 90-х гг. XIX столетия составляло почти 3 600 000 человек, или около 3 % населения империи[240]. К ним Максимов прибавлял безземельных и бездомных, переселенцев и рабочих-отходников. Таким образом, общее число лиц, нуждавшихся в помощи, по подсчетам Максимова, превышало 5 720 000 человек, или 4,77 % населения[241]. Сам Максимов достаточно осторожно оценивал свои подсчеты: «Цифры эти выведены с крайней осторожностью и могут считаться скорее уменьшенными, чем преувеличенными…»[242]. По данным, приведенным в книге «Благотворительность в России. т. I.» ведомство учреждений императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество и Попечительство о домах трудолюбия и работных домах в 1904 г. оказали различную помощь, считая «отдельные случаи благотворения», в общей сложности приблизительно двум с половиной миллионам нуждавшихся[243]. Это немного менее от числа, установленного Е. Д. Максимовым.

Указанные цифры дают лишь приблизительное представление о той масштабной роли, которую играли в общероссийском призрении благотворительные ведомства под покровительством дома Романовых. Но они не отражают всего разнообразия их деятельности. Говоря об эффективности и масштабах работы этих ведомств и созданных позже комитетов, следует учитывать уровень и, если так можно выразиться, качество осуществлявшегося ими призрения. Во многих случаях они в этом отношении заметно превосходили прочие благотворительные общества и учреждения.



План Московского воспитательного дома 1789 г.

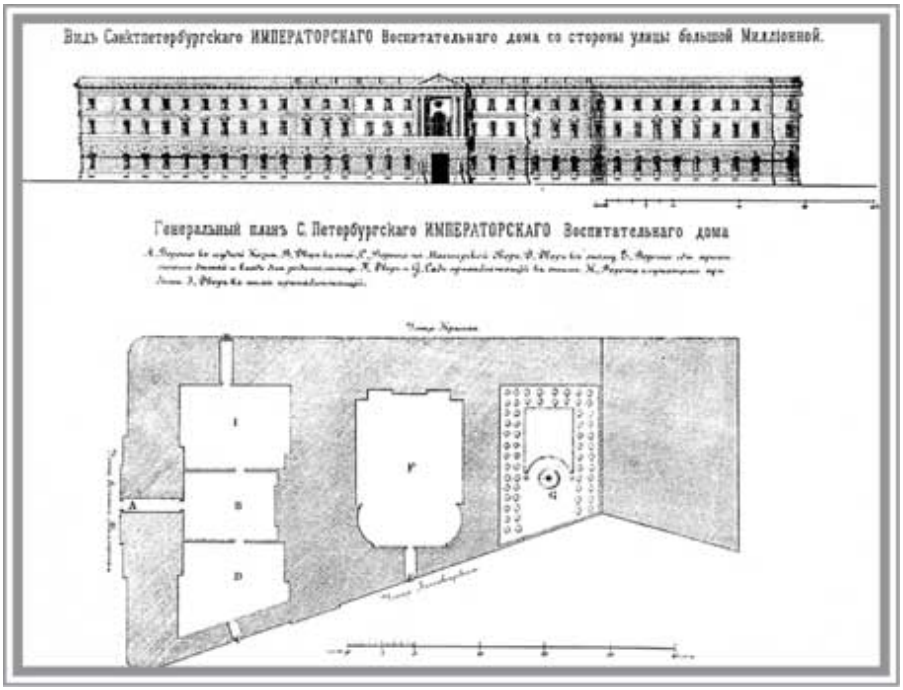
Важнейшим направлением деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии, Императорского Человеколюбивого общества и, отчасти, Попечительства о домах трудолюбия и работных домах являлось призрение детей и юношества. Это было, так называемое, закрытое призрение в специализированных учебно-воспитательных заведениях, представлявшее собой один из самых сложных видов социальной помощи. Призрение детей и юношества в наибольшей степени получило развитие в ведомстве учреждений императрицы Марии. Оно располагало уникальными учебно-воспитательными комплексами заведений, аналогов которым не было в России. К таковым можно отнести Санкт-Петербургский и Московский воспитательные дома с подведомственными структурами, женские институты и школы Патриотического общества, Санкт-Петербургское и московское коммерческие училища.

Мощный учебно-воспитательный комплекс представляло собой ведомство детских приютов, входившее в учреждения императрицы Марии. Эти комплексы со второй половины XIX в. работали по единым учебно-воспитательным планам и программам и не только осуществляли собственно призрение, но и давали полноценное образование (начальное либо среднее, в зависимости от статуса заведений), подтверждавшееся государственными сертификатами. Одно из двух высших женских учебных заведений империи, имевших государственный статус – женский педагогический институт, входило в состав Ведомства учреждений императрицы Марии, как и не имевшие аналогов Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых и

попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых.

Воспитательный дом в Москве. Фото конца XIX в.

Единственной в своем роде структурой для оказания медицинской помощи не имущим располагало Императорское Человеколюбивое общество. Это был медико-филантропический комитет в Петербурге. В состав общества также входили многочисленные учебно-воспитательные заведения для призрения детей и юношества, дававшие образование в соответствии с государственными стандартами. Наиболее талантливые выпускники всех этих учебно-воспитательных заведений получали возможность поступать и в ряде случаев поступали в высшие учебные заведения империи. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах (с 1906 г. – попечительство о трудовой помощи) было единственным общероссийским ведомством, оказывавшим трудовую помощь. Дома трудолюбия входили и в состав независимых благотворительных обществ, но только в указанном попечительстве эти учреждения действовали на единой организационно-правовой основе. Татьянинский комитет был единственной структурой, осуществлявшей регистрацию и поиск беженцев в масштабе страны. Крупные благотворительные ведомства и комитеты призрения под покровительством дома Романовых играли значительную роль в общероссийском призрении. По многим направлениям социальной помощи они занимали ведущие позиции.


Видъ Санктпетербургскаго ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго дома со стороны улицы большой Миллионной.
Генеральный планъ С. Петербургскаго ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго дома

Вид и план расположения Воспитательного дома в С.-Петербурге на Б. Миллионной ул. (бывший дворец кн. А. Грузинского). Вторая половина XVIII в.

Именно это позволило сохраниться им в виде единого комплекса учреждений призрения после свержения монархии. Лишившись своих августейших покровителей, благотворительные ведомства и комитеты смогли избавиться от сковывавших их пережитков и ограничений, которые приводили к излишней бюрократизации и препятствовали широкому взаимодействию с общественностью и прочей российской благотворительностью. Огромный опыт работы, находившиеся в распоряжении этих ведомств и комитетов крупные денежные средства, уникальные методики организации социальной помощи, стремление служащих и благотворителей взаимодействовать с новой властью могли послужить весомым вкладом в дело организации обязательного общегосударственного призрения, необходимость которого сознавало временное правительство. Однако бурные политические события 1917 г. не позволили практически приступить к решению этой задачи. Отдельные учреждения и управлявшие ими организационные структуры некоторое время продолжали действовать при Советской власти, но летом 1918 г. окончательно были ею ликвидированы.

Здание Воспитательного дома в С.-Петербурге на набережной р. Мойки (бывший дворец К. Г. Разумовского). Гравюра XIX в.

Новая власть практически начала осуществлять то, к чему до революции неоднократно призывали представители общественности, теоретики и организаторы благотворительности – создавать систему государственного призрения. Однако она отказалась от благотворительной общественной инициативы, к которой относилась отрицательно, исходя из политических и идеологических соображений.

Возрождение отечественной благотворительности началось много десятилетий спустя.

Помощь бедным в контексте социальной политики Романовых

Попечение о «сирых и убогих» в Московском царстве и Российской империи с XVI до конца XIX вв.

На протяжении столетий помощь бедным понималась как раздача милостыни. Вопрос об организованном призрении этой категории населения впервые был поставлен стоглавым собором, состоявшимся в 1551 г. Первые попытки организовать призрение бедных в богадельнях относятся ко времени правления царя Федора Алексеевича. Петр I своими указами требовал от местных властей и церкви организовывать призрение немощных взрослых в богадельнях при монастырях и церквах, а детей – в «сиропитательницах». Однако система постоянно действовавших специализированных учреждений для оказания помощи малоимущим категориям взрослого населения начала создаваться только в конце XVIII – начале XIX вв. многие принадлежали ведомству императрицы Марии и Человеколюбивому обществу.

В российском законодательстве и в общественном сознании отсутствовали четкие и ясные критерии нужды, требовавшей социальной поддержки со стороны. Положения и уставы учреждений благотворительных ведомств дома Романовых также не содержали признаков, по которым можно было бы определять степень бедности, заслуживавшей помощи. Это можно объяснить тем, что в стране отсутствовала официальная государственная социальная политика. У каждого сословия имелись свои представления о бедности. Поэтому, обращаясь к вопросам поддержки неимущих, следует прежде рассмотреть, как исторически в России складывались представления о том, кого следует считать заслуживающим помощи, выяснить, как эти представления влияли на законодательство и развитие учреждений призрения. Традиционно нуждавшимися считались в первую очередь нищие. Нищенство рассматривалось как следствие крайней нужды. Понятие «нищий» в словаре академии российской трактовалось как «бедный, убогий, неимущий потребных вещей для жизни», тот, «кто питается милостыней»[244]. В том же словаре есть близкое понятие «неимущество», означающее «скудость, бедность»[245]. Как человек «до крайности бедный, убогий, неимущий, скудный, побирающийся, живущий Христовым именем, питающийся подаянием, ходящий по миру, просящий милостыню»[246] характеризуется «нищий» в толковом словаре В. И. Даля. Нищета здесь рассматривается как «крайняя бедность, убожество,

скудость, нужда и недостаток»[247]. В качестве примера использования этого слова Даль приводит актуальную и в наше время поговорку «и церкви не строй, а сиротство прикрой да нищету пристрой»[248]. Однако ко времени появления этих определений уже существовало профессиональное нищенство, которым занимались вполне трудоспособные люди, не желавшие по каким-либо причинам работать. Поэтому далеко не все, просившие милостыню, заслуживали помощи.

В средневековой Руси четкого различия между просящими милостыню по причине нужды и по причине нежелания работать не делалось, поскольку целью благотворительности являлась не помощь просящему, а спасение собственной души. Стоглавый собор допускал прошение милостыни нищими, но право на призрение в богадельнях при церквах и монастырях оставлял только за старыми и больными. В главе 73 «ответа о богадельнях» говорится: «да повелит благочестивый царь всех прокаженных, и престаревшихся, описать по всем градом. Опричь здравых строев, да в коемьждо граде устроити Богадельни мужеские и женские, и тех прокаженных, и преставившихся не имущих где главы подклонити, и устроити в богадельнях…»[249]. «здравые» нищие не должны были находиться в богадельнях, а питаться «ходячи по дворам от Боголюбцев… а которые возмогут работати, и они в стыду пострадали»[250]. Как видно, прошение милостыни здоровыми и трудоспособными людьми вызывало со стороны стоглавого собора лишь моральное осуждение, «стыд».

Сам по себе праздный образ жизни, связанный с нищенством, и его негативные проявления осуждались обществом. В ряде случаев нищие вызывали недовольство властей. Окружной грамотой 1646 г. нищих и юродивых запрещалось пускать в церкви, «понеже от их крику и писку православным христианам божественного пения не слыхать; да тее в церкви Божия приходят аки разбойники с палки, а под теми палки у них бывают копейца железные, и бывают у них меж себя брани до крови и лая смрадные»[251]. Подобная критика была, скорее, направлена против крайностей, но не против самого института нищенства. Традиционная благотворительность фактически поощряла нищенство, тем более что в ней принимали участие обладатели высшей власти. Царь Алексей Михайлович лично раздавал милостыню на улицах Москвы в дни церковных праздников. В его дворце постоянно жили так называемые «верховые» нищие. Попытка определить, кто из просящих милостыню, действительно не может существовать по другому, а кто является профессиональным попрошайкой, была предпринята в конце XVII в. при царе Федоре Алексеевиче. В анонимной записке,

относящейся к его времени и посвященной призрению, говорится о «притворных» нищих, которые просят милостыню и в то же время «примечают, кто как живет и как его дом, как бы исплоша, где малолюдство, каво днем и ночью покрасть»[252]. Упоминается также о тех, которые «малых ребят с улиц крадут, и руки и ноги ломают, и на улицы их кладут, чтобы на них люди, смотря, умилялись и больше милостыни давали»[253]. Притворных нищих предлагалось сажать на некоторое время в тюрьму или заставлять выполнять какую-либо физическую работу.

Беспощадно боролся с нищенством Петр I. Уже в первом указе его о нищих, изданном от имени Петра и Ивана, обращалось внимание на деятельность профессиональных побирушек в Москве, которые, «подвязав руки також и ноги, а иные глаза завеся и зажмуря, будто слепы и хромы, притворным лукавством просят на Христово имя, а по осмотру все они здоровы»[254]. Указ предписывал высылать нищих на прежнее место жительства, а в случае повторного появления в Москве – «учинять жестокие наказания, бить кнутом и ссылать в ссылку в дальние сибирские города»[255]. При Петре государственная политика в отношении нищих приобрела откровенно репрессивный характер. Для него не имело значения, является просящий милостыню трудоспособным или нет. Прошение милостыни на улицах преследовалось сколь беспощадно, столь и безуспешно. «Понеже о нищих уже многими его Царского величества указами подтверждено, – говорится в очередном указе, – дабы престарелых и увечных отсылать в богадельни, а прочих, которые не записаны в богадельни, имая, наказывать и отсылать в прежние их места, а которые молодые, и тех отсылать в работу»[256]. За прошение милостыни на улицах предписывалось «бить нещадно батожьем»[257]. Петр признавал право на призрение в богадельнях за теми, кто отслужил государству и не мог по старости или болезни обеспечивать себя. Он рассматривал призрение как обязанность, если не государства, то таких общегосударственных институтов, как монастыри и церкви. Петр, в принципе, не выступал против милостыни. Он лишь требовал, чтобы она направлялась в богадельни и монастыри, дабы не плодить попрошаек на улицах. Во втором десятилетии XVIII в. Петр пришел к мысли о создании отделенных от монастырей и церквей учреждений для призрения нетрудоспособных. В 1716 г. введен в действие «регламент, или Устав главного магистрата». В главе XX этого документа «о цухтгаузах (смирительных домах) и гошпиталях (больницах)» указано: «а гошпиталям быть ради призрения сирых, убогих, больных и увечных, и для самых престарелых людей обоего пола. И такие дома построить

магистратам земским иждивением впредь со временем, сыскав к тому, також и на пропитание оных людей, средство…»[258]. Упоминая об источниках финансирования, Петр ссылается на зарубежный опыт содержания этих учреждений: «…в других государствах такие до́мы не токмо в больших, но везде и в малых городах обретаются и имеют первое свое начало от фундации земского начальства, також и от подаяния…»[259]. В указе перечислены категории взрослого населения, помощь которым возлагалась на местные власти и общины. Однако сроки создания и источники финансирования учреждений призрения точно не определены. Очевидно, Петр сознавал, что в стране, воюющей долгие годы, быстро создать эти учреждения силами местных властей сложно. Он рассчитывал, что прочно обеспечить учреждения призрения можно будет «впредь со временем». Но этот указ, как и другие подобные законодательные акты, остался «декларацией о намерениях». Богадельни создавались спорадически, источники их постоянного обеспечения четко не определялись. Не был установлен единый тип этих учреждений.

Народом гонения властей на нищих воспринимались отрицательно. Бывали случаи, когда население и даже служилые люди отбивали нищих у солдат. В 1717 г. в Москве во исполнение очередного указа о борьбе с нищенством властями была устроена массовая облава. Нищих хватали на улицах, сажали под арест и жестоко истязали. При этом богаделенные солдаты и дворяне патриаршего дома, проводившие акцию, жаловались, что «у них нищих по всем улицам отбивают, а их самих бьют, а за сретенские вороты к пушкарям и входить не смеют. И этого мало: однажды в Евпловскую богадельню вломились три человека пушкарей и увели семь человек приводных нищих»[260].

Преображенский богадельный дом в Москве. Литография Р. Курятникова по рис. П. Федорова. 1837 г.

Ни Петр I, ни его преемники на престоле не занимались выяснением причин нищенства. Время от времени издавались указы, предписывавшие местным властям помещать нетрудоспособных нищих в богадельни, по-прежнему велась борьба с попрошайничеством на улицах. Екатерина II, провозгласившая призрение бедных обязанностью «боголюбивого правителя», предприняла практические меры для решения этой задачи. В 1775 г. Учреждением о губерниях в них были образованы новые органы управления – приказы общественного призрения. Их целью являлось управление учреждениями социальной помощи. В ведении приказов находились больницы, приюты, богадельни, школы и другие подобные заведения. Будучи государственными учреждениями, приказы общественного призрения могли привлекать на эти нужды благотворительные средства.

С начала XIX столетия стали действовать богаделенные и медицинские учреждения императрицы Марии Федоровны и Императорского Человеколюбивого общества. Ведомственных законоположений, определявших, какие категории нуждающихся заслуживали призрения в них не было. Не указывалось на это и в уставах самих учреждений. Однако в 1833 г. для богаделен, находившихся в ведении Министерства внутренних дел, были приняты правила, согласно которым, по распоряжениям «губернского начальства» туда определялись «нищие из разночинцев, не принадлежащие ни к каким обществам и не имеющие родственников, кои согласились бы дать им содержание, в том случае, когда они впали в убожество от несчастных обстоятельств, сиротства, старости или дряхлости и когда по состоянию здоровья и сил своих не могут трудами снискивать пропитание»[261]. То есть нищие допускались в богадельни тогда, когда призрение невозможно было возложить ни на одно сословие или родственников, а также в случаях явной нетрудоспособности по возрасту и состоянию здоровья. В чем могли заключаться «несчастные обстоятельства», не разъяснялось. Это давало возможность трактовать их очень широко и делало право на призрение неопределенным. Названные правила вошли в Устав об общественном призрении и сохранялись до революции 1917 г. В 1904 г. к ним сделано добавление – право на призрение в богадельнях получали «бродяги, признанные по освидетельствованию, неспособными следовать в ссылку, а также имеющие ко времени отправления более 60 лет от роду»[262].

В первой половине XIX в. власть пришла к пониманию того, что призрение взрослых неимущих требует дифференцированного подхода, равно как и определение меры ответственности за нищенство. Это, в частности, нашло отражение в деятельности созданного в 1837 г. в Петербурге николаевского комитета для разбора и призрения нищих. «разбирая» задержанных полицией, комитет учитывал, «кроме звания и происхождения сих несчастных, возраст их, знание ремесел, медицинское освидетельствование состояния их здоровья, вникая притом подробно в причины, ввергнувшие их в нищету»[263]. Нищие разделялись на четыре категории. К первой комитет относил тех, кто не мог обеспечить свое существование по причине старости, болезней или увечий. Ко второй – впавших в нищету трудоспособных, не имевших «ни случаев, ни способов к работе и занятиям»[264]. Третья категория включала трудоспособных, не желавших работать и сделавших нищенство своей «профессией». Самой широкой категорией была четвертая. К ней относились лица, временно или случайно впавшие в нищенство «от стечения непредвиденных, несчастных обстоятельств»[265]. Эти люди подразделялась на две группы. К первой принадлежали лица, потерявшие либо просрочившие паспорт и, следовательно, лишенные возможности трудоустроиться. Ко второй – «люди, кои, находясь в отдалении от домов и хозяйств своих», теряли работу или деньги и не имели средств к существованию до возвращения домой или нахождения новой работы без благотворительной помощи, как последнего, крайнего средства»[266]. Указание на стечение неблагоприятных обстоятельств вдали от дома, как причину нищеты, не случайно. Имелось в виду, что человек явно не мог рассчитывать на помощь общины или сословия.

Итак, к середине XIX в. государство и учреждения призрения выработали более или менее общие критерии, по которым подлежали призрению взрослые лица полностью нетрудоспособные по старости либо по состоянию здоровья. При этом возраст, с которого наступала старость, ни Уставом об общественном призрении, ни другими законоположениями точно не определялся. Он устанавливался самими учреждениями призрения и составлял, как правило, для мужчин не менее 60 лет, для женщин не менее 50 лет. Могли рассчитывать на призрение и трудоспособные взрослые, оставшиеся без средств к существованию в силу различных обстоятельств и не могущие выйти из нищеты без посторонней помощи. В призрении также нуждались слепые и глухонемые взрослые. Поскольку они являлись особой категорией, требовавшей специализированного призрения, этот вопрос рассматривается авторами монографии

отдельно.

Во второй половине XIX столетия получила широкое развитие общественная инициатива в благотворительности. Возросло количество учреждений призрения. Совершенствовалась и расширялась деятельность богаделенных и медицинских учреждений Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества. Это требовало серьезного пересмотра законодательства о призрении, четкого определения категорий нуждаются в нем, решения вопроса о том, для кого оно должно быть обязательным. Однако в правовой области в этом отношении ничего сделано не было. Критерии нужды, требовавшей социальной поддержки, оставались неясными. Учреждения, действовавшие в этой сфере, исходили из своих представлений. Формы и методы призрения они также определяли сами. Санкт-Петербургский Попечительный о бедных комитет Императорского Человеколюбивого общества, согласно § 4 своего устава, «престарелых, увечных и больных, не могущих содержать себя собственными трудами» помещал в богадельни Человеколюбивого общества или оказывал «денежное вспоможение и врачебное пособие в их жилищах, чрез принадлежавший сему обществу медико-филантропический комитет»[267]. А, кроме того, помогал «приведенным в нищету стечением несчастных обстоятельств», предоставляя помощь «единовременной выдачей некоторого количества денег на обзаведение вещами, потребными для их промышленности», то есть ремесла, доставляя неимущим «места, кои обеспечивали бы их в содержании»[268].

В указанных случаях речь идет о помощи лицам, вообще лишенным каких бы то ни было средств к существованию и возможностей для заработка. Однако существовала многочисленная категория населения, которое имело работу и желание трудиться, но находилось в чрезвычайно стесненных материальных условиях. Многие люди зарабатывали только на удовлетворение самых минимальных потребностей. Решить какую-либо важную задачу, дополнительно требующую денег, они без посторонней помощи уже не могли. Любое чрезвычайное обстоятельство выбивало таких бедняков из жизненной колеи. Такими обстоятельствами, например, могли быть похороны родственника, необходимость выкупиться из долговой тюрьмы, приобрести лекарства. Бедный студент, помимо пропитания и платы за учебу, должен был оплачивать угол или комнату, покупать письменные принадлежности. Иногда работодатель платил так мало, что денег хватало только на самое необходимое, а найти более высокооплачиваемую работу не позволяла

квалификация либо какие-то другие причины. Тогда люди обращались в учреждения призрения или к благотворителям.

В этих случаях определить степень нужды, которая требовала социальной помощи, было очень сложно, тем более что в состоянии бедности жила бóльшая часть трудоспособного населения империи. Широко известны подсчеты В. И. Ленина, который, проанализировав результаты всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 г., пришел к выводу, что из 125,6 миллиона человек 99,5 миллиона относились к пролетариям, полупролетариям и беднейшим сельским хозяевам[269]. Это заключение можно было бы считать политически ангажированным, но сходные данные, в целом подтверждающие такую оценку, привел в 1897 г. С. Ю. Витте, один из самых ответственных и реалистически мысливших государственных деятелей того времени. В конце XIX столетия в правящих кругах России активно обсуждались вопросы дальневосточной политики. Военный министр Куропаткин записал в своем дневнике, что на одном из совещаний по этим вопросам, состоявшемся в конце 1897 г., Витте «сказал по поводу втягивания нас в большие расходы на Дальнем Востоке, что мы не выдержим, что в России (чего и не следует скрывать) на 130 млн населения лишь 40 млн имеют средства к существованию, а 90 млн нищих, и повторил это слово несколько раз»[270]. При таком количестве бедных учреждения призрения и благотворители вынуждены были конкретно оговаривать условия предоставления помощи. Санкт-Петербургский Попечительный о бедных комитет оказывал, опять-таки «по возможности», денежную помощь бедным, прилагая «старание об оказании пособия: а) для совершения бракосочетания, затрудненного бедностью; б) на совершение предприятия, признанного для бедного полезным, и в) на отъезд из Санкт-Петербурга в место, куда призывают бедного обстоятельства его жизни»[271].

Во многих случаях основанием для оказания помощи служило так называемое «свидетельство о бедности», то есть письменный документ, подтверждавший нужду конкретного лица. Обращавшимся за помощью в учреждения императрицы Марии, такие свидетельства выдавали гражданские губернаторы, но 7 марта 1858 г. был издан закон «об изменении порядка выдачи свидетельств о бедности и поведении вдов и сирот, ищущих покровительства опекунских советов». Он освобождал губернаторов от этой обязанности «в видах сокращения переписки». Выдача свидетельств о бедности дворянам, проживавшим в уездах, была возложена на здешних предводителей дворянства. Личным дворянам и лицам других

сословий, проживавшим в столицах, свидетельства о бедности выдавались обер-полицмейстерами, проживавшим в уездных городах – городничими, в уездах – земскими исправниками. Детям, чьи родители состояли на государственной службе, свидетельства о бедности предписывалось выдавать «от мест и начальников», в ведомстве которых служили родители[272]. Императорское Человеколюбивое общество имело право самостоятельно выдавать подобные свидетельства. В Петербурге такие документы для богаделенных и учебно-воспитательных заведений Человеколюбивого общества выдавали Попечительный о бедных и медико-филантропический комитеты. Надо отметить, что законоположениями благотворительных ведомств, обществ и учреждений, не устанавливалась какая-либо строго определенная форма свидетельства о бедности. Нет ее и в Полном собрании законов, а также в своде законов. Можно предположить, что ее не существовало вовсе и свидетельства о бедности составлялись в произвольной форме. Такой порядок создавал условия, при которых предоставление этих документов в значительной степени зависело от субъективных представлений выдававших их лиц и учреждений.

В каких же формах осуществлялось призрение взрослого нуждающегося населения? одной из самых распространенных была выдача единовременных и периодических денежных пособий. Такая поддержка отчасти напоминала традиционную раздачу милостыни, но, в отличие от нее, осуществлялась организованно. При этом учитывалось, насколько это было возможно, действительное материальное положение просящих. Одним из учреждений, оказывавших такую помощь в северной столице, был Попечительный о бедных комитет. Как самостоятельное учреждение он существовал с 1805 г., а в 1816-м вошел в состав Императорского Человеколюбивого общества. Тогда же такой комитет был создан в Казани, в 1818 г. – в Москве, Воронеже и Слуцке, в 1821-м – в Уфе, и в 1854 г. – в Костроме. Все они действовали и во второй половине XIX столетия, существовали на благотворительные средства, а также на доходы от недвижимости. По своему устройству и форме управления Попечительные о бедных комитеты представляли собой общественные благотворительные организации, административно подчинявшиеся совету Императорского Человеколюбивого общества и действовавшие на основе собственных уставов. В 1841 г. был принят новый устав Санкт-Петербургского Попечительного о бедных комитета, уточнивший порядок управления и способы оказания помощи бедным. Комитет, напомним, оказывал денежные пособия «приведенным в нищету

стечением несчастных обстоятельств», а также «престарелым, увечным и больным, не могущим содержать себя собственными трудами». Престарелые и инвалиды помещались в богадельни Человеколюбивого общества. Кроме того, на пособия комитета могли рассчитывать жители северной столицы, имевшие минимальные доходы, не позволявшие решать жизненно необходимые задачи.

По уставу 1841 г. комитет состоял из семнадцати попечителей, избиравшихся советом Человеколюбивого общества «из чиновников, отставных и служащих, и вообще лиц свободного состояния, известных своей честностью и добродетельной жизнью»[273]. Из них избирались председатель, секретарь и казначей. Задачей остальных попечителей, курировавших определенные части города, было «разбирательство состояния бедных, в их частях жительствующих»[274]. Кроме попечителей, комитет мог иметь неограниченное число членов-благотворителей. Это звание давалось за денежные пожертвования или какую-либо полезную для комитета деятельность. Согласно уставу 1841 года, члены Санкт-Петербургского Попечительного о бедных комитета не считались государственными служащими. Права государственной службы они, как и большинство лиц, служивших в Человеколюбивом обществе, получили в 1858 г. Председатель комитета получил чин V класса, попечители – чин VI класса, казначей и секретарь – чин VII класса, старший помощник секретаря – чин IX класса и, наконец, младший помощник секретаря и помощник казначея – чин X класса. Таким образом, комитет стал напоминать государственное учреждение. Эффективность его работы в первой половине XIX столетия была невысокой. Причиной этого являлось то, что комитет был не в состоянии во всех случаях проверять, насколько обоснованы просьбы о помощи. Он действовал изолированно от других петербургских учреждений Человеколюбивого общества и не всегда мог оказать соответствующую помощь лицам, обращавшимся в эти учреждения.

Во второй половине XIX в. комитет был реорганизован. В 1858 г. его присоединили к канцелярии Человеколюбивого общества в виде «особого отделения» и подчинили непосредственно помощнику главного попечителя. Комитету отводилась важная роль. Помимо ходатайств, поступавших в учреждения Человеколюбивого общества, он должен был рассматривать прошения о помощи, подававшиеся на имя высочайших особ в Министерство императорского двора и другие государственные учреждения. В Петербурге и его пригородах

располагались дворцы членов императорской фамилии, высшие и центральные государственные учреждения империи. Отвергать просьбы о помощи, поступавшие туда на имя императора и членов его семьи, было нежелательно, поскольку это могло нанести ущерб образу самодержавия. Но государственные учреждения и члены дома Романовых, как правило, непосредственно не занимались рассмотрением прошений. Эти бумаги для проверки и оказания помощи направлялись в канцелярию совета Человеколюбивого общества. Далее из канцелярии они поступали в Санкт-Петербургский Попечительный о бедных комитет, где проверялись его членами на предмет обоснованности. После этого, с учетом мнения попечителей, прошения рассматривал помощник главного попечителя Человеколюбивого общества. Те просьбы о помощи, которые признавались обоснованными, поступали к главному попечителю, принимавшему окончательное решение. Такую же процедуру проходили прошения, поступавшие непосредственно в Человеколюбивое общество. Этот порядок призван был обеспечивать оказание помощи действительно нуждавшимся, но неизбежно вносил элемент бюрократизма. Поэтому в экстренных случаях пособия могли выдаваться сразу, по предписанию помощника главного попечителя или самих попечителей комитета, но в сумме не более трех рублей единовременно.

Количество прошений, направлявшихся в Санкт-Петербургский Попечительный о бедных комитет, было велико. В 1860-е гг. их поступало от 8000 до 17 000 в год (в 1860 г. поступило 14 971, в 1865 г. – 12 229, в 1869 г. – 13 804 прошения). Удовлетворенные ходатайства составляли от одной пятой до одной трети. В 1860 г. периодические пособия от комитета получили 45 человек, едино временные – 3347 человек. В 1865 г. единовременная помощь была оказана 7029 лицам, периодические пособия получили 102 человека. В 1869 г. периодические пособия были предоставлены 171, единовременные – 8240 лицам. На выдачу пособий расходовались довольно крупные суммы. В 1860 г. на периодические пособия комитет израсходовал 2780 руб. и на единовременные – 2612. В 1865-м расходы составили 6778 руб. на периодическую помощь и 38 тыс. 251 руб. на единовременную. В 1869 г. были израсходованы 9856 руб. на периодические пособия и 30 тыс. 458 руб. на единовременные[275]. Суммы пособий были различными – от одного до нескольких десятков рублей – в зависимости от характера прошений и мнений, высказанных попечителями комитета и руководителями Человеколюбивого общества. Несмотря на желание комитета выдавать пособия

обоснованно, его члены, которых было около двух десятков человек, просто физически не могли во всех случаях проводить «вполне точные дознания о положении лиц, ищущих пособия, и принуждены основывать долю своих заключений на поверхностном, наглядном обзоре быта просителей, или на одном словесном с ними объяснении»[276]. Однако инициатива Попечительного о бедных комитета о пересмотре устава и разработке правовых основ для более эффективной деятельности не встретила поддержки руководства Императорского Человеколюбивого общества. Здесь, как и в ведомстве учреждений императрицы Марии, инициатива «снизу» не поощрялась. В этом отношении благотворительные ведомства дома Романовых полностью соответствовали госучреждениям.

Еще одной характерной чертой, объединявшей оба благотворительных ведомства, было их стремление сохранить свой особый статус. В 1872 г. властью была сделана попытка разработать проект реорганизации призрения в России. В специально созданную комиссию вошли руководящие работники Человеколюбивого общества и ведомства императрицы. Она работала три года, но никаких конкретных решений так и не приняла. В процессе работы из нее была выделена «субкомиссия», рассматривавшая вопрос об объединении деятельности петербургских учреждений призрения и благотворителей. Совет Императорского Человеколюбивого общества положительно отнесся к самой идее объединения учреждений и обществ социальной помощи в северной столице, но выступил против создания координирующего органа, без которого это объединение во многом теряло смысл. Совет полагал, что «нет никакой необходимости создавать какое-либо средоточное ведение этими учреждениями и они совершенно самостоятельно могут и должны продолжать свою деятельность до сих пор…»[277]. Совет допускал лишь взаимодействие самостоятельных ведомств, обществ и учреждений, считал, что при этом «ложная бедность» будет меньше «ускользать от должной оценки и тем явственнее будет выражаться способ, которым… всего существеннее можно вывести нуждающегося из его беспомощного положения»[278]. Структурами, способными наряду с благотворительными ведомствами дома Романовых выполнить указанные задачи, были признаны приходские попечительства о бедных в Петербурге. Совет Человеколюбивого общества посчитал целесообразным сотрудничество с ними в обследовании положения бедных и выдаче им пособий, в организации медицинской помощи и в призрении детей. Важная роль при этом отводилась Петербургскому Попечительному о бедных комитету. Некоторые

приходские попечительства выразили согласие сотрудничать с Человеколюбивым обществом, но дальше обсуждения вопроса дело не пошло.

В 1870-е гг. количество прошений о помощи, поступивших в Петербургский Попечительный о бедных комитет оставалось на уровне 12 000–15 000 в год (в 1874 г. поступили 15 211 ходатайств, в 1875 г. – 12 520, в 1876 г. – 12 102. Из них удовлетворены, соответственно, 9243, 8795 и 8954)[279]. Различное количество отклоненных прошений по отношению к их общему числу дает основание полагать, что какого-либо заранее установленного «плана по отсеву» не существовало, и попечители комитета стремились, по мере возможного, быть объективными. Выше отмечалось, что в Санкт-Петербургский Попечительный о бедных комитет поступали прошения из различных учреждений, в том числе адресованные высочайшим особам. Представление о том, на чье имя поступало больше всего ходатайств, каков был социальный статус просителей, и в каком размере им оказывалась помощь, можно получить из отчетов совета Императорского Человеколюбивого общества, в которых эти сведения время от времени публиковались.

Просьб о помощи, обращенных к высочайшим особам, было сравнительно немного. На имя царя в 1874 г. поступили 763 ходатайства, на имя его супруги – 281, цесаревны – 302, цесаревича – 589, великого князя Владимира Александровича – 735, великой княгини Марии Александровны и ее супруга герцога Эдинбургского – 814. Министерство императорского двора получило 257 прошений. В то же время на имя главного попечителя Человеколюбивого общества и его помощника поступили 10 699 прошений. В следующем году на высочайшее имя были поданы 616 прошений, на имя императрицы – 170, цесаревича – 391, цесаревны – 523, великого князя Владимира Александровича – 270, в Министерство императорского двора – 220. Непосредственно в Человеколюбивое общество поступили 9134 ходатайства о помощи. Подобная картина была и в 1876 г. На имя царя поступили 692 прошения, его супруга получила 146 прошений, цесаревич – 326, цесаревна – 391, Владимир Александрович – 266, королева Вюртембергская Ольга Николаевна – 76. В Человеколюбивое общество обратились за помощью 9113 человек. Кроме того, к главному попечителю и его помощнику обратились с просьбой о выделении бесплатных лекарств в 1874 г. 684 человека, в 1875 г. – 711 и в 1876-м – 696. За эти же годы поступили соответственно 7, 11 и 9 обращений с просьбами о помещении детей в учебно-воспитательные заведения Человеколюбивого общества[280]. Прошения о помощи,

обращенные к высочайшим особам, отражали традиционные патриархальные представления о самодержавной власти, как заступнице обездоленных, силе, которая только и может помочь в безвыходной ситуации. Однако значительное большинство просивших считало более надежным способом получить помощь, обратившись непосредственно в благотворительное ведомство, состоящее под монаршим покровительством.

Среди обратившихся в Санкт-Петербургский Попечительный о бедных комитет были лица всех сословий и чинов. Из обратившихся в 1874 г. представителем податного сословия был 4831 человек, 4392 лица состояли в штаб– и обер-офицерских чинах, 642 являлись разночинцами, 213 – студентами, 90 – особами духовного звания, 42 имели генеральское звание. В следующем году в комитет поступили прошения от 3898 лиц податного сословия, 3651 от низших воинских чинов, 3585 от офицеров, 486 от разночинцев, 256 от студентов, 71 от особ духовного звания и 27 от лиц звания генеральского. В 1876 г. просили о помощи 3402 нижних воинских чина, 3951 человек из податного сословия, 3608 лиц офицерского звания, 530 разночинцев, 247 студентов, 60 лиц духовного звания и 30 генеральского. Кроме того, в 1874, 1875 и 1876 гг. В комитет обращались соответственно 317, 203 и 171 лицо из жителей великого княжества Финляндского. Обращались за помощью и иностранцы. В 1874, 1875 и 1876 гг. от них поступило соответственно 119, 75 и 76 прошений[281]. Следует отметить, что под просителями того или иного звания и чина понимались не только лица мужского пола, но также их супруги и дочери, на что указывается в отчетах. К студентам, разумеется, это не относилось. Надо также отметить, что в конце каждого года в комитете по разным причинам оставались нерассмотренными от нескольких десятков до сотни прошений.

Подавляющее большинство просивших о помощи принадлежало к непривилегированным сословиям. Как правило, именно эти люди пополняли ряды нищих и обездоленных. Однако среди обращавшихся за помощью были лица, принадлежавшие к элите российского общества – дворянству. Штаб-офицерские и генеральские чины по выслуге давали потомственное дворянство. Большинство их обладателей имели его по происхождению. Иногда под обер-и штаб-офицерскими чинами понимались и соответствующие чины в гражданской службе. Чиновничество тоже относилось к привилегированной группе населения. В том, что к благотворительной помощи прибегали представители привилегированной части российского общества, нет ничего удивительного. Как отмечалось, сама по

себе принадлежность к дворянству не гарантировала материального достатка. Далеко не все дворяне имели земли и капиталы, достаточные для решения самых насущных жизненных задач, не говоря уже о поддержании соответствующего образа жизни. Причинами бедности могли быть недостаточная пенсия, болезни, требовавшие дорогостоящего лечения, долги, материальные проблемы ближайших родственников, наконец, неудачная игра в карты, на бегах, пьянство и тому подобное. Давала ли сословная принадлежность преимущества при получении помощи, судить трудно. В публикациях о деятельности Человеколюбивого общества и архивных материалах упоминания об этом отсутствуют. В ситуации, когда все просившие находились в стесненных материальных условиях, упомянутый фактор мог играть роль. Можно допустить, что обедневшие представители привилегированных сословий использовали знакомства, чтобы положительно решить вопрос о получении пособия.

Самой распространенной формой помощи, которую оказывал Санкт-Петербургский Попечительный о бедных комитет, была выдача единовременных и периодических денежных пособий. В 1874 г., к примеру, их получили 8110 человек, в 1875-м – 7633, в 1876-м – 7233. Большая часть просивших получала от 2 до 5 руб. В 1874 г. таких лиц было 5802, в 1875-м – 5342, в 1876-м – 588. Нередко комитет выдавал пособия в размере пяти – десяти рублей. В 1874 г. такие суммы были выданы 1475 лицам, в 1875-м – 1552, в 1876-м – 1583 просителям. Более крупные суммы – 20–30 руб. и более – получали лишь несколько сот человек в год. Были и такие, кто получал помощь в размере 1 руб.[282] Единовременные выплаты производились, как правило, для того, чтобы помочь нуждавшимся в решении неотложных житейских задач – оплата жилья, расходы по судебным тяжбам и составлению различных бумаг, срочная поездка, на которую не было денег, и тому подобное.

Кроме единовременных, Петербургский Попечительный о бедных комитет выплачивал периодические денежные пособия «в виде пенсии, ежемесячно, или по нескольку раз в год». Пенсиями назывались все периодические выплаты. В 1874 г. на содержание детей комитет выдал 140 лицам 5928 руб. 99 коп., в 1875 г. на те же цели 144 человека получили в общей сложности 6658 руб. 88 коп. и в 1876 г. 101 лицу выдали 4251 руб. 52 коп.[283] В среднем выходило около 50 руб. на семью или одного человека, воспитывавшего ребенка. «детские пособия» были различными, в зависимости от количества детей в семье. Комитет также выплачивал пособия на содержание престарелых в богадельнях и

пансионеров в учебно-воспитательных заведениях.

На содержание 34 престарелых в богадельнях Человеколюбивого общества в 1874 г. израсходовали 3091 руб. В 1875 г. на содержание 33 человек было потрачено 2510 руб. и в 1876 г. на содержание 32 стариков – 2265 руб. Содержание 75 пансионеров в учебно-воспитательных заведениях Человеколюбивого общества в 1874 г. обошлось в 4691 руб., в 1875-м на 52 пансионера было отпущено 4260 руб. и в 1876 г. на 67 пансионеров комитет израсходовал 4646 руб.[284] Содержание одного призреваемого в богадельнях стоило в среднем около 100 руб. в год, на одного питомца учебно-воспитательных заведениях затрачивалось в среднем шестьдесят рублей в год. Это были небольшие суммы, позволявшие удовлетворять лишь минимальные потребности.

В числе призревавшихся Попечительным о бедных комитетом были неимущие студенты. Комитет оказывал помощь студентам Петербургского университета, медико-хирургической академии и других вузов. В 1874 г. на помощь 25 студентам Университета и медико-хирургической академии было израсходовано 3764 руб. В следующем году 35 студентов получили 4937 руб. В 1876 г. 20 универсантов, 19 студентов медико-хирургической академии и три студента других вузов получили в общей сложности 5743 руб. [285]. В среднем на одного студента выходило примерно 140–150 руб. в год. Это тоже были небольшие деньги, но они позволяли скромно существовать и даже оплачивать учебу. Студентам выдавались и единовременные пособия. В 1874 г. 46 студентов университета получили в общей сложности 1068 рублей, 81 студент медико-хирургической академии – 922 рубля, и 31 студент прочих питерских вузов – 526 рублей. В 1876 г. единовременные пособия в размере 1349 руб. получили 117 студентов Университета, 75 студентов-медиков и 43 студента других вузов[286].

Но если периодические «пенсии» и единовременные пособия в сумме не менее 5–10 руб. позволяли неимущим решать свои житейские проблемы, то выплаты сумм в размере от 50 коп. до 1–2 руб. были совершенно неэффективны. Пятидесятикопеечные выплаты Петербургский комитет во второй половине XIX в. не осуществлял, но другие комитеты это делали. В 1867 г. газета «голос» подвергла критике костромской Попечительный о бедных комитет. Автор заметки писал: «…если уж помогать бедным, так уж помогать радикально, а то, что за помощь каждый месяц по 50 коп. Ведь эти деньги идут не на ослабление нищенства, а на развитие его, потому что идут в кабак. Вот дом призрения – другое дело: в него идут действительно бесприютные и дряхлые,

тут всякая копейка комитетская идет на дело»[287].

В целом по России во второй половине XIX в. различные денежные пособия от Попечительных о бедных комитетов Императорского Человеколюбивого общества получали ежегодно несколько десятков тысяч человек. Несмотря на недостатки, эта система помощи бедным выдержала проверку временем. При отсутствии государственной социальной политики, системы страхования, денежные выплаты, осуществлявшиеся благотворительными обществами и учреждениями, были едва ли не единственным способом помочь взрослым беднякам, а в ряде случаев и детям. В конце XIX столетия эта система помощи бедным была усовершенствована. При комитете создали комиссию для регистрации бедного населения Санкт-Петербурга, которая продолжала существовать и после упразднения в 1900 г. самого комитета. Прочие Попечительные о бедных комитеты существовали в России до прихода к власти большевиков и гражданской войны.

Наряду с Попечительным о бедных комитетом в Петербурге и губернии действовали более мелкие благотворительные общества различной ведомственной принадлежности. Они оказывали помощь сравнительно небольшому числу бедняков: от нескольких десятков до нескольких сотен человек единовременно. Как правило, осуществлялась близкая по форме к денежным пособиям помощь одеждой, обувью, продуктами, дровами. Некоторые из этих обществ входили в состав Ведомства учреждений императрицы Марии, в частности – общество для снабжения бедных одеждой, основанное в северной столице в первой половине XIX в. оно оказывало помощь бедным петербуржцам одеждой, изготовлявшейся «…преимущественно бедными швеями, которые в течение зимы добывали тем для себя пропитание»[288]. Работа швей оплачивалась обществом. Кроме того, вещи собирались в качестве пожертвований. Бедным выдавались только предметы одежды и белья. Раздача одежды производилась, как правило, в конце осени и зимой. Общество могло постоянно обеспечивать небольшое количество бедняков. Каждый благотворитель имел право рекомендовать лиц, нуждавшихся в одежде, но при этом должен был «… сообразоваться со своим пожертвованием»[289]. В этом случае нуждающийся должен был представить рекомендательную записку за подписью благотворителя. Получить следующее пожертвование могли только те лица, которые сами носили выданную им одежду. Продававшие полученные вещи новых пожертвований не получали.

Средства общества формировались преимущественно из

пожертвований высочайших особ. Эти суммы были невелики. В 1867 г. от императора поступили 286 руб., от императрицы – 143 руб., от наследника престола – 30 руб. и от цесаревны – 28 руб. 57 коп. Великие князья Владимир, Алексей и Сергей Александровичи вместе внесли 42 руб. 90 коп.[290] В 1882–1883 гг. новый император пожертвовал обществу 286 руб., его супруга – 100 руб., великий князь Константин Николаевич – 28 руб.[291] Поступали и другие частные пожертвования, но тоже небольшие. Капитал общества не превышал 2000 руб. На эти деньги заказывалась одежда, снимались помещения для ее раздачи, оплачивались другие нужды. Основного или неприкосновенного капитала у общества не было. Все расходы зависели от текущих поступлений. Во второй половине XIX в. общество в Санкт-Петербурге ежегодно обеспечивало вещами около тысячи человек. Например, зимой 1867/68 г. 722 бедняка получили 928 единиц разной одежды[292]. Зимой 1875/76 г. 1332 единицы вещей получили 1046 нуждающихся[293]. В течение зимы 1882/83 г. 980 человек получили 1270 единиц одежды и белья[294].

Помощь бедным денежными пособиями и вещами была наиболее простой формой открытого призрения, позволявшей единовременно или периодически удовлетворять самые минимальные потребности нуждающихся. Организация такой помощи не требовала стационарных учреждений и специальной квалификации служащих. Более сложной формой призрения была медицинская помощь, которая оказывалась стационарно в больницах и амбулаторно.

В ведомстве императрицы Марии эту помощь оказывали, главным образом, больницы, предназначенные как для взрослых, так и для детей. Императорское Человеколюбивое общество имело в своем составе немного стационарных лечебниц, но располагало крупной структурой, осуществлявшей амбулаторную помощь бедным – медико-филантропический комитет, действовавший в Петербурге. Он был создан в 1802 г. До 1816 г. действовал самостоятельно, а затем вошел в состав Императорского Человеколюбивого общества. Комитет имел целью оказание бесплатной медицинской помощи неимущим больным путем амбулаторного лечения, бесплатно выдавал бедным костыли, очки, бандажи и тому подобное. Собственных аптек и медицинских предприятий комитет не имел. Рецепты, которые выдавались бедным на приобретение лекарств и медицинских приборов в аптеках, оплачивались комитетом. Средства для этого поступали из совета Человеколюбивого общества. В некоторых случаях медико-филантропический

комитет оказывал денежную помощь больным.

В состав медико-филантропического комитета входили несколько категорий служащих: действительные члены-врачи, члены-фармацевты, почетные члены, члены-благотворители, а также собственно врачи для бедных и их помощники – фельдшеры, фармацевты, зубные врачи, повивальные бабки. Звания почетных членов удостаивались медики, известные своей профессиональной и общественной деятельностью, и прочие лица, сделавшие в пользу комитета пожертвования либо оказавшие другую помощь. Почетных членов было, как правило, около десяти человек. Практической деятельностью в комитете занимались действительные члены-врачи и члены-фармацевты. Из действительных членов избирались председатель и вице-председатель комитета. Прочие действительные члены-врачи выполняли обязанности наблюдателей за деятельностью врачей для бедных в городских районах, фармацевтов, стоматологов и повивальных бабок. По штату полагалось 25 действительных членов-врачей, но во второй половине XIX в. Их число редко превышало два десятка человек.

Действительные члены-фармацевты занимались вопросами финансово-хозяйственной деятельности комитета. Они проверяли счета за лекарства и медицинские приборы, вели учет финансов и материальных ценностей медико-филантропического комитета. Собственно врачей для бедных, непосредственно занимавшихся оказанием медицинской помощи неимущим, в комитете состояло 15 человек. Каждый имел помощника-фельдшера. В комитете также состояли несколько зубных врачей и около трех десятков повивальных бабок. Фармацевты занимались составлением лекарств.

Врачи и фармацевты исполняли свои обязанности безвозмездно, получая за это права государственных служащих, классные чины и мундиры Человеколюбивого общества. Такой порядок установился не сразу. Предоставление чинов служащим медико-филантропического комитета началось еще в 1830-е гг. Тогда чины получили секретарь, казначей и чиновники для письма. В 1848 г. права государственных служащих в VIII классе получили врачи для бедных. Наконец, в 1858 г. чины получило большинство служащих медико-филантропического комитета. Председатель стал обладателем чина V класса, вице-председатель и действительные члены-врачи получили чин VI класса, помощники врачей для бедных – чин XIV класса. В 1880 г. права государственной службы в XIV классе получили зубные врачи. Видимо, руководство Человеколюбивого общества осознало, что для привлечения на службу квалифицированных медицинских

работников только моральных стимулов было недостаточно.

Наиболее трудную работу в медико-филантропическом комитете выполняли врачи для бедных, а также их помощники. Врачи принимали больных у себя на квартирах. А тех, которые не могли самостоятельно передвигаться, посещали у них на дому. Врачи имели право выписывать рецепты на получение неимущими пациентами бесплатных лекарств и медицинских приборов. Такая организация медицинской помощи имела как положительные стороны, так и недостатки. С одной стороны, она позволяла неимущим сравнительно быстро и бесплатно получать все необходимое по предписанию медиков. Но небольшое число врачей и ограниченное время приема таких больных приводили к тому, что они скапливались в очередях у квартир врачей. Иногда это привлекало внимание петербургских газет. В сентябре 1870 г. «Петербургский листок» опубликовал критическую заметку «овации больных у подъезда врача». В ней рассказывалось об очередях и давке у квартиры врача медико-филантропического комитета Карасева, проживавшего на углу Бармалеевой улицы и Большого проспекта. Руководство медико-филантропического комитета отреагировало сразу. Было назначено служебное расследование и в результате выяснилось, что врач не виноват в том, что возле его квартиры скапливались больные. Размеры его жилья не позволяли впускать одновременно большое количество страждущих. В передней могли разместиться всего несколько человек. Впускать больных в комнаты более чем по одному было нежелательно, так как после их пребывания нередко пропадали личные вещи доктора. Это, кстати, является ярким примером того, что за благодеяния бедному вовсе не следует ожидать ответной благодарности. Когда человек подает милостыню во имя спасения собственной души, а профессиональный нищий благодарит его, это своего рода «правила игры», которые соблюдают обе стороны. Действительно обездоленный человек, вынужденный просить о помощи, несчастен и озлоблен. Не имея возможности ожидать своей очереди в помещении, больные, которых доктор Карасев принимал до четырехсот человек в месяц, скапливались на улице. Сам врач, как выяснилось в ходе разбирательства, относился к своим неимущим пациентам доброжелательно и лечил их добросовестно, несмотря на то, что некоторые из них оставляли себе «на память» его вещи. Императорское Человеколюбивое общество пришло к выводу, что газетная заметка «не заслуживает никакого внимания, а огромное число больных бедных, обращающихся к этому врачу для лечения, при множестве даровых лечебниц для приходящих в Петербурге, свидетельствует только о доверии этих больных к искусству

Карасева и о той пользе, которую он им приносил»[295].

Недостатки, указанные в газете, следовало бы отнести на счет организации врачебной помощи медико-филантропическим комитетом. Жалования и содержания врачи для бедных не получали. Зарабатывать они могли только частной практикой, поэтому время приема бедных больных было ограничено. Нельзя отрицать искреннего желания врачей помочь бедным, но основным средством привлечения их на службу в медико-филантропический комитет служило предоставление прав государственных служащих, чины и мундиры Человеколюбивого общества. Это повышало общественный статус докторов, могло положительно повлиять на расширение практики, увеличение заработка. Однако, судя по тому, что врачей для бедных было всего полтора десятка на город с полумиллионным населением, избытка желавших воспользоваться этими преимуществами не было. Для того чтобы изменить положение дел в лучшую сторону, следовало установить врачам для бедных достойное жалование и содержание, позволявшее им трудиться полный день. А это противоречило базовым принципам организации помощи Императорским Человеколюбивым обществом и другими благотворительными структурами России.

Чтобы расширить возможности медико-филантропического комитета, в 1863 г. при нем была создана лечебница для приходящих, говоря современным языком, – поликлиника. В ней работало около десятка врачей-консультантов, несколько повивальных бабок и фельдшеров. Лечебница оказывала такую же помощь, как врачи для бедных. В исключительных случаях делались хирургические операции в стационарных условиях. В 1860–1880-е гг. в лечебнице получили помощь тысячи неимущих жителей северной столицы. В 1889 г. из-за недостатка средств Человеколюбивое общество вынуждено было закрыть лечебницу. Реанимировать ее удалось только в самом конце XIX столетия.

Несмотря на очевидные недостатки, организация помощи больным медико-филантропическим комитетом позволяла бесплатно лечиться и получать медицинские приборы десяткам тысяч бедных петербуржцев. В 1874 г. комитет оказал помощь 19 311 больным, в 1875 – 23 127, в 1876 – 21 321[296]. Примерно 18–20 тысяч неимущим ежегодно медико-филантропический комитет помогал в 1880–1890-е гг. В 1897 г. этой помощью воспользовались 19 842 человека. Из них непосредственно к врачам для бедных обратились 18 216 человек, к зубным врачам – 1103, к повивальным бабкам – 523[297].

Ведомство императрицы Марии и Человеколюбивое общество осуществляли призрение взрослых в стационарных учреждениях –

богадельнях и больницах. Императорское общество к середине XIX столетия располагало в Петербурге несколькими богаделенными заведениями. Это были дом убогих, Орлово-Новосильцевское благотворительное заведение и дом призрения бедных женщин графа Кушелева-Безбородко. Во второй половине века в северной столице были созданы еще несколько заведений и обществ для призрения взрослых: Бесплатные квартиры Захарьинского, общество вспомоществования бывшим и нынешним воспитанникам гимназии Императорского Человеколюбивого общества, Большеохтинское благотворительное общество, четыре бесплатные швейные мастерские и столовая для бедных императора Николая II.

Крупнейшим богаделенным заведением Человеколюбивого общества в Петербурге был дом убогих. Название «Исидоровского» он получил в 1875 г. в честь митрополита Санкт-Петербургского Исидора, в 1860–1892 гг. занимавшего должность главного попечителя Императорского Человеколюбивого общества. Открылось заведение в 1823 г. Оно предназначалось для призрения взрослых бедняков обоего пола без сословного различия. В доме имелись три отделения. Первое – квартирное, являлось собственно богадельней, рассчитанной на 100 человек. Второе представляло собой больницу на 40 кроватей. Третье предназначалось для содержания 25 неизлечимо больных. Позднее число призреваемых возросло. Открылось четвертое отделение для страдавших «падучей болезнью», то есть эпилепсией. По новому уставу, принятому в 1848 г., комплект всех отделений дома убогих определялся в 266 человек[298]. В 1852 г. из-за сокращения доходов с недвижимости и основного капитала в связи с инфляцией, комплект призреваемых уменьшился. Мужчины были переведены в Орлово-Новосильцевское благотворительное заведение. К концу 1855 г. дом призревал единовременно 223 человека[299].

Во второй половине XIX в. дом убогих превратился в чисто богаделенное заведение для призрения женщин. В 1868 г. он получил новый устав, в соответствии с которым в доме остались три отделения. Одно предназначалось для «убогих», т. е. обычных призреваемых, два других – для неизлечимых больных и падучих. Больница закрылась. Это было связано с углублением специализации учреждений Человеколюбивого общества, проводившейся со второй половины XIX в. По новому уставу отделение убогих должно было призревать только женщин дворянского происхождения. Лица «простого звания» переводились в дом призрения графа Кушелева-Безбородко. В 1870–1880-е гг. Исидоровский дом убогих единовременно

призревал от 150 до 200 женщин. В 1874 г. заведение давало призрение 176 бедным. Из них 125 находились в отделении убогих, 39 – в отделении неизлечимо больных и 12 – в отделении эпилептиков. В 1875 г. здесь призревались 187 человек, из них 137 убогих, 39 неизлечимо больных и 12 эпилептиков. В 1876 г. призрением в Исидоровском Доме пользовались 122 убогих, 34 неизлечимо больных и 12 эпилептиков[300]. Кроме того, в то время в доме имелись 40 пансионерских вакансий.

Пансионерская плата была одним из источников существования Исидоровского дома, содержавшегося на благотворительные пожертвования. Денег из казны он не получал. Бóльшая часть средств на содержание заведения, поступала из сумм совета Человеколюбивого общества. Исидоровский дом убогих привлекал благотворителей путем предоставления им классных чинов и ведомственных мундиров. По уставу 1868 г. при доме учреждались должности попечителя, сотрудников попечителя и членов-благотворителей. Желавший иметь должность попечителя обязан был содержать не менее пятнадцати пансионерок, его сотрудники – не менее двух пансионерок каждый. Члены-благотворители должны были ежегодно вносить в пользу заведения 50 руб. каждый. Попечитель имел чин V класса, десять его сотрудников – чин VI класса. Члены-благотворители, количество которых уставом не оговаривалось, чинов не получали, но имели право носить мундир Императорского Человеколюбивого общества, соответствовавший чину VIII класса. Такой подход к предоставлению чинов и мундиров был рассчитан на благотворителей с различным достатком.

Орлово-Новосильцевское благотворительное заведение в Петербурге предназначалось для мужчин. Открытое в 1842 г., оно получило название в честь благотворительницы – вдовы бригадира и кавалерственной дамы, графини Екатерины Владимировны Новосильцевой, урожденной Орловой. Согласно утвержденным советом Человеколюбивого общества правилам, составленным самой графиней, заведение предназначалось для призрения десяти нижних воинских чинов и десяти нуждавшихся в уходе бедных из прочих сословий. Средства к существованию заведению должны были обеспечивать доходы с пожертвованного графиней Человеколюбивому обществу имения в ярославской губернии с 500 душами крепостных крестьян. Этот пример ярко иллюстрирует то, что благотворительность каждый понимал по-своему. Безусловно, помощь даже двум десяткам старых и больных людей была полезным и благородным делом. Но о том, что гораздо более масштабным актом милосердия могло быть

освобождение упомянутых крепостных, графиня, видимо, не задумывалась. После отмены крепостного права имение перестало приносить доход. Лишившись дарового труда крепостных, Богадельня временно осталась без средств к существованию. Чтобы сохранить заведение, совет Человеколюбивого общества решил поддержать его своими средствами. Желание помочь заведению выразил один из наследников графини – граф В. П. Орлов-Давыдов, после кончины Новосильцевой занявший должность попечителя заведения. В 1884 г. он и еще один наследник, граф В. Н. Панин, пожертвовали богадельне 22 тыс. 500 руб. взамен ежегодных выплат. После стабилизации финансового положения богадельни, комплект призреваемых увеличили. По новому уставу 1869 г., он составил 60 человек, кроме пансионеров. В 1870-е гг. в заведении призревались до 70 человек. В 1874 г. в нем содержались 72 человека, 9 из которых являлись пансионерами, в 1875 – 73 человека, из них 13 пансионеров. В 1876 г. богадельня давала приют 70 лицам, 9 из которых были пансионерами[301]. В конце века количество призревавшихся здесь было примерно таким же.

В честь благотворителя было названо еще одно богаделенное заведение в Петербурге, входившее в состав Человеколюбивого общества, – дом призрения престарелых бедных женщин графа Кушелева-Безбородко. В 1853 г. повелением царя Императорскому Человеколюбивому обществу были переданы здания ликвидированных малоохтинских раскольничьих богаделен. В созданную там новую богадельню перевели призревавшихся в доме убогих лиц женского пола из непривилегированных сословий. В 1858 г. граф Григорий Александрович Кушелев-Безбородко изъявил желание содержать с 1 января 1859 г. эту богадельню за свой счет, обязавшись за себя и своих наследников ежегодно вносить 11 000 руб. Заведение назвали в честь благотворителя, получившего пожизненное звание попечителя богадельни с правом передачи этого звания старшему в роду. Звание давало право на чин V класса. Кроме того, граф был награжден орденом св. Владимира IV степени. В гражданской службе это давало потомственное дворянство, что, впрочем, для графа не имело значения, так как он являлся потомственным дворянином по происхождению.

Как и многие другие заведения Человеколюбивого общества во второй половине XIX столетия, дом призрения бедных женщин получил в 1868 г. новый устав. Комплект призреваемых устанавливался в 100 человек, кроме пансионерок. Содержание одной пансионерки обходилось в 100 руб. в год. Граф выполнял обязательства по финансированию дома до конца своей жизни.

Когда в 1870 г. Кушелев-Безбородко скончался, оказалось, что выполнить его завещание затруднительно. Сестра графа, Л. А. Мусина-Пушкина, вступившая во владение имуществом брата, выяснила, что его финансовые дела были далеко не блестящими. Она заявила совету Человеколюбивого общества, что «обещание ее покойного брата не обязательно для его наследников»[302]. После долгих переговоров совету удалось добиться от нее подтверждения обязательств брата, но только до 1888 г. когда подошел срок, Мусина-Пушкина, окончательно отказалась от финансирования заведения. Его обеспечение вынужден был взять на себя совет Императорского Человеколюбивого общества.

Сложности с финансированием этого учреждения, возникшие после кончины благотворителя, – наглядный пример того, что пожертвования не могли (и не могут) быть абсолютно надежным и устойчивым источником обеспечения призрения. Более или менее стабильным было существование тех учреждений, которые сразу обеспечивались достаточно крупными благотворительными пожертвованиями. К их числу можно отнести Бесплатные квартиры Захарьинского в Петербурге. Во второй половине XIX в. Императорское Человеколюбивое общество освоило новую форму помощи бедным – предоставление бесплатного или дешевого жилья. В 1873 г. петербургский мещанин Михаил Васильевич Захарьинский пожертвовал обществу четыре дома для организации призрения бедных женщин. В домах, оцененных в 100 тыс. руб., решено было разместить Бесплатные квартиры Захарьинского, названные в честь благотворителя. Они были рассчитаны на 26 номеров. Квартиры, по существу, являлись ночлежным приютом. В 1870–1880-е гг. ими единовременно могли пользоваться до 25 человек. В 1890 г. дома перестроили. Кроме квартир, в них разместились несколько учреждений Человеколюбивого общества.

В 1890 г. в Петербурге возникло еще одно подобное заведение. Действительный статский советник Михаил Георгиевич Петров передал совету Человеколюбивого общества дом для создания богадельни на десять человек и 22 квартир для бедных. Богадельня предназначалась для «совершенно неимущих» женщин, квартиры – для нуждающихся обоего пола. На содержание дома Петров пожертвовал 37 тыс. руб., из них 27 тыс. руб. предназначались для обеспечения богадельни и квартир, а 10 тыс. руб. – на ремонтно-строительные расходы. Тогда же богадельня и квартиры получили в честь благотворителя название «Убежище и бесплатные квартиры Михаила и Елизаветы Петровых». Семь лет спустя Петров построил новое здание для

размещения в нем еще 16 бесплатных квартир. Бедные проживали в них бесплатно. Для более менее обеспеченных, плата за проживание составляла от 3 до 6 руб. в месяц. Решение о предоставлении жилья в таких учреждениях принимали сами благотворители. В заведение Петровых нуждающиеся принимались по личному распоряжению учредителя. Проситель должен был представить ходатайство в письменном виде «…на простой бумаге, с приложением документов, удостоверяющих личность…»[303].

В 1873 г. члены комиссии кружечного сбора Императорского Человеколюбивого общества предложили создать бесплатную швейную мастерскую. Бедным предоставлялись швейные машины и рабочее помещение, чтобы они могли шить из своего материала изделия на продажу. Первая мастерская открылась в 1873 г., последняя – четвертая – в 1883. Благотворительные пожертвования мастерским делались швейными машинами. В 1883 г. камер-юнкер императорского двора Казаринов пожертвовал 9 швейных машин, что позволило открыть четвертую мастерскую. Средства на содержание мастерских выделялись советом Человеколюбивого общества.

Во второй половине XIX в. Человеколюбивое общество располагало в Петербурге всеми типами учреждений для оказания социальной помощи бедным, кроме больниц. В его состав входили Санкт-Петербургский Попечительный о бедных комитет, оказывавший денежную помощь неимущим, и два небольших благотворительных общества с этой же задачей. Амбулаторную помощь бедным оказывал Медико-филантропический комитет. Стационарное призрение осуществлялось в богадельнях. Возникли новые формы призрения – предоставление бесплатного жилья и трудовая помощь, но они не получили широкого развития.

Ведомство учреждений императрицы Марии имело в Петербурге несколько богаделен и больниц. В отличие от детско-юношеских учреждений призрения, богаделенные и медицинские заведения ведомства не были объединены в комплексы под общим управлением и с общей правовой базой. Несколько петербургских богаделен и больниц в 1829–1885 гг. входили в Попечительный совет заведений общественного призрения. В составе Ведомства императрицы Марии было также несколько благотворительных обществ, оказывавших помощь бедным денежными пособиями, вещами, продуктами, лекарствами. В Петербурге во второй половине XIX в. существовали общество для снабжения бедных теплой одеждой и община сестер милосердия княгини Барятинской. Вблизи столицы действовали Колпинское и

кронштадтское благотворительные общества. Кроме Петербурга, богадельни и благотворительные общества, входившие в ведомство императрицы Марии, располагались в Москве и губерниях. Больницы ведомства существовали только в столицах.

Первыми богаделенными заведениями, созданными Марией Федоровной и вошедшими в ведомство ее имени, были вдовьи дома в Санкт-Петербурге и Москве, открытые в феврале 1803 г. они «представляли собой род богаделен для бездетных вдов офицерского звания»[304]. В 1815 г. при Санкт-Петербургском Вдовьем доме было учреждено «отделение сердобольных вдов» для призреваемых, желавших трудиться. Их задачей было ухаживать за больными. При жизни Марии Федоровны вдовьи дома получали ежегодно по 1500 руб. каждый из средств императрицы. Кроме того, здесь были созданы вдовьи казны, прибыль от операций которых поступала на содержание домов. В первой половине XIX в. вдовьи дома могли единовременно призревать около ста пятидесяти человек каждый. В 1808 г. Мария Федоровна приняла под покровительство дом призрения штаб– и обер-офицеров Шереметевой в Москве. В ведение императрицы поступали и губернские богаделенные заведения. В 1821 г. под ее покровительство перешел странноприимный дом купца Депальди (или Депальды) в Таганроге. Эти дома, названные в честь учредителей, были рассчитаны на призрение одного-двух десятков человек каждый. В 1828 г. в числе заведений упраздненного Санкт-Петербургского приказа общественного призрения в ведение Марии Федоровны перешли градские богадельни (организационно это было одно заведение, называвшееся во множественном числе по традиции). Все эти учреждения просуществовали в ведомстве до его упразднения. Некоторые богадельни, взятые под покровительство Марией Федоровной, существовали недолго – дом призрения бедных в Гатчине, открытый в 1811 г., тогда же созданное общество церковных инвалидов в Павловске, учрежденная в 1812 г. «команда собственных инвалидов» Марии Федоровны, состоящая из 24 отставных гвардейских нижних чинов.

Мария Федоровна отдавала предпочтение в призрении лицам, находившимся в прошлом на государственной службе, либо их ближайшим родственникам. Такой подход к выбору кандидатов на призрение сохранялся во многих богадельнях ведомства и позже. Правила содержания призреваемых в этих учреждениях напоминали монастырские или казарменные. Во вдовьих домах, например, «пансионерки испрашивали у настоятельницы разрешения практически на все: они отлучались только по „билету“, выданному ею, по возвращении, не позже

вечернего „стола“, обязаны были являться к ней. Она же давала разрешение ночевать у родных. Принимать гостей можно было только до ужина»[305]. Та – кую строгость можно объяснить тем, что заведение брало на себя ответственность за жизнь и быт призреваемых. Однако главной причиной введения столь строгих порядков было стремление не допускать прошения милостыни постояльцами за стенами заведения. Это могло его дискредитировать. Подобные порядки существовали практически во всех богаделенных заведениях Ведомства императрицы Марии, как в первой половине XIX столетия, так и во второй.

Наряду с богадельнями, при Марии Федоровне получили развитие медицинские стационарные заведения для призрения неимущих. В 1801 г. в ведение императрицы перешла старейшая Павловская больница, предназначенная для лечения бедных. Она была основана Екатериной II в 1763 г. и названа в честь наследника престола Павла Петровича. На содержание больницы Мария Федоровна ежегодно отчисляла из своих средств 3000 руб. В феврале 1803 г. по инициативе и на средства Марии Федоровны были открыты две (по одной в Петербурге и Москве) больницы для бедных, каждая на двести кроватей. В память о скончавшейся императрице 28 октября 1828 г. они получили название «Мариинских». В 1816 г. Мария Федоровна приняла под покровительство Голицынскую больницу в Москве, созданную в 1794 г. В 1828 г. в числе заведений Санкт-Петербургского приказа общественного призрения в ведение императрицы перешла Обуховская больница с домом умалишенных. Марией Федоровной были созданы также «родовспомогательные заведения» при Санкт-Петербургском и московском воспитательных домах. Организационно они входили в структуру воспитательных домов, но их можно рассматривать как самостоятельные заведения для призрения взрослых бедных. В 1811 г. императрица учредила Повивальный институт, по существу являвшийся родовспомогательным заведением. Он предназначался не только для помощи бедным роженицам, но и для обучения повивальных бабок. Источниками обеспечения богаделен, клиник и больниц Марии Федоровны являлись благотворительные пожертвования, в том числе от членов императорской фамилии, пансионерская плата за призреваемых, проценты с основных капиталов. Основные или неприкосновенные капиталы богаделенных и больничных заведений были сформированы, главным образом, из сумм, пожертвованных лично Марией Федоровной.

В николаевское царствование, после преобразования учреждений Марии Федоровны в IV отделение собственной канцелярии, богадельни и больницы не претерпели существенных

изменений. До середины XIX в. в ведомство императрицы вошли еще несколько таких учреждений. В частности, Петропавловская больница (открылась в 1831 г.). В 1829 г. к ведомству были присоединены Калинкинская градская больница и состоявшее при ней суворовское училище повивальных бабок. В 1832 г. от Обуховской больницы был отделен дом умалишенных, преобразованный в больницу всех скорбящих. Она осталась в числе учреждений императрицы Марии. В 1839 г. ее передали из Попечительного совета заведений общественного призрения в опекунский совет. В 1856 г. больница была закрыта. В 1847 г. в состав IV отделения вошли одни из старейших в России Волковские богадельни, возникшие еще в 1772 г. как и градские, Волковские богадельни организационно представляли собой одно заведение, называвшееся во множественном числе по традиции. В 1849 году в ведомстве императрицы Марии были созданы дом призрения бедных девиц благородного звания и больница св. Ольги, а в 1854 г. – николаевская детская больница. Все эти заведения располагались в Петербурге. Кроме того, в северной столице ведомство императрицы располагало женской и детской лечебницей при детском приюте цесаревича Николая Александровича и рядом других мелких лечебниц. В Москве в николаевское время в составе ведомства были созданы Алексеевская больница и три лечебницы для приходящих. Из губернских богаделен в число учреждений императрицы в 1854 г. вошли Белевский вдовий дом и тульский дом призрения бедных.

В середине XIX столетия в ведомстве учреждений императрицы Марии начала осуществляться новая форма призрения взрослых бедных – трудовая помощь. Ее оказывал Демидовский дом призрения трудящихся, открытый в марте 1833 г. и находившийся под непосредственным покровительством супруги Николая I Александры Федоровны. В 1854 г. после кончины статс-секретаря Лонгинова, управлявшего учреждениями Александры Федоровны, Демидовский дом в их числе был присоединен к IV отделению. Заведение создавалось на средства известного благотворителя и мецената Анатолия Николаевича Демидова. Сумма пожертвования составляла 142 817 руб. серебром, или 500 000 рублей ассигнациями. И это было не единственное крупное пожертвование, сделанное А. Н. Демидовым в первой половине XIX столетия. В начале 1830-х гг. он совместно с братом – Павлом Николаевичем Демидовым – пожертвовал 57 142 руб. серебром, или 200 тыс. руб. ассигнациями, на покупку домов для николаевской детской больницы в Петербурге[306].

В соответствии с замыслом создателя цель Демидовского

дома состояла в «доставлении бедным жителям столицы средств приобретать все нужное для их содержания, работами простыми, не требующими умения или искусства»[307]. Дом предназначался для оказания помощи трудоспособным лицам, в силу различных жизненных обстоятельств оказавшимся без средств к существованию, но не желавшим стоять на паперти.

Заведение брало на себя организацию трудового процесса и выплату вознаграждения. Вскоре после его открытия выяснилось, что новая форма помощи бедным интереса у них не вызывает. Желавших воспользоваться ею было так мало, что первое время он почти пустовал. В отчете, посвященном двадцатипятилетию Демидовского дома, это объяснялось тем, что «бедные, не имевшие семейств, находили для себя выгоды заниматься работой на стороне», так как никакой иной помощи от заведения не получали, а «обремененные семействами не могли оставлять своих детей на целые дни без надзора»[308]. В 1835 г. желавшим трудиться в Демидовском доме начали предоставлять жилье и питание. Комплект призреваемых установили в 50 человек «благородных» и 20 разночинцев. Прибыль как таковая не была целью деятельности заведения, но оно стремилось хотя бы частично окупить содержание призреваемых. В 1836 г. при заведении открылся магазин для сбыта изделий постояльцев дома.

Призрение взрослых в Демидовском доме сочеталось с призрением детей. В том же 1836 г. при нем открылась школа для неимущих детей обоего пола, позже преобразованная в женскую. С 1837 г. при доме начали создавать детские приюты. Постепенно Демидовский дом превращался в многопрофильное учреждение призрения. Это мешало четко определить цели и задачи заведения и превышало его финансовые возможности. Поэтому в 1839 г. детские приюты были отделены от него и составили особое ведомство, входившее в учреждения императрицы Марии. С 1835 г. Демидовский дом начал также предоставлять бедным бесплатное питание. Для этого при заведении было создано отделение снабжения бедных пищей. Оно представляло собой столовую, еда в которой выдавалась по талонам, раздававшимся бедным вместо милостыни в разных частях Петербурга. В 1843 г. в составе Демидовского дома было открыто отделение для призрения малолетних девочек, рассчитанное на 50 мест.

Расширение дома требовало новых расходов и, следовательно, привлечения новых благотворительных пожертвований. Помимо основного капитала, проценты с которого шли на содержание заведения, А. Н. Демидов пожертвовал еще более 100 тыс. руб. на содержание школы,

отделения малолетних бедных и на другие расходы[309]. К середине XIX в. дом пользовался пожертвованиями 133 благотворителей. Среди них были лица, жертвовавшие достаточно крупные суммы. По данным на 1858 г., В. Г. Жуков, например, пожертвовал 10 042 руб. 80 коп, А. Г. Зотов – 13 770 руб. 61 коп., В. А. Пивоваров – 13 159 руб. 71 коп.[310] Прочие пожертвования составляли от нескольких сот рублей до нескольких тысяч. Среди благотворителей числились и два начальника III отделения собственной канцелярии – А. Х. Бенкендорф и Л. В. Дубельт. Бенкендорф одно время состоял попечителем Демидовского дома и разработал для него устав, принятый в 1843 г. Большой щедростью оба начальника тайной полиции не отличались. Каждый пожертвовал не более 2000 руб.

Во второй половине XIX столетия количество богаделен и медицинских учреждений Ведомства императрицы Марии возросло. Увеличилось число штатных вакансий. В 1859 г. в Петербурге открыли Богадельню цесаревича Николая Александровича и начал действовать дом императрицы Александры Федоровны, также представлявший собой богадельню. В Петербурге в 1864 г. создана больница принца Петра Ольденбургского и в 1870-е гг. преобразована в больницу, входившая в состав учреждений императрицы временная лечебница для умалишенных, в 1879 г. она получила имя св. Николая Чудотворца. Увеличилось число московских и губернских богаделенных заведений. В 1866 г. в Москве создано убежище во имя св. Марии Магдалины, а в 1871 г. открылась Богадельня Ермаковых, названная в честь купцов-благотворителей. В Киеве в 1854 г. открылись Печерская и Киевская богадельни, в 1856 г. начал действовать дом бедных сулимы с пансионом для девиц. В 1874 г. открыли Нарвскую богадельню почетного гражданина Петра Орлова и Холмская (в городе Холм) богадельня Бобарыкина. В 1871 г. были слиты в одно заведение Лыбедский и Печерский дома призрения, основанные в 1854 г. новое заведение стало называться дом призрения бедных княгини Дондуковой-Корсаковой. Он находился в ведении Киевского общества помощи бедным.

По данным на 1877 г., приведенным в книге И. Я. Селезнева «Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством», петербургские богаделенные заведения, за исключением Волковских, имели 2257 штатных вакансий. Московские, считая заведения, входившие в состав Попечительства о бедных, – 736 вакансий. Все губернские заведения располагали в общей сложности 519 вакансиями. Всего

богадельни Ведомства императрицы Марии, считая Волковские, могли предоставить нуждающимся в призрении приблизительно 5000 штатных вакансий. Медицинские учреждения императрицы в Петербурге имели, по данным на 1877 г.: 4620 штатных койко-мест, московские – 1120. Всего они единовременно могли принять 5740 неимущих больных[311]. В губерниях больничными заведениями ведомство императрицы не располагало. Надо отметить, что приведенные данные – неполные. Тем не менее, эти цифры в целом отражают реальные возможности богаделенных и медицинских заведений Ведомства императрицы Марии. Как видим, применительно к российским масштабам они были невелики. Не превышало пяти тысяч количество мест и в богаделенных заведениях Императорского Человеколюбивого общества.

Одной из причин того, что во второй половине XIX столетия не произошло существенного увеличения числа богаделенных и медицинских заведений, был недостаток финансовых средств. Но это – общая проблема для всех учреждений призрения, действовавших на благотворительной основе. Была и другая причина. В то время благотворительные ведомства дома Романовых гораздо больше внимания уделяли учреждениям призрения детей и юношества. Для Ведомства императрицы Марии это направление работы стало основным. Для Императорского Человеколюбивого общества призрение взрослых оставалось одним из приоритетных направлений деятельности. Но Человеколюбивое общество в тот период уделяло больше внимания реформированию детско-юношеских учреждений призрения и совершенствованию открытых форм призрения взрослых бедных.

Во второй половине XIX в. наметилась тенденция к некоторой специализации призрения в богадельнях. В наибольшей степени это проявилось в учреждениях императрицы Марии. Примером могут служить преобразования в одном из старейших учреждений Санкт-Петербурга – градских богадельнях. В 1828 г. они вошли в состав ведомства. В 1858 г. принц П. Г. Ольденбургский предложил устроить при заведении отделение для неизлечимых больных, которых нецелесообразно было держать в других больницах. Рассчитанное на 200 человек, оно открылось в 1859 г. и предназначалось только для женщин. Расширение градских богаделен стало возможно за счет привлечения новых благотворительных пожертвований. При открытии отделения император пожертвовал богадельне 20 000 рублей. Этой суммы не хватало на содержание двухсот пациентов и проведение ремонтно-строительных работ. Вопрос разрешился благодаря

нескольким крупным пожертвованиям. В 1867 г. князь Н. Б. Юсупов, занимавший должность помощника попечителя заведения, пожертвовал 90 тыс. руб., из них 60 тыс. руб., по воле благотворителя, предназначались для содержания неизлечимых больных, остальные деньги предполагалось использовать для покрытия ремонтно-строительных расходов. В 1876 г. по завещанию вдовы генерал-майора Полякова в распоряжение богадельни поступили 63 тыс. руб. кроме того, 67 750 руб. пожертвовала сестра умершего президента медико-хирургической академии Дубовицкого[312]. Эти деньги позволили не только содержать отделение для неизлечимых больных, но и несколько увеличить общее число призреваемых. В августе 1881 г., когда праздновалось столетие градских богаделен, в них содержались 1214 пансионеров[313].

Но расходы богадельни превышали щедрость благотворителей. Требовалось провести масштабные ремонтно-строительные работы, на которые не хватало средств. Тогда император распорядился выдать богадельне кредит в размере 181 800 руб. на правах 33-летнего займа. Это позволило к 1861 г. закончить строительство нового здания, а к 1864 г. завершить ремонтно-строительные работы и открыть новое отделение для выздоравливающих на сто мест. Помощь градским богадельням из казны – пример того, как императорская власть приходила на помощь заведениям, состоявшим в привилегированных благотворительных ведомствах под ее покровительством. Казенные средства, как правило, выделялись на проведение ремонтно-строительных работ. Это было не случайно. То, что происходило внутри учреждений призрения, входивших в указанные ведомства, не бросалось в глаза обывателю. Но внешний вид убогих и разваливающихся построек мог дискредитировать благотворительность и призрение под высочайшим покровительством.

Градские богадельни все время своего существования призревали лиц обоего пола без сословного различия. Во второй половине XIX столетия бессословный подход к призрению начал преобладать и в других богадельнях Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества. Однако традиция отдавать предпочтение в призрении лицам, состоявшим на государственной службе или их родственникам, сохранялась. В декабре 1859 г. в Петербурге открылась Богадельня цесаревича Николая Александровича (полностью она называлась «Богадельня в память совершеннолетия наследника цесаревича Николая Александровича» – сына Александра II, скончавшегося в 1865 г.). Это заведение придерживалось прежнего подхода к призрению. В

соответствии с новым уставом, принятым в 1885 г., здесь призревались «без различия состояния и вероисповедания лица женского пола: а) лишенные крова и пропитания; б) неизлечимо больные, которым медицинская помощь недействительна и которые, по этой причине, не могут быть призрены в больницах; в) престарелые и увечные…»[314]. Однако в уставе оговаривается, что «из числа лиц, поименованных категорий, те, которые принесли какую-либо помощь обществу, состоя прежде в коронной службе или находясь в частных домах в воспитательных должностях, имеют преимущественное перед остальными право на поступление в богадельню»[315]. Лица женского пола непосредственно состоять «в коронной службе», то есть государственной, не могли. Имелось в виду, что служили их ближайшие родственники-мужчины. Но женщины могли работать «в частных домах в воспитательных должностях». Желавшие воспользоваться указанными в уставе преимуществами при поступлении в богадельню, должны были представить свидетельство о прежней службе, «коронной или частной». Помимо штатных призреваемых, заведение принимало пансионеров благотворителей и своекоштных. Кроме пансионерской платы, заведение существовало за счет процентов с основного капитала и благотворительных пожертвований. К последним относились и средства, поступавшие от имени императора и его супруги. Они составляли 12 500 руб. ежегодно.

Безвозмездная административно-хозяйственная служба в богадельнях и благотворительные пожертвования давали права государственной службы, чины и ведомственные мундиры. Попечитель Богадельни цесаревича Николая Александровича имел чин IV класса и являлся председателем комитета из четырех человек, непосредственно управлявшего богадельней. Члены комитета имели чин VI класса. Все должностные лица мужского пола, служившие в богадельне, состояли, согласно уставу, на государственной службе и пользовались «всеми ее правами и преимуществами, присвоенными чиновникам учреждений императрицы Марии, за исключением права на пенсию»[316]. Надзирательницы заведения имели право на получение Мариинского знака беспорочной службы. Этим ведомство стремилось повысить престиж довольно хлопотной и однообразной службы в богадельнях и других учреждениях призрения. Разумеется, ни попечитель, ни члены комитета непосредственно не ухаживали за призреваемыми. Однако эти должности не были только представительскими. Их обладатели решали множество непростых управленческих задач при ограниченных финансовых возможностях.

Условия предоставления классных чинов и мундиров собственно за пожертвования были различными. Они оговаривались в положениях и уставах отдельных заведений. В уставе Богадельни цесаревича Николая Александровича конкретные условия привлечения благотворителей не оговаривались. Упоминается лишь о том, что членами комитета могут быть лица, «оказавшие пользу заведению». Напротив, уставы других богаделенных заведений содержали перечисление условий предоставления благотворителям прав государственных служащих и ведомственных мундиров. К таким заведениям относился дом императрицы Александры Федоровны, открытый в Петербурге в 1860 г. Поначалу он находился под непосредственным покровительством великой княгини Александры Петровны, супруги великого князя Николая Николаевича старшего, сына Николая I. Названо заведение было в честь этого императора. В 1884 г., когда великая княгиня оставила связанные с домом дела, он перешел под непосредственное покровительство императрицы Марии Федоровны и получил новый устав, согласно которому, дом предназначался для призрения «лишенных крова и пропитания престарелых и увечных обоего пола без различия сословий и вероисповеданий»[317]. Заведение было рассчитано на 126 штатных вакансий, из которых 144 предназначались для женщин и только 12 для мужчин. Еще 82 вакансии предоставлялись за пансионерскую плату, составлявшую 250 руб. в год. Попечитель дома императрицы Александры Федоровны имел чин IV класса, члены комитета по управлению заведением – чин VI класса. Эти лица исполняли административно-хозяйственные обязанности. Благотворители, вносившие сумму не менее 300 руб. ежегодно или не менее 5000 руб. единовременно, получали звания почетных благотворителей заведения, чин VI класса и мундир учреждений императрицы Марии. При единовременном взносе чин и мундир предоставлялись пожизненно.

Как отмечалось, единых общегосударственных критериев приема на призрение в богадельни не было. Не существовало их и в благотворительных ведомствах дома Романовых. Условия приема в богадельни различались. Однако в 1870–1880-е гг. в ведомстве императрицы и Человеколюбивом обществе установились некие общие требования, предъявлявшиеся к желающим воспользоваться призрением. Основанием для приема в богадельни было документальное подтверждение «недостаточности», то есть бедности. Кроме того, требовались документы, удостоверявшие личность и состояние здоровья. Принимавшиеся на штатные вакансии люди в возрасте не менее

50 лет. В некоторые заведения женщины принимались в возрасте не моложе 40 лет. Достаточно строгими оставались правила внутреннего распорядка. Призреваемые не имели права покидать заведение и возвращаться без уведомления и разрешения начальства. Такие ограничения имели целью не допустить прошения призреваемыми милостыни на улицах, дабы не вызвать претензии со стороны полиции и не бросить тень на репутацию заведений. В больницы неимущие принимались в зависимости от характера заболевания, как правило, в тех случаях, когда его нельзя было вылечить амбулаторно.

Трудовая помощь во второй половине XIX в. не получила широкого распространения в благотворительных ведомствах дома Романовых. Долгое время единственным крупным учреждением такого рода являлся Демидовский дом призрения трудящихся. По новому уставу 1882 г. заведение имело целью: «1. Призревать бедных лиц женского пола всех сословий, способных к труду. 2. Воспитывать бедных девиц, также без различия сословий, и предоставлять им ремесленное образование, путем которого они могли бы, по выходе из заведения, честным и полезным трудом снискивать себе средства к жизни. 3. Снабжать бедных готовой, здоровой пищей за весьма умеренную плату»[318].

Группа врачей и горожан со священником у входа в здание, где размещалась амбулатория и приемный покой Станции подачи первой помощи за Московской заставой. С.-Петербург. 1910-е гг. Фото ателье К. Буллы

В соответствии с этим заведение было разделено на четыре

отделения. Первое предназначалось для призрения взрослых «трудящихся женщин», второе – для призрения бедных детей. Третье отделение предназначалось для обеспечения бедных питанием. Четвертое должно было призревать надзирательниц и учительниц, ранее работавших в Демидовском доме.

Пациенты в приемном покое Петербургской части. С.-Петербург. 1910-е гг. Фото ателье К. Буллы

Отделение для взрослых женщин не претерпело изменений. В него, как и раньше, принимались «бедные и практически способные к разнообразным рукодельным работам женщины всех сословий не старше пятидесяти лет»[319]. Комплект отделения составлял 50 человек. Из их заработка удерживалась суточная плата за пребывание в заведении, остальное выдавалось на руки. Размер платы устанавливался попечителем. Реформировано было отделение для воспитания бедных девушек. В него по уставу принимались «девицы всех сословий и вероисповеданий» в возрасте не моложе 10 и не старше 16 лет, которые приготовлялись «к снисканию себе пропитания рукодельными работами, ремеслами и искусствами, свойственными женскому труду»[320]. Комплект отделения был установлен в 150 человек, из которых 40 содержались на капитал Анатолия Демидова. На эти вакансии принимались сироты или дети «самых бедных

родителей». Для выставки-продажи изделий воспитанниц или взрослых призреваемых при Демидовском доме действовал магазин. Таким образом, призрение девиц отчасти сочеталось с трудовой помощью. Общеобразовательная программа отделения соответствовала программам низших женских заведений ведомства императрицы. Отделение снабжения бедных пищей оказывало неимущим самую простую помощь, предоставляя им питание за «самую дешевую плату». Отделение надзирательниц и учительниц принимало на призрение женщин, прослуживших в Демидовском доме не менее 15 лет. Еще до введения устава 1882 г. при Демидовском доме была учреждена пенсионная касса для служащих. Средства из нее поступали и для оказания помощи призревавшимся непосредственно при заведении.

Рабочий сенатской типографии в амбулатории во время перевязки. С.-Петербург. 1910-е гг. Фото ателье К. Буллы

Демидовский дом использовал для привлечения благотворителей право предоставлять чины и мундиры за пожертвования. Лица, передававшие заведению каждый не менее 5000 руб. единовременно или не менее 300 руб. ежегодно, получали звание почетных членов-благотворителей Демидовского дома. Жертвовавшие не менее 3000 руб. каждый или ежегодно не менее 150 руб. получали звания действительных членов-благотворителей. «Почетными и действительными членами без взноса денег могли быть лица, содействующие пользам заведения своими личными трудами», но при этом они обязаны были вносить «на составление пенсионного капитала»[321]. Почетные члены ежегодно вносили 30 руб. и получали чин VI класса, действительные члены – 15 руб. и становились обладателями чина IX класса. Благотворители получали особые дипломы за подписью попечителя заведения и с печатью дома.

Трудовая помощь была лишь одним из направлений деятельности Демидовского дома призрения. Оно не получило дальнейшего развития. Позже Демидовский дом был преобразован в женское учебно-воспитательное заведение.

Развитие медицинских учреждений Ведомства императрицы Марии в 1870-е гг. прекратилось, а в 1880-е гг. часть Петербургских и Московских больниц была передана органам городского общественного управления. Оказание медпомощи бедным было одним из традиционных направлений деятельности ведомства с начала его существования. Однако в 1860-е гг. его руководство задумалось над тем, как избавиться от дорогостоящих больничных учреждений и в итоге пришло к выводу, что «назначение ведомства имеет цель чисто благотворительную, тогда как содержание больниц есть дело не столько филантропическое, сколько вызываемое условиями благоустройства в виду предохранения города от заразы. Следовательно, обязанность учреждать и содержать больницы не есть обязанность благотворительных учреждений»[322]. Это рассуждение характерно для той эпохи. Деятельность ведомства императрицы рассматривалась исключительно как благотворительная, обусловленная не общественными потребностями, а волей августейших покровителей и финансовыми возможностями. Существовала и более прозаическая причина. Стационарная медицинская помощь была сложным и дорогостоящим видом призрения. Неимущих следовало не только лечить, но также содержать и кормить. Медицинская помощь требовала привлечения значительного числа врачей и других работников, которые соглашались трудиться безвозмездно лишь за право обладания чинами и

мундирами учреждений императрицы Марии. Во второй половине XIX в. приоритетным направлением работы ведомства стало призрение детей и юношества. Оно требовало больших расходов и организационных усилий. Содержать медицинские учреждения ведомству было очень сложно.

В начале 1880-х гг. руководство учреждений императрицы приняло принципиальное решение избавиться от большей части больниц и некоторых богаделен. В июне 1884 г. Государственный совет рассмотрел предложение главноуправляющего ведомством и постановил: «состоящие в заведовании Санкт-Петербургского совета заведения общественного призрения больниц: Обуховскую с фельдшерской при ней школой, Александровскую для рабочего населения в память 19 февраля 1861 г., Калинкинскую с суворовским при ней училищем и лечебницей для приходящих, Петропавловскую, св. Марии Магдалины, св. Николая Чудотворца, а также городскую богадельню передать в ведение Санкт-Петербургского городского общественного управления»[323]. Передавались эти заведения городу на тех же условиях, что и приказы общественного призрения земствам в земских губерниях. Городское общественное управление получало не только больничное хозяйство, но и все капиталы этих заведений, право взимания денег с платных больных, капиталы бывшего Санкт-Петербургского приказа общественного призрения, а также капитал в 175 050 руб., завещанный статским советником Редкиным для содержания коек в петербургских больницах для русских и греческих подданных[324].

В составе учреждений императрицы Марии в Петербурге остались больницы: Александровская женская, всех скорбящих, принца Петра Ольденбургского и Мариинская с лечебницей для платных больных. В 1887 г. в ведение городского общественного управления Москвы на тех же условиях были переданы «московская городская больница с домом Горихвостова при ней для призрения неизлечимых больных и увечных, Преображенская больница для чернорабочих и несколько богаделен с капиталами всех указанных заведений…»[325].

Иногда богадельни и медицинские учреждения входили в состав самостоятельных благотворительных обществ, подчинявшихся центральному управлению Ведомства императрицы Марии. В частности – «община сестер милосердия во имя Христа спасителя имени М. Ф. Барятинской», основанная в 1846 г. в Петербурге княгиней Марией Федоровной Барятинской. Она лично управляла созданными ею учреждениями. Со временем в связи с болезнью княгиня передала управление заведениями общины своей дочери Ольге Ивановне Орловой-

Давыдовой. Традиции благотворительности продолжила и внучка, графиня Мария Владимировна Орлова-Давыдова. Во второй половине XIX в. на средства О. И. Орловой-Давыдовой и М. В. Орловой-Давыдовой для общины были построены пятиэтажные каменные здания, двухэтажный каменный флигель и церковь[326].

Община имела целью призрение бедных в богадельне, а также оказание им медицинской и денежной помощи, и действовала, в основном, в пределах Литейной части Петербурга. В 1853 г. община была принята под покровительство императрицы Александры Федоровны, получив название «община сестер милосердия Литейной части». В следующем году она вошла в состав учреждений ведомства, получив наименование в честь основательницы. Во второй половине XIX в. община окончательно приобрела черты религиозного благотворительного общества. Согласно уставу 1890 г., она состояла «из девиц и вдов православного исповедания, желающих преуспеть в духовной жизни постоянным, в духе любви христовой, служением меньшей братии»[327]. Под «меньшей братией» понимались бедные. Средством к духовному совершенствованию членов общины была помощь нуждающимся в благотворительных заведениях, созданных при ней. «желающая поступить в общину, – говорится в уставе, – должна твердо решиться, для пользы ближних, на совершенное самоотвержение, жертвовать собственным спокойствием и посвящать себя постоянным трудам; смирение, кротость, терпение и христианская любовь должны быть отличительными качествами сестер общины»[328]. В деятельности общины, таким образом, сочетались традиционная русская благотворительность, рассматривавшаяся как выполнение христианского долга, и организованное призрение. Община располагала богадельней для призрения неимущих, отделением пансионерок, являвшимся, по существу, тоже богадельней, яслями, рукодельной школой и больницей. В отделении пансионерок плата за содержание в зависимости от качества услуг и условий проживания составляла от 150 до 500 руб. в год. Богадельня предназначалась для бесплатного призрения неимущих. В отделение пансионерок принимались женщины в возрасте не моложе 50 лет. Возраст для приема неимущих не устанавливался. Сословное положение и отношение к государственной службе не давали никаких преимуществ при поступлении в число призреваемых. Комплекты призреваемых уставом не оговаривались. Их количество зависело от финансового положения общины. Для тех призреваемых, которые в меру своих сил могли и желали трудиться, община содержала

квартиру, где они занимались различными ремеслами и рукоделиями. Несмотря на то, что цель существования общины и ее название были связаны с христианской религией, конфессиональная принадлежность призреваемых в уставе не оговаривалась.

Кроме богаделенных заведений, при общине действовали детские ясли, работавшие ежедневно, кроме субботы и воскресения, летом с 7 часов утра до 9 часов вечера, зимой с 8 утра до 8 вечера. Никаких сословных ограничений на помещение детей не существовало, однако принимались только законнорожденные дети с прививками от оспы. Допускался прием детей на пансионерские вакансии стоимостью 60 руб. в год. Для детей старшего возраста при общине действовала рукодельная школа. В нее принимались девочки из бедных семей в возрасте от 7 до 12 лет. Помимо женских рукоделий в школе изучались закон Божий, чтение и письмо по-русски и четыре действия арифметики. Комплекты яслей и школы не были точно определены и зависели от финансового положения общины.

Община располагала больницей, предназначавшейся как для лечения ее членов, так и бедных женщин и детей. Бесплатных вакансий в больнице было 12 для взрослых и 20 для детей. Имеющим средства больница предоставляла платные медицинские услуги. Врачи привлекались путем предоставления им классных чинов и ведомственных мундиров учреждений императрицы Марии. Главный врач больницы имел чин V класса. Содержания и жалования врачи, как и другие медицинские работники ведомства, не получали, но пользовались служебными квартирами и «столом» от общины.

Организация помощи бедным, подобная той, которая осуществлялась общиной сестер милосердия княгини Барятинской, была одним из наиболее перспективных направлений развития призрения, основанного на благотворительности, на местном уровне. Она учитывала многовековые традиции русской благотворительности, давала возможность исполнять религиозный долг с реальной пользой для общества. Однако подобные общины, использовавшие бескорыстный труд своих членов во имя религиозного долга и опиравшиеся исключительно на благотворительность, могли эффективно действовать лишь в локальном масштабе. Существуя автономно и не получая средств из сумм общегосударственных благотворительных ведомств или непосредственно от государства, подобные организации не могли расширить своей деятельности.

К концу XIX столетия цели, задачи, формы деятельности

богаделенных и медицинских учреждений, входивших в благотворительные ведомства под покровительством дома Романовых, оставались прежними. Призрение в богадельнях было сравнительно дорогостоящим, но простым видом помощи. Никаких преобразований, кроме создания специализированных отделений в некоторых богадельнях, эти заведения не претерпели. От большей части больничных учреждений ведомство императрицы Марии избавилось, передав их городским общественным управлениям Петербурга и Москвы. Не получило развития больничное призрение в Человеколюбивом обществе. В его составе имелись только три небольших больницы. Более широкой стала помощь бедным в открытой форме, заключавшаяся в выдаче денежных пособий и амбулаторном медицинском обслуживании. Эта простая, но достаточно эффективная помощь получила дальнейшее развитие в начале XX в.

«Будьте милосердны и нравственно, и материально…». Совершенствование системы призрения бедных на рубеже XIX–XX вв. Развитие трудовой помощи

На рубеже XIX–XX вв. число призреваемых в учреждениях Ведомства императрицы Марии для взрослых неимущих несколько увеличилось. По данным «сборника сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве», вышедшего в 1899 г., на начало 1897 г. в Петербурге в составе ведомства числились: вдовий дом, богадельня в память цесаревича Николая Александровича, Волковские богадельни, дом императрицы Александры Федоровны для призрения бедных, дом Анатолия Демидова, а также больницы Мариинская, св. Ольги, всех скорбящих, елизаветинская, николаевская детская и детская принца Петра Ольденбургского. Кроме того, в Петербурге располагались входившие в ведомство императрицы Марии императорский клинический повивальный институт, глазная лечебница и родовспомогательное заведение. Богаделенные заведения северной столицы тогда единовременно призревали около полутора тысяч взрослых и несколько сотен детей. Демидовский дом, помимо призрения девочек, ежегодно раздавал более 35 000 обедов. В медучреждениях императрицы в Петербурге на 1 января 1896 г. стационарно единовременно лечились 877 взрослых и 1590 детей, а, кроме того, приблизительно 280 000 человек помощь была оказана амбулаторно[329].

В числе московских учреждений ведомства императрицы на начало 1897 г. действовали вдовий дом, богадельня Ермаковых, дом призрения штаб– и обер-офицеров Шереметевой (находился в управлении московского воспитательного дома), родовспомогательное заведение, софийская детская, Мариинская, Павловская, Голицынская больницы. Свои богадельни имело дамское попечительство о бедных. На 1 января 1896 г. в московских медучреждениях ведомства на стационарном лечении находились до 2700 больных. Амбулаторная помощь была оказана более чем 6000 человек. Во вдовьем доме пользовались призрением единовременно 140 человек. В богадельнях дамского попечительства о бедных – приблизительно полторы тысячи нуждающихся. Около восьми тысяч человек

получили различную единовременную помощь[330]. Дом призрения штаб– и обер-офицеров Шереметевой призревал не более 40 человек. Богадельня Ермаковых была рассчитана на 300 мест. В губерниях ведомство императрицы Марии к началу XX в. имело восемь обычных богаделенных заведений, в которых, в общей сложности, призревались около 500 человек. Кроме отдельных стационарных учреждений призрения взрослых, ведомство объединяло многочисленные благотворительные общества, оказывавшие самую разнообразную помощь, как взрослым, так и детям. На рубеже XIX–XX столетий число этих обществ достигло трех десятков. Одни существовали при учебно-воспитательных, медицинских и богаделенных учреждениях и предназначались специально для оказания помощи лицам, покинувшим эти заведения или призревавшимся в них. Другие действовали самостоятельно. Их помощь предназначалась беднякам, проживавшим в тех районах Петербурга и населенных пунктах, где эти общества располагались. В Петербурге их насчитывалось до полутора десятков. Вблизи города действовали кронштадтское и Колпинское благотворительные общества. Всего богаделенные и медицинские заведения императрицы Марии в конце XIX в. единовременно призревали около 4000 человек. Амбулаторная медицинская помощь ежегодно оказывалась примерно 286 000 лиц. Кроме того, помощь взрослым оказывали Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых и Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых, созданные в конце XIX столетия.

Незначительно увеличилось к концу XIX столетия число взрослых, призреваемых Императорским Человеколюбивым обществом. В Петербурге к 1 января 1897 г. оно располагало пятью богадельнями, пятью благотворительными обществами, двумя домами дешевых и бесплатных квартир (всего 46 номеров), столовой для бедных и лечебницей для приходящих. В богаделенных учреждениях единовременно призревался 301 человек. Благотворительными обществами за предыдущий год были выданы 226 периодических и 3834 единовременных пособия на сумму 19 тыс. 770 руб. медицинской помощью воспользовались около 25 000 человек.

Столовая для бедных ежедневно раздавала 200 бесплатных обедов[331]. Кроме того, около 30 000 человек в год получали денежные пособия от комиссии для регистрации бедного населения города, созданной в 1892 г. при Попечительном о бедных комитете. В общей сложности различной помощью петербургских богаделенных и медицинских учреждений, а также благотворительных обществ, входивших в состав Императорского

Человеколюбивого общества, в конце XIX столетия ежегодно пользовались не менее 60 000 человек. Всего в России на 1 января 1897 г. Человеколюбивое общество располагало 63 богадельнями, единовременно призревавшими не менее 2000 человек. В 32 домах дешевых и бесплатных квартир ежедневным приютом пользовались до 2500 тысячи нуждающихся. В 7 столовых каждый день получали пищу 2500 тысячи бедняков, 6 заведений трудовой помощи предоставляли работу более 1000 лицам. Помощь деньгами, одеждой, обувью, топливом, которую оказывали 26 разных благотворительных организаций, ежегодно получали приблизительно 150 000 человек. В медицинских учреждениях Человеколюбивого общества стационарно лечились более 2000 больных одновременно и до 140 000 неимущих получали помощь амбулаторно[332].

По числу призревавшихся в богадельнях ведомство императрицы Марии и Человеколюбивое общество уступали всем прочим взятым вместе благотворительным учреждениям империи. Но в оказании денежной и медицинской помощи нуждающемуся населению их роль была велика. Особенно в Петербурге. По смете 1897 г. расходы городского общественного управления на «собственно общественное призрение» составляли 132 204 руб., из которых 79 133 руб. были потрачены непосредственно городом и 53 071 руб. израсходован на пособия различным благотворительным заведениям[333]. Эти средства направлялись на призрение всех категорий нуждающихся. В то же время только 7 петербургских учреждений и структур Человеколюбивого общества израсходовали на призрение не менее чем 82 582 руб.[334] Это были Исидоровский дом убогих, Орлово-Новосильцевкое благотворительное заведение, дом призрения Кушелева-Безбородко, Бесплатные квартиры Захарьинского, Столовая для бедных императора Николая II, медико-филантропический и Попечительный о бедных комитеты.

Развивая и совершенствуя призрение взрослых, ведомство императрицы и Человеколюбивое общество отдавали предпочтение традиционным формам помощи бедным деньгами, одеждой, обувью, топливом, продуктами. В конце XIX столетия получила развитие помощь бесплатным или дешевым питанием. Столовые и чайные для бедных создавало Человеколюбивое общество. Как правило, они открывались в крупных городах, где проживало большое количество нуждающихся, не имевших возможности воспользоваться помощью общины либо сословия. В Москве к началу XX в. Человеколюбивое общество открыло пять «народных» столовых, отпускавших в совокупности 650 000 обедов в год[335]. Столовая для бедных была открыта и в Казани.

В 1897 г. Императорским Человеколюбивым обществом также была открыта столовая для бедных в Санкт-Петербурге, в районе галерной гавани, где проживало, главным образом, неимущее население. Средства на ее содержание были внесены Министерством императорского двора. Предполагалось, что столовая будет обеспечивать обедами 100 человек. По случаю коронации Николая II совет Человеколюбивого общества постановил отпускать дополнительно еще столько же. Деньги на это были выделены из сумм совета. Обеды выдавались не всем желающим, а только по прошениям, подаваемым в совет общества. Обеды стоимостью 9 коп. Выдавались по ходатайствам общества вспомоществования бедным в приходе св. Троицы, действовавшего в той же галерной гавани[336]. Чтобы выяснить, на какое меню могли рассчитывать бедняки в этой и других подобных столовых, следует упомянуть о ценах в заведениях «общепита» того времени. Сведения о них можно почерпнуть в воспоминаниях коренных петербуржцев Д. А. Засосова и В. И. Пызина «Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев». Авторы отмечают, что, например, в ресторане «Квисисана» на Невском проспекте в «механическом» буфете-автомате салат стоил 10–20 коп., бутерброд – 5 коп. Заведение «охотно посещали студенты, представители небогатой интеллигенции»[337]. Обед в петербургской столовой «для бедных служащих и студентов» стоил 15–20 коп.[338] В примечаниях к этим мемуарам, со ссылкой на книгу Н. Н. Животова «Петербургские профили», говорится, что в столовых для бедных стакан чая стоил 1 коп., порция хлеба также 1 коп., «кусок хорошего мяса» – 2 коп., обед из двух блюд – 6 коп.[339] Но дать действительно хороший обед на сумму 9–10 коп. столовая для бедных не могла. Хлеб стоил 1 1/4 коп. за фунт[340] (приблизительно 409 г), но «кусок хорошего мяса» за 2 коп. – преувеличение. Будь так на самом деле – революционная пропаганда не имела бы никакого успеха на питерских предприятиях, где высококвалифицированный рабочий мог зарабатывать до 35–40 руб. в месяц. В столовых для бедных Человеколюбивого общества и других ведомств бедняк мог получить стакан чая, фунт черного хлеба и самую непритязательную еду. Более или менее качественный обед на рубеже XIX–XX вв. стоил не менее 15–20 коп. Скудное меню столовых для бедных было обусловлено нехваткой средств. Но, кроме того, Императорское Человеколюбивое общество исходило из общего принципа призрения, согласно которому людям «простого звания» следовало оказывать самую элементарную помощь, удовлетворяющую лишь минимальные потребности.

Бесплатное или дешевое питание в столовых для бедных было сравнительно простой формой помощи. Она предназначалась как лицам, испытывавшим временные материальные затруднения, так и окончательно опустившимся на социальное дно.

К концу XIX столетия население северной столицы заметно выросло. Если в 1860-е гг. оно составляло около 540 000, то, по данным всероссийской переписи 1897 г., в Петербурге проживали 1 267 000 человек[341]. Возросло и количество нуждавшихся в социальной помощи. Это заставило руководство Императорского Человеколюбивого общества задуматься о создании системы учета бедных в городе, которая позволяла бы охватить призрением возможно большее число неимущих. Прежняя система, применявшаяся петербургским Попечительным о бедных комитетом, была пассивна по сути и не всегда могла отсеять профессиональных нищих.

Точных сведений о том, сколько жителей северной столицы нуждалось в конце XIX в. в социальной помощи, не имеется. Последние по времени расчеты были сделаны статистическим отделением городской управы еще в середине 1880-х гг. и опубликованы в «сборнике сведений о благотворительности в Санкт-Петербурге» за 1889 г., изданном под редакцией профессора Ю. Э. Янсона. По этим данным, в то время к благотворительной помощи в северной столице ежегодно прибегали не менее 250 000 человек или 27 % населения[342]. Это весьма приблизительные цифры, поскольку научно обоснованной методики таких подсчетов тогда не было. В вышедшем в 1899 г. «сборнике сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве» указано: «… статистика благотворительных учреждений и призреваемых лиц находится у нас еще в совершенно неустроенном виде, поэтому представить более или менее точные выводы, обнимающие всю благотворительную деятельность в Санкт-Петербурге в настоящее время, не представляется возможным»[343]. В такой ситуации Императорское Человеколюбивое общество попыталось создать, говоря современным языком, базу данных о жителях северной столицы, нуждающихся в социальной помощи. Эта работа осуществлялась под эгидой Петербургского Попечительного о бедных комитета, оказывавшего денежную помощь бедным в виде периодических или единовременных денежных пособий. Прошения о помощи регистрировались и, по мере возможного, проверялись, но лишь для того, чтобы не превращать их в источник существования профессиональных нищих. О том, чтобы Попечительным о бедных комитетом в Петербурге велась какая-либо работа по выяснению

реального количества нуждающихся в социальной помощи, сведений не имеется.

Чтобы создать более обстоятельную базу данных о нуждавшихся в денежных пособиях и сделать помощь более эффективной, в декабре 1892 г. при Петербургском Попечительном о бедных комитете создали комиссию для регистрации жителей города, относящихся к этой части населения. Она была призвана собирать, систематизировать и хранить сведения о бедняках Петербурга. Эти данные предоставлялись Попечительному о бедных комитету и другим заинтересованным структурам. Комиссия состояла из председателя, нескольких его помощников и неограниченного числа, так называемых, членов-обследователей, имевших звание сотрудников Попечительного о бедных комитета. Последние должны были не только проверять материальное положение просителей, но и отыскивать нуждающихся на подведомственной территории. Таким образом, помощь приобретала активный характер.

В 1900 г. в соответствии с новым Положением об Императорском Человеколюбивом обществе городской Попечительный комитет упразднили и обследование возложили на особый отдел для регистрации бедного населения Санкт-Петербурга при совете Человеколюбивого общества. Комиссией (позже – отделом) составлялись регистрационные карточки на бедных, для чего существовало специальное регистрационное бюро. Карточки заполнялись членами-обследователями в ходе выяснения материального положения просителей и хранились в регистрационном бюро в алфавитном порядке. Для сбора сведений отдел имел право обращаться во все государственные учреждения. Порядок составления карточек определялся «главными правилами для руководства г.г. сотрудников комиссии Императорского Человеколюбивого общества для регистрации бедного населения г. Санкт-Петербурга». Правила состояли из 14 пунктов и были составлены таким образом, чтобы как можно точнее, по различным «позициям», установить степень нужды просителя.

В карточке указывались фамилия, имя, отчество просителя, возраст по паспорту, постоянное место жительства (для дворян и крестьян – губерния и уезд, для купцов и мещан – город, для ремесленников – город и цех). Для лиц христианских исповеданий указывался приход. Правилами требовалось подробно обследовать жилищные условия просителя, уточнив, является ли он квартиросъемщиком или хозяином жилья, есть ли жильцы и сколько они платят за проживание. Учитывалось также,

живет ли проситель в определенном «углу» или наравне с хозяевами во всей квартире. Квартиру или «угол» следовало описывать детально. Рекомендовалось, если это было возможно, опросить соседей и знакомых, действительно ли проситель настолько беден, что не может существовать без посторонней помощи, есть ли у него маленькие дети, посещают ли они ясли, помогают ли ему взрослые дети или другие родственники. Особое внимание обращалось «на дознание о пенсии или эмеритуре, так как у просителей есть склонность скрывать этот ресурс», отмечалось в Правилах[344]. От обследователя требовалась не просто констатация факта бедности. В пункте девятом Правил говорится: «…едва ли можно признать удовлетворительными ответы в роде: бедность, нужда, неимение средств. Регистрация должна не только констатировать факт бедности, но, по возможности, выяснить ее причины»[345]. Этой же цели служило выяснение «нравственности» просителя. Следовало установить, не является ли он пьяницей или картежником. В этом случае помощь не оказывалась. В пункте одиннадцатом подчеркивается: «желательно избегать выражения: нравственность удовлетворительная»[346]. Это была слишком неопределенная формулировка при выяснении причин нужды. В последней графе карточки записывалось в произвольной форме мнение члена-обследователя о том, следует или нет оказывать помощь в каждом конкретном случае. Составители Правил признавали, что мнение обследователя субъективно, поскольку складывалось из множества «не поддающихся отдельной регламентации признаков»[347].

Такой подход был несомненным шагом вперед в организации призрения. Проще стало отсеивать профессиональных попрошаек, ставших настоящим бичом благотворительных ведомств и учреждений. Отвечая в 1901 г. на вопрос корреспондента «Петербургской газеты» о том, много ли профессиональных нищих стремится воспользоваться помощью Человеколюбивого общества, заведующая отделом регистрации бедного населения О. Н. Педашенко сказала: «очень много! особенно публикующихся в газетах. Некоторых мы знаем по именам и, несмотря на это, они ежегодно добиваются того, чтобы на их „бедственное положение“ газеты обращали внимание благотворителей»[348]. Профессиональное нищенство не только процветало само по себе, но и порождало сопутствующий «бизнес». Большинство попрошаек не знало грамоты, поэтому была распространена такая «услуга», как сочинение за 15–20 коп. прошений о помощи, которые должны были казаться убедительными[349].

Прошения с результатами обследования передавались в

канцелярию совета Человеколюбивого общества. В случае положительного заключения ходатайство поступало к помощнику главного попечителя, который принимал окончательное решение об оказании помощи. Для рассмотрения прошений нужно было время. На это могло уйти несколько дней. Точное установление нужды неизбежно вносило бюрократический элемент в деятельность учреждений призрения. Используя систему обследований и регистрации, можно было наблюдать за лицами, получившими пособия. Обстоятельства жизни бедняка могли сложиться так, что он вынужден был повторно прибегать к помощи. Содержавшиеся в регистрационных карточках сведения являлись свидетельством того, что человек действительно беден и не злоупотребляет помощью. Введение карточек создавало возможность хотя бы приблизительно установить количество, если не всех проживавших в Петербурге бедных, нуждавшихся в денежной поддержке, то хотя бы тех, кто обращался в Императорское Человеколюбивое общество. Положительным фактором в деятельности отдела для регистрации бедного населения города было то, что собранные сведения могли предоставляться другим ведомствам, обществам и учреждениям призрения.

Успех деятельности отдела регистрации во многом зависел от работы обследователей. Свидетельством их беспристрастности могло служить то, что они исполняли свои обязанности добровольно и безвозмездно. Объективности должен был служить и подробный опрос нуждающихся. Работа обследователей, ежедневно сталкивавшихся с нищетой и порожденными ею человеческими трагедиями, была нелегкой. Это подробно описал корреспондент газеты «новое время» в очерке «на обследовании». Он привел несколько характерных примеров. Вот один из них: «семья состоит из 11 человек. Отцу 38 лет, служит в частном месте, занят с раннего утра до позднего вечера, получает в месяц 18 рублей. Жена (ей 35 лет), больная и слабая женщина, работает с трудом. При них состоит 8 человек детей обоего пола и старуха 70 лет – мать отца этих детей… живут, перебиваясь с хлеба на квас, впроголодь, дети полуодеты и страшно малокровны от недоедания…»[350]. При этом, отмечает корреспондент, семья «помощи не просит, хотя она страшно нужна, но, если ей чем-нибудь помогут, не отказывается: деньги, белье и так далее, попавшее в руки этой семьи, идет на дело, а не на безделье»[351]. Другой пример: ремесленник, глава семьи, умер, оставив троих детей. Старшая дочь 15 лет не выдержала «голодовок и холодовок» и исчезла. «если из семьи не взять двух малолетних детей, то со временем они тоже скроются неизвестно куда»[352]. В

последнем случае была необходима не только регистрация с целью оказания денежной помощи, но и помещение детей в приют.

Работа обследователей была не только трудной, но и небезопасной. В начале 1913 г. Человеколюбивое общество обратилось к петербургскому градоначальнику с просьбой о сопровождении обследователей чинами полиции. Поводом стала жалоба одного из обследователей.

Суть дела была в следующем: некая Анастасия Федорова, вдова крестьянина, обратилась в Человеколюбивое общество с просьбой о денежном пособии, но получила отказ. Сотрудник, производивший обследование, заподозрил ее в сожительстве с владельцем квартиры, в которой она снимала «угол», предположив, что просительница пользуется материальной поддержкой с его стороны. Спустя некоторое время тот же сотрудник посетил указанную квартиру, рассматривая прошение другого жильца. Увидев обследователя, Федорова набросилась на него с руганью и угрозами, «…подойдя на расстояние двух шагов, стала грозить кулаком, приговаривая, вот тебе за то, что ты не дал мне получить пособие, это ведь от тебя зависело, и при этом добавила, что одного уже попечителя поколотили в Тентелеевке»[353]. (Тентелеевка – пригородный район Петербурга.) сотрудник счел за благо уйти из квартиры, но стремясь все-таки выполнить возложенное на него поручение, обратился за помощью к приставу. Тот отказался его сопровождать, заявив, что сотрудник не исполняет обязанностей государственного служащего, и полиция не имеет права его сопровождать. У представителя закона вызвал сомнение статус Императорского Человеколюбивого общества. Полицейский чин полагал, что оно не является госучреждением. Задетое невниманием к просьбе своего сотрудника, общество обратилось за разъяснением к градоначальнику. Он тоже занял позицию своего подчиненного. Стороны не могли прийти к единому мнению, и переписка закончилась безрезультатно. В данном случае важна причина, заставившая сотрудника Человеколюбивого общества обратиться за помощью к полиции. Ругань и угрозы в адрес обследователей не были редкостью. Один из них даже подвергся нападению. Эти примеры доказывают, что помощь бедным вовсе не предполагала (и не предполагает) ответной благодарности. Обездоленный, голодный человек ненавидит имущих власть и деньги. Обстоятельства, заставившие его просить о помощи, эту ненависть только усиливают. В этом состоит один из недостатков призрения только на основе благотворительности. Помощь, которая оказывается как милость,

как благодеяние, унижает человека.

За короткий срок отдел регистрации бедного населения Санкт-Петербурга развернул широкую деятельность. В 1901 г. имелись сведения приблизительно на 40 000 бедняков[354]. Обследованием их положения занимались 99 сотрудников[355]. Активно работал отдел и в последующие годы. С 1903 по 1911 г. проводились от 11 до 16 000 обследований ежегодно[356]. Работа отдела была признана успешной на самом высоком уровне. В 1900 г. его начальнику – И. И. Билибину – была объявлена «искренняя ее величества признательность», заведующая регистрационным бюро О. Н. Педашенко получила в награду «часы с государственным гербом, украшенные бриллиантами и розами», а все сотрудники – «августейшее Ее Императорского Величества благоволение»[357]. Однако внимание августейших особ к деятельности отдела этим и ограничилось. Высокие покровители Человеколюбивого общества и других благотворительных ведомств дома Романовых, за исключением принца П. Г. Ольденбургского, не мешали внедрению передовых форм и методов призрения в подведомственных учреждениях, но и не способствовали их развитию. Поэтому опыт создания базы данных для организации адресной социальной помощи не получил широкого распространения.

Фотография группы присутствующих на открытии детского приюта Морского благотворительного общества, среди них: председательница А. Н. Дюшен и контр-адмирал князь Вяземский.

1900-е гг. РГИА

К традиционным формам призрения бедных в конце XIX в. прибегали и новые благотворительные организации под покровительством императорской фамилии, возникшие в этот период. В частности, морское благотворительное общество. Его деятельность ограничивалась Петербургом и окрестностями. Эта организация создавалась по инициативе общественности города. Настоятель адмиралтейского собора протоиерей Д. И. Поповицкий в речи, произнесенной 10 марта 1891 г. при торжественном открытии общества, сказал: «…Приятно, или творить, или быть участником добрых дел? а сегодня выпадает прекрасный случай для нас исполнить завет Христа: будьте милосердны и нравственно, и материально»[358]. «сколько в Петербурге и его окрестностях есть бедных моряков, сколько семейств, отцы которых в бурной водной стихии положили живот свой при исполнении долга службы, оставив жен и детей необеспеченными? до сего времени некому было отирать слез плачущим о потере близких, плачущим и от нужды»[359]. Так определялся принцип деятельности новой благотворительной организации – традиционные религиозные представления о благотворении и осознание необходимости реальной социальной помощи конкретной категории нуждающихся.

Морское благотворительное общество имело целью «… оказывать помощь недостаточным людям, служившим во флоте или по морскому ведомству, равно их вдовам и детям»[360]. Имелись в виду находившиеся в отставке офицеры и нижние чины Военно-морского флота России и Морского министерства, гражданские служащие Морского министерства и члены их семей. Формы помощи конкретизировались Уставом: «…общество снабжает нуждающихся одеждою, дровами, медицинскими пособиями и другими материальными средствами, а также платит за квартиры их, помещает в больницы, школы, приюты и проч.; в исключительных же случаях выдает пособие деньгами; с развитием же средств своих общество может устраивать общежития, дома призрения и другие подобные заведения, с надлежащего каждый раз разрешения и с соблюдением установленных для сего правил, но не иначе, как имея средства на полное их содержание»[361]. Собственных стационарных учреждений призрения морское благотворительное общество по причине нехватки средств так и не открыло. В его деятельности преобладали открытые формы оказания социальной помощи. Региональные границы деятельности в Уставе не оговаривались, но фактически ограничивались Петербургом и его окрестностями.

Членом Морского благотворительного общества могло стать лицо любой сословной принадлежности, любого звания, вероисповедания и пола. Для этого следовало ежемесячно вносить не менее пяти или ста рублей единовременно. В последнем случае благотворитель получал звание пожизненного члена общества. Кроме того, членом общества могло быть избрано лицо, оказавшее ему «особые услуги». В состав морского благотворительного общества также входили почетные члены и старшины. Почетное звание присуждалось лицу, пожертвовавшему не менее 1000 руб. Старшинами становились «…двенадцать из старейших по списку адмиральских чинов, с их согласия…»[362]. Финансовые средства общества формировались из членских взносов, нерегулярных пожертвований деньгами и вещами и доходов от благотворительных мероприятий. Управлялось оно советом и общим собранием. Собрание избирало в совет двенадцать членов общества сроком на три года. При этом предусматривалась ежегодная ротация четверых. Совет избирал своего председателя, казначея и секретаря (эти должности могли занимать лица обоего пола), отвечал за своевременное поступление членских взносов, хранение и учет денежных средств и имущества общества, обязан был заботиться о привлечении пожертвований. Кроме того, совет рассматривал поступавшие в общество ходатайства об оказании помощи. Общее собрание рассматривало практически все вопросы административно-хозяйственной деятельности, избирало ревизионную комиссию, утверждало в должности почетных членов. Согласно Уставу, морское благотворительное общество находилось в ведении Министерства внутренних дел.

На 1 января 1893 г. в распоряжении общества находились 13 304 руб. 12 коп., из которых за отчетный год были израсходованы лишь 5762 руб. 16 коп.[363] Столь нерациональное использование благотворительных средств можно объяснить тем, что общество в начале своей деятельности из-за отсутствия опыта не смогло выстроить эффективную систему оказания помощи подопечным. Другой причиной могли быть отказы в предоставлении помощи лицам, не имевшим отношения к Морскому министерству. В 1893 г. из 513 поступивших прошений были удовлетворены лишь 277[364]. В основном общество предоставляло единовременные и периодические денежные пособия. В 1893 г., например, вдове капитана второго ранга Ф. и дочери умершего штаб-лекаря И. были выплачены по 50 руб., за сына умершего капитана 1-го ранга Е. и сына отставного флотского штурмана было внесено в Петербургский университет по 42 руб. Дочери умершего капитан-лейтенанта П. общество

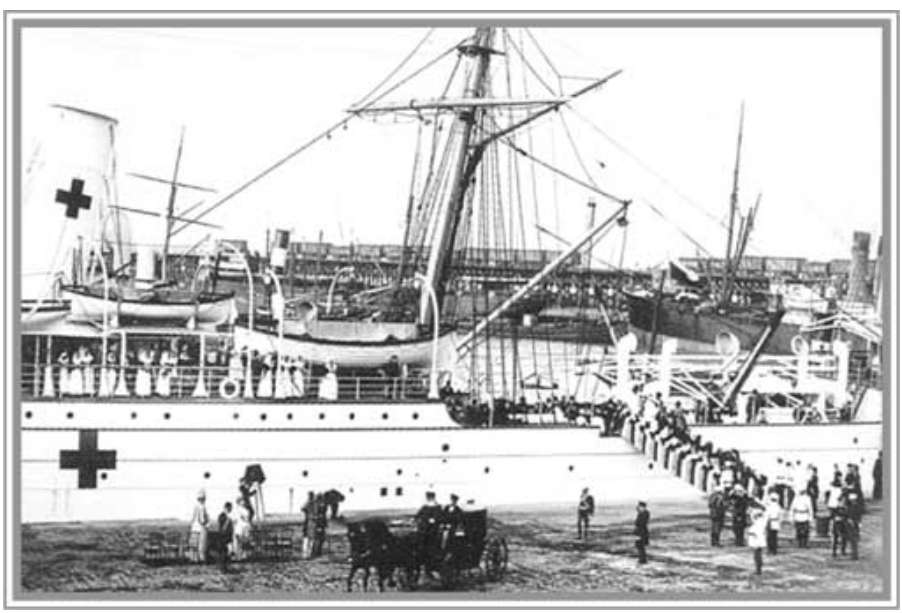
выделило 30 руб. и вдове коллежского секретаря С. – 25 руб.[365] Семь человек в 1893 г. получали от общества денежные пособия в сумме от 5 до 30 руб. Два раза в год – на праздники рождества и св. Пасхи. До восьмидесяти лиц имели ежемесячные пособия в сумме от 2 до 6 руб.[366] Другой формой помощи было определение нуждающихся в больницы, богадельни, учебно-воспитательные и учебные заведения за счет общества. Например, круглая сирота, дочь коллежского секретаря Т., была принята в малолетнее отделение николаевского сиротского института, отставной матрос Михаил Капустенко помещен в глазную лечебницу. В Санкт-Петербургской градской богадельне морское благотворительное общество содержало шесть вакансий[367]. В некоторых случаях оказывалась помощь в поисках работы. Так сын умершего унтер-офицера гвардейского экипажа Николай Губаров был устроен в типографию Морского министерства, сын умершего флотского штурмана – студент – получил место для работы в вечернее время в сберегательной кассе[368]. Всего в 1893 г. благотворительной помощью морского благотворительного общества воспользовались 242 человека (единовременная помощь), 80 человек получали периодическое пособие, 7 человек – пособия на праздники. В богадельне призревались 8 человек, в учебных заведениях и мастерских – 3[369].

В 1894 г. Морское благотворительное общество было принято под покровительство великой княгиней Ксенией Александровной, дочерью императора Александра III и супругой великого князя Александра Михайловича. Таким образом, оно вошло в число российских благотворительных организаций под покровительством дома Романовых. «самое радостное событие нынешнего года для нашего общества, – говорится в отчете руководства за 1894 г., – есть, конечно, принятие его под августейшее покровительство ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны, что одно уже возвышает и упрочивает самое существование общества»[370].

Однако изменение статуса не привело к поступлению от членов императорской фамилии крупных пожертвований, которые бы позволили существенно улучшить материальное положение общества и значительно расширить круг призреваемых им. Сама Ксения Александровна по отношению к обществу ограничивалась лишь исполнением представительских функций. Не отличались щедростью и другие члены монаршей семьи. В числе почетных членов морского благотворительного общества в конце XIX – начале XX вв. числились император Николай II, великие князья Алексей Александрович, Георгий

Александрович, Александр Михайлович, Кирилл Владимирович, пожертвовавшие единовременно по 1000 руб. Бóльшая часть средств общества формировалась из пожертвований как отдельных лиц, так и коллективов офицеров и чиновников Морского министерства.

В 1894 г. финансовые средства общества возросли до 16 тыс. руб., из которых на помощь нуждающимся были израсходованы 5385 руб.[371] Незначительно увеличилось и число призреваемых – поступило 507 прошений, из которых удовлетворено 320. Единовременные пособия были выплачены 276 лицам, пособия на праздники – 6, ежемесячные пособия – 17, в богадельню помещены 4 человека. Общее число получавших ежемесячные пособия возросло до 78 человек, получающих пособие на праздники до 14. Количество призревавшихся в богадельне возросло до 10, обучавшихся в мастерских и школах – до 4[372]. В последующие годы XIX в. число лиц, получавших помощь от общества, оставалось примерно таким же.



Принцесса Е. М. Ольденбургская провожает в путь плавучий лазарет Красного Креста на пароходе «Царица». Одесса. 1900 г.

В начале XX столетия Морскому благотворительному обществу удалось привлечь больше почетных, пожизненных членов и членов общества. На рубеже первого и второго десятилетий их общее число превысило 200 человек. По состоянию на 1911 г. в списках членов общества значились 8 почетных, 43 пожизненных члена и еще 162 члена[373]. За счет их

взносов удалось увеличить капитал этой благотворительной организации до 90 тыс. руб. В приходе числились 9067 руб. 66 коп., из которых на оказание помощи были израсходованы 73 581 руб. 22 коп.[374], что свидетельствует о росте эффективности расходования средств. Накопления позволили расходовать больше денег на приюты и богадельни, расширить круг призреваемых. В 1911 г. в приют великой княгини Ольги Николаевны были помещены дочь кондуктора Мария кривицкая и дочь подшкипера Александра Торопова, в приют великой княгини Марии Николаевны – дочь матроса Евгения Серебряникова. За каждую морское общество вносило 120 руб. в год – по тем временам довольно крупную сумму. Тогда же в богадельни были помещены вдовы квартирмейстера Ксения Зиновьева, кадрового мастерового Аграфена Шустикова и баталера Неонила Богданова с платой от общества по 100 руб. в год за каждую. Всего по состоянию на 1911 г. в приютах призревались 16 человек, в богадельнях – 14[375]. С начала XX в. количество людей, которым помогало морское благотворительное общество, постепенно возрастало и к концу первого десятилетия увеличилось до 500 человек. К 1911 г. общее количество лиц, получавших ту или иную помощь от общества, составляло 479 человек. В течение года к ним добавились еще 120. На 1 января 1912 г. была оказана помощь 599 лицам[376]. Впоследствии число призреваемых обществом оставалось примерно таким же.

Сестра милосердия и младший врач А. А. Косминский (стоит в центре) в палате плавучего лазарета Красного Креста на

пароходе «Царица». Дальний Восток. 1900–1901 гг.

Единовременные и периодические пособия, выплачивавшиеся морским благотворительным обществом, не обеспечивали безбедного существования, но помогали решать самые разные житейские проблемы. Оплата пребывания сирот и детей бедных родителей в учебно-воспитательных заведениях приютского типа обеспечивала не только крышу над головой и стол, но и начальное образование, подтвержденное государственным сертификатом, а также обретение основ какого-либо ремесла. Содержание в богадельнях и лечение в больницах за счет общества было для призреваемых единственной возможностью найти пристанище до конца дней и получать лечение. Однако этой помощью мог воспользоваться ограниченный круг лиц в Петербурге и его окрестностях. Ни император, ни кто-либо из членов правящей династии, ни Морское министерство не стремились расширить деятельность этого благотворительного общества до масштабов страны, чтобы помощь отслужившим отечеству на флоте и в Морском министерстве стала общегосударственной заботой. Такое отношение можно объяснить тем, что в России существовало ведомство, оказывавшее помощь военнослужащим и членам их семей в масштабах страны, – Александровский комитет о раненых. Существование отдельного регионального благотворительного ведомства для оказания помощи служившим на флоте и в Морском министерстве было обусловлено традицией покровительства благотворительности, которой пожелала следовать великая княгиня Ксения Александровна. Этот вывод подтверждается и тем, что в 1911 г. по ее инициативе было создано еще одна небольшая благотворительная организация, помогавшая довольно узкой категории лиц, – Ксенинское общество попечения о детях тружеников судоходства и воздухоплавания. Полностью его название «состоящее под августейшим покровительством и личным председательством ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны Ксенинское общество попечения о детях тружеников судоходства и воздухоплавания». Княгиня передала ему капитал в сумме 7600 руб., оставшийся от ликвидации ее «именного» склада, действовавшего во время русско-японской войны[377].

Дом трудолюбия. Ораниенбаум. Открытка. Конец XIX – начало XX вв.

В конце XIX столетия возникло новое крупное общегосударственное благотворительное ведомство под покровительством императорской фамилии – Попечительство о домах трудолюбия и работных домах. Его создание явилось следствием осознания властью необходимости такой формы призрения, как трудовая помощь. Особенность этой помощи заключалась в том, что она оказывалась трудоспособным взрослым и была адресована тем, кто желал трудиться, но по разным обстоятельствам не мог найти применение своим умениям и силам. Призревавшиеся здесь получали не пособие, а заработок. Учреждения попечительства брали на себя организацию производственного процесса от начала до конца, обеспечивали работавших инструментами, оборудованием, сырьем, гарантировали сбыт продукции, но не ставили целью достижение рентабельности производства и получения прибыли. В экономическом отношении они были «планово-убыточными». Средства, поступавшие от продажи изделий, изготовлявшихся призреваемым, могли быть лишь одним из вспомогательных источников финансирования учреждений трудовой помощи. Их цель – социальная поддержка, а не прибыль.

Женщины за шитьем в мастерской Первого городского дома трудолюбия имени вел. кн. Ольги Николаевны. 1900-е гг. Фото ателье К. Буллы

Во второй половине XIX столетия трудовая помощь осуществлялась лишь несколькими учреждениями Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества. В ведомстве ее оказывал Демидовский дом призрения трудящихся в Петербурге (дом Анатолия Демидова). Человеколюбивое общество располагало в Петербурге 4 швейными мастерскими, которые предоставляли желавшим трудиться женщинам оборудование и производственные помещения. По данным на 1896 г., мастерские могли единовременно обеспечить работой 529 женщин[378]. Еще несколько подобных заведений Человеколюбивого общества действовали в Москве и губерниях. В какой-то степени можно отнести к трудовой помощи организацию производства и сбыта женских рукоделий, практиковавшуюся в некоторых учебно-воспитательных заведениях приютского типа ведомства императрицы и Человеколюбивого общества. Так, воспитанницы частично компенсировали расходы на свое содержание, их трудовая деятельность была связана с воспитанием и обучением и не имела самостоятельного значения. «общество поощрения трудолюбия» в Москве имело, среди прочего, целью «…содействие к возможно выгоднейшему сбыту

различных рукоделий бедных тружениц»[379].

В 1880-е гг. в России получили распространение учреждения призрения, оказывавшие именно трудовую помощь. Они получили общее название «дома трудолюбия». Одним из первых крупных учреждений такого типа был созданный в 1882 г. по инициативе отца Иоанна Сергеева (кронштадтского) дом трудолюбия в Кронштадте. К середине 1890-х гг. он мог единовременно обеспечивать работой до 150 человек. В северной столице первым заведением такого типа стал открытый в 1887 гг. по инициативе доктора медицины Н. Н. Дворняшина Дом трудолюбия. Всего к началу 1890-х гг. в России этих заведений было порядка двух десятков. Как правило, они создавались местными благотворительными обществами и находились в их ведении. Какой-либо координации деятельности между ними не было. В 1880–1890-е гг. власть начала проявлять интерес к домам трудолюбия. В 1887 г., 1888 и 1893 гг. Министерство внутренних дел провело осмотры домов трудолюбия на предмет выяснения способов их наилучшего устройства, но никаких практических шагов в этом направлении не предприняло.

Объединение учреждений трудовой помощи в масштабах страны было осуществлено в 1895 г. путем создания нового благотворительного ведомства под покровительством дома Романовых – Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. Потребность в учреждениях трудовой помощи к концу XIX столетия возросла. Бурное индустриальное развитие империи требовало рабочих рук. Их поставляла в города, главным образом, деревня. Процесс этот никак не регулировался. Промышленность развивалась стихийно, государство не вело учет трудовых ресурсов. Отношения работодателей и наемных тружеников не были четко определены законодательством. Руководители и хозяева предприятий увольняли рабочих, когда считали нужным и без каких-либо социальных гарантий. Все это вело к росту безработицы.

Число безработных в России конца XIX – начала XX вв. точно не известно. Кроме того, значительное число лиц имело сезонную работу – бурлаки, грузчики, чернорабочие на строительстве, сельскохозяйственные рабочие. Они, как правило, трудились всего несколько месяцев, а остальное время проживали заработанное либо искали другие источники существования. К безработным можно отнести и людей, фактически утративших свой сословный и социально-профессиональный статус, но сохранивших желание трудиться. Отечественные историки исходят из того, что «общее число безработных в России в то время установить невозможно, так как правильный учет их никем

не велся. По одним данным, их было более 100 тысяч, по другим – более 200 тысяч»[380]. Приводятся и другие данные. В статье «Безработица в СССР», опубликованной в первом издании «Малой Советской энциклопедии», упоминается о безработице в дореволюционной России. Отмечается, что «…в период 1900–1913 среднее число безработных по всей России составляло в зимний сезон около 400–500 тыс. чел. (не считая тех, кто искал работу впервые)»[381]. Можно полагать, что в начале XX в. в России было не менее 100 000 безработных, так как только за время экономического кризиса в 1900–1903 гг. были закрыты три тысячи предприятий и уволены около 112 000 рабочих[382]. В 1890-е гг., когда Россия переживала экономический подъем, безработных, вероятно, было меньше. Однако двух десятков домов трудолюбия явно не хватало для того, чтобы дать средства к существованию лишившимся работы, но не желавшим опускаться на социальное дно.

Рабочее сословие в конце XIX столетия требовало не призрения, а постоянных социальных гарантий со стороны работодателей и государства, четких и ясных законов, позволявших ему отстаивать свои социальные и профессиональные интересы. Это было необходимым условием успешного решения комплекса проблем, связанных с взаимоотношениями рабочего класса и работодателей, в том числе и государства. В дореволюционной России этот вопрос не получил разрешения. Однако власть сознавала необходимость государственной помощи трудоспособным гражданам, лишенным работы и средств к существованию, но сохранившим желание зарабатывать. Трудовая помощь, как и другие формы призрения, осуществлялась на благотворительной основе. Это отражало традиционные представления власти о призрении, но не только. Дело еще и в том, что подданные российской короны никогда не имели законодательно закрепленного права на труд.

Серьезного опыта организации трудовой помощи в России не было. К тому же, трудовая деятельность широко применялась как репрессивная мера в исправительно-воспитательных учреждениях, что затрудняло ее восприятие как формы помощи, а не наказания. Отсюда отсутствие у власти ясного понимания, какой должна быть трудовая помощь и чьей задачей было ее осуществление. На это, в частности, указано в статье Е. Д. Максимова «трудовая помощь в России», опубликованной в сборнике «общественное и частное призрение в России» (1907). К тому времени Попечительство о трудовой помощи действовало уже более десяти лет. Однако Максимов заметил: «термин „трудовая помощь“, хотя и достаточно распространен в России,

но не имеет еще вполне определившегося значения. В более узком смысле под трудовой помощью разумеют такие формы воспособления нуждающимся, в основу которых положен оплачиваемый труд. В широком понимании этот термин употребляется для обозначения разнообразных видов помощи, направленных к насаждению, восстановлению и поддержанию трудовой деятельности нуждающихся»[383]. Касаясь представлений о трудовой деятельности, как форме наказания, Максимов подчеркивал, что «…возмездие и помощь несовместимы»[384]. По мнению автора, трудовую помощь, как форму призрения, следовало применять там, где можно было «… достигнуть известных исправительных и воспитательных целей с тем, чтобы конечным результатом их ставилось возрождение каждого данного лица к трудовой деятельности в жизни»[385]. Максимов указывает на социально-психологическое, реабилитационное значение трудовой помощи. Подводя итог своим рассуждениям, он дает такое определение трудовой помощи: «…трудовая помощь, в широком понимании этого термина и в соответствии с условиями современной жизни и с запросами действительности, объемлет собой и трудовое исправительное воспитание, или точнее – перевоспитание, и предоставление оплачиваемых труда и занятий и, наконец, попечение о трудящихся классах вообще, до тех пределов, пока оно не переходит от частной и общественной деятельности, касающейся индивидуальной и групповой политики, к государственной социальной политике, составляющей уже совершенно особую область»[386]. Автор проводит черту между собственно призрением нуждающихся, или «попечением», и государственной социальной политикой. Первое, по мнению Максимова, должно было осуществляться на основе «частной и общественной деятельности», в сфере «индивидуальной и групповой политики». Этот принцип и являлся основой деятельности практически всех учреждений и организаций, осуществлявших трудовую помощь, включая Попечительство о домах трудолюбия и работных домах.

Созданное 1 сентября 1895 г. «состоящее под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительство о домах трудолюбия и работных домах», как и другие благотворительные ведомства под покровительством дома Романовых, должно было демонстрировать заботу монаршей власти о подданных. В высочайшем указе об учреждении Попечительства подчеркнуто, что супруга Николая II приняла новое ведомство под покровительство по влечению «любвеобильного сердца

своего»[387]. В указе выражается «твердая уверенность», что «великодушная готовность» императрицы «подъять труды на пользу нуждающихся встречена будет с умилением во всех частях обширного отечества нашего»[388]. Иными словами, в указе выражалась надежда на то, что подданные российской короны не останутся безучастными к новому благотворительному делу и окажут посильную помощь. Как видим, в конце XIX в. императорская фамилия продолжала следовать традициям покровительства благотворительности, заложенным во второй половине XVIII столетия.

Александра Федоровна и ее венценосный супруг следовали этой традиции и по причинам личного характера. В 1894 г. она стала императрицей, но чувствовала себя в России неуверенно. Двор, Петербург и страна продолжали оставаться для нее чужими, хотя она искренне желала добиться расположения своих подданных. В. Н. Коковцов, занимавший ряд высших государственных постов и общавшийся с императрицей, отмечает в своих воспоминаниях: «в начале царствования императора Николая II общество мало знало молодую императрицу, тогда как вдовствующую императрицу оно знало перед тем уже 30 лет»[389]. Другой мемуарист, великий князь Александр Михайлович, указывает: «…молодая императрица делала ошибки незначительные сами по себе, но равносильные страшным преступлениям в глазах высшего света. Это запугивало ее и создавало известную натянутость в ее общении с окружающими»[390]. Положение Александры Федоровны осложняло то, что императрица Мария Федоровна неприязненно относилась к невестке. Это доставляло Александре Федоровне немало горечи. Хорошо знавший придворную жизнь начальник канцелярии министра двора А. А. Мосолов отмечает в своих мемуарах: «неприязнь императрицы к молодой принцессе сейчас же отразилась на отношении к ней всего русского двора. С ее высочеством обращались с нескрываемым пренебрежением и даже с насмешкой и иронией»[391]. Отношение Марии Федоровны к невестке мало изменилось и после того, как Александра Федоровна стала императрицей. Существовало своего рода соперничество между двором Марии Федоровны и императорским двором. Мария Федоровна обладала всеми привилегиями вдовствующей императрицы. Николай II, щадя ее самолюбие, оставил за ней руководство ведомством учреждений императрицы Марии и Российским обществом Красного Креста.

«Этим смягчалось то обстоятельство, что с браком сына вдовствующая императрица отходила на второй план», – отмечает А. А. Мосолов[392]. Создание нового общегосударственного

благотворительного ведомства, поступившего в непосредственное ведение Александры Федоровны, позволяло ей самостоятельно выступать в роли покровительницы своих обездоленных подданных. Эта роль ей, однако, не удалась. Использовать «свое» благотворительное ведомство для достижения популярности в российском обществе она не сумела или не захотела. Но привилегированный статус Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, призванного демонстрировать «великодушную готовность» государыни помогать бедным, в тех условиях способствовал развитию трудовой помощи в России.

Попечительство имело целью «…содействовать устройству домов трудолюбия, а равно оказывать поддержку дальнейшему развитию и преуспеянию существующих благотворительных заведений подобного рода»[393]. Дома трудолюбия создавались для того, чтобы «…приходить на помощь бездомным, выпущенным из больниц и не имеющим еще заработка, освобождаемым из мест заключения по отбытии наказания и всем вообще впавшим в крайнюю бедность – предоставлением им честного труда и приюта»[394]. Новое ведомство обязалось лишь «содействовать» и «оказывать поддержку». Прямой и полной ответственности за оказание трудовой помощи Попечительство о домах трудолюбия и работных домах на себя не возлагало. Это отмечается и в изданиях, посвященных его деятельности. В вышедшем в 1915 г. «кратком обзоре деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915» признается: «При учреждении Попечительства, круг его деятельности намечался весьма скромно…»[395]. В Положении о нем указано, что для достижения поставленной цели оно: «а) способствует учреждению новых домов трудолюбия и оказывает в потребных случаях денежные пособия на открытие означенных домов; б) поддерживает существование учрежденных уже домов трудолюбия выдачею им единовременных пособий и срочных ссуд; и в) сообщает надлежащие указания, как относительно устройства домов трудолюбия, так и о способах и наиболее успешной постановке их деятельности»[396].

Главой Попечительства считалась императрица. Непосредственно работой ведомства руководил комитет, состоявший из председателя, вице-председателя и 10 действительных членов. Все они утверждались императрицей сроком на три года. Докладывал ей о делах Попечительства вице-председатель. Комитет управлял всей административной, финансовой и хозяйственной деятельностью, представлял к утверждению в звании членов-благотворителей, рассматривал ходатайства о присуждении почетных наград за услуги,

оказанные Попечительству. Прямой его обязанностью было «привлечение частной благотворительности к делу развития домов трудолюбия»[397].

Попечительство о домах трудолюбия присваивало благотворителям почетные звания. Лица, обязавшиеся вносить в его пользу не менее 100 руб. ежегодно или внесшие 1000 руб. единовременно, получали звание членов-благотворителей. Вносившие не менее 10 руб. каждый год или пожертвовавшие не менее 100 руб. единовременно получали звания членов-соревнователей. Не внесшие очередной взнос лишались этих званий, но могли получить их вновь на общих основаниях. Кроме того, Попечительство присуждало звания почетных членов. Ими могли быть представители императорской фамилии, равно как и «иностранные высочайшие особы», а также «…духовные и светские лица, оказавшие Попечительству услуги выдающимися пожертвованиями или иным образом способствовавшие успешному развитию деятельности Попечительства»[398]. Количество членов этого ведомства было неограниченным. Почетные члены и члены-благотворители утверждались в звании императрицей, первые – по ее усмотрению, вторые – по представлению комитета. Члены-соревнователи утверждались комитетом. В отличие от Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества почетные звания не давали права на обладание чинами и мундирами. Это связано с тем, что престиж чина и мундира к концу XIX столетия в глазах общественности не был столь высок, как раньше.

Финансировалось Попечительство о домах трудолюбия в принципе так же, как и созданные ранее благотворительные ведомства дома Романовых. Средства его составлялись из благотворительных пожертвований, в том числе поступавших в форме членских взносов, доходов от недвижимости и капиталов. К этим поступлениям относились и доходы с «отчисленного с высочайшего соизволения из состоящих в распоряжении Министерства внутренних дел сумм общественного призрения капитала в пятьсот тысяч рублей»[399]. Основные капиталы, находившиеся в распоряжении руководства Ведомства императрицы Марии, Человеколюбивого общества и входивших в их состав учреждений, формировались, главным образом, за счет средств, поступавших от монархов и членов императорской фамилии. Но для образования основного капитала Попечительства о домах трудолюбия были использованы государственные средства. Этот факт можно рассматривать как свидетельство понимания властью того, что без ее поддержки невозможно было создать новую отрасль призрения. И, тем не

менее, Попечительство на протяжении всей своей деятельности имело статус общественной благотворительной организации. Выделяя государственные средства благотворительным структурам дома Романовых, самодержавие не забывало демонстрировать «негосударственную» заботу монаршей власти о подданных.

Создание Попечительства о домах трудолюбия и работных домах было с одобрением встречено специалистами в области призрения и благотворительности. В частности, профессор Петербургского университета В. И. Герье отметил: «…главная надежда на указ 1 сентября заключается в том, что он будет зарею в истории русского законодательства по общественному призрению»[400]. Столь возвышенная оценка содержала надежду на то, что власть займется, наконец, тем, без чего невозможны никакие преобразования в социальной сфере – разработкой законодательства о призрении, отвечающего требованиям времени.

Надежды эти, как вскоре выяснилось, не оправдались. Более того, оказалось, что законодательная база собственно Попечительства недостаточно проработана. В «кратком обзоре деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915» отмечается, что в первые годы его деятельность имела «… характер, хотя и многообразной, и сложной, но, тем не менее, предварительной или подготовительно-организационной работы»[401]. Сложность ее состояла в том, что категория лиц, пользовавшихся помощью этих учреждений, была очень широкой и неоднородной. На это, в частности, указывал В. И. Герье. В статье «Что такое дома трудолюбия» он рассматривает различные группы нуждающихся в трудовой помощи и, соответственно, различные типы учреждений призрения. Опустившиеся социально и нравственно, личности могли призреваться в домах трудолюбия, полагал автор. «для всех этих патологических субъектов нужен дом трудолюбия с воспитательным, лечебным характером… для этих людей недостаточно кратковременного пребывания, их недуг хронический и для излечения или ослабления его требуется время»[402]. Дома трудолюбия предназначались и для тех лиц, которые в принципе желали работать, но по разным причинам не могли обеспечить свое существование трудом. Это могли быть физическая слабость, недостаток образования, неумение найти свое место в жизни и т. д. Помощь таким людям, полагал Герье, следует организовывать так, чтобы «…дать им возможность посредством труда, и оплачиваемого несколько дороже, чем он стоит, спасаться от крайней нужды»[403].

Заслуживает внимания и статья «задачи трудовой помощи», вышедшая в журнале «трудовая помощь» в 1897 г. автором этой статьи, точнее – письма в редакцию, – был известный юрист А. Ф. Кони. Поводом к выступлению в печати послужило направленное ему предложение комитета Попечительства о домах трудолюбия вступить в почетные члены организации. Анатолий Федорович отказался, но весьма подробно изложил свои взгляды на цели и задачи трудовой помощи. Он отметил, что, прежде всего, в ней нуждаются «ищущие труда». Для этой группы лиц требовались дома трудолюбия, в которые можно было поступать и покидать их добровольно. Для «празднолюбцев» трудовую помощь, по мнению А. Ф. Кони, следовало сочетать с принуждением. А это должно было «…неминуемо вызвать вопрос об устройстве «работных домов» рядом с «домами трудолюбия»[404].

Создавать дома трудолюбия различных типов Попечительство не стало. Борьба с профессиональным нищенством и связанными с ним правонарушениями не входила в его цели и задачи. Поэтому работных домов для взрослых с принудительным трудом Попечительство не создавало. Однако его руководство вынуждено было учитывать, что нуждавшиеся в трудовой помощи имели различные потребности. Совершенствуя свою деятельность, Попечительство пошло по пути, который подсказывал опыт работы первых домов трудолюбия, когда при них создавались структуры, призванные дополнять собственно оказываемую помощь – столовые, чайные, ночлежные приюты и т. д. Это потребовало совершенствования законодательной базы. Вскоре после создания Попечительства были приняты примерные «Правила учрежденного NN благотворительным обществом дома трудолюбия». Они утверждали, что назначение дома трудолюбия «…оказывать срочную, по возможности, недолговременную помощь бездомным, выпущенным из больниц и не имеющим еще заработка, освобожденным из мест заключения по отбытии наказания и всем вообще, впавшим в крайнюю бедность, посредством предоставления им труда и приюта впредь до более прочного устройства их судьбы определением к постоянным занятиям или помещением на постоянное призрение»[405]. По сравнению с формулировкой, данной в Положении о Попечительстве, назначение домов трудолюбия уточнено – оказывать кратковременную помощь трудоспособным лицам до упрочения их материального положения, а тем, кто не может работать – до помещения их в учреждения постоянного призрения.

Правила допускали существование при доме трудолюбия

вспомогательных учреждений – столовой, ночлежного приюта, яслей, трудового убежища для подростков, конторы для регистрации нуждающихся и поиска работы для них, «а равно другие соответствующие назначению Дома заведения»[406]. Документ позволял домам трудолюбия пользоваться новыми источниками финансирования. Помимо собственно благотворительных пожертвований в различной форме и процентов с основных капиталов в пользу сюда поступали средства, собранные с концертов, спектаклей, публичных чтений, выставок, базаров и т. д. Общее собрание благотворительного общества или попечительного комитета, в ведении которого находился дом трудолюбия, получало право присваивать за пожертвования почетные звания. Лица, сделавшие дому «выдающиеся» пожертвования (размер не уточнялся), удостаивались звания почетных попечителей. Его получали и те, кто оказывал услуги «иным образом». Оказавшие «безвозмездные услуги», характер которых также не уточнялся, могли быть удостоены звания действительных членов. Жертвовавшие не менее 1000 руб. единовременно или не менее 100 руб. ежегодно получали звания членов-благотворителей.

Дом трудолюбия со вспомогательными учреждениями и службами, подчинявшимися его руководству и составлявшими с ним единое целое, получал название «сложного», а имевший только ночлежное отделение и, говоря современным языком, производственный участок именовался «простым». Как правило, такие дома создавались специально учрежденными для этого благотворительными обществами и попечительствами, состоявшими из 20–25 человек. Чтобы было возможно больше домов трудолюбия, комитет Попечительства установил упрощенную организационную структуру небольших благотворительных обществ. Они получили название кружков трудовой помощи. Для их учреждения требовались не более 5–6 человек.

Если до создания Попечительства в России насчитывалось около двух десятков домов трудолюбия, то в 1899 г. в его составе было уже 133 учреждения, призревавших не только взрослых, но и детей[407]. В Петербурге в 1899 г. действовали 17 домов трудолюбия. В Петербургской губернии их было 5[408]. Об организации призрения в домах трудолюбия всех, интересовавшихся этим вопросом, информировал журнал «трудовая помощь». Например, в № 2 этого издания за 1897 г. рассказывалось о доме трудолюбия в Царском селе. Он был открыт 14 сентября 1895 г. здешним благотворительным обществом, состоявшим под покровительством великой княгини

Марии Павловны, супруги великого князя Владимира Александровича, дяди царя. Ко времени, о котором шла речь в публикации, дом «имел на призрении в общей сложности 16 167 человек»[409] (имелось в виду число пребывавших в заведении). Количество единовременно призревавшихся колебалось в зависимости от времени года. Зимой оно достигало 83 человек, летом – 25 (в среднем до 40 человек обоего пола)[410]. Связано это было с тем, что в теплое время года большинство обитателей дома уходило на сезонные работы и отхожие промыслы. Некоторые возвращались в село, чтобы помогать родственникам на сельхозработах.

Трудовая деятельность в Царскосельском доме трудолюбия заключалась в выполнении самой простой работы – изготовлении картонных коробок, деревянных ящиков, швабры и тому подобное, а также обработке и уходе за огородом при заведении. «жильцы» дома обеспечивались питанием, постельным бельем, «рабочим платьем», а в зимнее время, для работы вне дома, валенками и полушубками. Кроме того, они бесплатно получали банное мыло, а курильщики даже табак, когда они не имели своих заработанных денег. Жизнь протекала без излишеств. Примером может служить питание. Ежедневное меню состояло из «…утреннего чая с черным хлебом, в обеде из щей или супа с одной восьмой фунта мяса и каши с салом…»[411]. Ужина как такого не было. Доедали «остатки от обеда»[412]. В воскресные дни питание было качественнее, в постные дни мясо не выдавалось, а сало заменялось подсолнечным маслом. Средняя стоимость дневного рациона призреваемого составляла в 1897 г. 9,98 коп.[413] Подобным было питанием и в других таких заведениях. Призреваемым выдавалась «на руки» небольшая сумма из их заработка, то есть денег, вырученных за продажу тех изделий, которые они производили. Это имело, главным образом, морально-психологическое значение. О заработке в полном смысле слова не могло быть и речи, поскольку дом трудолюбия являлся учреждением призрения. «карманные» деньги, выдававшиеся его обитателям, были призваны поддерживать в них веру в возможность существования трудом. Эта цель достигалась не сразу. В статье, посвященной Царскосельскому дому трудолюбия, признается, что среди его обитателей «… находились люди, которые считали своей обязанностью пропить в воскресенье весь свой недельный заработок, но при продолжительном пребывании в доме трудолюбия режим этого дома влиял на этих людей, и многие из них отрешались от своей пагубной привычки»[414]. Можно допустить, что пребывание в доме трудолюбия действительно оказывало на некоторых его

обитателей положительное влияние. Однако не последнюю роль в обеспечении трудового процесса и вообще в поддержании порядка играла угроза исключения из дома трудолюбия за пьянство и связанные с ним правонарушения. Оказаться выставленным на улицу из заведения, предоставлявшего скудный, но гарантированный стол и крышу над головой, было незавидной перспективой для человека, не умеющего находить средства к существованию, особенно в холодное время года.

В Царскосельском доме трудолюбия обитала относительно спокойная публика. Контингент призреваемых составляли, главным образом, «простые рабочие люди», но встречались и отставные чиновники, офицеры, бывшие студенты, лица когда-то принадлежавшие к привилегированным сословиям. В этом нет ничего удивительного. Государство стояло на страже сословных привилегий. Но они далеко не всегда гарантировали материальный достаток, а власть не заботилась о том, чтобы возвращать оказавшимся на социальном дне прежний сословный и профессиональный статус. В Царском селе находились дворцы императорской фамилии, особняки высокопоставленных придворных и аристократов. Все это великолепие находилось в ведении специально созданного в 1891 г. дворцового управления, входившее в состав Министерства императорского двора и уделов. Здесь не было административно высланных за нищенство, а пришлых бродяг изгоняла полиция.

Иной в этом отношении была ситуация в городе новая Ладога Петербургской губернии. Там тоже действовал дом трудолюбия. Он был открыт в июле 1896 г. и подчинялся местному Попечительному обществу. Очерк о деятельности Новоладожского дома трудолюбия журнал «Трудовая помощь» представил в 1899 г. В отличие от Царского села Новая Ладога, как и другие отдаленные от столицы уездные города Петербургской губернии, была местом, куда высылались в административном порядке нищие, бездомные и «бесприютные», которые приписывались к местному обществу. «Эти лица, отвыкшие от правильной жизни, – подчеркивала „Трудовая помощь“, – снискивают себе пропитание в этих центрах административной высылки исключительно прошением милостыни и являются, таким образом, элементом населения, с одной стороны, далеко не безопасным, а, с другой, требующим попечения и приюта»[415]. Контингент этот в Новой Ладоге постоянно пополнялся «…безработными, лицами, отбывшими наказание в тюрьме и арестном доме, выписанными из больницы и потерявшими место ремесленниками»[416].

Власти Новоладожского уезда решили создать свое

учреждение трудовой помощи, чтобы обеспечивать таких людей временным приютом и хоть каким-то заработком. Здешний дом трудолюбия был создан на средства от благотворительного концерта, устроенного предводителем дворянства Д. Н. Нарышкиным и его супругой при «содействии» земской управы. Собранных денег хватило на содержание 15 вакансий. Но даже они долгое время оставались не занятыми. Первое время дом вообще пустовал. Осенью 1897 г. в нем побывали лишь 3 человека. Зимой, после закрытия речной навигации, дававшей заработок многим жителям города, вакансии были заполнены. Однако весной следующего года все обитатели дома ушли на заработки. Всего за 1896–1897 гг. помощь была оказана 36 лицам, которые пробыли в заведении в общей сложности 1200 человеко-дней[417].

В Новоладожском доме трудолюбия призреваемые получали известный набор услуг: скудное питание, ночлег и «карманные деньги». Правда, в праздники тут выдавался белый хлеб. Трудовая деятельность заключалась в плетении сетей, щипании пакли, изготовлении швабр. Самое квалифицированное занятие – шитье сапог. Доходы от этой были невелики. Например, выручка от реализации продукции, изготовленной за зиму 1896/97 г., составила 194 руб. 46 коп., за сезон 1897–1898 гг. – 160 руб. 64 коп.[418]. Рабочий день в Новоладожском доме трудолюбия продолжался 10,5 часов с перерывом на обед продолжительностью в 2 часа. В праздничные дни призреваемые не работали. Отчасти слабый интерес обездоленных к этому дому в новой Ладоге можно объяснить недоверием к правительственным учреждениям со строгими правилами пребывания в них. Однако главная причина была иной. Здесь имелось больше возможностей для заработка неквалифицированным трудом, чем в Царском селе. Новая Ладога была речным и озерным портом, через который в навигацию постоянно двигались корабли, товары и люди. Наличием порта было обусловлено существование различных ремесел. Кроме того, на Ладоге велся рыбный промысел. Заработанные средства можно было расходовать по своему усмотрению, не подчиняясь строгому режиму дома трудолюбия.

Дома трудолюбия предназначались для призрения лиц, как правило, не имевших никакого образования или квалификации либо давно ее утративших. Но среди нуждавшихся в трудовой помощи встречались образованные люди, способные выполнять работу, требовавшую, по меньшей мере, знания грамоты. Чтобы помочь им скорее вернуться к нормальной трудовой и общественной жизни, в составе Попечительства создавались

заведения, в которых эти лица занимались более квалифицированной работой, чем однообразный и примитивный физический труд. В 1899 г. в Петербурге по инициативе известного организатора благотворительности барона О. О. Буксгевдена возникло общество трудовой помощи образованным людям, учредившее «благотворительную мастерскую для образованных мужчин». Три тысячи рублей для ее организации пожертвовал предприниматель и общественный деятель, петербургский городской голова В. А. Ратьков-Рожнов. После утверждения в марте 1899 г. устава общества мастерская была преобразована в «дом трудолюбия для образованных мужчин».

Заведение имело целью оказание временной трудовой помощи. Предполагалось, что занятием призреваемых будет составление популярных брошюр по разным отраслям знаний, изготовление различных чертежей, планов, переводы с иностранных языков, а также работа в качестве «репетиторов, гувернеров, составителей каталогов для библиотек, разборщиков архивов, бухгалтеров, статистиков, корректоров, переписчиков бумаг и проч.»[419]. В начале дом трудолюбия сосредоточил основные усилия на выпуске брошюр для народа. В качестве редакторов были приглашены историк, профессор Петербургского университета П. Н. Кареев и профессор военно-медицинской академии А. Я. Данилевский, но вскоре от этой идеи пришлось отказаться. Выяснилось, что «составление» даже таких популярных изданий, как «Биография А. С. Пушкина» или «жизнь древних славян», требовало квалификации, какой не имели призреваемые. По этой же причине дом трудолюбия отказался от выполнения работ, требовавших специального образования. Кроме того, издательская деятельность требовала больших расходов, покрыть которые заведение не могло. Пришлось осваивать «…новые отрасли труда, более соответствующие способностям широкого круга лиц и наиболее доходные по своим практическим результатам…»[420].

Одной из таких «отраслей» стала подборка газетных и журнальных вырезок по различным отраслям знаний для учреждений и частных лиц. Для организации этой работы в конце ноября 1909 г. при доме трудолюбия было создано Бюро газетных вырезок. Чтобы обеспечить его исходными материалами для работы, правление общества обратилось к редакциям ряда петербургских и губернских газет и журналов с просьбой предоставить в качестве благотворительной помощи несколько экземпляров изданий. Чтобы приобрести подписчиков на вырезки, потребовалось время. Оказалось, что даже такая внешне простая

работа, как подбор и группировка вырезок по темам, требует определенных навыков. Некоторое время она осуществлялась под непосредственным наблюдением членов правления. Первоначально Бюро газетных вырезок имело всего 15 подписчиков, но за несколько лет работа наладилась, и их число возросло. Начали поступать заказы на вырезки из иностранной прессы. Чтобы получать их, правление установило контакты с двумя аналогичными бюро в Париже. Рост числа подписчиков потребовал изготовления копий вырезок на пишущих машинках, которые начали приобретать с 1906 г. К 1909 г. Бюро располагало солидной клиентурой. Среди основных подписчиков были госбанк, Экспедиция заготовления государственных бумаг, Министерство путей сообщения, академия художеств, русское географическое общество, археологическая комиссия и др. Вскоре эта работа приобрела еще одно направление – изготовление альбомов «…из помещаемых в периодических изданиях рисунков, относящихся до тех или иных событий с приложением к таким альбомам соответствующего печатного текста»[421]. Подборки иллюстраций были посвящены событиям из жизни императорской фамилии, юбилеям и памятным датам российской истории и культуры. В 1903–1904 гг. были изготовлены 9 альбомов, в том числе «Юбилей графа Льва Николаевича толстого», «200-летие основания Санкт-Петербурга». В 1904–1905 гг. вышли три альбома, в том числе «война России с Японией». Помимо работы с вырезками призреваемые занимались перепиской бумаг, изготовлением тетрадей и другой подобной работой. Со временем дом трудолюбия начал выполнять роль посреднического бюро для лиц «интеллигентного» труда. С начала основания дома до 1909 г. были трудоустроены более 250 человек[422].

От большинства обычных домов трудолюбия он отличался не только более сложным характером трудовой деятельности, но и оплатой труда призреваемых. Как и в других учреждениях трудовой помощи, она не являлась в полном смысле слова заработком. Дом трудолюбия предоставлял работу нуждающимся «…и тогда, когда по ходу работ увеличение контингента работников не вызывалось необходимостью. С другой стороны, временное уменьшение заказов не давало правлению достаточного повода сокращать штат сотрудников. Таким образом, почти постоянно часть выплачиваемого сотрудникам вознаграждения относилось на счет чистой благотворительности»[423]. Но чтобы у призреваемых было больше желания трудиться, денежное вознаграждение выплачивалось дифференцированно. После ряда экспериментов были установлены «…различные способы вознаграждения

сотрудников – ежемесячное жалование, поденная плата за определенное число часов работы и вознаграждение за часовой труд (преимущественно вечерние занятия)»[424]. Последнее предполагало добровольную сверхурочную работу.

Как и другие подобные заведения, дом трудолюбия общества трудовой помощи образованным лицам предоставлял помимо работы крышу над головой и питание. Призреваемые питались в дешевой столовой фон Дервиза и в благотворительной Преображенской. Они получали обеды, «благодаря любезности и сердечному отношению» руководства столовых, по «удешевленной цене». Иногда дом трудолюбия выдавал призреваемым, так называемые, билеты, по которым они получали бесплатные обеды, оплачивавшиеся затем из средств заведения. Правление неоднократно ставило вопрос об открытии собственной столовой, но этому мешал недостаток средств. Непосредственно в доме трудолюбия призреваемые получали «даровой чай».

С. П. фон Дервиз с семьей. С.-Петербург 1910-е гг. Фото ателье К. Буллы

Финансирование дома трудолюбия осуществлялось из различных источников, в том числе за счет благотворительных пожертвований. При его создании, кроме В. А. Ратькова-Рожнова,

еще 3000 руб. внес известный государственный и военный деятель, генерал-адъютант А. Н. Куропаткин. Дом поддерживал один из организаторов трудовой помощи в России отец Иоанн кронштадтский, который «…своими крупными пожертвованиями неоднократно спасал названное учреждение в самые критические минуты…»[425]. Благотворительные пожертвования поступали и в качестве членских взносов действительных членов и членов-соревнователей общества трудовой помощи образованным лицам. Поскольку в примерных Правилах размер взносов действительных членов и членов-соревнователей не оговаривался, суммы эти определялась правлением. Действительные члены ежегодно вносили от 5 до 50 руб., члены-соревнователи – от 1 до 3 руб. В распоряжение дома трудолюбия также поступали средства от проведения различных благотворительных мероприятий.

Важным источником финансирования были пособия, выделявшиеся комитетом Попечительства о трудовой помощи. Они не являлись обязательными и выплачивались по ходатайствам обществ и учреждений. Ходатайства рассматривались комитетом и утверждались императрицей. Руководство общества трудовой помощи образованным лицам неоднократно обращалось в комитет с такими ходатайствами, обосновывая их тем, что для организации более квалифицированной деятельности с учетом контингента призреваемых частных пожертвований не хватало. В 1900 г. комитет попечительства выделил обществу «в виде безвозмездного пособия» 5000 руб., в 1903 г. – 1300 руб. и в 1906 г. – 4500 руб. В 1909 г. дом трудолюбия получил 5000 руб. «в виде беспроцентной ссуды», которую должен был начать погашать через пять лет взносами по 500 руб. ежегодно[426].

Обществу трудовой помощи образованным лицам удалось получить и государственные средства. В 1907 г. Министерство внутренних дел передало 1500 руб. Министерство финансов в 1907–1909 гг. выделило 3000 руб. Выплаты из государственных средств были исключительным явлением. Полмиллиона рублей из средств МВД были выделены Попечительству о домах трудолюбия в качестве основы неприкосновенного капитала. В законоположениях Попечительства госсредства не упоминаются в качестве источников финансирования, но нет и запрета на их получение. Привлечение денег из государственной казны явилось несомненной заслугой учредителя и почетного члена общества барона О. О. Буксгевдена (скончавшегося в 1907 г.) и других руководителей. В «кратком очерке деятельности общества трудовой помощи образованным лицам за десятилетний период его существования (1899–1909 гг.)» отмечается, что барон

О. О. Буксгевден, как создатель домов трудолюбия в России, «… положил массу труда для проведения этой идеи в жизнь, организовал их и поддерживал, развивая деятельность их не только своим трудом и влиянием, но и спасая их в тяжелые минуты материальными средствами, получаемыми от многих лиц, охотно отзывавшихся на призыв покойного барона»[427]. Обществу трудовой помощи образованным лицам удалось привлечь в состав почетных членов ряд влиятельных особ: С. Ю. Витте, В. А. Ратькова-Рожнова, статс-секретаря А. С. Танеева. Пожизненным членом общества являлся А. Н. Куропаткин.

Хорошо организованная «рекламная» компания, знакомившая общественность с целями и задачами общества трудовой помощи образованным лицам, привлечение внимания видных сановников, постоянная работа по совершенствованию призрения – все это позволило получить средства как от комитета Попечительства о трудовой помощи, так и от государства. Деятельность дома помощи образованным лицам в Санкт-Петербурге – пример использования различных форм этой деятельности применительно к конкретным условиям. Попечительство о трудовой помощи позволяло местным обществам и учреждениям проявлять широкую инициативу в ее осуществлении.

Дома трудолюбия являлись учреждениями «неотложной социальной помощи». Они оказывали поддержку трудоспособным беднякам в сложных жизненных ситуациях, позволяли избегать преступных способов добычи средств к существованию и сохранять желание трудиться, которое легко было потерять. Эта помощь носила временный, пассивный характер и лишь в какой-то степени компенсировала отсутствие государственной политики в области занятости.

Чтобы расширить сферу трудовой помощи, Попечительство создавало новые типы учреждений, действовавшие с учетом конкретных потребностей нуждающихся. Многим беднякам нужны были заработки, но они имели жилье. Для помощи им открывались так называемые трудовые пункты. Они представляли собой мастерские с орудиями производства. Нуждавшиеся в заработке посещали их только для работы. Часть выручки от реализации изделий, изготовленных здесь, выдавалась на руки работавшим. Остальные деньги удерживались в пользу заведения, чтобы отчасти компенсировать затраты на приобретение инструментов и исходных материалов. Трудовые пункты не являлись «хозрасчетными». Как и дома трудолюбия, они были учреждениями призрения и организационно подчинялись местным Попечительствам или кружкам трудовой помощи. Но

такого рода поддержка могла оказываться только лицам, проживавшим в относительной близости к трудовым пунктам.

В состав Попечительства о домах трудолюбия и работных домах входили также посреднические конторы и регистрационные бюро. Целью посреднических контор было облегчение поисков работы, а регистрационных бюро – учет лиц, искавших работу. Последние давали направления в посреднические конторы и дома трудолюбия. Фактически, регистрационные бюро являлись примитивной зачаточной формой учета трудовых ресурсов на местном уровне. Конторы и бюро действовали на локальных территориях, как правило, ограниченных уездами.

Профессиональное трудовое обучение поначалу не входило в число задач Попечительства. В домах трудолюбия и трудовых пунктах осуществлялась самая простая производственная деятельность, часто не требовавшая никакой квалификации. Бедняк, обучившийся какой-либо профессии, имел больше шансов найти работу и как-то устроиться в жизни, не прибегая к посторонней помощи. Поэтому Попечительство создавало учебно-трудовые пункты, где неимущие овладевали за счет ведомства основами различных ремесел. На специальных складах хранились исходные материалы и инструменты для обеспечения трудового процесса. Они же служили пунктами сбыта изделий призреваемых. Для рекламы и продажи этой продукции, для популяризации трудовой помощи организовывались различные выставки. Например, общество трудовой помощи образованным лицам в 1899 г. участвовало в Санкт-Петербургской ремесленной выставке, в 1906-м – в выставке Попечительства о столичных домах трудолюбия, в 1908-м – в международной строительно-художественной выставке, организованной в северной Пальмире обществом гражданских инженеров. Деятельность трудовых и учебно-трудовых пунктов, посреднических контор, регистрационных пунктов, складов и выставок квалифицировалась как «помощь ручному труду», которая была связана «…с одним из двух главнейших моментов процесса труда: или с организацией производства, или с организацией сбыта произведенного продукта…»[428].

Все эти учреждения предназначались для оказания социальной помощи взрослым, трудоспособным людям. Однако существовавшая в стране потребность в призрении детей заставила Попечительство приступить к созданию детских учреждений трудовой помощи. В отличие от входивших в состав Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества, приюты Попечительства о домах трудолюбия и работных домах

предназначались для призрения детей, имевших опыт бродяжничества и правонарушений.

Дом призрения малолетних бедных Императорского Человеколюбивого общества на Лиговской ул., 26. С.-Петербург. Начало 1900-х гг. Фото ателье К. Буллы

Приюты эти именовались Ольгинскими по названию первого учреждения такого типа в составе Попечительства о домах трудолюбия. В 1895 г. в семье Николая II родилась великая княжна Ольга Николаевна, названная в честь св. Ольги. По случаю этого события статский советник Ф. И. Петрококино пожертвовал 25 тыс. руб. на создание детского приюта, который открыли в марте 1896 г. и назвали «Убежище св. Ольги для бесприютных детей». На первое время он был обеспечен средствами, но не имел устава и четкой организационной структуры. Чтобы прочно обеспечить будущее приюта, в 1896 г. Петрококино разработал проект устава и ходатайствовал о принятии заведения в состав Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. В январе 1898 г., после корректировки устава в соответствии с законоположениями Попечительства, приют был включен в его состав и получил наименование «детский приют трудолюбия св. Ольги».

Воспитанники Ольгинского детского приюта во время вышивания. С.-Петербург. 1898–1902 гг.

Цели и задачи приюта определялись Положением, утвержденным 31 января 1896 г. Ольгинский приют был предназначен «…призревать и приучать к труду остающихся в столице без присмотра или пристанища детей обоего пола, впредь до передачи их на надежное попечение родственников, подлежащих обществ, благотворительных учреждений или частных лиц, или же до надлежащего подготовления их к трудовой жизни»[429]. Дети принимались в приют без различия вероисповедания, сословного и социального происхождения, в возрасте не моложе 6 лет, но «…способные по своим силам и состоянию здоровья к работе…»[430]. Питомцы мужского пола оставались в приюте до достижения 15 лет, женского – 16 лет.

Ольгинский детский приют принимал детей не только для призрения, но и для перевоспитания «…по указаниям: благотворительных обществ, частных и должностных лиц (мировых судей, чинов полиции, фабричных инспекторов и т. п.)»[431]. Если требовалось, руководство приюта собирало дополнительные сведения о принимавшихся, обращаясь к полиции, либо Попечительству о домах трудолюбия, или силами своих сотрудников. Питомцы разного пола содержались в приюте раздельно. Они распределялись на так называемые семьи «сообразно возрасту и условиям». В каждой семье могло быть не более 20 детей. Размещались они так же в отдельных помещениях. Несмотря на то, что приют был открыт для детей

всех сословий, учебно-воспитательная программа была рассчитана на подготовку питомцев к жизни простых трудящихся. «дети, – указано в Положении, – содержатся в приюте скромно и просто с тем, чтобы оказаться подготовленными к трудовой жизни рабочих классов»[432]. Это можно рассматривать как приверженность сословному подходу к воспитанию и обучению, осуществлявшемуся в учреждениях благотворительных ведомств дома Романовых. Но в данном случае Попечительство следовало не столько традициям, сколько жизненным реалиям. Никаких шансов занять более высокое социальное и сословное положение, чем то, которое им предназначалось, у выпускников приюта не было, по крайней мере, в ближайшем будущем после выхода из его стен. Следует уточнить, что термин «рабочие классы» в документе употреблялся в самом широком смысле. Призревавшиеся в приюте обучались как «крестьянским работам, преимущественно по огородничеству и садоводству», так и «несложным мастерствам и рукоделиям»[433]. Мальчики осваивали столярное и плетеночное ремесла. Девочки занимались кройкой, шитьем и вязанием, изготовляли белье для приюта. Учебная программа заведения была более краткой, чем в детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества. Воспитанники изучали закон Божий, русский язык, чистописание, арифметику и основы русской истории. На общеобразовательные предметы отводилось всего три часа в день – с 9 до 12 часов. Помимо этого два раза в неделю священник преподавал закон Божий, и два раза в неделю воспитанники посещали уроки рисования и черчения. Больше времени было посвящено трудовой деятельности. Питомцы мужского пола работали в мастерских по шесть часов в день. Воспитанницы один час по два раза в неделю занимались кройкой и шитьем и ежедневно по одному часу – починкой одежды. Все прочие несложные хозяйственные работы по приюту и в огороде также возлагались на питомцев и по времени не регламентировались.

Детский приют трудолюбия Св. Ольги. Группа воспитанниц за рукоделием. С.-Петербург. 1900-е гг. Фото ателье К. Буллы

Воспитанники приюта могли оставить его раньше установленного возраста, если в дальнейшем заботу о них брали на себя родственники, благотворительные учреждения либо частные лица, а также и в тех случаях, когда руководство считало их «нравственно окрепшими и достаточно привыкшими к работе»[434]. Выпускники приюта получали свидетельство о пребывании в нем и, в случае необходимости, комплект белья и одежды. Положение требовало от руководства приюта наблюдать за судьбой выпускников до достижения ими 25-летнего возраста и оказывать помощь в поисках работы, но лишь «по возможности». При отсутствии к выпускникам с чьей-либо стороны претензий по части их нравственности и трудолюбия, руководство приюта имело право ходатайствовать перед комитетом Попечительства об оказании им материальной помощи.

Ольгинский приют управлялся Советом, состоявшим из председателя и четырех членов, хотя фактически их было больше. Основатель приюта Ф. И. Петрококино, являясь членом совета, имел звание учредителя и почетного попечителя. Это звание не упоминается в Положении, которое было типовым. Председатель утверждался в должности императором, члены совета – комитетом. Для контроля за финансово-хозяйственной деятельностью заведения при совете состояла ревизионная комиссия. Непосредственное управление приютом возлагалось на

заведующего, которого рекомендовалось избирать «…из лиц опытных в деле воспитания детей и предпочтительно из лиц, получивших высшее образование или окончивших курс в одном из сельскохозяйственных учебных заведений высшего или среднего разряда, или же в учительском институте»[435].

По Положению приют финансировался за счет отчислений из кабинета, поступавших от имени императора. Суммы, поступавшие от монарха и членов императорской фамилии, рассматривались в качестве благотворительных пожертвований. Благотворительность в отношении Ольгинского приюта была поставлена на рациональную основу. Она определялась не щедростью, а сметой на содержание заведения, которую составлял заведующий. Потом она рассматривалась советом приюта, после чего направлялась на утверждение в комитет Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. С заключением комитета смета представлялась на утверждение покровителя заведения.

Первое время, однако, существование заведения обеспечивалось за счет частных благотворительных пожертвований и других поступлений. Вскоре после основания приюта Ф. И. Петрококино внес 7000 руб., собранных «от разных лиц». Член совета А. А. Шварц пожертвовал 25 000 руб. на постройку здания для этого заведения. Петербургская городская дума безвозмездно отвела под него участок земли на Васильевском острове. Спроектировать здание вызвались архитекторы М. Ф. Гейслер и Б. Ф. Гуслистый, что также явилось актом благотворительности. Рассмотрев проект, комитет Попечительства и совет приюта рекомендовали построить более вместительное здание, но для этого требовались еще 65 тыс. руб. На помощь вновь пришли благотворители. Ф. И. Петрококино пожертвовал 10 тыс. руб., А. А. Шварц – 30 тыс. руб., остальные 25 тыс. руб. выделил по ходатайству совета комитет Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. После постройки здания и снабжения его всем необходимым общая стоимость имущества приюта составила 125 тыс. руб.

Совету приюта удалось привлечь и государственные средства. По высочайшему повелению Министерством финансов были выделены несколько тысяч рублей для организации мастерских. Решение о включении Ольгинского приюта в состав учреждений Попечительства о домах трудолюбия оказалось оправданным. В противном случае он мог рассчитывать только на частные пожертвования, которых не хватало для нормального функционирования и развития учреждения. Августейшая покровительница Попечительства ограничивалась лишь

демонстрацией заботы о воспитанниках. «Милостливое внимание» Александры Федоровны выражалось в том, что на ее средства содержался один призреваемый. Помимо этого, за время с основания приюта до 1907 г. императрице «…благоугодно было прислать в приют 10 фунтов китайского чаю, передать приюту доход, выручаемый от продажи сочинения Фауля „Призрение бедных в Англии“, прислать для учебной надобности приюта издание „история России в картинах“ и, наконец, прислать 50 рублей, пожертвованных в распоряжение ее величества настоятелем Кобургской православной церкви»[436].

Открытие двух мастерских при приюте позволило увеличить число детей, обучавшихся ремеслам. Помимо 35 воспитанников, призревавшихся непосредственно в приюте, мастерские могли принять одновременно более 200 человек. Уже в 1900 г. в них обучались в общей сложности 238 детей, в 1903 г. – 274, в 1904 г. – 258[437]. О том, насколько успешно Ольгинский приют выполнял возложенные на него задачи, судить сложно. Как уже отмечалось, приют должен был поддерживать связь с выпускниками и «по возможности» оказывать им помощь. Разумеется, он интересовался судьбой тех выпускников, которые не опустились на социальное дно, а обрели более или менее благополучную судьбу, поскольку они являлись зримыми примерами эффективности работы учреждения.

Некоторые выпускники трудились на крупных промышленных предприятиях, выбрав профессию квалифицированного рабочего – Петербургском орудийном и Путиловском заводах, Экспедиции заготовления государственных бумаг. В 1904 г., например, Ольгинский приют послал на предприятия запросы о работе и поведении 15 выпускников. Отзывы были положительными[438]. В ряде случаев питомцы приюта поднимались на более высокую социальную ступень. В отчете о деятельности заведения за 1904 г., опубликованном в журнале «трудовая помощь», отмечается, в частности, что бывший его воспитанник Дмитрий Чистяков, закончив Санкт-Петербургскую земскую учительскую школу, поступил на службу учителем в одну из начальных школ столицы. В период учебы Чистяков, который, видимо, сильно нуждался, получил «с высочайшего соизволения» материальную помощь в размере 240 руб. Еще один выпускник, Василий Зафрон, в 1904 г. оканчивал последний курс той же учительской школы. Выпускники приюта обучались и в других средних учебных заведениях. В опубликованном отчете сообщается, например, что «Борис Мержеевский, находящийся во 2-м классе Охтенского механико-технического училища, при отличном поведении, имеет

удовлетворительные отметки по общеобразовательным предметам и хорошие по черчению, мастерству и устройству машин; Георгий Жуков, помещенный в кронштадтскую военно-фельдшерскую школу, имеет хорошие отметки по успехам, при отличном поведении»[439]. Образование и воспитание, полученные в Ольгинском приюте, помогли части выпускников «выйти в люди», получить профессию и даже продолжить образование. Однако это зависело от личных качеств самих выпускников – трудолюбия, желания учиться. Такие учреждения, как Ольгинский детский приют трудолюбия, могли создать лишь минимальные для этого условия.

В состав Попечительства о домах трудолюбия и работных домах входили детские колонии, в которых применялось трудовое воспитание, а также детские учреждения, которые не занимались такой работой. К ним относились различные убежища, ночлежные приюты и ясли. Но призрение детей и юношества оставалось для Попечительства о домах трудолюбия и работных домах второстепенным направлением деятельности, поскольку расходилось с главной целью и задачами Попечительства. Спустя семнадцать лет со времени основания первого в составе Попечительства о домах трудолюбия и работных домах Ольгинского приюта действовали уже 36, плюс 32 колонии и убежища и 8 яслей. Ольгинские приюты единовременно призревали 1470 детей, колонии и убежища – 810 и ясли – около 300[440].

Помимо собственно призрения, Попечительство о домах трудолюбия поощряло теоретическую разработку вопросов социальной помощи, присуждая за это особые премии. Однако, прежде чем говорить об этом, следует выяснить, почему Попечительство взяло на себя такую работу. Еще в первой половине XIX в. ведомство императрицы Марии и Человеколюбивое общество, их отдельные учреждения начали публиковать отчеты о своей деятельности. Кроме того, сотрудники этих ведомств сочиняли официозные исторические труды о благотворительности под монаршим покровительством. Разумеется, эти ведомства стремились представить свою деятельность наилучшим образом. Со второй половины столетия и, особенно, на рубеже XIX–XX вв., когда общественная активность в сфере благотворительности и призрения возрастала, а объем работы ведомств дома Романовых увеличивался, подобные публикации, сохраняя прежнюю цель – показывать благодетельную роль августейшего семейства в деле призрения и благотворительности, приобрели новую. Начали выходить издания, посвященные конкретному опыту призрения. Различные

выставки, которые устраивали благотворительные ведомства дома Романовых, носили уже не только «рекламный», но и практический характер. В 1880–1890-е гг., благодаря усилиям Императорского Человеколюбивого общества и Ведомства императрицы Марии, вышел ряд статистических сборников по призрению и благотворительности в России. К концу XIX столетия активизировалось обсуждение общественностью и государственными структурами проблем реформирования призрения. Власти в этих условиях важно было взять на себя инициативу, чтобы, во-первых, показать обществу свою заинтересованность в разрешении накопившихся проблем, и, во-вторых, чтобы не дать обсуждениям выйти за рамки дозволенного. Важно было показать и внимание непосредственно императорской власти к этим вопросам.

Попечительство о домах трудолюбия выступило с инициативой присуждения премий за наиболее содержательные работы по вопросам благотворительности и призрения. Для этого из «собственных средств» императрицы Марии Федоровны были выделены 70 000 руб., в 1901 г. она добавила к ним еще 50 000. На проценты с этих денег и выдавались премии. Согласно усовершенствованным в 1901 г. правилам, целью премий было «… поощрить появление в печати на русском языке возможно большего числа сочинений по вопросам призрения бедных, о благотворительности и о мероприятиях, направленных к улучшению условий труда и быта нуждающихся»[441]. Предполагалось поощрять премиями и переводы с иностранных языков трудов, посвященных указанным темам. С учетом специализации Попечительства темы сочинений касались, главным образом, трудовой помощи, но отражали и общие проблемы призрения и благотворительности в России. Например, в трудах на тему «исторический обзор мер общественного призрения и благотворительности» было: «…желательно иметь подробную разработку истории законодательных мер в области общественного призрения в России в связи с практическими результатами их применения»[442]. Следовало также обратить особое внимание на изучение деятельности «правительственных», земских и городских учреждений призрения, а также предпринять «…возможно более полный и систематический обзор развития у нас частной благотворительности в ее разнообразных видах и проявлениях»[443]. Решения о присуждении премий принимались комитетом Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. Премий было несколько: одна большая в размере 2000 руб. и три малых: первая в 1000 руб. и две по 750 руб. каждая. При отсутствии сочинений, достойных большой премии,

предназначенная для нее сумма использовалась для присуждения дополнительно двух малых премий по 1000 руб. каждая. Эти, а также и другие неврученные премии присуждались комитетом за сочинения, выполненные специально по его заказу.

Распространению и популяризации знаний в области призрения и благотворительности служила специальная библиотека Попечительства о домах трудолюбия. Полностью она называлась «Библиотека состоящего под августейшим покровительством ее величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. (специальная библиотека по вопросам призрения бедных, благотворительности, трудовой помощи и о мероприятиях, направленных на улучшение условий труда и быта нуждающихся)». В библиотеке, созданной при открытии Попечительства, имелась литература только по указанной проблематике. Каталог был составлен не в систематическом или алфавитном порядке, а по языкам изданий. Библиотека имела специальную литературу на русском, английском, немецком, французском, итальянском, латинском, шведском и голландском языках, а также все номера журнала «трудовая помощь», издававшегося Попечительством о домах трудолюбия и работных домах.

В 1901 г. императрица Александра Федоровна пожертвовала из «собственных средств» 50 000 руб. «на обеспечение дальнейшего существования библиотеки»[444]. Из этой суммы был составлен так называемый неприкосновенный капитал, получивший название «капитал библиотеки о домах трудолюбия и работных домах имени ее императорского величества». Проценты с него предназначались для закупки литературы, издания каталогов и покрытия организационно-хозяйственных расходов по библиотеке. Фонд библиотеки составлялся из изданий, имевших «…своим предметом призрение бедных, благотворительность, трудовую помощь, а также вопросы, находящиеся в связи с деятельностью Попечительства о домах трудолюбия и работных домах»[445]. Он формировался, главным образом, за счет централизованных закупок через комиссионеров и непосредственно у книготорговых фирм. С 1901 г. собственная канцелярия императрицы от ее имени передавала в библиотеку экземпляры всех изданий, поступавших в дворцовую библиотеку, если они касались призрения и благотворительности. На 1 января 1902 г. в библиотеке имелись 1729 названий различных изданий в 2030 томах. Из них на русском языке были только 494 наименования в 577 томах[446]. Это свидетельствует о том, что Попечительство стремилось знакомиться с зарубежным опытом, с

одной стороны, а с другой – указывает на недостаточное внимание отечественных авторов к вопросам социальной политики.

Попечительство принимало меры к тому, чтобы информировать читающую столичную общественность о содержании библиотеки. Экземпляры каталога доставлялись в крупнейшие книжные магазины Петербурга. Каталог библиотеки Попечительства печатался также в периодических библиографических изданиях. В «известиях книжного магазина товарищества М. О. Вольф», в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Биржевые новости» «…были напечатаны статьи, вполне сочувствующие учреждению и развитию специальной библиотеки по вопросам благотворительности и трудовой помощи»[447]. Несмотря на это, число читателей, пользовавшихся библиотекой, было невелико. В 1899–1902 гг. оно не достигало и двух десятков человек в год, причем бóльшую часть составляли сотрудники Попечительства.

За десятилетие своего существования Попечительство о домах трудолюбия и работных домах превратилось в одно из крупнейших общероссийских благотворительных ведомств призрения. Оно было единственной общегосударственной структурой, осуществлявшей трудовую помощь. Вскоре после создания Попечительства его деятельность вышла за эти рамки. Оно начало призревать детей и нетрудоспособных взрослых, хотя это было второстепенной задачей. По данным на 1 января 1905 г., располагало 74 домами трудолюбия для взрослых, входившими в 21 местное попечительство, 29 домами трудолюбия для детей (13 местных попечительств) и 197 смешанными домами трудолюбия (55 местных попечительств)[448]. Количество учреждений призрения не соответствует числу местных попечительств. Это объясняется тем, что во многих случаях они имели в своем составе несколько учреждений трудовой помощи. Кроме того, Попечительство располагало тремя так называемыми трудовыми убежищами, по существу, тоже являвшимися домами трудолюбия. Они входили в состав местных попечительных обществ о трудовых убежищах и ночлежно-трудовых домах. Попечительство имело 8 учебных мастерских, входивших в 7 соответствующих местных попечительных обществ и 1 учебно-трудовой пункт[449]. Учебно-воспитательные детско-юношеские учреждения Попечительства были представлены 34 ольгинскими детскими приютами трудолюбия, входившими в состав 25 попечительных обществ. Имелись еще 2 детских приюта, подчинявшихся местным попечительным обществам. Для призрения малолетних Попечительство располагало 7 яслями, входившими в 4

соответствующих попечительства[450]. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах имело в своем составе и разнообразные общества и кружки трудовой помощи, располагавшие одним или несколькими учреждениями. К ним относились мастерские, ночлежки, склады, артели, трудовые пункты и так далее. В частности, в составе Попечительства насчитывались 19 обществ трудовой помощи, имевших 53 различных учреждения. Кружков трудовой помощи в составе Попечительства было 19. Они располагали 44 учреждениями. Также имелось 1 общество помощи ручному труду, располагавшее 1 учреждением, 1 общество врачебной помощи с 1 учреждением и 1 мастерская (без общества)[451]. Помимо этого, Попечительство о домах трудолюбия и работных домах включало разнообразные благотворительные общества, которые оказывали не трудовую помощь, а выдавали денежные пособия, одежду и т. д. Всего таких обществ на 1 января 1905 г. насчитывалось 36, и располагали они 150 различными заведениями[452], которые призревали единовременно 20 282 человека. В домах трудолюбия одновременно пользовались призрением немногим более 9000 бедняков[453]. По сравнению с количеством призревавшихся другими благотворительными ведомствами под покровительством дома Романовых – это незначительное число. Но следует уточнить, что в данном случае речь идет о числе вакансий, которыми располагали учреждения трудовой помощи и другие структуры, входившие в Попечительство о домах трудолюбия и работных домах. Особенность такой помощи заключалась в том, что она была рассчитана на короткий срок. Контингент домов трудолюбия и других заведений Попечительства постоянно и очень быстро обновлялся. Поэтому подсчитать общее число лиц, воспользовавшихся трудовой помощью, едва ли возможно. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах располагало 16 амбулаториями и лечебницами, 17 посредническими конторами и справочными бюро, а также рядом заведений, имевших косвенное отношение к призрению: производственными предприятиями, магазинами, аптеками, пекарнями, банями…

В 1906 г. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах подверглось преобразованиям. Сохранив прежние цели и задачи, оно приступило к освоению новых форм трудовой помощи, в частности общественных работ. Было принято новое Положение, уточнившее задачи ведомства. Расширение круга деятельности Попечительства потребовало смены названия. С 1906 г. оно стало называться Попечительством о трудовой помощи. Его покровительницей продолжала оставаться

императрица Александра Федоровна.

Попечительство имело тот же «врожденный» недостаток, что и прочие ведомства и учреждения, действовавшие на благотворительной основе. Получив крупные государственные средства, оно, тем не менее, действовало как благотворительная организация, оказывавшая помощь, исходя не из потребностей общества и государства, а из своих возможностей. Но благодаря Попечительству, трудовая помощь получила признание и широкое распространение. Дома трудолюбия оправдали свое предназначение, выступая в качестве «спасательного круга» для тех, кто не имел средств к существованию, но сохранял силы и стремление трудиться, не желал окончательно опускаться на социальное дно. Дома трудолюбия и схожие с ними учреждения играли роль скорой социальной помощи и в какой-то степени учреждений социальной реабилитации.

Система трудовой помощи, созданная за сравнительно короткий срок Попечительством при активном участии общественности, выражавшемся как в благотворительных пожертвованиях, так и в управлении обществами и учреждениями на местах, доказала свою жизнеспособность и востребованность, сохранившись и после свержения монархии. Эта система обладала достаточным потенциалом, чтобы быть использованной в качестве важнейшего элемента и базы для осуществления государственной политики в области занятости и борьбы с безработицей, необходимость которой стала очевидной в начале XX столетия.

Милосердие под грохот орудий. Помощь беженцам и членам семей военнослужащих

Участие России в Первой мировой войне поставило перед властью и обществом вопрос об организации массового призрения фронтовиков, членов их семей, гражданских лиц, пострадавших во время боевых действий и беженцев. Среди множества государственных и общественных структур, вовлеченных в эту работу, были благотворительные ведомства, комитеты и общества под покровительством дома Романовых. В годы русско-японской и Первой мировой войн ведомство императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество и Попечительство о трудовой помощи призревали раненых, больных и увечных воинов, а также детей погибших и пострадавших в боях родителей. Однако для этих ведомств такое направление деятельности не было главным. Переориентироваться и полностью перестроить свою работу в соответствии с условиями военного времени и переориентироваться они не могли, так как продолжали оказывать постоянную, периодическую и единовременную помощь многим сотням тысяч нуждающихся. В военное время эта обязанность с них не снималась.

Помощь раненым, больным и увечным воинам на театре военных действий и в тылу была главной задачей Российского общества Красного Креста. В оказании помощи жертвам войны и их детям участвовали романовский комитет и созданное в 1893 г. Морское благотворительное общество, состоявшее под покровительством великой княгини Ксении Александровны. В 1904–1905 гг. на полях сражений русско-японской войны и на территории Москвы и московской губернии помощь жертвам оказывал состоявший под покровительством великой княгини Елисаветы Федоровны комитет. Полностью он именовался «особый комитет ее императорского высочества великой княгини Елисаветы Федоровны для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке». После окончания войны его реорганизовали, и он работал до 1907 г.

Плакат. Государственный музей политической истории России

Призрение раненых, больных и увечных фронтовиков и членов их семей осуществляли специально созданные для этого структуры – образованный в 1814 г. Александровский комитет о раненых, учрежденные в 1905 г. Скобелевский и Алексеевский главный комитеты, а также воинское благотворительное общество Белого креста, возникшее в 1882 г. Скобелевский комитет и Белый крест являлись общественными благотворительными организациями. Александровский комитет о раненых, созданный в годовщину победоносного для русских сражения с французами под кульмом, первоначально назывался «комитет, высочайше

утвержденный 18 августа 1814 года». В 1840 г. он получил наименование «комитет о раненых», а в 1877 г. в честь императора Александра I, по случаю 100-летия со дня его рождения, был назван «Александровским комитетом о раненых». Это была общественная благотворительная организация, «приписанная» к Военному министерству и фактически выполнявшая государственные задачи по призрению воинов и их семейств. В 1909 г. комитет был включен в состав Военного министерства, став, таким образом, и по статусу госучреждением. По сути государственным был и Алексеевский Главный комитет, распределявший казенные пособия на призрение детей погибших воинов. При этом он мог принимать и благотворительные пожертвования.

В начале XX столетия присутствие государства в системе оказания социальной помощи пострадавшим в ходе воин, на военной службе и их родным было более существенным, чем в благотворительности и призрении в России в целом. Однако взаимодействие между этими звеньями практически отсутствовало. Вступление в мировую войну неизбежно ставило перед страной не виданную ранее по масштабам задачу помощи всем пострадавшим в связи с военными действиями, а также членам семей призванных на фронт. Решение ее требовало создания, если не единой системы государственного призрения, то четкой координации усилий властей и общества в масштабах всей страны. Для этого 11 августа 1914 г. был образован чрезвычайный межведомственный государственный орган – верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Объединяя правительственную, общественную и частную деятельность по оказанию помощи этим лицам, он руководил работой всех структур, принимал пожертвования, распределял финансы, выделявшиеся на эти цели из государственного казначейства, и благотворительные взносы, не имевшие специального назначения.

Военно-санитарный поезд им. Императрицы Александры Федоровны в пути. 1904–1905 гг.

Верховный совет возглавила императрица Александра Федоровна, вице-председательницами стали великая княгиня Елисавета Федоровна и великая княжна Ольга Николаевна. В его состав вошли представители государственного совета и думы, включая председателей, министров внутренних дел, финансов, путей сообщения, начальника главного управления землеустройства и земледелия, государственного контролера, а также руководителей благотворительных ведомств, комитетов и других организаций, оказывавших помощь жертвам войны и членам их семей – романовского и Алексеевского Главного комитетов, Попечительства о трудовой помощи, Красного Креста, всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. (Прочие лица участвовали в деятельности верховного совета по назначению императрицы.)

Назначение Александры Федоровны верховной руководительницей нового органа должно было, как обычно, олицетворять заботу монаршей власти о защитниках отечества и их родных. Поддержание своего авторитета, в том числе и такими мерами, было необходимо самодержавию в условиях резко возросшей с началом войны социальной активности. Общественные круги, находившиеся в умеренной оппозиции к самодержавию, решили, тем не менее, помочь сражавшемуся государству. Вскоре после начала войны выяснилось, что оно справляется со своими обязанностями не очень хорошо. 30 июля (по старому стилю) 1914 г. в Москве на съезде уполномоченных

от 43 губерний и войска донского был образован всероссийский земский союз помощи раненым и больным воинам. Так же в Москве 8–9 августа на съезде городских голов был учрежден всероссийский союз городов. Высочайшие разрешения, необходимые для функционирования любой общественной организации, были получены довольно быстро. Всероссийский земский союз был разрешен 12 августа, городской – 16 августа. Они приняли широкое участие в оказании помощи раненым и больным воинам. На средства земств и городов оборудовались госпитали, санитарные поезда, заготовлялись медикаменты. Вклад земского и городского союзов в помощь раненым и больным воинам был значительным. По данным на 1 июля 1915 г., Земский союз содержал 18,5 % коек для лечения воинов, городской – 12 %, Военное министерство – 28,4 %, Красный Крест – 4,5 % коек. Кроме того, 9 % коек содержались непосредственно городскими общественными управлениями. Всего силами земств и городов содержались 39,5 % коек[454]. Позже союзы включались в помощь беженцам. На предприятиях, им принадлежавших, изготовлялись предметы, необходимые для армии, – от сапог до боеприпасов.

Венценосные правители России хорошо понимали необходимость укрепления своего авторитета в условиях войны и резко возросшей общественной активности. Бывший директор департамента полиции и товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий в своих мемуарах пишет об аудиенции у императрицы Александры Федоровны: «…я доложил ее величеству о намеченной А. Н. Хвостовым (министр внутренних дел России в сентябре 1915 – марте 1916 гг. – *Прим. авт.*) и мною первейшей задаче нашей программы – организовать и широко распространить среди народа издания и картины, обрисовывавшие царственные за период войны труды ее величества, его величества и их дочерей. К этому государыня отнеслась с большим сочувствием…»[455]. Примером подобного издания может служить выпущенная в 1916 г. брошюра А. Е. Зарина «Наши царицы и царевны во вторую отечественную войну. Краткое описание деятельности ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны и ее августейших дочерей во вторую отечественную войну».

Более существенным, чем все пропагандистские брошюры, проявлением монаршей заботы о подданных во время войны являлось не просто верховное руководство чрезвычайным межведомственным органом по оказанию помощи пострадавшим, а создание с этой целью новых благотворительных ведомств и комитетов под непосредственным покровительством членов

императорской фамилии. Практическим воплощением этого подхода явилось воссоздание, точнее создания заново, Елисаветинского комитета для организации благотворительной помощи семьям погибших и пострадавших воинов, а также Татьянинского комитета помощи беженцам. Елисаветинский комитет также создан 11 августа 1914 г. и полностью назывался «высочайше утвержденный под августейшим ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны комитет ее императорского высочества великой княгини Елисаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну». Комитет мог принимать благотворительные пожертвования, и его помощь имела благотворительный характер, но фактически он распределял государственные средства, которые поступали от верховного совета. Главной задачей центрального управления этого комитета была координация деятельности местных отделений, которые действовали самостоятельно, объединяя в губерниях и уездах помощь семьям призванных на войну, погибших и пострадавших воинов. Они, в свою очередь, могли создавать уездные, волостные, приходские или участковые отделения. Елисаветинский комитет отличался от ранее созданных, «классических», благотворительных ведомств дома Романовых тем, что местные отделения пользовались значительной самостоятельностью, а сам он получал крупные государственные средства. Поскольку практически вся его деятельность была сосредоточена на местах, в данном случае она рассматривается на примере Петрограда и Петроградской губернии, где действовал филиал – Ольгинский Петроградский комитет.

Отдельная самостоятельная структура под покровительством императорской фамилии была создана для оказания помощи новой категории лиц, пострадавших от бедствий войны и нуждавшихся в призрении, – беженцам. Первые беженцы появились уже в 1914 г. Сражения на восточном фронте не дали явного перевеса ни России, ни ее противникам. Действия русских войск в восточной Пруссии закончилось их разгромом и отступлением. Однако попытка германцев разбить русскую армию в польских землях окончилась для них неудачей. Сокрушительное поражение от русских потерпели австро-венгерские войска. Крупная победа была одержана над турками в Закавказье. Тем не менее, в 1914 г. бои шли уже на территории Российской империи. Из западных губерний вглубь страны потянулись люди, спасавшиеся от военных действий. Беженцев требовалось где-то размещать, регистрировать, кормить, лечить, распределять для проживания, наводить справки о потерявшихся в ходе эвакуации,

устраивать трудоспособных на работу.

Необходимым условием решения всех этих задач являлось создание специальной общегосударственной организации. Таковым стал благотворительный Татьянинский комитет. В соответствии с традицией побудительной причиной его создания объявлялось монаршее милосердие. «государыня императрица Александра Федоровна, следуя влечению любвеобильного сердца своего, – говориться в „очерке деятельности комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий со дня основания до 1 января 1916 г.“, – предуказала образовать особый комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, возглавив его августейшею дочерью своею великою княжною Татьяною Николаевною»[456]. Дочь императора должна была олицетворять преемственность монаршей заботы о подданных. Эта позиция находила поддержку у служащих Татьянинского комитета на местах. В январе 1916 г. на «торжественном акте» гатчинского отделения Петроградского отдела комитета тайный советник П. Н. Вереха произнес речь, в которой объявил великую княжну воплощением христианской святой Татьяны, жившей в III веке нашей эры. Сравнивая военное время с эпохой гонений на христиан, Вереха говорил: «и вот в это тяжкое время пред нами встает образ древней христианской Татьяны в лице ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны»[457]. Материальным свидетельством заботы императорской фамилии о беженцах служили 425 000 руб., пожертвованных от имени императора и его супруги при создании комитета, а также 200 000 руб., переданных императорской четой комитету в октябре 1914 г.[458]

Согласно Положению, Татьянинский комитет был призван осуществлять «…временную помощь лицам, впавшим в нужду, вследствие бедствий, вызванных военными обстоятельствами, в пределах их постоянного места жительства, либо временного пребывания, причем помощь эта распространяется как на тех, которые остались в месте своего жительства, так и на тех, кои были вынуждены покинуть его по требованию подлежащих властей или по другим, связанным с войною, причинам»[459]. К «предметам ведения» комитета Положение относило оказание беженцам единовременной материальной помощи, «содействие» отправлению их на родину или в места постоянного проживания, поиск заработка для трудоспособных, «содействие» помещению нетрудоспособных в учреждения социальной помощи и создание для них, «в зависимости от средств», собственных учреждений, а так же получению беженцами компенсации за убытки,

причиненные им военными действиями, если это предусматривалось законами, прием благотворительных пожертвований и «оказание пособий» учреждениям, призревавшим беженцев[460].

Великая княжна Татьяна Николаевна являлась почетной председательницей комитета. Фактически им руководил член Госсовета, почетный опекун Ведомства учреждений императрицы Марии А. Б. Нейгардт. В Татьянинский комитет входили, главным образом, высокопоставленные придворные и государственные сановники, два члена государственной думы – И. П. Залит и М. М. Ичас, а также главноуправляющий всероссийским земским союзом помощи раненым и больным воинам князь Г. Е. Львов, будущий глава двух первых кабинетов временного правительства. Оказание помощи беженцам и прочим лицам, пострадавшим от войны, требовало координации деятельности комитета с государственными ведомствами. Поэтому в его состав были включены представители министерств – внутренних дел, военного, путей сообщения, финансов, а также государственного казначейства и госконтроля. Представители ведомств, обществ и учреждений призрения в комитет не вошли, за исключением главного попечителя Императорского Человеколюбивого общества П. П. Кобылинского. Кроме того, председатель Комитета Нейгардт был почетным опекуном Ведомства императрицы Марии.

Для более четкой организации работы Татьянинского комитета при нем создали совещание, обсуждавшее наиболее важные общие вопросы, и десять комиссий – по изысканию доходов, ревизионную, по проверке отчетов отделений комитета и субсидируемых им организаций, по составлению смет, по выдаче пособий, лечебную, материальную, по разработке вопроса о призрении за счет государства лиц, пострадавших от военных бедствий, и их сирот, по устройству всероссийской выставки произведений беженцев и историографическую. Кроме того, на правах комиссии при комитете был создан особый отдел по регистрации беженцев. Историографическую комиссию, не имевшую отношения к собственно призрению, возглавил председатель Татьянинского комитета А. Б. Нейгардт. Императорская фамилия заранее озаботилась тем, чтобы запечатлеть историю деятельности комитета. В роли историографов благотворительных ведомств дома Романовых обычно выступали служившие в них чиновники. Из-под их перьев выходили добротные, насыщенные фактами, но сухие описательные труды. В историографическую комиссию при Татьянинском комитете кроме чиновников вошли два известных

российских историка: академик В. С. Иконников и профессор С. Ф. Платонов. Очевидно, власть желала, чтобы исторический труд, посвященный деятельности комитета, был выполнен на высоком уровне.

Положением предусматривалось открытие местных отделений Татьянинского комитета «в составе, определяемом комитетом»[461]. Однако их права и обязанности, порядок взаимоотношений с центральным управлением, источники поступления финансов не оговаривались. Положением не регламентировалась и хозяйственно-правовая деятельность комитета. Только 2 февраля 1916 г. «высочайшим соизволением» он получил «право приобретать и отчуждать недвижимые имущества, заключать договоры, вступать в обязательства, а равно искать и отвечать на суде»[462]. Ответ на вопрос, кого предполагалось включить в состав местных отделений, с какими учреждениями и организациями должны были сотрудничать местные отделения, дан в журнале заседаний Татьянинского комитета от 24 сентября 1914 г. В нем, в частности, отмечено, что «главными сотрудниками» комитета на местах, «прежде всего, являются чины местной администрации, в силу закона обязанные пещись (заботиться. – *Прим. авт.*) о благе вверенного их управлению населения»[463]. Комитет возлагал «немалую надежду… на возникшие уже в некоторых местах организации и благотворительные общества», создававшиеся для помощи «лицам, вынужденным покинуть родные свои места вследствие разорения их неприятелем»[464]. Местные отделения Татьянинского комитета возглавлялись, как правило, губернаторами или вице-губернаторами. В состав отделений входили практически все руководители губернского звена: руководитель или представитель местной епархии, губернский предводитель дворянства, градоначальник губернского города, руководитель казенной палаты, инспектор народных училищ и другие лица, деятельность которых могла быть связана с помощью беженцам. Кроме того, в состав местных отделений, как правило, входили руководители земства (если в губернии было земство), городского общественного управления, руководители общественных организаций, участвовавших в оказании помощи беженцам.

Хотя комитет имел характер благотворительной общественной организации, Положением предусматривалось получение им «ассигнований из казны, испрашиваемых в установленном порядке»[465]. С «высочайшего соизволения» 14 декабря 1916 г. пункт Положения о средствах комитета был уточнен следующим образом: «средства комитета образуются из

постоянных и временных сборов, установленных в законном порядке, доходов от недвижимых имуществ, арендных статей и лотерей, ассигнований из казны и пособий от разных учреждений и обществ, пожертвований и отказов по завещаниям, а равно всякого рода случайных поступлений»[466]. Формально государственные средства являлись одним из многих источников обеспечения деятельности Татьянинского комитета. Сумма, из казны за первые полгода его деятельности, значительно уступала по размеру благотворительным пожертвованиям. По состоянию на январь – февраль 1915 г. комитет получил из казны 400 тыс. руб., тогда как «жертвы учреждений и частных лиц» (не считая 425 тыс. руб. от имени царской четы) составили 1005 тыс. руб., а выручка от благотворительной лотереи – 2 млн руб.[467] Помимо этого, пожертвования одеждой, бельем, сухарями и прочим исчислялись в сумме 980 тыс. руб.[468] Однако со временем государственные средства, поступавшие в распоряжение комитета, значительно превысили благотворительные пожертвования. По словам А. Б. Нейгардта, выступавшего на втором съезде представителей местных отделений в апреле 1917 г., с начала своего существования комитет получил из казны 68 тыс. 166 руб., тогда как все благотворительные пожертвования составили 12 млн 626 тыс. 772 руб. Деньгами и до 500 тыс. руб. вещами[469]. По существу, обладая статусом благотворительной общественной организации, он выступал в роли структуры, распределявшей государственные средства. Но сотрудники местных отделений комитета решали множество сложнейших задач по приему, обустройству, обеспечению всем необходимым беженцев, выполняя свою работу на добровольной безвозмездной основе. Благотворительные пожертвования комитету, уступая по размеру ассигнованиям из казны, были, тем не менее, существенными и служили важным подспорьем в решении стоявших проблем. Как и другие благотворительные структуры под покровительством дома Романовых, действовавшие в масштабах страны, Татьянинский комитет фактически решал государственную задачу в области социальной политики.

Для обсуждения путей ее решения, в мае 1915 г. в Петрограде состоялось совещание, в котором участвовали представители 22 открытых к тому времени губернских отделов комитета, 17 губерний и 3 градоначальств, на территории которых предполагалось открыть новые отделы, а также представители общественных благотворительных организаций и частные лица – всего 130 человек. В итоге дискуссии был сделан вывод: призрение мирного населения, лишившегося в результате военных действий средств к существованию (включая потерю

единственного кормильца), должно взять на себя государство. Но для этого следовало, как минимум, скоординировать деятельность всех структур, занимавшихся помощью беженцам, под управлением какого-либо государственного учреждения. Однако о подчинении Татьянинского комитета любому госучреждению или умалении его роли не могло быть и речи. Он считался не государственной, а общественной организацией. Исходя из этого, «соединенное собрание «…признало необходимым, чтобы комитету ее высочества был придан характер государственного установления постоянного типа, приближающегося по своему устройству к главному Управлению Российского общества Красного Креста»[470]. Но Красный Крест тоже являлся общественной организацией, фактически выполнявшей государственные задачи. В указанном случае речь шла о том, чтобы Татьянинский комитет стал главным общегосударственным органом по призрению беженцев, получив от власти все необходимые полномочия, но при этом сохранил независимость от других государственных установлений и свой статус.

Увеличение в 1915 г. потока беженцев из западно-русских и прибалтийских губерний потребовало от государства дополнительных мер по их приему и обустройству. Усилий Татьянинского комитета было недостаточно. Законом от 30 августа 1915 г. «об обеспечении нужд беженцев» их призрение прямо возлагалось на Министерство внутренних дел. Но предусматривалось участие в этом важном деле земств, городских общественных управлений, общественных организаций и частных лиц. «заботы по обеспечению материальных и духовных нужд беженцев возлагаются, – говорится в Положении об обеспечении нужд беженцев, включенном в закон, – в порядке мер государственного попечения… на Министерство внутренних дел, Главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов и градоначальников, на земские учреждения и городские общественные управления и на местные комитеты»[471]. Положение предписывало представителям государственной власти «приглашать к широкому с ними сотрудничеству в деле обеспечения нужд беженцев общественные и частные учреждения, осуществляющие однородные с этим делом задачи, отдельных лиц обоего пола, желающих облегчить положение беженцев, и вообще все местные общественные силы»[472].

Для обсуждения всех вопросов, связанных с помощью беженцам, при МВД создалось особое совещание по их устройству, получившее статус «высшего государственного установления». В его состав вошли представители Госсовета,

думы, представители министерств – военного, иностранных дел, финансов, народного просвещения, торговли и промышленности, путей сообщения, главного управления землеустройства и земледелия, кавказского наместничества, Управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части, главноуполномоченные по устройству беженцев, представители российского Красного Креста, земского и городского союзов, а также национальных общественных благотворительных организаций, оказывавших помощь беженцам своих диаспор. Представительство общественных организаций в государственном «установлении» было, как видно, более широким, чем в центральном управлении Татьянинского комитета.

Принятие закона о помощи беженцам привело к тому, что в России образовались две структуры по оказанию социальной поддержки этой категории лиц – Татьянинский комитет и Министерство внутренних дел с особым совещанием. Закон не лишал полномочий Татьянинский комитет, но и не оговаривал конкретно порядок его взаимодействия с МВД и особым совещанием. В этой ситуации более продуктивным было бы включение представителей комитета в состав совещания и использование созданных к тому времени отделений для организации общегосударственной помощи беженцам на местах. Однако Татьянинский комитет считал необходимым сохранять, как и прежде, самостоятельность. В циркуляре, направленном комитетом 11 октября 1915 г. местным отделениям и сотрудничавшим с ними национальным организациям, указывалось: «Хотя беженцы и входят в общее число лиц, пострадавших от военных бедствий, но многие категории таковых пострадавших вовсе не бежали из-под своего постоянного крова, а бедствуют от войны в пределах внутренней России или же в областях ее, ныне занятых врагом. Комитет оказывает помощь и им, из чего приходится заключить, что рамки комитетской помощи всем пострадавшим от войны значительно шире рамок, указанных законом 30 августа для правительственной помощи исключительно только беженцам»[473]. Так обосновывалась целесообразность сохранения Татьянинского комитета.

В то же время в циркуляре отмечалось: «Правительственный паек беженца, т. е. кров и пища его, не может рассматриваться как акт благотворительности, – это задача государства и круг деятельности его органов»[474]. Всем учреждениям, занимавшимся призрением беженцев, рекомендовалось обращаться за средствами в МВД. Местным отделам комитета предлагалось установить «возможно более тесное взаимодействие» с государственными и общественными структурами, оказывавшими

помощь беженцам, но уточнялось, что они «отнюдь не должны с ними сливаться»[475]. В циркуляре можно усмотреть ведомственный эгоизм, однако следует учитывать, что центральное управление комитета не могло принимать решения об изменении его статуса. Ни от императора, ни от имени великой княжны Татьяны Николаевны не поступало никаких официальных письменных распоряжений о том, как комитету следует действовать в данной ситуации, однако было очевидно, что императорская фамилия не согласится на подчинение подведомственной ей структуры какому-либо государственному органу.

Для Дома Романовых важен был именно патерналистский, если так можно выразиться, семейный характер призрения. Кроме того, негосударственный статус комитета позволял широко привлекать к его работе общественность. Таким образом речь могла идти только о взаимодействии Татьянинского комитета как самостоятельной структуры с государственными учреждениями. В конечном счете, разумный компромисс был достигнут на уровне местных отделений комитета. В одних случаях они передавали часть своих функций МВД, земствам и городским общественным управлениям, в других – продолжали работу как прежде, объединяя на уровне губерний всю деятельность по оказанию помощи беженцам, взаимодействуя как с общественными организациями, так и со структурами, подчиненными МВД.

Практически вся работа Татьянинского комитета по приему, устройству, обеспечению беженцев средствами к существованию, включая поиск работы для трудоспособных, выполнялась силами местных отделов и отделений. В Петроградской губернии отдел Татьянинского комитета был открыт 1 августа 1915 г. Его возглавил петроградский губернатор А. П. Сабуров. В состав комитета вошли предводитель дворянства С. М. Сомов, председатель губернской земской управы Е. И. Яковлев, чиновники, представители земств и городских общественных управлений, уездные предводители дворянства и другие лица.

В составе членов Петроградского губернского отдела Татьянинского комитета и его уездных отделений преобладали представители общественности. По данным на 1 января 1917 г., из 3586 членов губернского отдела и уездных отделений 969 человек (27 %) состояли «на правительственной службе», 200 человек (6 %) являлись представителями духовенства и 1417 человек (67 %) от общего числа членов отдела и уездных отделений представляли различные общественные организации.

Одновременно с Петроградским губернским отделом начали действовать и другие уездные отделения: Царскосельское,

Лужское, Петергофское, Ямбургское, Нарвское и Петроградское уездное. Вскоре открылись Гдовское, Новоладожское и Шлиссельбургское уездные отделения[476]. В свою очередь, они могли создавать с согласия губернского отдела, если считали это необходимым, свои отделы. Свои отделы были организованы Царскосельским уездным отделением. Александровский отдел занимался призрением беженцев в Пулковской волости. Вырицкий оказывал помощь в поселках при железнодорожных станциях «Вырица», «Поселок», «Сусанино», «Семрино» и в ряде деревень гатчинской, рождественской и Лисинской волостей. Гатчинский волостной отдел призревал беженцев в городе и большинстве деревень, а также в Мозинской волости. Колпинский – помогал беженцам в городе и волости, красносельский – заботился о беженцах в красносельской, Дудергофской и Старосквoрицкой волостях. В районе станций «Саблино» и «Поповка» николаевской железной дороги проблемами этих людей занимался Саблинский отдел. Беженцы в рождественской волости за исключением нескольких деревень получали помощь от Сиверского отдела, Сосницкий – призревал беженцев в пределах одноименной волости. В Лисинской и Тосненской (за исключением нескольких деревень) волостях они находились под опекой Тосненского отдела. Федоровский отдел оказывал помощь беженцам в своей волости. В августе – октябре 1915 г. существовал Царскосельский городской отдел уездного отделения. За организацию помощи беженцам на окраинах отвечал уполномоченный Царскосельского уездного отделения, настоятель здешнего собора Беляев.

Местные отделы Татьянинского комитета, как правило, не располагали собственными финансами. Деньги выделялись им центральным управлением. В свою очередь, губернские отделы выделяли средства уездным отделениям в зависимости от стоявших перед ними задач по оказанию помощи беженцам. Например, в 1915 г. Петроградское уездное отделение сообщило в губернский отдел, что сотрудничавшее с ним уездное земство разместило 75 беженцев и выделило еще 700 мест для их проживания беженцев, приспособив для этого уездные училища. Но средств содержать беженцев у отделения не было. Посчитав предполагаемые расходы на питание, посуду и прочие вещи, необходимые для устройства быта этих людей, Петроградское уездное отделение ходатайствовало перед губернским отделом о выделении не менее 2500 руб. на текущий год. Губернский отдел испрашивал средства у центрального управления Татьянинского комитета «в виду отсутствия в распоряжении отдела каких-либо денежных сумм»[477]. С подобными просьбами обращались и

другие отделения Петроградской губернии. С момента создания этого отдела Татьянинского комитета по 1 января 1916 г. уездным отделениям для оказания помощи беженцам были выделены следующие суммы: Петроградскому уездному – 8 тыс. руб., Гдовскому – 2 тыс. руб., Лужскому – 60 тыс. руб., Новоладожскому – 1,5 тыс. руб., Петергофскому – 3 тыс. руб., Царскосельскому – 55 тыс. руб., Шлиссельбургскому – 6 тыс. руб., Ямбургскому – 1 тыс. руб., Нарвскому – 9 тыс. руб.[478] Затраты губернского отделения на канцелярию и прочие расходы, не связанные с призрением беженцев, составили за тот период менее 300 руб.

Соединенное собрание Татьянинского комитета признало желательным, «чтобы помощь, оказываемая различными учреждениями лицам, пострадавшим от военных бедствий, была организована по принципу трудового начала, виды и способы которого зависят всецело от местных условий»[479]. Такая организация помощи трудоспособным беженцам давала им возможность хотя бы частичного самообеспечения и была менее затратной для государства и благотворителей. Этот принцип был взят за основу Татьянинским комитетом и в Петроградской губернии. Но, как отмечается в очерке деятельности Петроградского отдела Татьянинского комитета за период с 1 августа 1915 г. по 1 января 1916 г., «в виду преобладания между беженцами детей и лиц нетрудоспособных», отделениям приходилось оказывать помощь «не трудовую, а благотворительную, главным образом, путем бесплатного кормления нуждающихся беженцев и их семейств»[480]. (Под благотворительностью понималось такое призрение, при котором сами нуждающиеся не могли ничего предпринять для улучшения своего положения.) Помимо трудовой помощи и организации бесплатного питания для всех беженцев требовалось обеспечить элементарные бытовые условия проживания, чтобы избежать эпидемий и заболеваний. Местные подразделения Петроградского отдела Татьянинского комитета решали весь комплекс сложнейших задач, связанных с призрением беженцев. Наибольшее их количество обосновалось на территориях, находившихся в ведении Царскосельского и Лужского уездных отделений. Царскосельское отделение, на территории которого к концу 1915 г. находились более 7000 беженцев, привлекало трудоспособных к работам по заготовке леса. В уезде для беженцев были организованы пункты питания, столовые, кухня, хлебопекарня и склады продуктов, для лечения использовались приемный покой, амбулатория, для проживания создали несколько «убежищ». Дети беженцев получили возможность

обучаться в местных учебных заведениях за счет Царскосельского отделения, кроме того, во взаимодействии с национальными организациями были созданы несколько новых начальных учебных заведений. Для маленьких детей был организован приют-ясли. Петроградский губернский отдел Татьянинского комитета полагал, «что все это очень хорошо обслужено и действует в полной исправности, вполне соответствуя своему предназначению»[481].

Как отмечал Петроградский губернский отдел Татьянинского комитета, его местным структурам «была предоставлена полная самостоятельность и возможность применяться к местным условиям, благодаря чему живая деятельность отделов отличалась большим разнообразием в способах оказания помощи беженцам»[482]. Это проявлялось и во взаимодействии местных отделений и отделов с общественными организациями, оказывавшими помощь беженцам, в том числе, национальными. На территории Петрограда и Петроградской губернии действовали, не считая губернского отдела Татьянинского комитета, 59 различных общественных организаций, оказывавших помощь беженцам, и ряд их отделений в городах и уездах. Около половины этих организаций имели национальный или конфессиональный характер, действовали комитеты и общества по оказанию помощи беженцам – полякам, евреям, литовцам, латышам, эстонцам, армянам, католикам и мусульманам. В частности, латышам оказывали помощь шесть благотворительных организаций, подчинявшихся Латышскому центральному комитету по оказанию помощи беженцам[483]. Взаимодействие подразделений Петроградского губернского отдела Татьянинского комитета с национальными и другими организациями, оказывавшими помощь беженцам, осуществлялось, исходя из потребностей и возможностей. В Царскосельском уезде земство задействовало все свои учреждения и медицинский персонал, принимало участие в организации швейных мастерских для обеспечения беженцев заработком. Колпинский отдел направлял нуждающихся в больницу Ижорского завода. В обеспечении беженцев питанием, одеждой и обувью содействовал здешний епархиальный комитет, комитет служащих Ижорского завода и местный комитет всероссийского союза городов. В январе 1916 г. Царскосельским уездным отделением совместно с земством был организован сбор пожертвований на нужды призрения беженцев, давший 3246 руб. 86 коп.[484]

Лужское отделение Петроградского отдела также организовало для трудоспособных лесозаготовительные работы,

но позже их заменили военнопленные. Прочие формы помощи беженцам осуществлялись в широком взаимодействии с общественными организациями социальной помощи, в том числе национальными. Под убежище для беженцев в Лужском уезде был отдан местный дом трудолюбия, при котором действовала столовая. Позже это отделение открыло еще две столовые для беженцев. Здешнее отделение взяло на себя большую часть расходов по содержанию учреждений Польского общества помощи жертвам войны – детского сада, школы и двух начальных училищ. Кроме того, была оказана денежная помощь санитарно-питательной секции этого общества. Лужское отделение оказывало помощь отделу Латышского общества «родина», выдавая деньги на организацию материальной поддержки беженцев-латышей и оплату их жилья. Когда к концу 1915 г. местный отдел «Родины» был вынужден прекратить свою деятельность из-за нехватки собственных средств, Лужское отделение выделило ему 1500 руб.[485] Средства от Лужского отделения получало Литовское общество, которому выдавались субсидии на оказание денежной помощи беженцам-литовцам. На территории гатчинского отделения действовал приют для беженцев, созданный на средства Красного Креста, которому выдавались «в случае необходимости… как небольшие денежные пособия, так и различные вещи»[486]. Петроградским уездным отделением в одноименном уезде были созданы общежитие для беженцев и столовая, в которой ежедневно выдавались обеды на 900 человек. Помещения под общежития были предоставлены уездным земством. Беженцам, проживавшим вне общежития, выплачивались денежные пособия «на наем квартиры и отчасти на прокормление»[487]. Петроградским отделением было также организовано детское общежитие на 150 человек.

В Петроградскую губернию, находившуюся в относительной близости от фронта, беженцы прибывали непрерывно, и многие передвигались далее – вглубь страны. Губернский отдел Татьянинского комитета отмечал, что «Петроградская губерния сама по себе не прокармливает (беженцев. – *Прим. авт.*) и потому не может служить такой местностью, куда вообще могли бы быть в большом числе направляемы беженцы. Незначительное число беженцев, несмотря на сравнительную близость к театру военных действий и удобство путей сообщения, именно тем и объясняется, что эвакуации беженцев в пределы Петроградской губернии до сих пор не было и все находящиеся в губернии беженцы являются прибывшими сюда по собственному усмотрению»[488]. В результате, говорится в очерке, деятельность отдела и уездных отделений комитета в губернии носит «в общем характер скорее

временного, чем постоянного воспособления беженцам, преследуя при этом… во всех возможных случаях, начала трудовой помощи»[489]. Деятельность Петроградского губернского отдела осложняло то, что число беженцев на подведомственной территории было неизвестно. Здесь организовали регистрацию беженцев, но она была неточной. Дело затруднялось тем, что эти люди постоянно перемещались в другие места. Тем не менее, к началу 1916 г. Татьянинский комитет зарегистрировал в Петроградской губернии, исключая Петроград, 20 337 беженцев, из них – 9060 детей[490]. «Цифры эти лишь приблизительны, – говорится в очерке деятельности Петроградского отдела комитета, – и составлены на основании сведений полиции, а не отделений комитета, так как последние еще не окончили работы по предпринятой регистрации беженцев»[491].

Для того, чтобы установить, сколько всего беженцев находилось в Петрограде, Татьянинский комитет принял решение провести перепись этих людей в столице 29 февраля 1916 г. К тому времени были разработаны формы специальных документов, порядок их заполнения и учета. В комплект входили собственно регистрационная карточка беженца (регистрационный листок), конверт для карточек и ведомость на каждый дом, которая должна была заполняться «заведывающим» домом или дворником. На конверте, в который следовало вкладывать карточки, имелись реквизиты Татьянинского комитета и особого отдела по регистрации беженцев, надпись «однодневная перепись беженцев в г. Петрограде и пригородах». Конверт также содержал графы для заполнения: часть, участок, улица (площадь, переулок), номер дома и квартиры. Кроме того, на конверте содержалась надпись, разъяснявшая смысл акции: «Перепись производится для пользы самих беженцев, и потому всем беженцам следует давать о себе полные и точные сведения. На каждое лицо, даже грудного ребенка, составляется отдельный листок». Третьим документом была, так называемая, домовая ведомость – бланк с реквизитами Татьянинского комитета, особого отдела по регистрации беженцев и надписью «Перепись беженцев в гор. Петрограде и пригородах 29 февр. 1916 г.». Домовая ведомость содержала графы: часть, участок, улица (площадь, переулок), номер дома, квартиры и сведения о количестве листков, заполненных при переписи в квартирах данного дома. Документы переписи были изображены на плакате, который содержал обращение от Татьянинского комитета «к беженцам», подробно разъяснявшее смысл переписи. Эти плакаты расклеивались в Петрограде.

Обстоятельно продумана была и «технология» переписи. В

участковые управления 22 февраля были доставлены все перечисленные виды документов для проведения акции. Заранее проинструктированные околоточные надзиратели должны были до начала переписи раздать регистрационные материалы. Переписью были охвачены все дома в городе. В те из них, где по имевшимся сведениям проживали беженцы, документы направлялись с учетом количества этих людей, в остальные – по одному регистрационному листку на каждый дом. Конверты выдавались в те дома, где проживали беженцы. В один конверт следовало вкладывать три листка. Их должны были заполнять сами беженцы или администраторы домов (если беженцы были неграмотны). Собранные документы администраторы или дворники проверяли по домовым книгам. Если сведения не совпадали, листки составлялись повторно, на основании домовой книги. Затем на основании данных с листков заполнялась домовая ведомость, которую вместе с конвертами дворники должны были сдавать сотрудникам Татьянинского комитета 5 и 6 марта.

Для того чтобы перепись прошла без сбоев, были разработаны «Правила для домовой администрации при производстве переписи». В результате было установлено, что в Петрограде и ближайших пригородах проживали 100 704 беженца, из них – 24 911 детей[492]. Выяснилось также, что почти 68 000 человек были полностью или частично трудоспособными, как тогда выражались – в «рабочем» и «полурабочем» возрасте, то есть от 14 до 55 лет и старше. Этим Петроград отличался от уездов губернии, где большей частью концентрировались нетрудоспособные беженцы. Изучив результаты петроградской городской переписи, особый отдел Татьянинского комитета пришел к выводу, что высокий процент трудоспособных беженцев в северной столице обусловлен «…большой потребностью Петрограда в рабочей силе. Представляя из себя хороший рынок, Петроград привлекает к себе работоспособный элемент беженцев как место для приложения труда»[493].

Трудоспособные беженцы, в особенности семейные, также нуждались в помощи, и Петроградский отдел не ослаблял внимания к ним. Для медицинского обследования этих людей в северной столице был открыт при содействии благотворительного общества «народная помощь», так называемый, обсервационно-распределительный пункт, а при помощи общества в память Н. И. Пирогова – детская больница[494]. Для временного проживания беженцев в городе комитетом были созданы убежище из трех квартир на 22 комнаты и богадельня. Еще одну богадельню открыли на станции «дачное». Татьянинский комитет

предназначался для помощи гражданскому населению, но в ряде случаев оказывал ее и военным – в Петрограде, к примеру, создал убежище на 30 фронтовиков – инвалидов, которые не могли вернуться в места своего проживания, находившиеся на оккупированной территории[495].

Призрение детей беженцев, как в уездах, так и в столице, выражалось в устройстве их в учебные заведения за счет комитета и в материальной помощи различным благотворительным организациям, в том числе национальным. В частности, обществу охранения здоровья еврейского населения «на содержание очагов, детских столовых, пунктов молочного питания, на питание школьников и на врачебно-санитарную помощь» были направлены 35 тыс. руб., всероссийскому обществу попечения о беженцах в Петрограде «на удовлетворение духовных и школьных нужд беженцев» – 50 тыс. руб., всероссийскому попечительству об охране материнства и младенчества – 22 500 руб., обществу защиты детей от жестокого обращения – 27 тыс. руб., обществу памяти Н. И. Пирогова на «оборудование детской заразной больницы в Петрограде» – 13 тыс. руб., обществу помощи бесприютным и беспризорным детям призванных на войну «на содержание приютов для детей беженцев в Петрограде» – 7600 руб.[496] Кроме того, 176 тыс. руб. были выделены для организации помощи беженцам Петроградскому Литовскому обществу и 36 700 руб. римско-католическому обществу охранения женщин[497].

Нет никаких сведений о том, чтобы в Петроградской губернии между структурами Татьянинского комитета и взаимодействовавшими с ними государственными органами и общественными организациями возникали какие-либо трения. Но на общегосударственном уровне объединению усилий по призрению беженцев мешала не только ведомственная несогласованность, но и политические причины.

Независимо от Татьянинского комитета помощь пострадавшим от войны начал оказывать объединенный отдел по устройству беженцев земского и городского союзов. Представители союзов входили в состав особого совещания при МВД, однако союзы действовали самостоятельно, в том числе в вопросах помощи беженцам. Для упорядочения их эвакуации из районов военных действий отдел создавал так называемые отряды проводников. Они встречали, сопровождали и размещали этих людей. Силами городского союза для беженцев были организованы пункты питания. По данным отдела, к началу 1916 г. было сопровождено около 1 000 000 человек. На пунктах питания беженцам раздали 8 642 676 порций еды[498]. Земский и

городской союзы были открыты для сотрудничества с другими структурами, занимавшимися призрением беженцев. Однако налаживанию таких контактов мешали политические обстоятельства.

Земский и городской союзы оказались вовлечены в политику, поскольку создавшие их общественные силы являлись реформистской оппозицией самодержавию. Союзы были связаны с прогрессивным блоком – объединением реформистской оппозиции в государственной думе, сформированным в августе 1915 г. В сентябре на своих съездах земский и городской союзы поддержали ее требование об образовании «ответственного министерства». Углубление социально-политического кризиса в России и обострение политической борьбы привело к тому, что в декабре 1916 г. съезды земского и городского союзов были фактически разогнаны властями. Отсутствие понимания между государством и общественными организациями мешало налаживанию взаимодействия в деле помощи беженцам. Необходимым условием их призрения было создание системы регистрации в общегосударственном масштабе. Учет беженцев, помимо Татьянинского комитета, начали осуществлять земский и городской союзы. Они признавали приоритет комитета в этой работе, поскольку соответствующий отдел союзов располагал «скудными силами», гораздо меньшими «в сравнении с персоналом Татьянинского бюро»[499]. Сам Татьянинский комитет не требовал от этих союзов прекратить регистрацию или передать ему эти функции – такая позиция могла оттолкнуть от сотрудничества с ним влиятельные общественные круги. Однако МВД в ультимативной форме потребовало от земского и городского союзов прекратить регистрацию беженцев. В ноябре 1915 г. министр направил в их адрес письмо, в котором указывалось: «…параллельная работа нескольких однородных учреждений нарушает… правильность и быстроту регистрации»[500], требовалось принять меры «к прекращению предпринятой всероссийскими земским и городским союзами регистрации беженцев»[501]. Со стороны союзов это вызвало недоумение. Работа беженского отдела была в полном разгаре и выполнение этих требований означало ее развал. Земцы считали, что в этом вопросе можно работать совместно, полагая, что «… параллелизм – не конкуренция работы двух обширных учреждений и вряд ли может быть признан вредным и обременяющим казну»[502]. Но под давлением МВД союзы все-таки передали дело регистрации беженцев в ведение Татьянинского комитета.

Весной 1915 г., когда поток беженцев усилился, в структуре

Татьянинского комитета был создан особый отдел по регистрации беженцев. Его задачами были регистрация осевших и проходящих беженцев и розыск лиц, потерявшихся при эвакуации. Отдел информировал о своем возникновении в печати и с помощью плакатов, разосланных по губерниям и городам. Главным исполнительным органом отдела было Центральное всероссийское бюро по регистрации и розыску беженцев, состоявшее из делопроизводств (соответственно-регистрационного, розыскного и справочного). В дополнение были созданы Бюро справок для лиц, пострадавших от военных действий, Бюро сношений с местностями, занятыми неприятелем и отделение, занимавшееся регистрацией беженцев в Москве и московской губернии. Московское отделение было создано на основе регистрационно-справочной службы земского и городского союзов. После принятия решения о передаче регистрации беженцев Татьянинскому комитету, земский и городской союзы организованно передали ему и свою инфраструктуру для осуществления этой работы и имевшиеся материалы.

Роль Петроградского отдела выполняло Центральное всероссийское бюро по регистрации и розыску беженцев, находившееся в северной столице. Число лиц, обращавшихся сюда со своими проблемами, постоянно росло. В сентябре 1915 г. здесь получали до 150 писем в день, а в ноябре уже до 2000[503]. Кроме того, десятки людей приходили непосредственно в бюро. В 1916 г. число таких посещений возросло до 70 в день и держалось на этом уровне[504].

Для того чтобы справиться с таким количеством запросов, необходима была хорошо организованная система регистрации и поиска. Татьянинский комитет сумел ее создать. Были разработаны специальные формы документов. Регистрационная карточка представляла собой листок, в котором указывались фамилия, имя, отчество, возраст, национальность, род занятий или источник средств к существованию и место жительства в мирное время и в статусе беженца. Регистрационный список – бланк на 25 человек. Он предназначался для сплошного учета беженцев, осевших и оседающих в той или иной местности и содержал сведения о времени, месте заполнения и об учреждении, составлявшем его. На каждого из 25 беженцев в список заносились сведения, включавшие фамилию, имя, отчество, возраст, национальность (народность), профессию, место прежнего постоянного жительства и место настоящего пребывания. Последняя графа содержала в виде примечания сведения, которые не укладывались в другие. Вопросная ведомость представляла собой бланк, куда заносились только те

беженцы, которые разыскивали кого-либо из потерявшихся при эвакуации.

К началу 1916 г. Центральное всероссийское бюро разослало на места регистрационный материал на 4 000 000 беженцев. Уже во второй половине декабря 1915 г. поступили сведения на 1 000 000 осевших беженцев[505]. Колоссальное количество сведений и запросов необходимо было систематизировать. С этой целью в Бюро составлялись и хранились розыскные регистрационные карточки на беженцев. Они были трех видов и разного цвета. Белая карточка составлялась на беженца, если разыскивавшее его лицо само являлось беженцем, зеленая – на разыскиваемого, красная – на умершего. Каждая карточка содержала сведения о разыскиваемом: фамилию, имя, отчество, возраст, национальность, профессию, место прежнего постоянного жительства с точностью до года, волости или местечка, когда и где затерялось разыскиваемое лицо. В красной карточке вместо сведений о том, когда и где лицо затерялось, указывалось время и место смерти. Карточки хранились в алфавитном порядке по губерниям.

Большое количество запросов о потерявшихся детях привело к необходимости создания системы их поиска и регистрации. На ребенка составлялась особая карточка, содержавшая вопросы, облегчавшие поиск: что известно о родителях и родственниках со слов ребенка и со слов доставившего его лица, при каких обстоятельствах ребенок потерялся, указывались его особые приметы. На местах для поиска детей подразделениями Татьянинского комитета проводились переписи детей-беженцев. В Петрограде и его окрестностях перепись детей-беженцев в возрасте до 15 лет была проведена в декабре 1915 г.[506] К концу сентября 1916 г. в особом отделе имелись сведения на 10 696 детей. Были найдены и возвращены родителям 2797 детей[507]. С целью облегчения розыска потерявшихся беженцев, как взрослых, так и детей, Центральное бюро приступило к составлению фотоальбомов, предложив местным отделам и отделениями комитета фотографировать беженцев и присылать снимки. Однако для этого не везде имелись возможности.

Помимо регистрации и поиска беженцев – физических лиц – особый отдел организовал регистрацию эвакуировавшихся учреждений и должностных лиц, их представлявших. С этой целью направлялись запросы к эвакуированным губернаторам, окружным судам, отделениям госбанка и др. На 1 января 1916 г. Центральное бюро имело сведения о местонахождении 3000 эвакуированных учреждений[508]. Кроме регистрации и поиска беженцев и учреждений, бюро пересылало денежные переводы

беженцам, принимало обычную корреспонденцию до востребования им адресованную и затем направляло ее к местам установленного их пребывания, разыскивало утерянный багаж и т. д.

Поддержка власти, широкие полномочия, крупные государственные средства позволили Татьянинскому комитету в сравнительно короткий срок развернуть призрение беженцев в масштабах страны. Этому способствовала и широкая общественная поддержка его деятельности, участие в работе отделов и отделений.

Свержение монархии в России поставило вопрос о дальнейшей судьбе Татьянинского комитета. Благотворительные ведомства, действовавшие под покровительством дома Романовых, продолжили свое существование, поскольку и новая власть в лице временного правительства, и общественность сознавали необходимость их сохранения хотя бы до создания новой системы призрения. Положение Татьянинского комитета было менее определенным, поскольку такие же функции выполняли особое совещание по устройству беженцев при МВД и его местные подразделения.

В начале марта 1917 г. комитет предпринял шаги по установлению контактов и достижению взаимопонимания с новой властью. А. Б. Нейгардт встретился с министром-председателем временного правительства князем Львовым. Глава комитета, по его словам, готов был согласиться с ликвидацией этой структуры, если временное правительство признает ее «нежелательной». «для новых песен, наверное, потребуются и новые птицы»,[509] – заметил он. Львов высказался против ликвидации Татьянинского комитета, который «сделал уже так много пользы жертвам войны», и заявил, что «временное правительство просит его деятелей продолжать их работу»[510]. Татьянинский комитет сохранился, но его финансы были поставлены под контроль особого совещания по устройству беженцев. Оно «признало нужным» обсуждать сметы региональных отделений комитета в губернских и городских совещаниях по устройству беженцев. Центральное управление комитета получало средства не непосредственно от совета министров, как до революции, а от особого совещания по устройству беженцев.

Поддержка временного правительства не исключала проблем во взаимоотношениях Татьянинского комитета с организациями, участвовавшими в оказании помощи беженцам. Выяснилось, что земский и городской союзы не забыли истории с передачей полномочий по регистрации беженцев. В апреле 1917 г. на съезде земского союза было выдвинуто требование о «немедленном

закрытии Татьянинского комитета и о передаче его работы и всех учреждений в беженские комитеты…»[511]. Более того, представитель союза городов в особом совещании по устройству беженцев Гердт заявил, что «Татьянинский комитет был учрежден с вполне определенной целью захватить деятельность всероссийского земского союза и забрать его учреждения, поэтому он… является учреждением антиобщественным»[512]. Высказывание это встретило, однако, возражения представителей национальных организаций, входивших в состав особого совещания, которые «все в один голос и весьма категорически опровергли его необоснованные взгляды»[513]. В некоторых регионах представители земского и городского союзов потребовали передать им делопроизводство и средства отделений Татьянинского комитета. В этих условиях деятельность ряда его подразделений пришла в расстройство, на местах высказывались мнения о целесообразности ликвидации комитета как самостоятельной организации. Чтобы прояснить ситуацию, Нейгардт 15 марта 1917 г. направил всем местным отделениям циркуляр, извещавший их о том, что временное правительство уполномочило комитет «продолжать деятельность, каковая и в отделениях имеет впредь протекать по установившемуся уже на местах порядку»[514]. Татьянинский комитет выражал полную поддержку временному правительству, содействие которому объявлялось «священной обязанностью». Поскольку после свержения монархии сохранить прежнее название не представлялось возможным, Татьянинский комитет, «согласно с его первоначальным назначением», переименовывался в «комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий»[515]. Вместе с тем, в циркуляре уточнялось, что в «общежитии», то есть в неофициальных обстоятельствах, комитет «продолжает временным правительством, прессой, учреждениями и частными лицами называться Татьянинским комитетом»[516].

Для того чтобы определить направления и формы взаимодействия Татьянинского комитета с властью и обществом в новых условиях, его Центральное управление собрало представителей местных отделений на съезд, который состоялся 16–19 апреля 1917 г. на нем присутствовали представители 42 местных отделений и национальных организаций – Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны, Латышского центрального комитета по оказанию помощи беженцам, западно-русского общества и комитета помощи бедным семействам армян и бедствующему армянскому населению, пострадавшему от военных бедствий. Съезд получил название «второго», так как первым считалось совещание

представителей комитета, состоявшееся в мае 1915 г.

Большинство делегатов аргументировано высказалось против упразднения комитета как самостоятельной организации и самоликвидации местных отделений. Главный довод – указания на то, что комитет действовал в тесной взаимосвязи с общественными организациями и за четыре года создал отлаженную систему помощи беженцам. Представитель Виленского губернского отделения Братовицкий в своем выступлении, в частности, сказал: «…и вот теперь после переворота (так выступавший назвал свержение монархии. – *Прим. авт.*) в отделение явилась масса беженцев и жертв войны с вопросом: в каком положении теперь будет дело оказания им помощи и будет ли комитет существовать в дальнейшем. В это время пришла из Петрограда бумага, что комитет будет продолжать свое существование. Когда я сообщил им об этом, все страшно обрадовались»[517]. Представитель минского губернского отделения Логоткин, отметив в своем выступлении, что его отделение работает «непосредственно на позициях под гром пушек, бомб и под аэропланами», заключил: «мы так сжились вместе со всеми слоями местного населения, что для нас настоящая перемена прошла почти незаметно. Отделение продолжает работать с тем лишь маленьким исключением, что взамен прежнего избран новый председатель, от нового правительства»[518].

Заслушав выступления делегатов, съезд пришел к выводу, что ликвидация возможна только в отношении тех отделений комитета, которые не смогли организовать эффективную работу по оказанию помощи беженцам. Прочие отделения, если этого требовали местные условия, должны были перестроить свою деятельность, но продолжить ее. В резолюциях съезда подчеркивалось, что «комитет всегда стремился, чтобы работа его отделений протекала при широкой гласности и под общественным контролем, для чего в составы отделений комитета привлекались местные общественные силы», и, «благодаря общественному характеру своей деятельности, весьма многие отделения комитета, снискав себе полное доверие населения и чутко прислушиваясь к запросам жизни, получили возможность широко развивать свою деятельность и создать огромную сеть разнообразных учреждений, работающих на благо ближнему»[519].

Исходя из этого, съезд постановил дальше развивать деятельность комитета и его отделений, «руководствуясь принципом демократизации своих учреждений», поскольку эта деятельность «важна для упорядочивания внутренней жизни

страны и явится еще более важной в будущем для ликвидации тяжелых последствий войны»[520]. В цифрах эта деятельность выглядела весьма внушительно. Татьянинский комитет с момента образования по 1 апреля 1917 г. на помощь беженцам направил 76 млн 151 тыс. 502 руб. 37 коп. Собственно отделения комитета и связанные с ним организации помощи беженцам, за исключением национальных, израсходовали 49 тыс. 385 руб. Кроме того, от Татьянинского комитета получили крупные средства национальные организации помощи беженцам: польские – 12 млн 346 тыс. руб., литовские – 3 млн 350 тыс. руб., армянские – 3 млн 194 тыс. руб., латышские – 2 млн 141 тыс. руб., русские – 2 млн 123 тыс. руб., еврейские – 1 млн 599 тыс. руб., грузинские – 173 тыс. руб., мусульманские – 5 тыс. 200 руб.[521]

Отделения комитета оказывали помощь 122 средним, 507 низшим, 38 профессиональным учебным заведениям, в которых обучались 40 782 беженца детского и юношеского возраста, и еще 1200 учебным заведениям, находившимся в ведении национальных организаций, где обучались 91 104 человека. Отделения Татьянинского комитета содержали 851 учреждение закрытого типа для беженцев (богадельни, приюты, общежития, ясли и т. п.), материально поддерживались 679 подобных учреждений, находившихся в ведении национальных организаций. В общей сложности от Татьянинского комитета получали помощь более 325 000 нетрудоспособных беженцев и беженцев-детей[522]. Эти цифры свидетельствуют о том, что за годы войны комитет стал неотъемлемым элементом системы социальной помощи мирному населению, пострадавшему от военных бедствий.

С победой большевиков структуры бывшего Татьянинского комитета, как и другие региональные подразделения благотворительных ведомств и комитетов под покровительством дома Романовых, перешли в подчинение местных советов там, где была установлена новая власть. На общегосударственном уровне полномочия всех прежних учреждений и организаций, осуществлявших помощь беженцам, перешли к Центральному правлению всероссийского союза беженцев, избранного на втором всероссийском съезде беженцев 25 ноября 1917 г. Правление разослало местным советам предложения назначить комиссаров или комиссии для установления «контроля над существующими старыми беженскими учреждениями… реорганизации этих учреждений на демократических началах путем привлечения к ним широких масс беженцев… создания на местах в уездах и городах беженских советов, избранных на общих собраниях или

съездах беженцев»[523]. Предполагалось передать этим советам право распоряжаться средствами, «ассигнуемыми» на нужды беженцев. «средства на обеспечение нужд беженцев должны быть черпаемы из государственных источников, – говорится в резолюции финансовой комиссии Правления союза беженцев, – для чего должна быть предусмотрена в смете государственных расходов особая статья по устройству беженцев, размер расходов (которой. – *Прим. авт.*) устанавливается фактическими статистическими данными о количестве и нужде беженцев»[524]. В условиях, когда прежняя государственность рушилась, а новая еще не установилась, эта резолюция выглядела не более чем благим пожеланием.

В Петрограде и Петроградской губернии помощь беженцам в форме выдачи продовольственных пайков продолжала оказываться, по крайней мере, до конца марта 1918 г., как явствует из циркуляра народного комиссариата внутренних дел, направленного 17 марта «губсовдепу». Документ предписывал прекратить выдачу беженцам пайков «вследствие затруднительного положения народной казны, и возникающих на почве выдаче пайков беженцам трений между последними и местными жителями, а также невозможности прожить на выдаваемый паек в виду мизерности его…»[525]. Можно предположить, что в выдаче пайков принимали участие и сохранившиеся на местах подразделения бывшего Петроградского губернского отдела Татьянинского комитета.

Еще одним направлением деятельности организованной благотворительности и призрения под покровительством императорской фамилии в годы войны стала помощь семьям призванных на войну. На общегосударственном уровне эта помощь координировалась Елисаветинским комитетом. В Петрограде и Петроградской губернии ее осуществлял созданный 11 августа 1914 г. Ольгинский Петроградский комитет, состоявший под почетным председательством второй дочери Николая II – великой княжны Ольги Николаевны. Он был учрежден Положением о Елисаветинском комитете как отделение последнего. Предполагалось также оказывать помощь семьям лиц, призванных из губерний великого княжества Финляндского. Собственно комитет состоял из председателя, двух его товарищей (заместителей), викарного епископа, представлявшего Санкт-Петербургскую митрополию, петроградских губернатора, градоначальника, губернского предводителя дворянства, городского головы, председателя губернской земской управы, управляющего казенной палатой, уездного воинского начальника, двух попечителей от Санкт-Петербургских городских

попечительств о бедных, а также «лиц, приглашенных в члены комитета ее высочеством»[526]. Состав Ольгинского комитета вошел 21 человек (11 – по назначению почетной председательницы, которая, надо полагать, руководствовалась мнением отца, а остальные являлись представителями городских попечительств о бедных и Попечительства о трудовой помощи). Вхождение в состав комитета представителей благотворительной общественности свидетельствует о том, что Ольгинский комитет, как и Татьянинский, с самого начала был ориентирован на широкое взаимодействие с нею. Фактически комитет был создан как Петроградское отделение Елисаветинского, но действовал «самостоятельно, по указаниям верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов»[527].

Деятельность Ольгинского комитета имела характер благотворительной помощи, осуществление которой зависело от средств, находившихся в его распоряжении. О финансовых средствах Ольгинского комитета в Положении не говорится. Но поскольку оно называет целью Елисаветинского комитета устройство и объединение благотворительной помощи, то и Ольгинский комитет должен был заниматься тем же. В пункте Положения, касающегося деятельности местных отделений Елисаветинского комитета, к которым фактически относился и Петроградский, указывается, что они могли оказывать помощь подопечным «в мере имеющихся средств»[528]. Собственными финансами Ольгинский комитет не располагал. Средства для обеспечения его деятельности поступали от верховного совета по призрению. Всего в период с 1 сентября 1914 г. по 1 ноября 1916 г. «ассигнования» от верховного совета составили 2 млн 076 тыс. 986 руб. 57 коп.[529] – две трети от всех средств, поступивших за это время в распоряжение комитета. От императрицы Александры Федоровны комитету были переданы 13 тыс. 3067 руб. 20 коп., и от лица почетной председательницы Ольги Николаевны – 129 тыс. 897 руб. 53 коп[530].

Первое заседание комитета состоялось 20 августа 1914 г. на нем определили задачи, в числе которых были: «…оказание помощи в районе своей деятельности частным лицам, общественным и частным учреждениям, преследующим одинаковые с комитетом цели, оказание помощи там, где до сих пор размер ее еще не удовлетворяет возникшие потребности, и обследование семейного и материального положения тех семей призванных, от которых поступают прошения»[531]. Комитет признавал, что «в первые месяцы своего существования не выходил из стадии подготовительной работы, выясняя те виды и

способы оказания помощи семьям лиц, призванных на войну, а также семьям раненых и павших воинов, которые в связи с установленным законом помощью в форме казенного пайка и в дополнение к этой помощи явились бы наиболее целесообразными»[532].

Помощь Ольгинского комитета адресовалась семьям «нижних чинов» – призванных из запаса солдат и унтер-офицеров, успевших к моменту мобилизации создать семьи. Законом от 25 июня 1912 г. о призрении нижних чинов и их семейств предусматривалась обеспечение последних, так называемым, казенным пайком. На каждого призреваемого полагалось «не менее одного пуда двадцати восьми фунтов муки, десяти фунтов крупы, четырех фунтов соли и одного фунта постного масла в месяц…»[533]. Детям, не достигшим пятилетнего возраста, продовольственное пособие выдавалось «в размере половины стоимости означенных продуктов»[534]. В законе не уточняется, какая мука и крупа, должны были выдаваться в пайке. Не указана и денежная стоимость пайка. Лишь оговаривается, что стоимость продуктов, входящих в паек, определяется по каждой местности отдельно до уезда и волости включительно губернскими или областными властями при участии представителей казенной и контрольной палат. С учетом того, что солдатский и унтер-офицерский состав русской армии формировался из представителей низших сословий, можно предположить, что в паек входили самые дешевые продукты, стоимость которых в предвоенных ценах едва ли могла превышать 2–3 руб. на взрослого человека. С началом войны в Петрограде и Москве казенный паек для членов семей мобилизованных был увеличен до 2,5 руб. на ребенка до пяти лет и до 5 руб. на взрослого[535]. Однако в условиях военного времени при постоянном росте цен и дороговизны жизни этих средств было недостаточно. Основываясь на мнении самих жителей Петрограда, а именно рабочих, проживавших в районе 17-го Петроградского попечительства о бедных, известный организатор и теоретик благотворительности и призрения С. К. Гогель пришел к выводу, что нуждающимися в помощи следует признать те семьи, в которых на одного человека приходится доход менее 10 руб.[536]. Семьи мобилизованных на войну, как правило, остававшиеся без кормильцев, как раз и относились к указанной категории. Гогель полагал, что, исходя из этого, стоимость казенного пайка следовало удвоить. Однако очевидно, что воюющему государству чрезвычайно сложно было найти средства для увеличения пайка в два раза. Нуждавшимся семьям мобилизованных в северной столице и столичной губернии оставалось либо самостоятельно изыскивать

дополнительный заработок, что не всегда удавалось, либо прибегать к помощи благотворителей. Поэтому поддержка со стороны Ольгинского комитета этой категории лиц была необходимой.

Ольгинский комитет объединил эти источники в форме трудовой помощи членам семей военнослужащих, как правило, женам, которая заключалась в предоставлении им работы за плату. Трудовая помощь стала основной формой деятельности комитета. Для ее осуществления 26 ноября 1914 г. была открыта оснащенная швейным оборудованием мастерская по изготовлению белья для военнослужащих. Желающие получить заработок могли пользоваться помещением и оборудованием, исходные материалы предоставлялись комитетом. Но желавших воспользоваться этим оказалось так много, что комитет обратился за помощью к городским петроградским и земским попечительствам о бедных в Петроградской губернии, предоставившим помещение для мастерских и оборудование. Кроме того, ряд мастерских был открыт уездными комиссиями комитета. 21 января 1914 г. в Петрограде открыли Центральный склад по приему и выдаче работы. Такая трудовая помощь оказывалась как постоянно, так и единовременно. Контингент пользовавшихся ею менялся, одни и те же лица могли прибегать к ней несколько раз через разные промежутки времени, мастерские и оборудование были загружены в зависимости от поступления заказов из интендантства, притока нуждавшихся в заработке. Общее число воспользовавшихся этой помощью за годы войны точно определить едва ли возможно. Швейная мастерская в Царском селе в период поступления крупного заказа от интендантства в 1915 г. могла предоставить работу 500 женщинам, мастерская комитета при 13-м Петроградском городском попечительстве о бедных в том же году во время выполнения такого заказа предоставила работу 554 лицам[537]. Если исходить из того, что в период максимальной загрузки заказами в столичной мастерской Ольгинского комитета могли получить работу до 500 человек, то можно сделать вывод, что такие производства в городе, а также в Ораниенбауме, Петергофе, Шлиссельбурге, Царском селе, Ямбурге и Нарве способны были единовременно принять несколько тысяч родственниц военнослужащих.

Тяжелое материальное положение многодетных жен и вдов фронтовиков привело руководство Ольгинского комитета к мысли о создании трудового дома, в которым нуждающиеся могли не только работать, но и получать иные виды помощи. Местом для создания такого дома был выбран район Киевской и

новой улиц, в котором проживало до 4000 семейств запасных, населенный «преимущественно чернорабочими, извозчиками и тому подобными лицами, не получающими ниоткуда пособия, кроме казенного пайка»[538]. Расположенное в этом районе 13-е городское попечительство о бедных не располагало достаточными средствами для организации трудовой помощи. Совместно с Ольгинским комитетом и были открыты швейная и картонажная мастерские, которые первоначально и составляли трудовой дом. Вскоре при нем комитет создал столовую для работающих женщин и их детей старших возрастов, которую единовременно могли посещать до 150 человек. Для малышей устроили кухню, где готовилось детское питание, и кроме того, созданы ясли, куда принимались дети в возрасте от 1 года до 10 лет. В две смены здесь находилось до 150 ребят.

Александро-Мариинский приют «Ясли». Вологда. 1890-е гг.

Пребывание в яслях было безвозмездным, а за обед и чай из заработка работавших женщин удерживались несколько копеек в день[539]. В самом здании трудового дома несколько квартир использовались в качестве общежития для семейств запасных. В здании также создали врачебный кабинет и приемный покой на две койки для оказания первоначальной медицинской помощи и амбулаторного лечения работавших в доме женщин и их детей. Для хронически больных детей работниц Ольгинский комитет в Териоках организовал приют-санаторий, который мог принять 32

ребенка[540]. Со времени основания трудового дома по ноябрь 1916 г. работавшими в нем женщинами были изготовлены 328 544 предмета на сумму 267 867 руб. (заработок женщин составлял в среднем 90 коп. в день), в яслях получили призрение 13 666 детей, в столовой выдали 60 255 обедов[541].

Помимо этого приюта Ольгинским комитетом были организованы: приют на 80 вакансий вблизи станции Плюсса, убежище-ясли на 50 вакансий в Петербурге, квартира-общежитие. Последняя была создана при помощи дамского благотворительно-тюремного комитета[542]. Ольгинский комитет также подыскивал вакансии в других детско-юношеских учреждениях приютского типа.

Трудовая помощь и призрение детей в стационарных учреждениях дополнялись такой формой помощи как снабжение нуждавшихся членов семей военнослужащих бельем, одеждой, обувью и прочим необходимым. Для сбора и распределения этих вещей в Петербурге в январе 1915 г. организовали склад. Вещи принимались от благотворителей, изготовлялись или закупались Ольгинским комитетом. Только за первые пять месяцев со склада выдали до 5000 различных предметов 615-и семьям запасных[543]. Вещевой склад также выполнял функцию распределения швейных машинок по мастерским Ольгинского комитета и сотрудничавших с ним городских попечительств о бедных. Еще одна форма помощи – выдача денежных «вспомоществований». К концу 1916 г. на пособия 21-му городскому попечительству о бедных, 19-ти земским попечительствам Петербургской губернии и другим сотрудничавшим с комитетом благотворительным организациям столицы и губернии были израсходованы 201 тыс. 206 руб. 52 коп.[544].

С начала войны помощь членам семей военнослужащих, призванных из Петербурга и столичной губернии, оказывалась децентрализовано, различными благотворительными организациями. Это затрудняло оказание помощи, и в 1916 г. Ольгинский комитет приступил к созданию системы учета и регистрации семей запасных, нуждавшихся в помощи. При канцелярии комитета был создан статистический отдел, куда поступали сведения о нуждавшихся семьях военнослужащих, обращавшихся как в учреждения комитета, так и в другие организации. К концу 1916 г. уже имелись сведения, полученные от 872 государственных и общественных организаций. На этой основе были составлены более 60 000 регистрационных карточек на семьи военнослужащих[545].

В планах Ольгинского комитета на 1917 г. было создание в Петрограде двух пунктов раздачи швейной работы на дом,

оборудования при охтинском механико-техническом училище литейной мастерской, в которой предполагалось обучать и обеспечивать работой детей из семей запасных. Реализация этих намерений фактически началась в конце 1916 г., как и составление смет для организации еще 4-х мастерских в Петрограде. Осуществлению проектов помешали политические события 1917 г. в Петрограде и России.

Ольгинский комитет по мере развертывания своей деятельности расширял и совершенствовал формы помощи нуждающимся. Первоначально предполагалось, что это будет трудовая помощь. Отдавая ей предпочтение, как главному направлению работы, комитет начал оказывать помощь питанием, одеждой и другими предметами, призревать детей в приютах, выдавать денежные субсидии сотрудничавшим с ним благотворительным организациям и учреждениям призрения. Это объективно привело к необходимости создания системы учета нуждающихся в помощи и получающих ее семей военнослужащих, формирования, говоря современным языком, базы данных.

Помощь Ольгинского комитета позволяла людям решать лишь самые насущные житейские задачи. Но в воюющей стране в условиях обострения социально-экономических проблем, инфляции, общего ухудшения уровня жизни большинства населения 90 копеек в день, заработанные в мастерской, дешевый обед, присмотр за малолетним ребенком в течение дня, бесплатные одежда и обувь позволяли избежать страданий от голода и холода десяткам тысяч женщин и детей, чьи мужья, братья и отцы защищали отечество. Всего за время своей деятельности с 1 сентября 1914 г. по 1 ноября 1916 г. комитет поставил на учет и оказал различную помощь 89 113 семействам воинов. Заработки и пособия получили 67 674 человека, 3353 были помещены в богадельни, приюты и больницы[546]. Гораздо большему числу людей была оказана амбулаторная помощь. В порядке трудовой помощи учреждениями комитета были изготовлены 12 825 309 различных предметов[547].

По своему организационно-правовому устройству, порядку финансирования и принципам деятельности Татьянинский и Ольгинский Петроградский комитеты были сходны с другими благотворительными ведомствами и комитетами дома Романовых. Новой чертой в деятельности двух «именных» организаций явилось то, что уже при их создании предполагалось широкое взаимодействие с общественностью. Ранее созданные благотворительные структуры под покровительством императорской фамилии, налаживали это взаимодействие постепенно, под влиянием изменявшихся исторических условий.

Именно широкая общественная поддержка, активное использование благотворительной инициативы, отсутствие ведомственного высокомерия позволили Татьянинскому и Ольгинскому комитетам сравнительно быстро развернуть свою деятельность, осваивать по ходу работы новые формы и методы призрения. Статус Татьянинского комитета позволил ему сосредоточить в своих руках регистрацию и поиск беженцев в общегосударственном масштабе, но такой «монополизм» не нанес вреда этой работе, потому что земский и городской союзы в этом вопросе заняли, в конечном счете, конструктивную позицию. Татьянинский комитет, опираясь на общественность, быстро организовал работоспособную структуру, осуществлявшую регистрацию и поиск беженцев.

Еще одной новой чертой в деятельности Татьянинского и Ольгинского Петроградского комитетов было официальное выделение им крупных государственных средств. Создание новых благотворительных комитетов под покровительством императорской фамилии было обусловлено стремлением упрочить престиж самодержавной власти, продемонстрировать заботу непосредственно семьи Николая II о пострадавших от войны. Но это не единственная причина их возникновения. Как благотворительные общественные организации под покровительством правящей династии Татьянинский и Ольгинский комитеты являлись удобной и понятной общественности формой ее взаимодействия государством, привлечения благотворительной инициативы, подконтрольного использования финансовых средств.

Первая мировая война явилась тяжелым испытанием для России. В 1915 г. стал нарастать социально-политический кризис, вызванный поражениями на фронте, неспособностью власти своевременно перестроить управление государством и экономикой в соответствии с потребностями военного времени, нежеланием монархии искать компромисс с реформистской оппозицией, возраставшим недовольством народа и, как следствие, ростом революционного движения. Все это осложняло деятельность ведомств, комитетов, обществ и учреждений призрения. Но, несмотря на трудности, все благотворительные структуры дома Романовых в годы войны продемонстрировали устойчивость и жизнеспособность, сохранив порядок в управлении и финансах, в полном объеме выполняя взятые на себя обязанности по призрению нуждающихся.

«Воспитывать полезных обществу граждан…»

Питомцы императрицы. Призрение детей и юношества во второй половине XVIII – второй половине XIX вв.

Важнейшим направлением работы благотворительных ведомств под покровительством дома Романовых было призрение детей и юношества. Для учреждений императрицы Марии это направление деятельности во второй половине XIX в. стало приоритетным. Заметную роль в призрении детей играло Человеколюбивое общество, а также созданное в конце XIX в. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах, хотя это и не являлось его главной задачей.

Детский приют М. Н. Галкина-Враского Ведомства учреждений императрицы Марии. Саратов. 1890-е гг.

Социальная помощь детям и юношеству осуществлялась в различных формах, обусловленных продолжительностью призрения и возрастом питомцев, их семейным и сословным положением, что определяло особенности воспитания и образования. По семейному положению призревавшиеся делились на подкидышей, сирот, полусирот и детей, имевших родителей, либо близких родственников. К «несчастнорожденным» подкидышам относились младенцы, от которых отказывались матери, принося их в учреждения призрения или попросту бросая.

К сиротам – потерявшие мать и отца и не имевшие близких родственников, способных о них позаботиться. Полусиротами назывались дети, имевшие только отца (имевшие только мать, к ним не относились). На призрение могли рассчитывать и дети бедных родителей, но точные критерии бедности не были установлены.

Ведомство императрицы Марии и Человеколюбивое общество осуществляли, главным образом, «закрытое» призрение в учебно-воспитательных учреждениях. До середины XIX столетия это делалось, исходя из сословных принципов. Со второй половины века постановка этой работы стала постепенно приобретать всесословный характер. (исключение составляли женские институты Ведомства императрицы Марии, доступ в которые представительницам низших сословий был закрыт). Во всех учебно-воспитательных заведениях питомцы содержались на штатных вакансиях. Сверхштатные вакансии содержались благотворителями «со стороны», в качестве которых могли выступать частные лица, включая членов императорской фамилии, различные общественные организации, в том числе благотворительные, которые располагали средствами, но не имели своих учреждений призрения. На сверхштатных вакансиях содержались и «своекоштные» воспитанники, то есть те, за которых платили родители или родственники. Находясь в закрытых учреждениях, эти воспитанники также являлись объектом призрения.

Школа кулинарного искусства при Одесском детском приюте

Ведомства учреждений императрицы Марии. 1890-е гг.

Ведомство императрицы Марии и Человеколюбивое общество располагали разнообразными учебно-воспитательными заведениями, призревавшими все перечисленные категории детей и юношества. Санкт-Петербургский и Московский воспитательные дома (ведомство императрицы Марии) призревали, главным образом, подкидышей, а также сирот с младенческого возраста и до совершеннолетия. Эти заведения с подведомственными им структурами на протяжении всей своей истории оставались единственными, уникальными в своем роде учебно-воспитательными комплексами, призревавшими питомцев с грудного возраста до вступления в самостоятельную жизнь. Прочие заведения Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества оказывали помощь юным нуждающимся подданным в возрасте от 5–8 до 14–16 лет. Наиболее распространенным типом таких заведений в ведомстве императрицы Марии были детские приюты, располагавшиеся в столицах и губерниях. Они составляли единую управленческую структуру, порой менявшую организационную форму и название.

Чаще всего она именовалась как «ведомство детских приютов». Такие заведения, в основном, были рассчитаны на дневное призрение детей, имевших бедных родителей. В некоторых существовали отделения, в которых сироты призревались на постоянной основе.

Во второй половине XIX столетия число сиротских отделений и, соответственно, их питомцев постепенно возрастало. На постоянной основе могли призреваться и дети, имевшие родителей, либо благотворителей, которые за это платили. В конце века ведомство императрицы начало создавать при детских приютах, а так же на состоятельной основе, ясли. Приюты могли быть отдельными для мальчиков и девочек и смешанными. В смешанных приютах разнополые подопечные содержались изолированно. Ведомство располагало также несколькими отдельными самостоятельными заведениями приютского типа.

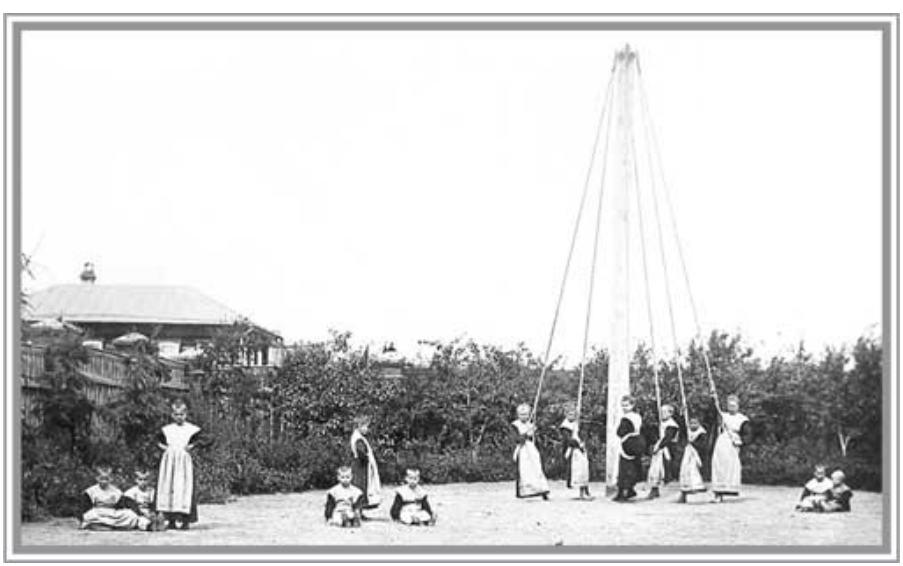
В состав учреждений императрицы Марии входили многочисленные заведения, призревавшие исключительно питомцев женского пола – школы, училища и институты. Женские школы и училища, по существу, являлись приютами, в которых воспитанницы получали самое элементарное образование. Такими заведениями располагали и благотворительные общества, подчинявшиеся центральному управлению Ведомства императрицы Марии: Патриотическое общество, дамское попечительство о бедных, московское благотворительное

общество 1837 г.

Следует особо отметить существовавшие в составе ведомства императрицы и не имевшие аналогов женские институты, которые в наше время часто называют «институтами благородных девиц». В них призревались воспитанницы в возрасте от 8–9 до 16–17 лет[548]. Такие институты предназначались для воспитания и обучения представительниц дворянского сословия. Только во второй половине XIX столетия в некоторые институты начали ограниченно допускаться девицы из купеческого сословия, а так же из семей почетных граждан и духовенства.

В ведомство императрицы Марии входил и ряд мужских учебно-воспитательных заведений. В частности – Санкт-Петербургское и московское коммерческие училища и гатчинский сиротский институт. В 1843 г. в ведомство передали Царскосельский лицей (с 1844 г. – Александровский). Он не относился к учреждениям призрения, поэтому в предлагаемой монографии его деятельность не рассматривается.

В число учреждений императрицы Марии входили не имевшие прямого отношения к благотворительности и призрению женские гимназии. Это было обусловлено давней исторической традицией, согласно которой женское образование в России до начала реформ Александра II развивалось в рамках учреждений призрения, на благотворительной основе. Во второй половине XIX столетия женские гимназии начали создаваться ведомством практически одновременно с Министерством народного просвещения. «Мариинские» гимназии – так же предмет нашего внимания.



Дети на площадке Сысертского детского приюта.

Екатеринбургский уезд. Пермской губ. 1905 г.

В большинстве детско-юношеских учреждений Императорского Человеколюбивого общества призревались дети неимущих родителей в возрасте от 5–8 до 14–16 лет. Они назывались приютами либо домами призрения и подразделялись – на мужские, женские и смешанные. Некоторые из них подчинялись непосредственно центральному управлению. Другие входили в состав различных благотворительных обществ либо Попечительных о бедных комитетов.

В обществе были и учреждения, призревавшие детей в возрасте от 8–9 до 16–17 лет. Во второй половине XIX в. к их числу относились гимназия Императорского Человеколюбивого общества, ивановское девичье и Усачевско-Чернявское женское училища, и, кроме того, женская профессиональная школа, призревавшая девочек в возрасте от 4–9 до 18 лет. В эти заведения принимались как сироты, так и дети бедных родителей без сословных ограничений.

Детские учреждения Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества, как уже отмечалось, занимались и образованием, и воспитанием подопечных. Но главное внимание, все же уделялось воспитанию. Постановка этого процесса зависела от возраста питомцев, сроков призрения, сословного происхождения воспитанников и статуса учреждений. В них, за исключением женских институтов, не было сословных ограничений для приема. Контингент призреваемых составляли, в основном, дети мещан, ремесленников, нижних воинских чинов, мелких торговцев, низшего духовенства. Несмотря на присутствие среди призреваемых детей чиновников и даже дворян, система воспитания и обучения строилась так, чтобы подготовить питомцев к трудовой жизни людей «простого звания». Этого принципа придерживались неукоснительно, изгоняя из повседневной деятельности все, что могло быть связано с достатком и роскошью. Большинство приютов, школ, училищ и домов призрения Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества во второй половине XIX столетия давали питомцам лишь начальное образование. До начала XX столетия соблюдался завет Николая I, полагавшего, что образование «свыше состояния учащихся не всегда для них полезно, а иногда обращается им во вред»[549].

Среднее образование в ведомстве императрицы Марии давали во второй половине XIX в. женские институты, коммерческие училища и гатчинский сиротский институт, а в Человеколюбивом обществе – гимназия, ивановское девичье и

Усачевско-Чернявское женское училища. Профессиональная направленность образования была четко выражена в коммерческих училищах, готовивших кадры для работы в области торговли и промышленности. Гатчинский сиротский институт выпускал педагогов. Прочие средние учебные заведения давали общее образование. Выходцы из гимназии Императорского Человеколюбивого общества могли поступать в высшие учебные заведения. Выпускницам женских институтов была уготована роль примерных жен, матерей и хозяек. Правда, они могли работать в своих «альма-матер» классными дамами и наставницами, либо трудиться в качестве домашних учительниц. Во второй половине XIX в. при некоторых институтах были созданы педагогические курсы или классы, но большого развития такое специальное образование в тот период не получило.

До создания Екатериной II воспитательных домов к проблемам социальной помощи подрастающему поколению из малоимущих сословий государство и общество обращались лишь эпизодически. Попытка организации учреждений по призрению детей была предпринята при Петре I. В исторической литературе в качестве первого шага в этом направлении рассматривается открытие в 1707 г. митрополитом Иовом в Новгороде, в Холмской Успенской обители, богоугодного заведения для сирот и подкидышей. Приблизительно в то же время в Новгороде были открыты еще десять подобных заведений, в которых призревались около трех тысяч младенцев[550]. Конкретных сведений о деятельности этих учреждениях не имеется, поэтому следует с осторожностью относиться к утверждениям, что «дело там было поставлено для того времени образцово»[551]. В 1714 и 1715 гг. Петр I издал указы о призрении подкидышей госпиталями при церквах, которые следовало создавать по примеру новгородских учреждений. Приносить в госпитали младенцев разрешалось тайно и беспрепятственно. Для того чтобы заботиться о них, требовалось «избрать искусных жен и давать им из неокладных прибыльных доходов на год по 3 руб., хлеба по осьмине в месяц, а младенцам по 3 деньги на день»[552]. Подросших питомцев предполагалось отдавать ремесленникам в обучение или в услужение. Таким образом, Петр сделал попытку организовать государственное призрение детей, наиболее нуждавшихся в помощи. На это указывает организация детских учреждений при церквах, которые при Петре вошли в структуру госучреждений. Был определен и принцип приема младенцев – тайный принос. Последующего развития эта инициатива, однако, не получила. Смертность детей в названных учреждениях была почти стопроцентной, средств на содержание хронически не хватало, и

«сиропитательницы» прекратили свое существование. Ко времени создания воспитательного дома о них уже не упоминалось.

План учреждения Воспитательного дома для призрения подкидышей был разработан Иваном Ивановичем Бецким. Он был внебрачным сыном русского военачальника фельдмаршала Н. Ю. Трубецкого, окончил кадетский корпус в Копенгагене, состоял на дипломатической, военной и придворной службе. В 1747 г. вышел в отставку и до 1762 г. жил и путешествовал за границей. Вернувшись в Россию, Бецкой предложил вступившей на престол Екатерине II проект системы воспитания и обучения юношества – «генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества». Мысль Бецкого о формировании посредством изолированного воспитания и обучения «новой породы людей», избавленных от пороков современного им общества и способных его усовершенствовать, встретила понимание и поддержку императрицы. В 1762 г. Бецкой стал ее личным секретарем. В 1760–1780-е гг. он фактически являлся главным советником Екатерины по вопросам воспитания и обучения детей и юношества. Бецкой занимал ряд руководящих должностей в этой области – был главным попечителем московского воспитательного дома (1763–1792 гг.), попечителем воспитательного общества благородных девиц (1764–1789 гг.), фактически руководил сухопутным шляхетским кадетским корпусом (1765–1782 гг.), являлся президентом академии художеств (1763–1795 гг.). Кроме того, в 1762–1793 гг. возглавлял канцелярию от строений.

И. И. Бецкой. Гравюра А. Радига по ориг. А. Рослена (А. Рослиана). 1794 г.

Проект создания воспитательного дома в Москве Екатерина окончательно утвердила 1 сентября 1763 г. Учреждение это предназначалось для призрения «…тех невинных детей, которых злощасныя, а иногда и безчеловечныя матери покидают, оставляют (или что злее) и умерщвляют; которые хотя от законного супружества, но, в крайней скудости родясь, от родителей оставлены и слепому щастию преданы бывают для того, чтобы от тягости воспитания их освободиться и самим удобнее пропитаться можно было»[553].

После утверждения императрицей 10 июня 1763 г. план принял силу закона. Воспитательный дом объявлялся государственным учреждением и принимался под особое личное покровительство государыни. Это должно было подчеркнуть заботу самодержавной власти о подданных. Несмотря на то, что дом считался государственным учреждением, источником его финансирования были, говоря современным языком, внебюджетные средства. Предполагалось, что он будет существовать за счет благотворительных пожертвований и

прибыли от финансовых операций ссудной и сохранной казен при нем.

Дети обоего пола принимались в воспитательный дом, располагавшийся в Москве, тайно и бесплатно. В генеральном плане говорится: «…как родильницы сами, или их поверенные в том, так и посторонние лица мужеска и женска пола, поднимая младенцев, могут их приносить в воспитательный дом, где оных принимать немедленно должно, не спрашивая при том, кто он таков и чьего младенца принес, но только спросить, не знает-ли он, крещен-ли тот младенец и как ему имя; разве приносящие сами похотят объявить что-нибудь обстоятельнее и оное должно, у них выслушав, в записку внесть»[554]. Детей разрешалось приносить не только непосредственно в дом, но также передавать через приходских священников церквей и монастырей. За это приносившие получали вознаграждение в сумме двух рублей.

Целью воспитательного дома было не только дать призрение «несчастнорожденным», но и подготовить к жизни полезных обществу и государству граждан. Оградить подопечных от пороков современного общества, воспитать их добропорядочными людьми должно было закрытое заведение. Предполагалось, что они составят своего рода «третье сословие». Выходя из дома, питомцы получали личную свободу. Более того, крепостные, вступая в брак с воспитанником или воспитанницей дома, также получали свободу. Так Екатерина стремилась умножить число образованных, подготовленных к самостоятельной жизни свободных людей.

Принимавшиеся в воспитательный дом записывались под соответствующим номером в особую книгу и, если были не крещены, то крестились. Поскольку генеральным планом не устанавливался точный возраст приемышей, в воспитательный дом брали не только младенцев, но и детей в возрасте пяти и даже семи лет. До двух лет они содержались под надзором кормилиц. С семи лет мальчики и девочки воспитывались отдельно. В этом возрасте они начинали посещать ежедневно, по одному часу, школу, где обучались молитвам, чтению, письму и основам арифметики. С одиннадцати лет преподавались основы бухгалтерии и география. Помимо этого, дети приобретали практические трудовые навыки. Мальчики работали в саду, девочки занимались рукоделием. Школьные занятия продолжались до четырнадцати лет. После дети обучались ремеслам в мастерских при доме. Некоторые питомцы могли оставаться в них на правах мастеров.

Воспитательный дом подчинялся непосредственно императрице. Исполнительной властью в нем обладал главный

попечитель. Первым занимал эту должность сам Бецкой. Для рассмотрения вопросов, связанных с деятельностью дома, был создан опекунский совет, состоявший первоначально из шести почетных опекунов, назначавшихся государыней. Почетными опекунами становились представители аристократии, занимавшие важные государственные должности и пользовавшиеся доверием Екатерины. Опекунский совет должен был рассматривать на своих заседаниях годовые отчеты главного попечителя дома, утверждать смету доходов и расходов заведения. На квартиры почетных опекунов разрешалось приносить подкидышей для последующего помещения их в воспитательный дом. Это, пожалуй, было единственным, что доставляло им некоторые хлопоты. Вскоре этот порядок был отменен.

Первоначально, по генеральному плану, должности почетных опекунов могли занимать лица, имевшие чины не ниже коллежского советника, т. е. VI класса, а также дворяне, жертвовавшие дому 600 или более рублей в год. Позже было установлено правило, по которому состоять в почетных опекунах могли только лица, имевшие чины первых трех классов. Пребывание в почетных опекунах не было особенно обременительным, поскольку они не занимались непосредственно уходом за детьми, их воспитанием и обучением, текущими административно-хозяйственными вопросами. По-другому и быть не могло. Опекуны, как правило, занимали важные административные, военные и гражданские должности, являвшиеся их основным занятием. Екатерина рассматривала воспитательный дом не как городское, а как общегосударственное учреждение. По всем губерниям было объявлено, чтобы «несчастнорожденные» дети отправлялись в Москву в воспитательный дом. В 1770 г., по образцу московского, воспитательный дом открыли в Петербурге. Сначала он считался отделением московского, но в 1780 г. стал самостоятельным.

Московский и Санкт-Петербургский воспитательные дома были первыми в России заведениями, осуществлявшими комплексное призрение детей и юношества. Они давали не только призрение в узком смысле, то есть питание, одежду, крышу над головой, но также образование и основы профессиональных знаний в области ремесел и земледелия. Такой подход к призрению являлся примером, которому власть и общество следовали с большим или меньшим успехом, создавая детско-юношеские учреждения призрения.

При учреждении воспитательных домов без внимания был оставлен вопрос о соответствии их возможностей потребностям в

призрении «несчастнорожденных». Это объяснимо. Незаконнорожденных детей скрывали. Кроме того, никаких мероприятий по учету нуждавшихся в призрении детей ни в то время, ни позже не проводилось. Поэтому количество приносимых в воспитательные дома детей генеральным планом не оговаривалось. Отсутствие возможностей быстро доставить младенцев хотя бы из ближайших губерний, антисанитария и болезни в собственно воспитательных домах сами по себе ограничивали количество призревавшихся детей. Тем не менее, их количество постоянно возрастало. Уже в первый день существования московского воспитательного дома туда принесли 37 младенцев, а всего за первый год работы этого учреждения – 523 ребенка[555]. В Петербургский воспитательный дом в год открытия приняли 181 ребенка, а в 1795 г. поступило 1558 детей[556].

Рост числа призревавшихся в домах сдерживался очень высокой смертностью детей. В Петербургском воспитательном доме смертность в конце XVIII столетия доходила до 78–94 %[557]. Это заставило Екатерину отказаться от закрытого воспитания, начиная с младенчества. Детей начали раздавать в крестьянские семьи по деревням вблизи столиц. Из-за роста притока детей в дома срок пребывания их в деревнях был увеличен до 5–7-летнего возраста. Крестьянским семьям, в которых воспитывались питомцы домов, выплачивалось по 2 руб. в месяц – по тем временам немало. Для контроля над воспитанием в деревнях назначались специальные надзиратели. Чтобы разгрузить воспитательные дома, в 1796 г. Екатерина утвердила правила, согласно которым детей, отданных на воспитание в деревни, следовало оставлять в крестьянском сословии, «умножение которого государству только полезно»[558]. Их предполагалось расселять на казенных землях.

Следующий этап в развитии воспитательных домов связан с деятельностью супруги Павла I Марии Федоровны, в 1797 г. объединившей под своим управлением благотворительные учреждения призрения, созданные Екатериной. Указом императора от 12 мая 1797 г. его супругу объявили главной начальницей над Московским и Санкт-Петербургским воспитательными домами. К тому времени дома, как и многие другие екатерининские учреждения, пришли в упадок. Постоянное увеличение числа принимаемых детей, высокая смертность питомцев, беспорядок в административно-хозяйственной части – все это требовало серьезной реорганизации работы воспитательных домов.

Мария Федоровна 12 декабря 1797 г. а представила Павлу I

доклад, в котором изложила проблемы воспитательных домов и наметила пути их преобразования. В дома решено было принимать только младенцев. Важнейшей проблемой оставалась высокая смертность детей. Императрица решила ограничить число питомцев непосредственно в столичных домах. Остальные дети должны были отправляться в деревни и оставляться там на воспитании до 3-летнего возраста. По его достижения и после прививки оспы они поселялись в казенных имениях и находились на содержании воспитательных домов – юноши до 17 лет, девушки до 15 лет. Выпускники селились на казенные земли в качестве государственных крестьян, получая единовременное денежное пособие в размере годового содержания на обзаведение сельхозинвентарем. Девушки получали эти деньги как приданое для замужества. Практичная Мария Федоровна предложила отменить установленное Екатериной правило, согласно которому крепостной человек, вступая в брак с лицом, вышедшим из воспитательного дома, получал свободу. Однако право на личную свободу для выпускников она сохранила.

Произошли перемены в учебно-воспитательной работе домов. Не подвергая сомнению мысль Екатерины воспитывать «полезных обществу граждан», Мария Федоровна откорректировала ее. Она полагала, что из питомцев воспитательных домов следует готовить не «новую породу людей», а воспитывать «единственно с целью образовать из них ремесленников, полезных государству»[559]. Основы воспитания и обучения она сформулировала так: «я откинула от этого воспитания все, что клонится лишь к блеску. Я направила его единственно к основательности, к совершенному знанию нашей религии, к нравственности и к наукам, необходимым для ремесленника»[560]. Хозяйственная императрица не забывала и о компенсации расходов на содержание питомцев, и о выгоде государства от их воспитания. Говоря о пользе помещения сверхкомплектных питомцев в деревни, Мария Федоровна отмечала, что они, «сделавшись хорошими земледельцами (людьми, в которых империя крайне нуждается) обработают земли, остающиеся пустыми, усилят доходность этих земель, станут чрез то истинно полезными отечеству и вознаградят своими трудами за все, чем они обязаны государству»[561].

Мария Федоровна изменила порядок управления воспитательными домами. Должность главного попечителя – упразднили. Предполагалось, что домами будет управлять непосредственно опекунский совет. Однако с конца XVIII столетия его функции все более расширялись. Количество благотворительных учреждений призрения, поступавших в

личное заведывание императрицы, увеличивалось. Опекунский совет стал органом, посредством которого Мария Федоровна управляла не только воспитательными домами, а всеми благотворительными учреждениями, находившимися в ее подчинении. Для руководства воспитательными домами почетные опекуны стали назначаться персонально.

В николаевское царствование, после кончины Марии Федоровны в 1828 г., воспитательные дома не претерпели существенных изменений. В это время главное внимание уделялось регламентации деятельности учреждений, вошедших в состав IV отделения собственной его императорского величества канцелярии, разработке уставов, положений, корректировке учебно-воспитательных программ. Последнее в отношении воспитательных домов выразилось в том, что в 1837 г. закрыли созданные при них в 1807 г. классы и курсы, по окончании которых питомцы могли продолжить образование. Вместо них создали отдельные учреждения для призрения детей-сирот обер-офицеров, получившие название сиротских институтов.

Серьезной проблемой продолжала оставаться высокая смертность. Так, из поступивших в Петербургский воспитательный дом за 1820–1829 гг. 38 029 детей умерло 7625; из поступивших в 1830–1839 гг. 49 000 детей умерло 10 114; из поступивших в 1840–1849 гг. 54 207 детей умерло 13 553 ребенка, и из поступивших в 1850–1859 годах 64 961 ребенка умерли 16 221[562]. Высокая смертность была и в московском воспитательном доме. Все попытки снизить ее не имели успеха.

Другой проблемой было то, что получившие ремесленную специальность выпускники во многих случаях оказывались невостребованными. Александровская мануфактура под Петербургом, предназначенная для обучения и трудоустройства питомцев, не могла обеспечить их всех работой. Не зная, куда идти, они нередко оставались при мануфактуре, принося ей убытки. Таким образом, призрение детей в воспитательных домах ко второй половине XIX в. оставляло желать лучшего.

Реформы Александра II принципиально не изменили положения благотворительных ведомств под покровительством дома Романовых в системе государственных и общественных институтов империи. Однако необходимость поддержания их авторитета в условиях бурного развития общественной и частной благотворительности заставляла власть проводить преобразования, направленные на повышение эффективности работы IV отделения собственной канцелярии и Человеколюбивого общества. В отношении воспитательных домов эти преобразования были направлены не на расширение их

деятельности, а, наоборот, на ограничение приема детей и улучшение условий содержания.

В 1862 г. по указанию Александра II учреждена комиссия для изучения положения дел в воспитательных домах. Возглавил ее принц П. Г. Ольденбургский, к тому времени получивший авторитет, как специалист в области призрения. Комиссия разработала новые правила приема детей, вступившие в силу в 1869 г. По ним младенцев в возрасте до одного года, у которых уже отпала пуповина, можно было приносить в дома с метрической выпиской о рождении и крещении. Документы принимались запечатанными в конверт. Такие дети могли возвращаться матерям или родственникам в любое время, но с возвратом платы за содержание в доме. Некрещеные дети возвращались только в течение первых шести недель со дня приема. Запрещалось разглашать сведения о том, где они воспитываются в деревнях. Родители или родственники могли только получить сведения о том, жив ребенок или нет.

Эти правила были призваны усложнить прием младенцев в воспитательные дома, так как выправление метрики требовало определенных хлопот. Во многих случаях матери и родственники стремились избежать огласки факта рождения ребенка. Результат введения этих правил оказался противоположным ожидавшегося. В воспитательные дома массово стали поступать младенцы в возрасте нескольких дней, от которых стремились избавиться до отпадения пуповины, без документов. Такие дети «не в силах были вынести условия их скармливания сменными кормилицами с прикормом за недостатком последних и давали значительную смертность, увеличивающуюся еще от скученности, вызванной необходимостью пребывания их в доме до отправления в деревню в течение 3–6 недель, а в случае заболевания и более»[563]. В семидесятые годы XIX в. прием детей по сравнению с предшествовавшим десятилетием увеличился. В период с 1860 по 1869 г. в Петербургский воспитательный дом поступило 64 116 детей, а с 1870 по 1879 г. – 76 258 детей[564]. Возросло поступление детей и в Московский воспитательный дом.

Оставалась высокой детская смертность. Например, в Петербургском воспитательном доме в 1877 г. она составила 62,34 % от общего числа призревавшихся[565]. Было очевидно, что и после введения новых правил, воспитательные дома не могут удовлетворить потребность в призрении «несчастно-рожденных» и обеспечить его должный уровень. Ситуация, при которой немалая часть питомцев воспитательных домов отправлялась на кладбище, требовала исправления.

Исходя из этого, правила 1869 г. отменили и разработали

новые, которые вступили в силу в 1882 г. На этот раз для улучшения содержания детей решено было шире привлекать самих матерей к грудному кормлению непосредственно в воспитательных домах. Кормить младенцев разрешалось до шестинедельного возраста. Плата за содержание детей, забиравшихся матерями обратно, была отменена. В исключительных случаях матери могли кормить детей не в домах, а у себя, получая плату от воспитательных домов, составлявшую 35 коп. в сутки летом и 30 коп. зимой. По истечении этого времени ребенок возвращался в воспитательный дом для последующей отправки в деревню. По желанию матери могли воспитывать у себя детей до трехлетнего возраста, также с оплатой от воспитательных домов – за первый год по 30 коп. в сутки, за второй по 20 коп. и за третий год по 10 коп. По новым правилам матери и родственники, могли получать информацию о том, в какой деревне и у кого воспитывается ребенок. Расширялось призрение в деревнях, и увеличивались сельские округа воспитательных домов. Для улучшения медицинского контроля над питомцами в деревнях должности окружных надзирателей стали замещаться преимущественно врачами. Новые правила не привели к сокращению приема детей, но благодаря им, детская смертность постепенно сократилась. В Петербургском воспитательном доме до 1882 г. смертность детей в возрасте до одного года составляла 20–22 %, но затем наметилась тенденция к сокращению. В 1890 г. здесь умерло 10,6 % детей в возрасте до 1 года[566].

Число детей, сдававшихся в воспитательные дома в 80-е годы XIX столетия, увеличивалось, как и раньше. Прежними оставались причины, по которым матери приносили детей – боязнь общественного осуждения за рождение ребенка вне брака, бедность, отсутствие средств на содержание ребенка. Увеличению количества поступавших в воспитательные дома, косвенно способствовал и технический прогресс в России. Бурное железнодорожное строительство во второй половине XIX в. связало Петербург и Москву с губерниями, поездки из которых в столицы до этого времени были очень длительными. Если раньше воспитательные дома были ограждены от наплыва детей из губерний расстояниями, то с появлением нового вида транспорта появилась возможность быстро привозить детей из отдаленных мест. Это вызвало развитие существовавшего и раньше «питомнического промысла». «во многих губернских городах для сбора и отправления в столичные воспитательные дома младенцев, – говорится в записке «о мерах к улучшению системы призрения подкидаемых незаконнорожденных детей»,

разосланной в 1888 г. Ведомством императрицы Марии губернаторам, – существует особый род женщин – комиссионерок, которые услуги свои в этом деле выработали в весьма выгодный промысел: они собирают на месте детей, временно призревают их у себя при самых ужасных условиях, а затем, набрав такое их количество, которое обеспечивает выгодность сбыта (за каждого отправляемого мать уплачивает условленную комиссионную плату) везут их в столицы…»[567]. В записке отмечается, что «по личным заявлениям некоторых губернаторов все меры, принимаемые против подобных злоупотреблений, не достигают желаемых результатов»[568]. Это объяснялось тем, что питомнический промысел был довольно выгодным делом. В ответе на записку, направленном в канцелярию по учреждениям императрицы Марии от имени Псковского губернатора, говорится, что в губернии была пресечена деятельность группы таких комиссионерок, которые «за каждого младенца, отвозимого ими в Петербург в течение последних десяти лет, они брали от 15 до 25 руб.»[569]. Наконец, воспитательных домов было два на всю империю. «недостаточность двух столичных воспитательных домов в империи, – говорится в упомянутой записке, – для возможно полного удовлетворения потребностей призрения незаконнорожденных и оставленных матерями детей составляет факт давно всеми признанный и не требующий нового обследования, ни подтверждения новыми статистическими данными»[570]. Однако ведомство императрицы Марии признавало этот факт, «не касаясь принципиального вопроса о том, представляют ли вообще воспитательные дома в том виде, как они существуют, единственную и необходимую форму, в которой должно выражаться попечение о подкидаемых младенцах…»[571].

Осторожность, с которой затрагивается этот вопрос, объяснима. Воспитательные дома хранили вековые традиции благотворительности и призрения под покровительством императорской фамилии. С высоты престола не поступало никаких сигналов, свидетельствовавших о том, что власть хочет расширить функции воспитательных домов или изменить их статус. Поэтому, рассуждая о системе общегосударственного призрения «подкидаемых» детей, автор записки не рассматривает воспитательные дома в качестве основы для ее создания. Следовало «принять два руководящих начала: 1. Децентрализация учреждений призрения путем постепенного открытия приемных заведений в наиболее населенных местах империи, по мере возможности и указаниям опыта и 2. Привлечение к делу общественной и частной благотворительности»[572].

Последнее предложение весьма показательно. Сознавая, что призрение детей с младенческого возраста является общегосударственной задачей, с которой не справлялись воспитательные дома, ведомство учреждений императрицы Марии даже в принципе не рассматривало возможность постановки этой работы за счет казны. Предлагавшийся в записке путь организации призрения детей младенческого возраста и был выбран ведомством императрицы Марии. Но базой для создания такой системы стали не воспитательные дома, а детские приюты. Воспитательные дома оставались единственными в своем роде учреждениями по призрению детей и юношества.

В 80-е гг. XIX столетия подверглась преобразованиям система подготовки педагогических кадров для сельских школ воспитательных домов. Эти педагоги готовились в учительской семинарии в Павловске. В 1883 г. было введено новое положение о семинарии, получившей название «Мариинская учительская семинария принца Петра Георгиевича Ольденбургского». В семинарии обучались примерно сорок человек. Поступить в нее, как и раньше, могли только лучшие выпускники сельских школ. Из наиболее способных ежегодно отбирались двенадцать питомцев в возрасте от 15 до 18 лет. С мая по сентябрь они готовились к экзаменам и в случае их успешной сдачи зачислялись в семинарию 1 сентября. Согласно новому положению, учеба в семинарии продолжалась в течение трех последовательных годичных курсов, начинавшихся в сентябре и заканчивавшихся в июне. В каникулярное время ученики возвращались в деревни для участия в полевых работах.

Семинарская программа предусматривала изучение закона божьего, русского и церковнославянского языков с чтением, арифметики с основами геометрии, отечественной и всеобщей географии и истории России, чистописания, рисования и черчения, самых общих сведений из всеобщей истории. Помимо общеобразовательных предметов изучалась педагогика, которая понималась как «методика элементарных наук», а также «общие сведения из школьной гигиены»[573]. В последнем классе учащиеся проходили педагогическую практику в двухклассном училище при семинарии. Выпускники обязаны были прослужить в учреждениях воспитательного дома не менее шести лет. Со временем они получали возможность повысить свой сословный статус. Те из них, кто «беспорочно» выполнял обязанности учителей в течение двенадцати лет в сельских школах любого ведомства, удостаивались звания личных почетных граждан.

Во второй половине XIX столетия Санкт-Петербургский и Московский воспитательные дома оставались единственными в

российской империи учреждениями, обеспечивавшими призрение детей и юношества, начиная с младенческого возраста до совершеннолетия. К тому времени они имели большой опыт такой работы, но был «оплачен» жизнями умерших в домах питомцев.

К началу 1890-х гг. смертность в воспитательных домах существенно сократилась. Они окончательно приняли форму единых учебно-воспитательных комплексов, в состав которых входили собственно дома в столицах и школы в сельских округах. В состав Петербургского воспитательного дома, кроме того, входила Мариинская учительская семинария принца П. Г. Ольденбургского, готовившая кадры для сельских школ. Воспитательные дома вполне могли стать базовой «экспериментальной площадкой» для развития общегосударственной системы призрения детей с младенческого возраста, вопрос о которой был поставлен ведомством императрицы Марии в упомянутой выше записке. Власть, однако, не пожелала расширить или изменить функции воспитательных домов. Поэтому новые преобразования, предпринятые в конце XIX в. были направлены не на расширение, а на совершенствование деятельности воспитательных домов.

Кроме Санкт-Петербургского и московского воспитательных домов, ведомство учреждений императрицы Марии располагало и другими однотипными учебно-воспитательными заведениями. Это были детские приюты, в своей деятельности преследовавшие те же цели, но имевшие иные сроки и формы призрения, другую организационную структуру и порядок управления. Они входили в состав особой управленческой структуры, менявшей названия и полномочия, но неизменно находившейся в системе учреждений императрицы Марии. Традиционно эта управленческая структура именовалась как «ведомство детских приютов».

Финансировались детские приюты так же, как и другие учреждения императрицы Марии, с той разницей, что не имели столь значительных неприкосновенных капиталов, как воспитательные дома и женские институты, а потому в большей степени зависели от текущих благотворительных пожертвований.

Первый детский приют Ведомства императрицы Марии был открыт в 1837 г. в Петербурге при Демидовском доме призрения трудящихся. Дом был основан известным благотворителем и меценатом Анатолием Николаевичем Демидовым, в честь которого и получил название. Это было учреждение для призрения взрослых, но со временем его функции расширились. Приют при Демидовском доме предназначался для призрения детей в дневное время, пока их родители были заняты на работе.

Здесь «дети от трех до семилетнего возраста находили ежедневно для себя убежище, пропитание, самый попечительный надзор и первоначальное обучение»[574]. Опыт был признан положительным, и в 1838 г. в Петербурге открылись еще четыре детских приюта. Финансировались они за счет средств, выделенных Демидовским домом, Императорским Человеколюбивым обществом и частных благотворительных пожертвований. Новая форма призрения быстро завоевывала популярность, но создавать детские приюты при Демидовском доме было признано нецелесообразным.

В конце 1838 г. решением комитета министров был создан комитет для управления детскими приютами. Объединив под своей крышей все уже существовавшие заведения, он получил право распоряжаться и их финансами, составлявшими на то время 10 тыс. 721 руб. серебром или 37 тыс. 524 руб. ассигнациями[575]. Характерно, что решение о развитии благотворительных учреждений нового типа было принято не самим ведомством императрицы Марии, а комитетом министров. Это подтверждает то, что ведомство рассматривалось как государственная структура.

Следующим шагом в развитии детских приютов стало принятие Положения о них. Для управления ими в столицах учреждались Санкт-Петербургский и Московский советы детских приютов, в губерниях – губернские и уездные попечительства. Общее руководство детскими приютами ведомства было возложено на комитет главного попечительства. В него вошли высшие сановники государства и представители аристократии: обер-камергер граф Г. А. Строганов (председатель), князь С. М. Голицын, главноуправляющий II отделением собственной его императорского величества канцелярией граф Д. И. Блудов, генерал-адъютант граф А. Г. Строганов, шталмейстер И. Ф. Чернов и князь В. Ф. Одоевский (правитель дел). В комитет также были включены главноуправляющий IV отделением собственной канцелярии Г. И. Вилламов и начальник благотворительных заведений императрицы Александры Федоровны Н. М. Лонгинов.

Средства приютов складывались из отчислений с процентов от неприкосновенных капиталов, доходов с недвижимости, регулярных благотворительных взносов почетных членов и старшин и прочих разнообразных пожертвований. Источником средств служили также сборы с благотворительных мероприятий – балов, маскарадов, выставок, гуляний. Приюты имели право выставлять кружки для пожертвований. В их пользу поступала пансионерская плата за призревавшихся и деньги, вырученные от

продажи изделий воспитанников. В зависимости от местных условий и обстоятельств изыскивались и другие источники получения средств. Например, в Архангельске был установлен специальный сбор со шкиперов заходящих в гавань судов за пользование кухнями в порту, которые были переданы Морским министерством в ведение губернского попечительства детских приютов. В 1840 г. высочайшим повелением указано было отпускать из средств опекунского совета 10 000 руб. ассигнациями ежегодно в пользу ведомства детских приютов. Позже, однако, это решение отменили. Финансирование из казны не предусматривалось, но в исключительных случаях некоторые приюты получали деньги из средств, отпускавшихся министерствам. Таким образом, детские приюты ведомства императрицы, входя в его состав и формально считаясь государственными или «правительственными» учреждениями, финансировались за счет «внебюджетных», главным образом, благотворительных средств. Административно-правовые и финансовые основы деятельности детских приютов, установленные Положением 1839 г., не менялись до конца XIX столетия.

Первоначально детские приюты Ведомства императрицы Марии получили распространение в столицах. Уже к концу 1839 г. в Петербурге было восемь приютов, которые единовременно посещали 925 детей. 30 апреля 1840 г. начал свою деятельность городской совет детских приютов, председательницей которого была назначена графиня Ю. П. Строганова. В том же году в северной столице открылись два новых приюта – на Васильевском острове и в рождественской части. В 1841 г. основаны Александро-Мариинский и Охтенский, в 1842 г. – Царскосельский и Серебряный приюты. Последний получил название в честь двадцатипятилетия бракосочетания Николая I и Александры Федоровны. Позднее были открыты еще несколько приютов в Петербурге и его окрестностях. Последний из созданных здесь, в первой половине XIX столетия, был основан в 1849 г. в Петергофе. Тогда же некоторые из приютов начали призревать, помимо приходящих детей, сирот в специальных отделениях. «Цель учреждения таких отделений, – говорится во «всеподданнейшем отчете Санкт-Петербургского совета детских приютов за 25 лет с 1837 по 1862 гг.», – заключалась в том, во-первых, чтобы иметь возможность принимать на полное призрение круглых сирот собственно из приютских питомцев, лишенных всякого пристанища, а во-вторых, и в том, чтобы из питомцев подготовить будущих помощниц смотрительниц»[576]. В данном случае речь шла о девочках. Как видно при подготовке

кадров для службы в приютах их начальство пошло по пути воспитательных домов. Всего в Петербурге к 1850 г. Действовали 19 детских приютов Ведомства императрицы Марии, которые посещали одновременно 2375 детей, и 2 сиротских отделения, призревавших 50 детей[577].

В Москве к 1850 г. было девять приютов, призревавших 1137 детей[578].

В губерниях приюты Ведомства императрицы Марии начали создаваться в 40-х годах XIX в. К 1850 г. в России, кроме Санкт-Петербургского и Московского советов, действовали десять губернских попечительств детских приютов: Архангельское, Вологодское, Владимиро-Суздальское, Псковское, Тверское, Смоленское, Калужское, Костромское, Олонецкое и Ярославское. Им подчинялись двенадцать приютов, в которых в общей сложности призревались 837 детей[579].

Во второй половине XIX столетия развитие общественной инициативы и упрощение порядка создания благотворительных учреждений привели к росту числа приютов различной ведомственной принадлежности. Получили дальнейшее развитие и заведения Ведомства императрицы Марии, не желавшего уменьшения роли, которую оно играло в призрении детей. При этом никаких существенных перемен в деятельности приютов не произошло. Некоторым изменениям подверглась только учебно-воспитательная часть. Учебные программы были стандартизированы и унифицированы с программами низших учебных заведений Министерства народного просвещения. Цель воспитания и обучения в приютах оставалась прежней – готовить питомцев к самостоятельной трудовой жизни людей «простого звания».

Созданный в 1839 г. Комитет главного попечительства детских приютов оставался в прежнем составе и постоянно сокращался численно из-за смерти своих членов. После кончины в 1864 г. последнего председателя комитета Д. Н. Блудова принц П. Г. Ольденбургский решил не обновлять состав комитета и организовать управление приютами по-другому. Согласившись с этим, в марте того же года царь повелел не замещать должность председателя комитета и приступить к пересмотру Положения о приютах. В мае 1869 г. руководство всеми детскими приютами было возложено непосредственно на главноуправляющего Ведомства императрицы Марии, а канцелярия упраздненного комитета преобразована в канцелярию по управлению всеми детскими приютами при главноуправляющем. Однако разработка нового Положения о детских приютах была отложена на неопределенное время.

Граф Д. Н. Блудов. Литография П. Ф. Бореля по ориг. неизвестного художника. 1840–1850-е гг.

Во второй половине XIX столетия деятельность ведомства детских приютов приобрела общегосударственный характер. Наиболее активной она была в столицах. Это объяснимо. В Санкт-Петербурге и Москве проживало большинство обладателей крупных состояний, высокопоставленное чиновничество, аристократия, предприниматели, кроме того, в Петербурге находились императорская фамилия и двор. Там детские приюты могли рассчитывать на более щедрые пожертвования. Например, в 1867 г. Санкт-Петербургский совет детских приютов располагал капиталом немногим менее полумиллиона рублей (считая долговые обязательства)[580]. В то же время средства двух приютов архангельского губернского попечительства составляли примерно 14 тыс. руб., вологодского – немногим более 27 тыс. руб., новгородского – 31 тыс. с небольшим рублей…[581] как правило, не превышали двух-трех десятков тысяч рублей

капиталы других губернских и, тем более, уездных попечительств.

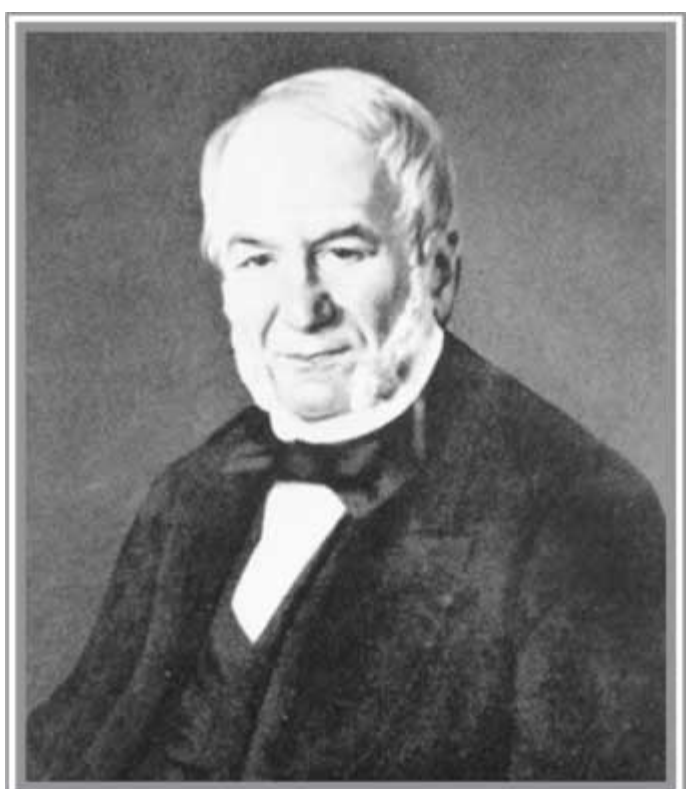
Рассмотрим, как формировались средства, которыми располагал Санкт-Петербургский совет детских приютов. Его капитал складывался в основном за счет ежегодных регулярных взносов почетных членов и старшин (как правило, от 200 до 500 руб. от одного лица, редко – больше тысячи). Общая сумма благотворительных взносов в городской совет в 1860-е гг. составляла 6–8 тыс. руб. в год. Поступали и небольшие регулярные пожертвования (в частности, ежегодно поступали 50 руб. по завещанию купца Лопатина и 71 руб. 43 коп. по подписке от принца П. Г. Ольденбургского). Иногда делались достаточно крупные единовременные пожертвования. Например, в 1868 г. был сделан «негласный», то есть анонимный взнос в 1000 руб. Важным источником средств являлись благотворительные лотереи. В 1868 г. они составили 81 тыс. 800 руб. однако этот источник был слишком ненадежным и непостоянным. Впоследствии от лотерей отказались, заменив их компенсационными выплатами из казны.

Своими капиталами располагали и собственно приюты. Их средства также формировались из ежегодных взносов почетных членов и старшин, поступлений из сумм совета и нерегулярных пожертвований. Часть питомцев содержалась на средства приютов, часть воспитывалась на пансионерских вакансиях за определенную плату.

Приютам жертвовались не только деньги но и продукты, одежду, обувь, мебель, посуду, книги, игрушки. Известны пожертвования картошкой и кирпичами. В зависимости от финансовых возможностей и щедрости благотворителей одни петербургские приюты получали ежегодно несколько тысяч рублей, другие – несколько десятков или даже несколько рублей в год. За 1866 г. Александро-Мариинский приют получил деньгами и вещами 7444 руб. Образцовый приют великой княгини Александры Николаевны со строгановским сиротским отделением – 7173 руб. 23 коп., приют барона Штиглица – 2056 руб. Однако серебряный приют получил в том же году 320 руб., Александринский – 126 руб., а Благовещенский приют всего лишь 92 руб. 20 коп.[582]. Такой же была динамика пожертвований в петербургские приюты в 1870–1880-е гг. Следует отметить, что при пожертвованиях вещами и продуктами их стоимость в деньгах указывалась не всегда и, следовательно, в отчетах не отражалась.

В наиболее благоприятном положении находились те приюты, которые имели состоятельных и щедрых благотворителей. В 1860–1870-е гг. столетия к числу таких

жертвователей относились почетные члены Санкт-Петербургского совета детских приютов И. Ф. Громов, И. Ф. Базилевский, И. Е. Кондоянаки, П. И. Губонин, Э. Д. Нарышкин, барон А. Л. Штиглиц, князья Белосельские-Белозерские. Например, общая сумма пожертвований И. Е. Кондоянаки Петергофскому приюту к 1880 г. составила приблизительно 25 тыс. 500 руб. сумма, поступавшая ежегодно из конторы князей Белосельских-Белозерских в приют княгини Белосельской-Белозерской составила к 1880 г. около 20 тыс. руб. Александро-Мариинский приют многие годы пользовался щедростью И. Ф. Базилевского. Помимо взносов на его текущее содержание, составивших к 1880 г. около 35 тыс. руб., Базилевский несколькими взносами образовал неприкосновенный капитал приюта в сумме 65 тыс. 800 руб. В 1873 г. он, кроме того, построил для питомцев на свои средства двухэтажный дом. В том же году заслуги благотворителя были отмечены тем, что пользовавшееся его вниманием заведение получило наименование «Александро-Мариинский приют Ивана Базилевского»[583]. Сам он, будучи почетным членом Санкт-Петербургского совета, получил еще и звание почетного попечителя названного приюта.



А. Л. Штиглиц, барон, финансист, промышленник, основатель

и учредитель Центрального училища технического рисования. 1880-е гг.

Щедрым жертвователем был известный предприниматель, финансист и государственный деятель барон А. Л. Штиглиц. С 1843 г. он содержал детский приют, ежегодно жертвуя заведению по 2000 руб. С того года заведение имело название «образцовый приют барона Штиглица». После кончины попечительницы этого приюта и одновременно председательницы Санкт-Петербургского совета графини Ю. П. Строгановой в 1864 г. попечительницей была назначена супруга барона, занимавшая эту должность до своей кончины в 1873 г. В том же году А. Л. Штиглиц взамен ежегодных взносов пожертвовал приюту капитал в 50 тыс. руб. Это пожертвование именовалось как «неприкосновенный капитал супруги тайного советника баронессы Каролины Логгиновны Штиглиц». Проценты с капитала должны были заменить ежегодные взносы. Этим забота барона не ограничилась. В 1880 г. было начато и через год закончено строительство трехэтажного каменного здания для приюта. В отчете Санкт-Петербургского совета за 1881 г. отмечается, что дом построен «вполне удобно и практично, со всеми новейшими техническими приспособлениями, как то: водопроводом, газопроводом (имелось в виду газовое освещение. – *Прим. авт.*), ватерклозетами, вентиляцией и телефоном»[584]. Телефон был внутренний, он предназначался «для переговоров смотрительницы со служащими»[585]. В то время такие удобства имелись только в особняках аристократии и богатых предпринимателей. В справке о состоянии приюта, составленной в январе 1885 г., отмечается: «Ценность постройки, по желанию барона, осталась неизвестна, но полагать надо, что не менее 130, даже 150 тысяч рублей»[586]. В 1885 г. по духовному завещанию А. Л. Штиглица в пользу приюта поступили 100 000 руб.[587].

Щедростью барона Штиглица, одного из достойнейших представителей российской финансово-промышленной элиты XIX столетия, пользовался не только детский приют в Петербурге. В 1853 г. барон пожертвовал 5000 руб. Чесменской военной богадельне и в 1857 г. столько же в пользу моряков, лишившихся имущества в Севастополе во время крымской войны. Финансовую поддержку барон оказывал Санкт-Петербургскому коммерческому училищу, членом совета которого состоял. Штиглиц позаботился и о сотрудниках государственного банка, который возглавлял с 1860 по 1866 г. он учредил ссудо-сберегательную кассу для служащих и завещал для этого 30 тыс. руб.

Одним из наиболее известных петербургских

благотворителей второй половины XIX столетия, жертвовавшим, среди прочего, на призрение детей, был Василий Федулович Громов – сын и наследник лесопромышленника и торговца Ф. Г. Громова. Традицию благотворения в роду Громовых заложил Федул Григорьевич. В 1845 г. в Петербурге он основал рассчитанный на 150 детей приют св. Сергия. Вошедший в состав городского совета, В. Ф. Громов начал принимать участие в коммерческих делах отца с середины 1830-х гг. По духовному завещанию скончавшегося в 1848 г. Ф. Г. Громова Василий Федулович стал распорядителем «всего имения» и представителем торговой фирмы Громовых.

Воспитанницы дома призрения малолетних бедных им. В. Ф. и И. Ф. Громовых за шитьем у здания дачи в Удельном. С.-Петербургская губерния. 1900-е гг. ЦГАКФФД СПб.

В. Ф. Громов достаточно успешно вел коммерческие дела, но известность получил, главным образом, как благотворитель. С 1849 г. по примеру отца В. Ф. Громов начал оказывать помощь детскому приюту св. Сергия, обязавшись ежегодно жертвовать 500 руб. на наем помещения. Санкт-Петербургский совет избрал его почетным старшиной приюта, а императрица Мария Александровна выразила ему «высочайшее одобрение». Вскоре Громов пожертвовал 3200 руб. на перестройку дома, купленного советом для приюта, а в 1851 г. он вместе с супругой – Федосьей Тарасовной, являвшейся попечительницей приюта, учредил при нем сиротское отделение на 15 мальчиков (позже оно расширилось до 30 вакансий). В следующем году Громов купил для приюта за 10 тыс. руб. дачу – участок земли с постройками, и в 1854 г. пожертвовал для ее улучшения лесоматериалы на 2800 руб. Стремясь увеличить число призреваемых, Громов построил за свой счет новое здание для приюта. Строительство началось в июне 1856 г., а уже в конце 1857 г. было готово здание «…с каменными службами, водопроводами и небольшим садиком. Кроме того, Василий Федулович весь этот дом обмеблировал и снабдил посудою и всеми хозяйственными принадлежностями и вещами, необходимыми не только для лиц

помещавшегося в нем сиротского отделения, но и для приходящих в приют более двухсот детей…»[588]. Помимо этого Громов пожертвовал Санкт-Петербургскому совету приютов 75 тыс. руб. для образования неприкосновенного капитала, на проценты с которого должны были содержаться сироты в приюте св. Сергия.

Добрые дела В. Ф. Громова получили признание на самом высоком уровне. В 1857 г. он награжден орденом св. Станислава II степени, а детский приют св. Сергия получил наименование «Громовского». В следующем году благотворитель был избран почетным членом Санкт-Петербургского совета детских приютов. Благотворительная помощь, которую оказывал детям В. Ф. Громов, не ограничивалась только этим заведением. Он жертвовал на содержание воспитанниц в школах Санкт-Петербургского женского Патриотического общества, помогал в организации концертов, лотерей и прочих благотворительных мероприятий. В 1859 г. В. Ф. Громов взял на себя содержание дома призрения малолетних бедных в Петербурге, входившего в Императорское Человеколюбивое общество. Всего на благотворительную помощь детско-юношеским учреждениям призрения этот человек израсходовал не менее 260 тыс. руб. только наличными, не считая покупки дачи и строительства дома для приюта св. Сергия. Широкая благотворительная деятельность В. Ф. Громова служила примером для его родственников. Первая его супруга – Федосья Тарасьевна – была попечительницей приюта св. Сергия. Двоюродный брат, Московский купец К. С. Громов, пожертвовал этому же приюту 15 тыс. руб. После кончины В. Ф. Громова на средства его второй супруги – Александры Демьяновны – надстроили третий этаж в здании Громовского приюта. Младший брат – И. Ф. Громов – взял на себя содержание дома призрения малолетних бедных.

За благотворительную деятельность В. Ф. Громов был удостоен различных наград и поощрений. Золотую медаль на аннинской ленте он получил в 1835 г., в 1854 г. – орден св. Владимира IV степени. Представление к ордену «вне правил», минуя предшествующие, более низкие степени орденов, могло осуществляться по высочайшему повелению. Эту награду Громов получил за благотворительность, не связанную с призрением. В период крымской войны он построил за свой счет десять гребных канонерских лодок. За пожертвования Санкт-Петербургскому совету детских приютов Василий Феддлович в 1852 г. удостоился «высочайшего государя императора благоволения». В следующем году был «осчастливлен высочайшим благоволением государыни императрицы» и в 1857 г. награжден орденом св. Станислава II

степени. В 1858 г. Громов получил орден св. Анны II степени за пожертвования тысячи рублей на создание нового иконостаса в андреевском соборе в Кронштадте. Содержание им дома призрения малолетних бедных Императорского Человеколюбивого общества было отмечено орденом св. Владимира III степени. За помощь Патриотическому обществу Василий Федулович дважды удостаивался «всемилостливейшей государыни императрицы признательности». Эти награды и поощрения он ценил как всякий лояльный подданный российской короны.

Однако главным стимулом благотворительности для него было стремление исполнить свой христианский долг. Земные награды «…его как-то не вполне радовали, но чаще навевали на него грустные мысли. «нет, копеечное дело лучше для Бога, чем тысячное, – говаривал он в интимной беседе со своими приближенными, – о копеечном знает лишь он один, а с тысячным ни от кого не спрячешься, а оно всем бросается в глаза, а некоторым даже и колет их, и за него лишь люди хвалят и награждают! не от того ли и Христос-то говорил, что трудно богатому войти в Царство небесное?»[589]. Поэтому Громов избегал разговоров о своих благотворительных делах, а «…на все красноречивые изъявления благодарностей постоянно говорил облагодетельствованным: „ну, полноте, полноте! не благодарите меня, а благодарите Бога, давшего мне возможность вам помочь!“» и с этим или торопливо старался отделаться от благодарившего, или при невозможности этого перебивал речь его каким-нибудь посторонним вопросом»[590].

В. Ф. Громов мыслил в рамках религиозной традиции, требовавшей «не трубить перед собой», делая добро. «копеечное дело» подходило для этого лучше всего. Однако Громов понимал, что оно не приносит реальной пользы нуждающимся. Известность для него была неизбежным бременем, которое сопровождало любое масштабное благотворение. Слова Громова о том, что доброе дело некоторым колет глаза, было неслучайным. Злые языки упрекали его в том, что он щедро жертвовал не свои деньги, а из капитала первой супруги. Поводом для сплетен послужило то, что супруга В. Ф. Громова была помощницей мужа в делах, являясь «…хранителем всех принадлежавших ему запасных капиталов и личным – по его особе и главным – по делам его казначеем»[591]. Часть своего личного капитала она завещала родственникам, часть – на благотворительные цели. Завещание супруги Громов исполнил в точности. Но, кроме того, в ее распоряжении находились деньги, полученные супругом от продажи лесных угодий в Финляндии. Завещание, составленное

до поступления этих средств, впоследствии не менялось, поэтому «…по силе его на долю церквей, монастырей, бедных и сирот уже выпадал капитал не в 70 тыс. руб., по прежнему предположению покойной, а слишком 400 тыс. руб. серебром!»[592], из этих средств Громов и жертвовал на благотворительные цели, исполняя завещание. Приведенный пример – свидетельство того, что крупный благотворитель, в особенности публичная фигура, неизбежно находится в центре общественного внимания, которое не всегда доброжелательно. Одни критикуют его поступки, другие ищут в них корыстные мотивы.

Исходным стимулом благотворительности, как отмечалось, было стремление помочь обездоленным. Но люди, жертвовавшие детским приютам и другим заведениям Ведомства императрицы Марии, знали, что крупные пожертвования вознаграждаются общественным признанием и правительственными знаками отличия. Наименование некоторых приютов Ведомства императрицы Марии в честь благотворителей в какой-то степени было поощрением со стороны государства, поскольку ведомство формально считалось государственной структурой. В то же время такая форма поощрения была наиболее значима с точки зрения общественного признания заслуг благотворителя, имя которого постоянно упоминалось в связи с учреждением, которому он помогал.

Ордена и чины тоже способствовали общественному признанию заслуг в деле помощи бедным. Но ценность этих наград заключалась в том, что они давали сословные (если благотворитель не был потомственным дворянином) и служебные привилегии. Лица, жертвовавшие детским приютам ведомства императрицы, могли рассчитывать максимум на чин V класса, то есть статского советника. Жалование более высоких чинов за благотворительность законоположениями ведомства, как и Человеколюбивого общества, не предусматривалось. Производство в чин IV класса осуществлялось, как правило, по выходе в отставку. Однако по данным «Памятной книжки Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством в Санкт-Петербурге и его окрестностях», вышедшей в 1879 г. и содержащей сведения по 1 мая 1879 г., благотворители И. Ф. Базилевич и И. Е. Кондоянаки получили чин действительного статского советника в 1878 г., т. е. не выходя в отставку и оставаясь на службе в ведомстве Императрицы Марии[593]. Можно предположить, что в этих и подобных случаях чин действительного статского советника присваивался, в виде исключения, по высочайшему повелению.

Стремление помочь обездоленным противопоставлять карьерно-служебным стимулам не следует. Формы, в которых благотворительность поощрялась обществом и государством, были обусловлены традициями, культурой страны, социальными условиями, государственным строем. Поэтому стремление помочь бедным органично сочеталось с желанием получить признание власти и общественности. Разумеется, ни Штиглиц, ни Громов, ни Базилевич, ни кондоянаки, ни другие благотворители не могли помочь всем обездоленным детям северной столицы, поскольку благотворительность не могла и не может заменить государственную социальную политику. Но это нисколько не обесценивает значения такой деятельности как выражения лучших человеческих качеств, позволявших привлекать общественность к решению социальных задач.

Участие членов императорской фамилии в деятельности Санкт-Петербургского совета детских приютов выражалось в благотворительных пожертвованиях, а с 1864 г. и в руководстве. После кончины председательницы совета графини Ю. П. Строгановой, ее пост заняла великая княгиня Александра Петровна – супруга великого князя Николая Николаевича старшего, сына Николая I. Тем самым еще раз было подчеркнуто внимание первой семьи империи к призрению детей. Этой же цели служили благотворительные взносы. Николай I пожертвовал Санкт-Петербургскому совету детских приютов 70 000 руб. Однако эта сумма предназначалась не детям, а для создания эмеритальной (пенсионной) кассы служащих приютов. Председательница совета великая княгиня Александра Петровна жертвовала приютам деньги, вещи и продукты. Но ее благотворительная деятельность была бессистемной и незначительной. В 1866 г. приют великой княгини Ольги Николаевны получил от председательницы 25 руб., приюты Петергофский, Утина, Лавальский, Громовский св. Сергия и Белосельских-Белозерских получили по несколько фунтов чая, сахара и булки. Непосредственно совету августейшая председательница в тот год преподнесла три тысячи экземпляров «краткой истории жизни и учения господа нашего Иисуса Христа». В 1865 г. Александра Петровна «облагодетельствовала» только один, серебряный приют, пожертвовав ему 5 руб. Зато в 1869 г. Великая княгиня передала приюту Александры Николаевны 800 руб. Продуктовые «наборы» от председательницы совета большинство приютов получало почти каждый год. Как правило, это были чай, молоко, булки, различные сладости, реже – кофе. Если подсчитать пожертвования председательницы совета с 1864 по 1880 г., то получится приблизительно 3 тысячи рублей

деньгами, вещами и продуктами. Великий князь Владимир Александрович к тому времени пожертвовал петербургским приютам 350 руб. К 1880 году 2000 руб. составили пожертвования великой княгини Екатерины Михайловны. Цесаревна (позже императрица) Мария Федоровна содержала на свои средства сорок детей в приюте наследника цесаревича Николая Александровича, направляя на их призрение и на другие нужды приюта ежегодно от 360 до 1200 руб. императрица Мария Александровна ежегодно отчисляла 200 руб. Больше других членов императорской фамилии пожертвовал принц П. Г. Ольденбургский. Детскому приюту в память Марии, Екатерины и Георгия, входившему в Санкт-Петербургский совет, принц направил с 1867 по 1880 г. В общей сложности около 30 тыс. руб., не считая постоянных подарков продуктами и вещами (помимо приюта его имени, не входившего в состав Ведомства императрицы Марии). После кончины принца «шефство» над упомянутым приютом продолжил его сын, принц Алексей Петрович Ольденбургский, ежегодно жертвуя от имени своего и супруги 3000 руб.

Пожертвования высочайших особ на призрение детей не могли поразить воображение современников своими масштабами. Это можно объяснить тем, что детские приюты пользовались меньшим вниманием императорской фамилии по сравнению, например, с женскими институтами. Однако главная причина была не в этом. Как отмечалось, члены монаршей семьи не ставили целью превзойти своих подданных щедростью и великодушием. Имела значение не сумма пожертвования, а факт участия в благотворительности членов первой семьи империи. Общее с ними богоугодное дело должно было возвышать в собственных глазах обычных благотворителей и тем самым стимулировать их к пожертвованиям. По сути же Романовы ничем не отличались от последних, жертвуя в зависимости от своих представлений о целях и задачах подведомственных им учреждений и, вероятно, от настроения.

Подобно воспитательным домам, детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии давали не только собственно призрение, но и образование. Обучение и воспитание в детских приютах строилось, исходя из задач, стоявших перед этими заведениями. В них призревались, главным образом, дети из низших сословий. Как полагала председательница Санкт-Петербургского совета Ю. П. Строганова, систему воспитания и образования в приютах следовало организовать таким образом, чтобы «умственное образование детей не переходило за черту первоначальных познаний в чтении и письме, догматах

Православной церкви, четырех правил арифметики, а также и важнейших событий из священной и отечественной истории»[594]. Но даже и в столице достичь этого уровня было нелегко. Строганова так характеризовала контингент приютов: «в числе детей, поступающих в приюты, из ста едва ли двадцать имеют какое-либо понятие о существовании Бога; едва ли пятнадцать знают какую-либо молитву; едва ли десять не загрубели в самых дурных пороках, в самых непростительных привычках»[595]. Несмотря на это, через три-четыре месяца пребывания в приютах дети, по словам председательницы, «смягчались, оказывая положительное влияние на сверстников и даже на родителей»[596].

Возможно, графиня преувеличивала благотворное влияние приютов. Однако нет оснований сомневаться в том, что регулярное, пусть и скудное питание, соблюдение элементарных правил гигиены, воспитание нравственности, как она тогда понималась, были все-таки лучше, чем «школа жизни» петербургских дворов или пинки и зуботычины в лавке мелкого торговца либо в купеческом лабазе. Кроме того, дети получали в приютах элементарное образование, приобретали некоторые навыки в области ремесел. Справедливости ради следует отметить, что в приютах и подобных им учреждениях в качестве «воспитательных» мер широко использовались брань, подзатыльники и даже розги. В николаевское царствование это явление в учебно-воспитательных заведениях было обычным. Но даже во второй половине XIX в., когда подобные методы стали подвергаться критике, отказ от них происходил с большим трудом.

Как и в воспитательных домах, в детских приютах ведомства императрицы питомцам стремились дать не только элементарные школьные знания, но и, говоря современным языком, трудовое воспитание. «независимо от преподавания детям учебных предметов и по примеру прежних лет, – отмечается в отчете Санкт-Петербургского совета за 1866 г., – были обучаемы: мальчики черчению, разным легким мастерствам, как-то: переплетному искусству, деланию коробок и проч., девочки – рукоделиям, кройке, шитью платьев и белья и проч.»[597]. Постановка образования в приютах оставляла желать лучшего. Отсутствовала единая учебная программа, обучение не было стандартизировано в соответствии с государственными требованиями. Не хватало квалифицированных учителей, учебной литературы и пособий, база «производственного обучения» была слабой. Тем не менее, во второй половине 1860-х гг. Санкт-Петербургский совет мог утверждать, что «во всех

приютах мальчики и девочки старших отделений умеют твердо читать и писать под диктовку, усвоили себе правильные понятия о начальных истинах религии, толково рассказывают из краткого катехизиса и краткой священной истории ветхого и нового завета, объясняют церковное богослужение, легко читают церковнославянскую печать, считают устно и решают письменно все задачи из четырех правил арифметики»[598]. Особое внимание было сосредоточено на религиозном воспитании. С 1868 года в учебные занятия было включено «ежедневное, после утренней молитвы чтение церковной печати, преимущественно по евангелию и Псалтырю»[599]. Среди других предметов наибольшее внимание уделялось арифметике.

Учебные программы для приходящих детей и питомцев, живших в сиротских отделениях, отличались незначительно. Воспитанники сиротских отделений, проводившие в приютах больше времени, изучали, помимо основных предметов, отечественную историю, географию и в математике простые дроби. Более широкой была учебная программа для воспитанниц двух старших классов строгановского сиротского отделения. Эти классы готовили воспитанниц в кандидатки на должности смотрительниц и помощниц смотрительниц в петербургских приютах ведомства императрицы. Девочки изучали «полные курсы катехизиса, истории ветхого и нового завета, учения о богослужении, русской грамматики, арифметики, отечественной истории и географии, посещали педагогические лекции, читанные для смотрительниц и их помощниц наблюдателем по учебной части при образцовом приюте…»[600]. Кандидатки, успешно выдерживавшие экзамены, зачислялись на указанные выше должности. Если вакансии в петербургских приютах оказывались заполненными, то выпускницы направлялись в московские и губернские приюты. Содержание обучения в детских приютах ведомства императрицы не менялось и в дальнейшем, но в 1870–1880-е гг. учебная программа была унифицирована и приведена в соответствие с программами низших учебных заведений Министерства народного просвещения. Не претерпело существенных изменений и профессиональное обучение в приютах.

Создание детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии, как и других заведений призрения, обуславливалось щедростью благотворителей и финансовыми возможностями ведомства, но не потребностями в призрении. Ни благотворительные структуры, ни государство не пытались установить, сколько в империи нуждающихся детей. Количество желавших воспользоваться призрением в приютах ведомства

превышало их возможности. Законоположения о них четко не определяли, какая категория детей может призреваться, и какие дети имеют преимущество при поступлении в эти заведения. В Положениях о детских приютах 1839 и 1891 гг. говорится о том, что они предназначены для отпрысков бедных родителей. Единых общепринятых критериев бедности в России тоже не существовало. Можно предположить, что поступление в приют зависело от различных обстоятельств, в первую очередь, от наличия вакансий. Зачислению могли способствовать ходатайства известных лиц, общественных организаций либо правительственных учреждений, знакомые в управленческих структурах самого ведомства императрицы, хорошие отношения с непосредственным начальством приютов, благотворители, желавшие оплачивать содержание ребенка в приюте. В некоторых случаях воспитанники на сверхштатных вакансиях содержались за счет благотворительных обществ, не располагавших собственными учреждениями призрения. К их числу принадлежало морское благотворительное общество в Петербурге, состоявшее под покровительством великой княгини Ксении Александровны. Ежегодно оно помещало в различные учреждения призрения по несколько детей лиц, связанных с Морским министерством. В 1894 г., например, дети ослепшего матроса Михаила Капустенко – сын восьми лет и дочь шести лет – были помещены за счет морского благотворительного общества в образцовый приют барона Штиглица[601].

Детские приюты ведомства императрицы не могли вместить всех желавших. Но отвергать их было нежелательно, так как это могло нанести ущерб репутации благотворительного ведомства. Санкт-Петербургский совет приютов частично нашел выход из создавшегося положения. Родители и опекуны могли зачислять детей кандидатами на занятие освобождавшихся штатных вакансий. Число кандидатов было значительным. Создавалась очередь из желавших. Например, в течение 1880 г. кандидатами в приюты Санкт-Петербургского совета состояли 1125 детей[602]. К 1 января 1881 г. осталось 1040 кандидатов[603], т. е. 85 детей перешли из кандидатов в воспитанники приютов.

В Петербурге число детских приютов Ведомства императрицы Марии до конца XIX в. Возрастало незначительно. Общее количество призревавшихся в них детей оставалось прежним. К 1 января 1861 г. в ведении совета состояло 19 приютов – столько же, сколько в 1850 г. Всего на 1 января 1861 г. петербургские приюты призревали 3576 детей[604]. За указанный период увеличилось только число сиротских отделений. На 1 января 1880 г. в 22 приютах и четырех сиротских отделениях при них

призревался 3491 ребенок. Из этого числа 334 ребенка призревались в сиротских отделениях[605]. Не изменилось положение дел и спустя десятилетие. В 1889 г. в приютах Санкт-Петербургского совета единовременно призревались 3677 детей, из них – 360 в сиротских отделениях[606]. В целом по российской империи число приютов ведомства императрицы, по сравнению с 1839 г., выросло существенно. Если в 1839 г., когда было принято Положение о детских приютах, этих заведений было всего 8 и в них призревались 827 детей, то в 1889 г. существовало уже 129 приютов. В них единовременно призревались 11 834 ребенка[607]. Однако из этих 129 учреждений 93 были созданы до 1861 г.[608].

Несмотря на то, что реформы Александра II создали более благоприятные условия для развития благотворительности, количество детских приютов Ведомства императрицы Марии, открытых в 1860–1880-е гг., было меньше, чем за предшествовавшее время. Из 129 упомянутых выше детских приютов 93 были созданы до 1861 г. Одной из причин этого стали организационные перетряски в управлении.

Руководство приютами в 1864 г. перешло непосредственно к главноуправляющему. Предполагавшаяся разработка нового, отвечавшего требованиям времени Положения об этих учреждениях была отложена на неопределенный срок. Руководство Ведомства учреждений императрицы уделяло им недостаточно внимания. Принц П. Г. Ольденбургский, занимавший в 1860–1880 гг. должность главноуправляющего, основное внимание сосредоточил на женских учебно-воспитательных заведениях. Преобразования в учебно-воспитательной части институтов, создание Мариинских гимназий, реорганизация работы на низших образовательно-воспитательных ступенях – все это, вероятно, не позволяло принцу основательно заняться проблемами детских приютов.

Другим фактором, сдерживавшим их развитие, были финансовые проблемы. Приюты существовали на пожертвования и средства Ведомства императрицы Марии, проценты с основных капиталов, доходы от недвижимости и от проведения различных благотворительных мероприятий. Открытие новых приютов и расширение прежних было обусловлено не потребностями в призрении, а наличием денег. В ряде случаев, создававшиеся по инициативе частных лиц и общественных организаций, приюты добровольно вступали в число учреждений ведомства императрицы, рассчитывая упрочить свое положение. Однако во второй половине XIX в. руководство запретило принимать под покровительство «их императорских величеств» приюты, если они не имели средств для обеспечения своей деятельности.

Расширению круга источников финансирования приютов могло способствовать сотрудничество с земствами и городскими общественными управлениями, созданными в ходе реформ Александра II. Однако устаревшее законодательство никак не оговаривало такое взаимодействие. Правда, на местах подобная помощь оказывалась. Например, приют св. Ольги в Пскове в 1874 и 1876 гг. получил от уездного земства по 600 руб. и в 1879 г. еще 300 руб. Пособия от олонецкого губернского земства получал николаевский детский приют в Петрозаводске – в 1875 и 1876 гг. по 500 руб., в 1878 г. – 1770 руб. и в 1879 г. – 1450 руб.[609].

На помощь земств можно было рассчитывать не всегда, поскольку они содержали учебно-воспитательные и медицинские учреждения. Их функции отчасти совпадали с призрением. Но благотворительными эти учреждения не являлись – средства на их содержание поступали от земских сборов. Напротив, оказание помощи детским приютам ведомства императрицы было со стороны земств, по существу, благотворительностью. Городские общественные управления также несли свои расходы, в том числе связанные с содержанием учреждений призрения. Сотрудничество земств и городских общественных управлений с благотворительными ведомствами дома Романовых осложнялось не только отсутствием средств у первых и несовершенством законодательства. Ведомства императорской фамилии очень высоко ценили свой привилегированный, корпоративный статус и неохотно шли на деловые контакты с другими обществами и учреждениями призрения. Необходимость объединения усилий всех благотворительных структур в империи признавалась ими лишь на словах. Однако, власть с недоверием относилась к возникшим в ходе реформ Александра II органам общественного управления. Все это мешало решению задач в области призрения.

Ярким примером того, как ревностно оберегали свой статус благотворительные организации дома Романовых, является обсуждение ведомством императрицы Марии в 1880-х гг. вопроса о призрении младенцев. В частности, речь шла о возможности создания новых воспитательных домов, поскольку двух учреждений этого типа, находившихся в Санкт-Петербурге и Москве, было явно недостаточно. Призрение младенцев в губерниях возложили на детские приюты Ведомства императрицы Марии. К тому времени существовали земские учреждения в губерниях. Однако мысль допустить к призрению младенцев земства была категорически отвергнута ведомством. Оно исходило из того, что «земства не имели необходимых для сего средств, и к тому же часто встречали в осуществлении своих намерений затруднение со стороны высшей администрации,

основательно полагавшей, что подобный вид благотворительности, по самому существу своему, выходя из сферы нужд строго земского, местного характера, не представляется для земств обязательным»[610]. Для призрения младенцев-сирот и подкидышей рекомендовались приюты ведомства императрицы. В цитируемой записке «о мерах к улучшению системы призрения подкидаемых незаконнорожденных детей» предполагалось также лишить воспитательные дома права на взимание платы с театров, увеселений, различных празднеств, передав это право Ведомству детских приютов.

Подчеркивая нецелесообразность призрения младенцев земскими учреждениями, автор записки обращался и к традициям благотворительности под покровительством императорской фамилии. «к тому же, если признать земство обязанным вести это дело, – говорится в документе, – то какой смысл будут иметь ныне существующие воспитательные дома, как обособленные учреждения, подчиненные особому ведомству…»[611]. В записке утверждается, что, отдав дело призрения детей другим структурам, ведомство императрицы Марии «изменило бы своему прошлому, отказавшись от дальнейшего участия в благотворении, послужившем краеугольным камнем его основания»[612]. Ход рассуждений неизвестного автора (или авторов) записки предельно прост – если призрением будут заниматься другие структуры, в данном случае земства, то зачем тогда будет нужно ведомство учреждений императрицы Марии?

Несмотря на проблемы и недостатки, свойственные всем подобным учреждениям, приюты императрицы являлись наиболее совершенным в России типом заведений для призрения детей в возрасте от 8–9 до 13–15 лет. Они не только обеспечивали собственно призрение, но и давали питомцам начальное образование, подтвержденное государственным сертификатом, а также некоторые знания в области ремесел. Детские приюты ведомства действовали на единой законодательной основе и управлялись из одного центра, могли использовать различные действенные стимулы привлечения благотворителей. За несколько десятилетий своей деятельности детские приюты заслужили признание общественности и наработали серьезный потенциал для дальнейшего реформирования, которое начало осуществляться в 1890-е гг.

В отличие от входивших в состав Ведомства императрицы Марии, детские учреждения Императорского Человеколюбивого общества представляли собой разнотипные учреждения – сиротские дома, приюты, училища и школы, не объединенные

отраслевыми управленческими структурами подобно детским приютам, женским заведениям и подразделениям воспитательных домов. Большинство учебно-воспитательных учреждений общества были самостоятельными и подчинялись непосредственно его центральному управлению. Некоторые входили в состав благотворительных обществ и Попечительных о бедных комитетов. К середине XIX столетия Человеколюбивое общество имело 11 учреждений для призрения детей и юношества. Из них 8 располагались в Петербурге, по одному в Москве, калуге и Одессе.

Во второй половине XIX в. количество детско-юношеских заведений в составе общества возросло. К концу 1880-х гг. в Санкт-Петербурге было 9 таких заведений, в Москве – 11 и в губерниях – 6. Из губернских заведений 6 располагались в Казани, 4 – в Воронеже, 2 – в Одессе и по одному в Вязьме, Глухове, Костроме, Пензе, Слуцке, Угличе, Уфе и в селе Яковлеве Владимирской губернии. В Казани пять из шести заведений входили в состав Попечительного о бедных комитета. Таким комитетам подчинялись детско-юношеские заведения призрения в Воронеже, Костроме, Слуцке и Уфе. В Москве пять заведений входили в «общество для поощрения трудолюбия» и одно в «состоящее под августейшим покровительством государыни императрицы Марии Федоровны Братолюбивое общество снабжения неимущих квартирами».

В Санкт-Петербурге Императорское Человеколюбивое общество располагало различными по типу учебно-воспитательными заведениями для призрения детей и юношества. Почти все они подчинялись непосредственно центральному управлению общества. К концу 1980-х гг. в Петербурге действовали дом призрения малолетних бедных, гимназия Императорского Человеколюбивого общества, ивановское отделение малолетних с приютом круглых сирот, Мариинско-Сергиевский приют, Надеждинский приют для детей-калек с Надеждинским убежищем малолетних, Уткинский детский приют, приют для грудных детей, приют господа нашего Иисуса Христа в память отрока Василия. Детский приют также имело действовавшее в Петербурге Попечительство для сбора пожертвований на воспитание и устройство бедных детей в мастерство. Эти учреждения, кроме гимназии Императорского Человеколюбивого общества, представляли собой приюты, в которых дети содержались до подросткового возраста и получали самое элементарное образование. Приюты были мужскими и смешанными. Гимназия являлась мужским учебно-воспитательным учреждением призрения, питомцы которого

получали полное среднее образование. В Петербурге также располагались женские учебно-воспитательные заведения Человеколюбивого общества. Это были ивановское девичье училище и женская профессиональная школа. Во второй половине XIX в. эти заведения по своим задачам стали близки к женским гимназиям Ведомства императрицы Марии. В северной столице существовало еще одно женское заведение Человеколюбивого общества – мастерская дамских нарядов для воспитанниц профессиональной школы, императорский институт слепых и Мариинский институт слепых девиц. Эти учреждения имели особые задачи и их работа рассматривается в отдельном параграфе предлагаемой монографии.

Призрение детей и юношества – одно из важнейших направлений работы Императорского Человеколюбивого общества с самого начала его существования. В 1816 г. в Петербурге возникло благотворительное общество, получившее название «сословие для призрения малолетних бедных». Тогда же на средства этого общества был учрежден дом призрения малолетних бедных, в который принимались сироты и дети беднейших родителей «простого звания», не старше шести лет. Воспитанники получали не только еду, одежду и крышу над головой, но обучались закону божьему, чтению, письму и арифметике, а по достижении тринадцати лет отдавались ремесленникам для обучения. Из-за недостатка средств число призревавшихся в доме в первой половине XIX в. редко превышало десяти человек. Для поддержания заведения пришлось выделять деньги из средств совета Человеколюбивого общества.

В 1858 г. лица, работавшие в доме призрения малолетних бедных, получили права государственных служащих и ведомственные мундиры Человеколюбивого общества. Председатель комитета сословия для призрения малолетних бедных получил чин V класса, десять членов комитета и заведующий домом – чины VI класса, медицинский, административный и хозяйственный персонал – чины VIII–XII классов. Члены сословия для призрения малолетних бедных получили право носить только мундир Человеколюбивого общества VIII разряда[613]. В 1858 г. сословие насчитывало 130 членов, а в доме призревались 82 ребенка.

Чины и ведомственные мундиры были важными стимулами для привлечения благотворителей. Но эффект от использования этих стимулов достигался только тогда, когда лица, желавшие иметь чины и мундиры, располагали деньгами либо обладали профессиональными знаниями, необходимыми для работы в

учреждениях призрения. В 1858 г. совет Человеколюбивого общества предложил членам сословия для призрения малолетних бедных полностью взять на себя текущее содержание заведения, а членские взносы, которые они уплачивали, предполагалось направить на образование основного капитала. Большинство членов сословия отказались, так как не располагали достаточными средствами. Дом призрения малолетних бедных мог оказаться в критической ситуации, если бы не петербургский предприниматель Василий Федулович Громов, который вызвался полностью содержать заведение. В 1858 г. Назначен председателем комитета сословия. Инициатива Громова позволила вообще упразднить сословие для призрения малолетних бедных, а сам Василий Федулович был назначен почетным попечителем дома призрения малолетних бедных. Громов принял на себя обязательство оплачивать текущие расходы заведения, внося ежегодно 7380 руб. на содержание 82 воспитанников. В 1866 г. он единовременно внес 100 тыс. руб. для образования основного капитала дома[614]. Оказывал помощь дому и брат Василия Федуловича Громова – Иван Федулович. В 1870 г. он взял, после кончины В. Ф. Громова, содержание дома на себя. Если в 1858 г. основной капитал дома призрения составлял 20 тыс. руб., то, благодаря щедрости братьев Громовых, в 1877 г. он составил уже 175 тыс. руб.[615].

Во второй половине XIX в. дом призрения малолетних бедных окончательно сформировался как ремесленное учебно-воспитательное заведение. В 1870–1890 гг. в нем одновременно призревались около сотни питомцев. Сюда принимались только мальчики из низших сословий в возрасте от семи до четырнадцати лет. Учебная программа соответствовала программе городских трехклассных училищ – дети получали начальное образование. Кроме того, они обучались основам различных ремесел. По окончании учебы некоторые воспитанники «сообразно способностям» оставались при заведении для обучения типографскому делу. Остальные поступали в ученики к ремесленникам. Однако во многих случаях образование, полученное питомцами дома, по выходе из заведения оказывалось невостребованным.

В Отчетах Совета Императорского Человеколюбивого общества за 1866, 1867, 1868 и 1869 гг. отмечалось, что при таком положении дел воспитательная и образовательная цель заведения достигалась «только в половину», подчеркивалось, что выпускник дома, «не окрепший даже в грамотности, поступая к мастеру, в среду прочих учеников его, не получивших большей частью никакого образования», вскоре «забывает то, что дало ему

заведение, призревшее его в детстве, и делается полубезграмотным, дюжинным подмастерьем, едва добывающим насущный кусок хлеба»[616]. Чтобы избежать этого, решено было организовать ремесленное обучение не у мастеров, а при заведении. В 1873 г. даже рассматривался вопрос о создании ремесленного училища при доме призрения малолетних бедных. Реализация этого проекта позволила бы превратить дом в единый учебно-воспитательный и производственный комплекс, дававший не только общее, но и полноценное профессиональное образование. Однако на открытие училища не нашлось средств, и дальше обсуждения проектов дело не пошло. Профессиональное обучение питомцев дома призрения малолетних бедных осуществлялось по-прежнему, только было усилено наблюдение за их учебой у мастеров.

Заведения приютского типа Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества готовили питомцев к жизни лиц «простого звания», но немногим, наиболее способным и трудолюбивым воспитанникам, давалась возможность продолжить учебу и достичь более высокого социального и сословного положения. В ведомстве императрицы единственным учреждением, позволявшим продолжить обучение, была Мариинская учительская семинария принца Петра Ольденбургского. Но к учебе в ней допускались только питомцы Санкт-Петербургского воспитательного дома.

В составе Человеколюбивого общества также были учреждения, в которых наиболее способные воспитанники приютов могли продолжить образование. Одной из них являлась гимназия в Петербурге. Она возникла в результате реорганизации дома призрения бедных детей, открытого обществом в 1819 г. С 1822 г. наиболее способные питомцы этого заведения после окончания учебы направлялись Министерством народного просвещения в четвертый класс Санкт-Петербургской гимназии. В 1833 г. из-за отсутствия вакансий министерство отказалось принимать питомцев дома призрения бедных детей в гимназию. Собственно дом подвергся многочисленным преобразованиям, закончившимся в 1872 г. Созданием на его основе мужской классической гимназии Императорского Человеколюбивого общества. Учебная программа ее полностью соответствовала государственной. Учебная часть гимназии подчинялась Министерству народного просвещения, административно-хозяйственная – Человеколюбивому обществу. Оно же следило за воспитательным процессом. Вначале гимназия имела семь классов (седьмой делился на младшее и старшее отделение). В 1876 г. создан восьмой класс. Упрочение материального

положения гимназии во второй половине XIX в. было связано с поступлением ряда крупных пожертвований. В 1856 г. почетный потомственный гражданин И. А. Ефимов построил двухэтажный каменный флигель для заведения, обошедшийся благотворителю в 50 тыс. руб. Коллежский асессор Н. Я. Стобеус пожертвовал гимназии в общей сложности более 35 тыс. руб. деньгами и ценными бумагами. В 1859 г. его сын – А. Н. Стобеус – пожертвовал заведению еще 20 тыс. руб.[617]. Кроме благотворительных пожертвований, гимназия получала ежегодное пособие из государственного казначейства в размере 8580 руб. Штатные воспитанники гимназии содержались за счет средств совета Человеколюбивого общества. Гимназия принимала пансионеров, полупансионеров и приходящих детей. Для последних она являлась обычным учебным заведением. Плата за пребывание в гимназии была велика. Для пансионеров она составляла 350 руб. в год и еще 50 руб. на «первоначальное обзаведение», для полупансионеров – 160 руб. и для приходящих – 70 руб. в год[618].

Общая численность учеников гимназии составляла около 300: в 1874 г. обучались 333, в 1875 г. – 339, в 1876 г. – 315 человек[619]. Приблизительно половина учащихся были питомцами непосредственно Человеколюбивого общества. Остальные – пансионеры, полупансионеры и приходящие. К концу XIX столетия число обучавшихся в гимназии возросло до 400 человек, но количество призревавшихся Человеколюбивым обществом из-за финансовых трудностей уменьшилось. В 1897 г., например, из 415 воспитанников гимназии штатных было всего 40 человек[620].

Учеба в Гимназии открывала питомцам Человеколюбивого общества возможности, недоступные выходцам из «простого звания». Окончание мужской классической гимназии давало право поступать в высшие учебные заведения империи. Например, в 1874–1876 гг. 14 выпускников этого заведения поступили в Петербургский университет, 3 – в институт путей сообщения, 5 – в медико-хирургическую академию, 2 – в земледельческий институт, 1 – в технологический институт и 2 – в институт горных инженеров[621]. Следует отметить, что практика зачисления в классическую гимназию представителей низших сословий, к которым, как правило, относились питомцы Человеколюбивого общества, являлась исключением из общего правила, которое определяло правительственную политику в области образования.

Власть пребывала в убеждении, что выходцы из низших сословий, получив через среднее и высшее образование доступ к государственной службе, будут непременно вести

разрушительную работу. «классические гимназии, – отмечает современный исследователь российского образования, – были „передней“ университетов. Их администрации при ежегодном наборе учеников, а он был конкурсным, предписывалось отдавать предпочтение отпрыскам дворянско-чиновничьих семей и только с большим разбором детям состоятельных родителей непривилегированных сословий»[622].

Наиболее ярким выражением этой политики стал принятый Министерством народного просвещения в 1887 г. «циркуляр о кухаркиных детях», который прямо запрещал принимать в гимназии выходцев из низших сословий. Гимназия Императорского Человеколюбивого общества, напротив, была предназначена именно для таких лиц. В 1875 г. ее посетил Александр II, что можно рассматривать как одобрение императором деятельности этого учебного заведения.

Императорское Человеколюбивое общество не могло действовать вразрез с правительственной политикой. Мужская классическая гимназия являлась все-таки исключением, призванным демонстрировать возможности, открывавшиеся перед наиболее дисциплинированными и трудолюбивыми его питомцами. Кроме дома призрения малолетних бедных, своих воспитанников могло направлять в гимназию ивановское отделение малолетних с приютом круглых сирот (приют первоначально являлся самостоятельным заведением, но в 1873 г. был присоединен к ивановскому отделению малолетних.) Прочие Петербургские приюты Человеколюбивого общества этого права были лишены. Задачей приютов этого ведомства, как в северной столице, так и во всей империи было готовить к жизни людей «простого звания». В Петербурге к таким заведениям относились Мариинско-Сергиевский приют, Уткинский детский приют и Приют господа нашего Иисуса Христа в память отрока Василия. Все эти учреждения давали начальное общее образование и основы знаний в области ремесел. Надеждинский приют детей-калек с отделением малолетних и приют для грудных детей имели другую задачу. Они осуществляли кратковременное призрение детей, которые затем распределялись по другим учреждениям общества либо отдавались для воспитания частным лицам. Дети-инвалиды по достижении юношеского возраста направлялись в богадельни.

Располагая в Петербурге лишь несколькими детскими учреждениями, Человеколюбивое общество не могло удовлетворить все просьбы о принятии детей на призрение. Чтобы решить эту задачу хотя бы частично, в 1883 г. в Петербурге было создано Попечительство для сбора пожертвований на

воспитание и устройство бедных детей в мастерство. Оно занималось «приисканием» мест для обучения ребят у ремесленников, обеспечением их одеждой, обувью, медицинской помощью, обучало их в воскресных школах. В некоторых случаях наиболее бедным родителям оказывалась денежная помощь. Попечительство располагало приютом, также созданном в 1883 г. рассчитанный на одновременное пребывание не более 20 детей, он предназначался для кратковременного призрения до их распределения по мастерам, а также в тех случаях, когда перемещались от одного мастера к другому или болели. За обучение мастера получали плату. В 1880–1890-е гг. под покровительством Попечительства находилось одновременно до сотни детей. В отличие от детских приютов Ведомства императрицы Марии, при отсутствии вакансий зачислявших детей кандидатами на призрение, Императорское Человеколюбивое общество допустило открытое призрение. Это практиковалось не только в Петербурге, но и в других городах. Как правило, его осуществляли Попечительные о бедных комитеты и другие общественные благотворительные организации, входившие в состав Человеколюбивого общества.

Помимо мужских и смешанных, в Петербурге действовали женские учебно-воспитательные заведения общества. В первой половине XIX столетия в городе располагались пять так называемых девичьих школ, подчинявшихся совету Человеколюбивого общества. После многократных преобразований на основе этих школ и женской «половины» ивановского отделения малолетних в 1867 г. были созданы два новых учебно-воспитательных женских учреждения призрения: хозяйственно-рукодельное заведение и ивановская девичья школа. Первое по уставу 1868 г. предназначалось для подготовки нянь, горничных, швей и кухарок. Здесь призревались дети беднейших родителей и сироты в возрасте от четырех до тринадцати-восемнадцати лет. Комплект призреваемых был определен в 90 человек. Для профессионального обучения воспитанниц при заведении имелись кухня, прачечная и швейная мастерская. В 1870-е гг. профессиональное обучение ограничивалось вышиванием и изготовлением дамских нарядов. Для реализации изделий воспитанниц открылся рукодельный магазин.

В 1880-е гг. произошли новые изменения. Магазин преобразовали в мастерскую дамских нарядов. В 1889 г. заведение, получившее название женской профессиональной школы, было передано в ведение Попечительства для сбора пожертвований на воспитание и устройство бедных детей в

мастерство. В 1892 г. новым уставом Школа была разделена на два отделения. Одно из них, так называемое «научное», обеспечивало общеобразовательный процесс. Учебная программа соответствовала программе двухклассных сельских училищ Министерства народного просвещения. Второе, профессиональное, отделение предназначалось для обучения шитью дамских нарядов. В школу принимались бедные девицы не моложе 12 и не старше 16 лет всех христианских вероисповеданий. В 1897 г. заведению было присвоено имя дочери императора – великой княжны Татьяны Николаевны.

В 1860-е гг. на базе петербургских женских заведений Человеколюбивого общества было создано еще одно учебно-воспитательное учреждение призрения – ивановская девичья школа. В нее перевели «благородных» воспитанниц ивановского отделения малолетних и девичьих школ. Согласно уставу 1868 г., школа имела «своим назначением дать питомцам полное гимназическое образование и приготовить их к званию наставниц, как в частные дома, так и в средние учебные заведения»[623]. При этом собственно призрение оставалось за Человеколюбивым обществом, а образование девицы получали в близлежащих женских гимназиях. В 1871 г. школа была переименована в ивановское девичье училище и принята под покровительство цесаревны Марии Федоровны. По существу оно представляло собой женскую гимназию, дававшую среднее образование. Комплект воспитанниц училища был определен в 150 человек, однако призрением Человеколюбивого общества пользовались лишь несколько десятков. К концу XIX столетия таких воспитанниц было около 40. К примеру, в 1896 г. здесь обучались 150 воспитанниц, из них: 43 призревались на средства совета Человеколюбивого общества, 90 на пансионерских вакансиях и 17 были приходящими[624].

Финансировались детско-юношеские учреждения призрения Императорского Человеколюбивого общества за счет благотворительных пожертвований, выплат из сумм совета Человеколюбивого общества, реже – деньгами из казны. В пользу этих заведений поступала пансионерская плата за воспитанников. В ряде случаев благотворители жертвовали крупные суммы. В частности, графиня надежда Алексеевна Стенбок-Фермор в 1872 г. передала 50 тыс. руб. приюту для детей-калек, созданному годом ранее на средства тайного советника М. Я. Вейсберга[625]. В 1879 г. совет Человеколюбивого общества предложил графине звание пожизненной попечительницы приюта. Она согласилась, взяв на себя обязательство ежегодно жертвовать приюту по тысяче рублей. В 1880 г. заведение в честь благотворительницы назвали

Надеждинским приютом детей-калек с Надеждинским отделением малолетних. В 1883 г. адмирал П. Ю. Лисянский пожертвовал 60 тыс. руб. на основание и содержание так называемой колыбельной, то есть приюта для младенцев. Позже, после кончины Лисянского, по его духовному завещанию в пользу заведения поступил почти весь его капитал, составлявший более 90 тыс. руб.[626]. Упрочение материального положения заведения позволило принять его в состав Человеколюбивого общества. В 1887 г. приют был преобразован и получил название Приют господа нашего Иисуса Христа в память отрока Василия. В нем призревались уже не младенцы, а дети в возрасте от пяти – семи лет. В 1832 г. отставной поручик Степан Григорьевич Иванов пожертвовал Человеколюбивому обществу около миллиона рублей ассигнациями[627]. В следующем году на эти средства открылось и впоследствии содержалось ивановское отделение малолетних, названное в честь благотворителя. Во второй половине XIX столетия на его основе были созданы женская профессиональная школа и ивановское девичье училище, а также приют для мальчиков, сохранивший прежнее название. Во второй половине XIX в. капитал, пожертвованный Ивановым, из-за инфляции начал обесцениваться и процентов с него уже не хватало на содержание этих заведений. Поэтому они начали получать выплаты из сумм совета Человеколюбивого общества, пожертвования в виде членских взносов попечителей и сотрудников.

Большинство детско-юношеских учреждений призрения Человеколюбивого общества в Петербурге во второй половине XIX в. предоставляли от государства чины и мундиры за пожертвования и безвозмездную службу. Решения такого рода принимались непосредственно самими учреждениями, в зависимости от конкретных обстоятельств. Так, в 1871 г. при ивановском девичьем училище была учреждена должность попечителя с правом государственной службы в чине V класса. В 1882 г. учредили десять должностей сотрудников попечителя с правом службы в чине VI класса при условии ежегодного взноса в сумме 300 руб.[628]. Женская профессиональная школа только в 1892 г. предоставила попечителю заведения и десяти его сотрудникам права государственной службы, первому в V классе, прочим в VI классе[629]. Все состоявшие на службе в Императорском Человеколюбивом обществе имели его ведомственные мундиры.

Содержание воспитанников детско-юношеских учреждений Человеколюбивого общества было весьма скромным. Питание, одежда, бытовые условия удовлетворяли лишь минимальные

потребности. Безусловно, такое призрение в сочетании с обучением было все-таки лучше, чем голодная смерть на улице или погружение ребенка в криминальную среду, где его тоже в большинстве случаев ждала гибель. Однако это не могло служить оправданием различных злоупотреблений в учреждениях призрения, как и декларируемая цель – подготовка к жизни людей «простого звания». Но только во второй половине XIX в. В России стало возможно говорить о таких вещах открыто.

Негативные факты не находили отражения во всеподданнейших отчетах и других официальных документах. Но в фонде Императорского Человеколюбивого общества, в российском государственном историческом архиве имеются документы, проливающие свет на действительное положение дел в детских учреждениях этого благотворительного ведомства. В 1871 г. Человеколюбивое общество пережило если не скандал, то весьма неприятную историю, вызванную критикой в прессе деятельности этого ведомства. В газете «Петербургский листок» 9 ноября 1871 г. появилась статья «обратите внимание», в которой резко осуждались порядки, существовавшие в доме призрения малолетних бедных. Говорилось о том, что воспитанники заведения содержатся очень плохо: ходят в сапогах без калош, в легких пальто не по сезону, подвергаются грубому обращению со стороны воспитателей и даже телесным наказаниям[630].

Игнорировать прессу было уже нельзя. Времена Николая I, когда любая публичная критика состоявших под покровительством императорской власти учреждений была немыслима, ушли в прошлое. Чтобы не портить репутацию Человеколюбивого общества в глазах общественности, его руководство вынуждено было объясняться. Реакция чиновников интересна не только тем, что раскрывает истинное положение дел в детских учреждениях, она показывает их отношение к той весьма ограниченной свободе слова, которая тогда существовала в России. В объяснительной записке на имя помощника главного попечителя Человеколюбивого общества, не предназначенной для печати, заведующий домом призрения малолетних бедных по поводу грубости воспитателей и телесных наказаний замечает, что воспитатели-«дядьки» «не читали ни одного педагогического сочинения и поступали так, как поступали с ними, когда они воспитывались»[631]. Вместо решительного осуждения телесных наказаний управляющий подчеркивает: «впрочем, хотя я враг телесных наказаний, но вопрос о применимости их еще не решен в педагогике, и я не решусь за невозможность случая, в котором телесное наказание необходимо. Есть, без сомнения, и теперь не одно учебное заведение, где телесные наказания

существуют»[632]. Управляющий предлагает не торопиться принципиально отказываться от такого проверенного временем «педагогического» средства, как розги.

Приводится даже конкретный пример его действенности. Один из учителей дома призрения малолетних бедных, пытаясь успокоить расшалившихся воспитанников, спросил, колотили ли их «дядьки», на что ученики ответили утвердительно. Тогда педагог задал вопрос: «так разве вы хотите, чтобы я поставил в класс дядьку и велел бы колотить вас?»[633]. Разумеется, дети ответили отрицательно и затихли. Заканчивает управляющий свои рассуждения вопросом: «разоблачать ли еще, ваше Превосходительство, былое, о котором лучше забыть?..»[634]. Фактически он дает понять, что не следует слишком усердствовать в самокритике, а если начальство пожелает запретить розги, то должно найти другое средство поддержания дисциплины.

Журналиста, написавшего критическую статью, управляющий в записке помощнику главного попечителя называет «проходимцем-невеждой». Однако в письме, посланном в газету, по месту работы «проходимца», чиновник пишет, что «готов с величайшей благодарностью принимать всякие дельные замечания, могущие указать на недостатки заведения»[635] и заверяет редакцию, что во вверенном ему заведении принимаются энергичные меры для их устранения. Вместе с тем управляющий не согласился с замечаниями газеты о том, что воспитанники дома призрения малолетних бедных плохо и бедно одеты. Его возражения ярко иллюстрируют характер воспитания и условий содержания питомцев Человеколюбивого общества. Управляющий пишет: «Это дом призрения малолетних бедных, в котором беднейшие дети призреваются и готовятся в ремесленники, следовательно, если бы это заведение и имело средства содержать своих питомцев так, как содержатся воспитанники лицея, училища правоведения и т. п. И содержало бы их так, то оно приготовило (бы. – *Прим. авт.*) их совсем не для той суровой среды, в которую они попадут по выходе из заведения… Поэтому пальто воспитанники этого заведения носят из армейского солдатского сукна, другого у них нет, не будет и быть не должно»[636].

Вся жизнь воспитанников приютов Императорского Человеколюбивого общества и Ведомства императрицы Марии была сознательно организована так, чтобы они не привыкали к достатку и комфорту «свыше их состояния», как выразился Николай I. Считалось, что «излишества» только портят детей, которым предстояло вести жизнь людей «простого звания». Такой

подход объективно создавал основу для злоупотреблений. Пример тому – результаты «обозрения» ивановской девичьей школы, проведенного чиновником Человеколюбивого общества Кондрашевым в 1864 г. описание рациона питания воспитанниц заслуживает того, чтобы привести некоторые фрагменты. На завтрак им давали молоко, которое показалось Кондрашеву разведенным водой, но когда он попробовал его на вкус, «…то убедился, что это вода с примесью подогретого молока, весьма дурного свойства»[637]. В обед на первое был подан суп с рисом, который, по мнению чиновника, напоминал помои с примесью картофеля и крупинок риса. На второе – говядина с макаронами «не совсем свежая и притом последнего сорта»[638]. Хорошим оказался только хлеб.

Разумеется, руководство заведения не согласилось с этими замечаниями. Аргументы были такие: «…если бы воспитанницы действительно питались, по выражению г-на Кондрашева, супом по качеству похожим на помои, говядиной весьма дурного качества и несвежей, молоком дурного свойства, разведенным водой… то без сомнения такого рода злокачественная пища не могла не обнаружиться гибельными последствиями на здоровье детей, …а затем и значительной смертностью, между тем… в течение прошлого 1864 г из 140 воспитанниц 2-х заведений, осмотренных г. Кондрашевым, не было ни одной умершей, заболевших было от 1 до 4-х в месяц…»[639]. Если проверяющий и сгустил краски, то немного. Скорее всего, персонал школы воровал продукты. Но важно другое – критерий, по которому начальство школы оценивало качество питания. Отсутствие «значительной смертности» расценивалось как свидетельство вполне благополучного положения дел.

Благотворительные ведомства дома Романовых, занимаясь, несомненно, полезным и чрезвычайно необходимым делом призрения детей, удовлетворяли лишь минимальные их потребности, исходя из воспитательных целей и финансовых возможностей. В этих условиях кофе, булки, конфеты и сахар, время от времени посылавшиеся высочайшими особами к столу воспитанников, действительно выглядели сказочным подарком (если вообще доходили до детей). Нет никаких оснований идеализировать деятельность благотворительных ведомств монаршей семьи. К жизни людей «простого звания» готовили и воспитанниц женских заведений приютского типа, входивших в состав Ведомства учреждений императрицы Марии – школ Патриотического общества в Петербурге, Елисаветинского благотворительного общества в Москве, училищ солдатских дочерей полков лейб-гвардии № 1 и № 2 и двух училищ для

дочерей нижних чинов черноморского флота. Здесь девочки получали лишь начальное образование. По окончании этих заведений им была уготована роль прислуги – кухарок, прачек, нянь. Несколькими учреждениями такого типа располагало Человеколюбивое общество.

В составе Ведомства императрицы Марии имелась группа учреждений, пользовавшихся особым вниманием императорской фамилии и руководства ведомства. Это были женские институты, предназначавшиеся для призрения представительниц привилегированного сословия. Первое такое заведение было создано в 1764 г. Екатериной II. Оно получило название воспитательного общества благородных девиц (Смольный институт). Само наименование указывало на привилегированный характер заведения, призванного обучать и воспитывать представительниц дворянского сословия. Таким образом, объектом благотворительности стали представительницы самой привилегированной в России социальной группы. Следует пояснить, почему Екатерина несмотря на привилегии, поставившие в XVIII столетии российское дворянство в исключительное положение, считала его заслуживающим призрения. Дело в том, что сам по себе дворянский титул не гарантировал материального достатка. Военная или чиновничья служба, земля с крепостными крестьянами и другие источники существования не всегда позволяли дворянам обеспечивать себя и свои семейства должным образом. Но дворянство было социально-политической опорой самодержавия, и, соответственно, наиболее ценным для государства сословием. Отсюда и проявленная Екатериной забота.

Вид Смольного монастыря со стороны Невы. Гравюра XVIII в.

Воспитательное общество благородных девиц задумывалось императрицей не только как форма призрения дочерей «недостаточных» дворян. Оно должно было служить той же цели, что и воспитательные дома, то есть умножать число «полезных обществу граждан». Поэтому Смольный институт был строго закрытым заведением. Но если воспитательные дома со временем вынуждены были допустить открытое призрение детей, то «закрытость» Смольного и созданных по его подобию институтов сохранялась до середины 1860-х гг.

Устав Смольного был разработан И. И. Бецким и одобрен Екатериной. Институт должен был не только выполнять функции учреждения призрения, но и воспитывать «новую породу людей». В создаваемом заведении, как отмечалось в Уставе, должны были соединяться «истинная государственная польза с христианским человеколюбием…»[640]. Целью воспитания являлась выработка в призреваемых таких качеств, которыми должен был, по мысли императрицы, обладать совершенный человек. К их числу относились «повиновение начальствующим, взаимная учтивость, воздержание, равенственное в благонравии поведение», а также «приличная скромность и великодушие»[641]. Для успеха воспитания следовало, по мнению Екатерины, как можно раньше отрывать девиц от семейной и общественной среды. Девочки зачислялись в Смольный институт в возрасте пяти-шести лет и должны были воспитываться в нем до восемнадцатилетнего возраста. Забирать их раньше запрещалось.

Той же цели служила образовательная программа, которая имела, говоря современным языком, гуманитарный характер. Девицы изучали закон божий, «все части воспитания и благонравия», чтение и письмо по-русски, иностранный язык (французский), арифметику, историю, географию, рисование, танцы, музыку, рукоделия и общие основы ведения домашнего хозяйства. Обучение разделялось на четыре «возраста» (класса). В первом обучались девицы в возрасте от шести до девяти лет, во втором – от девяти до двенадцати лет, в третьем – от двенадцати до пятнадцати лет и в четвертом – от пятнадцати до восемнадцати лет. Первый класс носил платья коричневого или «кофейного» цвета, второй – голубого, третий – серого и четвертый – белого. Некоторое время в программе обучения были такие предметы как архитектура и геральдика. Екатерина хотела включить в программу даже анатомию. Учебная программа получилась слишком сложной. Это свидетельствует о том, что императрица и Бецкой слабо представляли себе, какой должна

быть учебно-методическая база обучения. Екатерина желала, чтобы воспитанницы Смольного «приучаемы были к добродетелям, к учтивости, ласковым и приятным разговорам, не токмо с равными, но и с самым последним, какого б звания кто ни был»[642]. Но это противоречило сословным традициям дворянства.

Указ о наборе двухсот благородных девиц в воспитательное общество вышел 5 мая 1764 г. Большой заинтересованности он не вызвал – общество «с предубеждением отнеслось к женскому учебно-воспитательному заведению», которое действовало «на совершенно необычных для русской жизни началах»[643]. В октябре того же года Екатерина издала повторный указ. Комплект в 50 девиц для обучения в первом классе был сформирован только в начале июля 1765 г.

Стремление Екатерины сделать женское образование широко доступным привело к созданию при воспитательном обществе училища для девиц недворянского происхождения – мещанского училища. Оно было открыто 31 января 1765 г. Комплект училища был установлен в 240 воспитанниц, разделенных на четыре класса по возрасту. Учебно-воспитательная программа была схожа с программой воспитательного дома, но в нее вошли предметы, изучавшиеся на «благородной» половине Смольного – танцы, музыка, пение и иностранный язык. Так в первом в России женском институте был установлен сословный принцип обучения, предполагавший более высокий уровень для «благородных» и отделение их от других сословий. Соответствующим было и воспитание.

Более 30 лет воспитательное общество благородных девиц с мещанским училищем оставалось единственным «правительственным» женским учебно-воспитательным учреждением призрения. Екатерина внимательно следила за успехами воспитанниц, часто посещала Смольный. Главным образом ее интересовало не призрение как таковое, а педагогический эксперимент по воспитанию «новой породы людей». Вскоре выяснилось, что эксперимент этот совершенно не обеспечен педагогическими кадрами. Далеко не все педагоги, выписанные из-за границы, отвечали элементарным требованиям. Первый русский педагог появился в Смольном только в 1772 г. Екатерина убедилась и в том, что педагогическая система Бецкого была далека от совершенства. Согласно ей, например, требовалось, «учить детей играючи», не обременять их знаниями, которые не согласовались «с их природными наклонностями»[644]. Но это было возможно лишь в младшем возрасте. Созданная в 1782 г. комиссия об учреждении народных училищ, обследовала

Смольный институт и убедилась, что в нем отсутствуют сколько-нибудь продуманные учебные планы, программы и элементарная учебная дисциплина. Единого расписания занятий вообще не было. Тогда же императрица утвердила новую учебную программу, в которой больше внимания уделялось методике обучения. Но и после этого Екатерина «не могла надлежащим образом осуществить своих идей и планов из-за недостатка просвещенных и преданных делу педагогов»[645]. Такая ситуация сохранялась до конца ее правления.

Не менее сложно решался вопрос о финансировании воспитательного общества. Ко времени его открытия никто не удосужился подсчитать, сколько денег требовалось для обеспечения деятельности Смольного института. Средства поступали из коллегии экономии и из кабинета императрицы. Их постоянно не хватало. В 1776 г. совет воспитательного общества предложил установить ежегодные ассигнования в размере 100 тыс. руб. Исходя из того, что в первые девять лет из-за неполного комплекта воспитанниц можно было сэкономить часть этих денег, совет предложил вносить их в дворянский банк под проценты. За 25 лет накопилось бы 100 тыс. руб. и отпала потребность в ежегодных ассигнованиях. Со временем финансовое положение Смольного института осложнилось. Расходы на ремонтно-строительные работы, рост цен, отсутствие ясной финансовой отчетности – все это привело к тому, что к концу правления Екатерины у воспитательного общества образовались долги. Хозяйственная и учебная часть заведения пришли в полный упадок.

Мария Федоровна приняла руководство смольным институтом 12 ноября 1796 г., через шесть дней после кончины Екатерины. Никаких целей и задач в отношении этого заведения Павел I перед своей супругой не ставил. Его указ состоял из одной фразы: «императрице начальствовать над обществом благородных девиц»[646]. Мария Федоровна энергично занялась преобразованиями. В первую очередь – административно-хозяйственная деятельностью заведения. Обойтись без казенных средств оказалось невозможно. Долги воспитательного общества – более 73 тыс. руб. – были погашены за счет государственного казначейства. Кроме того, 22 тыс. руб. были добавлены к ежегодным выплатам из казны.

Учебно-воспитательная программа Смольного института подверглась корректировке. Возраст приема воспитанниц на «благородную» половину заведения был повышен до 8–9 лет, на мещанскую – до 11–12 лет. Преобразования коснулись, главным образом, воспитания. Мечты Екатерины о формировании «новой

породы людей» практичную Марию Федоровну не вдохновляли. Смольный, по ее мнению, должен был готовить добродетельных и высоконравственных жен и матерей, экономных хозяек, хранительниц домашнего очага. При Марии Федоровне была переведена с немецкого и стала основополагающей в воспитании смолянок книга «отеческие советы моей дочери». Об обязанностях женщины там, в частности, говорится: «Бог и человеческое общество хотели, чтобы женщина зависела от мужчины, чтобы она ограничила круг своей деятельности домом…»[647]. Женщина, подчеркивается в этой книге, должна «разделять свое существование между детской, кухней, погребом, амбаром, двором и садом»[648].

Это полностью соответствовало представлениям Марии Федоровны о роли женщины в семье и обществе. Речь, разумеется, не шла о том, чтобы воспитывать в Смольном покорных мужу забитых существ, способных сосредотачиваться исключительно на хозяйственных заботах. Не была такой и сама императрица. В столкновениях со свекровью и в драматический момент гибели супруга она проявляла достаточно твердости. В данном случае Мария Федоровна просто определила социальные функции женщины в соответствии с представлениями эпохи. Подразумевалось, что благородная женщина на кухне, в погребе, в амбаре и в саду должна была не сама работать, а умело руководить прислугой и подсчитывать доходы и расходы.

При Марии Федоровне произошли изменения в учебной части Смольного института. «составленный императрицей Марией Федоровной план учения для общества благородных девиц» содержал правила, определявшие порядок последовательного изучения воспитанницами учебных дисциплин, рекомендации учителям, обязанности педагогического персонала института. Принятое в 1815 г. «Повеление императрицы Марии Федоровны совету воспитательного общества о новом плане учения» вводило точный перечень дисциплин, изучавшихся в каждом классе, с указанием количества часов на каждый предмет и краткими инструкциями к преподаванию. Мария Федоровна желала, чтобы учебный процесс не сводился к механической зубрежке материала, а был основан на понимании воспитанницами изучаемых дисциплин. «вообще иметь учителям всемерное старание, – говорится в „Повелении“, – дабы воспитанницы ответствовали во всех преподаваемых им предметах собственными своими словами, а не вытверженными наизусть речами и ответами и для того не только не требовать от них, чтобы они в ответах своих повторяли точно те слова коими объяснена им статья науки, о которой спрашивается, но напротив

того всячески уклонять их от такого повторения, доказывающего только хорошую память, а не ясное понятие о выученном предмете»[649].

Мария Федоровна полагала, что учение не должно ограничиваться только выполнением домашних заданий и занятиями в классах. От педагогов требовалось «поощрять» воспитанниц «к добровольному чтению избранных и для каждого возраста по летам и понятию определенных книг, особливо же в среднем и высшем возрасте»[650]. Эти требования относились и к обучению воспитанниц мещанского училища. Программа обучения девиц была более краткой, но при этом они должны были воспитываться «так же хорошо, как и благородные, но не выше своего состояния»[651]. Так закрытый сословный характер призрения в Смольном институте был сохранен Марией Федоровной и явился образцом для других женских учебно-воспитательных заведений. Его основы оставались неизменными в течение многих десятилетий. Однако механическая зубрежка утвердилась в николаевское царствование в качестве основного метода обучения вопреки стремлениям Марии Федоровны. Вероятно, руководство и педагогический персонал этих заведений полагали, что такой способ получения знаний проще и надежнее.

По инициативе и при активном участии Марии Федоровны с 1797 г. до самой ее кончины в 1828 г. были основаны еще несколько учебно-воспитательных заведений: Мариинский институт (вначале называвшийся сиротским училищем), Санкт-Петербургское и московское училища ордена св. Екатерины, Санкт-Петербургское и Московское Елизаветинские училища, мещанское училище в Москве, позже переименованное в честь Александра I в Александровское, Училище св. Елены в Петербурге. Кроме того, под покровительство Марии Федоровны было принято девичье отделение военно-сиротского дома, позже реорганизованное в Павловский институт и получившее название в честь Павла I, а также Харьковский и Полтавский женский институты. Кроме того Марией Федоровной был создан ряд женских учреждений призрения для представительниц податных сословий: Училища № 1 и № 2 солдатских дочерей полков лейб-гвардии, николаевское и севастопольское училища для дочерей нижних чинов Черноморского флота. По своим учебно-воспитательным программам и задачам эти заведения были близки детским приютам Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества. В них обучали грамоте и женским рукоделиям.

Свои женские учебно-воспитательные учреждения призрения имела благотворительная общественная организация «Санкт-

Петербургское патриотическое женское общество» (с 1894 года – «Императорское женское патриотическое общество»), созданная в 1812 г. по инициативе нескольких представительниц российской аристократии. Учредительницами общества и первыми его членами стали 12 представительниц высшего петербургского света: княгиня В. А. Репина, княгиня С. Г. Вол конская, княгиня А. П. Василькова, графиня М. В. Кочующей, графиня Е. А. Уваров, графиня М. А. Воронцова, графиня М. Д. Сыродельне, графиня А. И. Орлова, графиня Е. В. Неравносильна, Е. М Оленина, С. П. Свежина, Е. И. Барахтанье[652]. Первоначально эта организация имела целью оказание помощи лицам, пострадавшим в войне 1812 г., но вскоре сосредоточилась на призрении девочек из бедных семей и просто сирот.

В феврале 1813 г. Патриотическим обществом было открыто Училище сирот на 80 вакансий, в которое принимались «только бедные дети штаб– и обер-офицеров православного вероисповедания»[653]. Срок пребывания воспитанниц в Училище определили в три года, учебная программа была близкой по содержанию программам женских институтов Ведомства императрицы Марии. Сословное происхождение лиц, призревавшихся в Училище, определило повышение статуса этого учебного заведения до института. Первый раз институтом Училище сирот было названо в 1825 г., когда императрица Елизавета Алексеевна приняла его под свое личное покровительство и «заведование». Комплект воспитанниц был увеличен до ста человек, срок их пребывания в Училище увеличили до пяти лет.

После кончины Елизаветы Алексеевны Николай I передал институт под непосредственное покровительство своей супруги – императрицы Александры Федоровны. В 1828 г. это учебное заведение, получившее название Патриотический институт, было выделено из состава общества, в котором после этого остались 14 школ для девочек. Они были схожи с женскими заведениями приютского типа Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества. В соответствии с Уставом 1833 г. учебный курс в школах Патриотического общества «был элементарный, с профессиональным характером, применительно к потребностям бедных девиц, чтобы дать им возможность по выходе из школы трудом снискать себе пропитание. Их обучали катехизису, св. истории (краткой истории христианства и православной церкви. – *Прим. авт.*), чтению и письму на русском языке, началам арифметики, церковному пению, домашнему хозяйству и рукоделиям…»[654]. В соответствии с этим, из школ старательно удалялись «проявления какой бы то ни было

роскоши»[655].

В 1844 г. школы Санкт-Петербургского женского Патриотического общества вошли в систему «общегосударственных» учебных заведений. Патриотический институт оставался независимым. В 1854 г. общество и институт вместе с другими учреждениями Александры Федоровны окончательно вошли в состав IV отделения собственной его императорского величества канцелярии.

Средства на основание и содержание всех заведений поступали из личных средств Марии Федоровны, Елизаветы Алексеевны, императоров Александра и Николая, других членов монаршей семьи. Как правило, эти деньги шли на образование основных капиталов заведений, проценты с которых обеспечивали их текущую деятельность. Значительные средства женские институты получили по завещанию Марии Федоровны. Заведения ведомства императрицы могли получать пожертвования и от любых желающих сделать это благотворителей. При их создании, кстати, предполагалось, что они будут содержаться на такие финансовые поступления и проценты с основных капиталов. Однако столь сложные и дорогостоящие заведения, как женские институты, не могли существовать только за счет этих источников. Поэтому на их содержание власть в ряде случаев отпускала крупные средства из казны. Например, в 1822 г. по указанию императора были отпущены 100 тыс. руб. на содержание Патриотического института и женских школ Патриотического общества[656]. Несмотря на это, после кончины Елизаветы Алексеевны в 1826 г. общество пришло в упадок. В следующем году царь повелел принять в кабинет бриллианты Елизаветы Алексеевны, оцененные в 1 млн 315 тыс. 555 руб. ассигнациями, из которых 800 тыс. руб. выделили Патриотическому институту[657]. Харьковский и Полтавский женские институты добровольно перешли под покровительство Марии Федоровны, не рассчитывая на то, что благотворительные пожертвования местного дворянства могут прочно обеспечить их существование.

Большая часть пожертвований от имени членов императорской фамилии поступала привилегированным женским учреждениям призрения – институтам. В 1828 г. женские заведения, находившиеся в ведении Марии Федоровны, вошли, наряду с богадельнями и больницами, в состав IV отделения собственной его императорского величества канцелярии. При Николае I количество женских институтов возросло. С 1828 г. до конца его правления в дополнение к существовавшим были основаны еще пятнадцать заведений: в 1829 г. – одесский

женский институт императора Николая I, в 1832 г. – оренбургский женский институт императора Николая I, в 1834 г. Киевский институт императора Николая I и тамбовский Александровский институт, в 1835 г. – керченский Куликовский институт, в 1837 г. – Казанский Байроновский институт и Белостокский институт императора Николая I, в 1840 г. – закавказский институт императора Николая I, варшавский Александро-Мариинский и саратовский Мариинский институты, в 1841 г. – иркутский институт императора Николая I, в 1852 г. – нижегородский и донской Мариинские институты, в 1837 г. – Санкт-Петербургский и Московский сиротские институты[658]. Два последних первоначально были смешанными, но с 1847 г. стали женскими. В 1855 г. Санкт-Петербургский и Московский сиротские институты, как и гатчинский сиротский институт для мальчиков, получили название «николаевских» в честь Николая I.

В николаевское царствование выделение институтам крупных сумм из казны почти прекратилось. Новые основывались, как правило, на благотворительные пожертвования местных дворянских корпораций. В большинстве случаев средства собирались по подписке, но поступали и крупные индивидуальные пожертвования. Казанский Байроновский и Керченский Куликовский институты были названы в честь благотворителей. На создание института в Казани местная помещица, вдова полковника Родионов, еще в 1823 г. пожертвовала имение с 414 душами крепостных. Доходы с этого имения пошли на основание института. Действительный статский советник Ушников оставил капитал в 300 тыс. руб. ассигнациями, на который, по его духовному завещанию, следовало создать женский институт. Капитал, представленный душеприказчиками, был использован на создание женского института в Керчи[659]. Делались и другие крупные пожертвования. Например, полковник Кур завещал в 1835 г. Одесскому женскому институту движимое и недвижимое имущество, оцененное в 150 тыс. руб. ассигнациями[660]. Пожертвования женским институтам со стороны представителей дворянства и чиновничества были обусловлены их стремлением оказать поддержу представительницам того сословия, к которому принадлежали сами благотворители. Впрочем, они могли руководствоваться и другими мотивами. В четырехтомном труде Е. Лихачевой «Материалы для истории женского образования в России» высказывается предположение, что Родионов, может быть, «воспользовалась представившимся случаем дать такое назначение своему имению с целью лишить своих родственников возможности им пользоваться»[661].

В правление Николая I в Ведомстве императрицы Марии активно велась работа по регламентации деятельности входивших в него учреждений, в том числе женских институтов. Количество последних к середине XIX в. превысило число прочих благотворительных заведений. Необходимо было упорядочить управление ими, осуществить стандартизацию уставов и учебно-воспитательных программ, более четко определить цели и задачи этих заведений в соответствии с духом николаевского царствования.

В 1844 г. царь рекомендовал Ведомству императрицы Марии пересмотреть программы женских заведений, чтобы пребывание девиц в них более соответствовало цели воспитать «добрых жен и полезных матерей семейств»[662]. При этом требовалось строго соблюдать сословный принцип воспитания и образования. Для рассмотрения всех вопросов, относившихся к учебной части институтов и прочих детско-юношеских учреждений призрения Ведомства императрицы Марии, в его составе был создан Учебный комитет, просуществовавший до 1917 г. он занялся, среди прочего, пересмотром учебных программ женских институтов. Требовала реорганизации и архаичная система управления, при которой их руководству по каждому вопросу приходилось обращаться непосредственно к императрице, а в некоторых случаях к самому государю. Однако руководитель Ведомства императрицы Марии статс-секретарь Гофман считал необходимым сохранить такой порядок управления институтами, поскольку он являл собой «главную основу связующего их благоустройства, не лишая их благоволения, которым от монарха удостоены, и того уважения, которым пользуются в обществе»[663]. Так целесообразность приносилась в жертву традиции. Тем не менее, для общего руководства в январе 1845 г. образован главный совет женских учебных заведений, который функционировал до 1873 г. Возглавлял его принц П. Г. Ольденбургский.

В начале 1845 г. Учебный комитет завершил работу по совершенствованию учебно-воспитательных программ. Все женские заведения ведомства разделили на разряды в соответствии с сословным происхождением воспитанниц. В качестве основополагающего документа, регламентировавшего процесс воспитания и образования, принц Ольденбургский решил разработать общее наставление и просил у императора разрешения пользоваться в качестве образца программами военно-учебных заведений. Николай полностью одобрил эту инициативу.

То, что девиц решили обучать и воспитывать по образцам,

принятым в кадетских корпусах, не являлось чем-то необычным. Со времен Петра I армия была не просто военной опорой самодержавия и средством решения внешнеполитических задач, но и тем социальным институтом, который в наибольшей степени отвечал духу абсолютной монархии, как своим устройством, так и характером внутренних отношений. Не случайно российские императоры, начиная с Павла, считали себя первыми военными своей державы, всегда являясь подданным в военном мундире. В данном случае речь, разумеется, не шла о том, чтобы обучать девиц верховой езде и штыковому бою. Важно было другое – воспитать их так, чтобы выполнение в будущем обязанностей жен и матерей сознавалось ими как служение престолу и отечеству. Это было основной мыслью, принятого в 1852 г. «наставления для образования воспитанниц женских учебных заведений». В нем, в частности, утверждается, что «хорошие жены и добрые матери семейств суть твердые опоры Престола и благоденствия государства»[664]. Воспитанницы должны были знать, что семья и ничего более является их главным предназначением, а основа счастливой семейной жизни есть покорность мужу. Каждая девица должна была сознавать это «как создание нежное, назначенное природою быть в зависимости от других»[665]. Разумеется, воспитанниц низших женских заведений приютского типа к роли «нежных созданий» не готовили. Сказанное относилось к представительницам дворянства и чиновничества.

К разработке собственно учебной части наставления принц П. Г. Ольденбургский подошел обстоятельно. Оно содержало инструкции по преподаванию всех дисциплин, требовало учитывать возраст и базовую подготовку воспитанниц, излагать материал ясно и интересно, строго придерживаться программ, поощрять самостоятельное чтение воспитанницами дозволенной литературы. Эти рекомендации в большинстве случаев оставались на бумаге, так как выходили за узкие рамки целей и задач женских заведений. Далеко не всегда этим требованиям отвечали педагогические кадры. Надо отметить, что впервые за всю историю существования Ведомства учреждений императрицы Марии в наставлении было обращено внимание на изучение русского языка в женских институтах, который с XVIII столетия не пользовался должным уважением у представителей дворянского сословия. На слабое знание институтками родного языка и недостатки в его преподавании принц обратил внимание в ходе инспекционной поездки по некоторым институтам. В отчете царю о результатах поездки он, в частности, пишет: «Учебному же комитету поручу заняться исправлением замеченных мною недостатков в преподавании вообще и в особенности

отечественного языка»[666]. На это обращается внимание и в наставлении. Оно призывает педагогов стараться, «чтобы будущее поколение исправило сей важный недостаток и стыдилось бы не знать своего языка родного, тогда как малейшая ошибка на языке французском почитается знаком необразованности»[667].

Большое значение наставление придавало изучению истории отечественной и всеобщей. Этот предмет был призван подкреплять примерами важнейший постулат официальной идеологии, заключавшийся в том, что самодержавие есть лучшая форма правления из всех возможных, а уравнение в правах сословий и республиканские идеи ни что иное, как опасное вольнодумство.

Принципы воспитания и обучения, сформулированные в наставлении, были положены в основу единого «Устава женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии», принятого в 1855 г. Все они делились на три разряда «для применения воспитания девиц к состоянию их семейств»[668].

К первому, высшему разряду, относились воспитательное общество благородных девиц, Санкт-Петербургское и Московское училища ордена св. Екатерины, Патриотический институт, а также институты Харьковский, Одесский, Киевский, Казанский Байроновский, Белостокский, Закавказский, Полтавский, Александрийский в Тамбове, Александрийский в Новой Александрии, Нижегородский, Саратовский и Донской Мариинские, Могилевский и Симбирский. Отнесенные к первому разряду Томский Мариинский, Орловский Александринский и Виленский институты только предполагалось открыть.

К заведениям второго разряда отнесли Павловский институт, Санкт-Петербургское и Мсковское Александровские училища (бывшие мещанские), пансион при Николаевском сиротском институте в Гатчине, институт восточной Сибири, Астраханский и Керченский Куликовский институты, оренбургское училище и Киевское училище графини Левашевой. Ко второму разряду было также отнесено проектировавшееся, но не созданное женское училище для дочерей моряков Черноморского флота.

К третьему, низшему разряду, относились училища солдатских дочерей № 1 и № 2 полков лейб-гвардии, николаевское и севастопольское училища для дочерей нижних чинов Черноморского флота, одесское городское училище и училище Александринского сиротского дома.

Тобольская Мариинская женская школа разделялась на два отделения. Высшее было отнесено ко второму разряду, низшее – к третьему. На два отделения разделялся первый разряд женских учебных заведений. К первому отделению принадлежал только

Смольный, ко второму – все остальные институты.

Заведения первого разряда предназначались для «дочерей дворян потомственных и лиц, приобретших военные и гражданские чины не ниже штаб-офицерского, второго разряда – для дочерей личных дворян, военных и гражданских обер-офицеров, почетных граждан и купцов, а третьего разряда – для девиц прочих состояний»[669]. Особый, элитарный характер имел Смольный институт. В него принимались дочери лиц, имевших чин не ниже полковника либо статского советника. Столичные институты предназначались для приема девиц со всей империи. Губернские принимали, как правило, местных или проживавших в соседних губерниях. В некоторые губернские институты первого разряда допускался прием пансионерками дочерей купцов первой гильдии и христианских священнослужителей. Пансионерская плата зависела от разряда и местонахождения заведения. В 1855 г. она составляла от 350 руб. за год (в Смольном) до 150 руб. (в институтах второго разряда).

Ряд женских заведений был выделен в особые группы. К ним относились классы для подготовки домашних наставниц и учительниц при Санкт-Петербургском и московском Александровских училищах, женское отделение Училища глухонемых, Санкт-Петербургское и московское повивальные училища. К группе училищ «при особых благотворительных учреждениях» относились отделение для воспитания бедных девиц при Демидовском доме призрения трудящихся, евангелическое Александринское заведение для бедных детей женского пола в Санкт-Петербурге, кронштадтский сиротский дом, дома трудолюбия в Рязани и Пензе, Сиропитательный дом Медведниковой в Иркутске, школы Патриотического общества в Петербурге и школы Благотворительного общества 1837 г. и дамского попечительства о бедных в Москве. Эти заведения по своим задачам были близки детским приютам Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества. Задача дать воспитанницам институтов первых двух разрядов какую-либо конкретную профессию в то время не ставилась. Их будущей «профессией» была роль добродетельной супруги и матери семейства. Выбор трудовой деятельности для выпускниц женских институтов в николаевское время был крайне ограничен. Они могли работать в этих заведениях в качестве классных дам и надзирательниц либо домашними учительницами и воспитательницами.

Надо отметить, что Устав 1855 г. (как и его поздние редакции) не содержит прямых ограничений на прием девиц по национальной или религиозной принадлежности. Однако условия

приема и воспитание на основе христианской религии делали практически невозможным поступление девушек мусульманского и иудейского вероисповедания в заведения ведомства императрицы какого то ни было разряда. Допускался прием девиц протестантского и католического исповедания. Для них в институтах имелись свои законоучители. Такое положение изменилось лишь к началу XX в.

Подтвердив и закрепив главные принципы воспитания и образования в женских учреждениях ведомства императрицы, наставление и Устав унифицировали и упорядочили все основные сферы их жизнедеятельности. Это позволило им развиваться как единому комплексу. Вместе с тем, сохранилась николаевская система воспитания и архаичные традиции, порождавшие негативные явления. Воспитанницы женских институтов практически полностью изолировались от окружающей среды. Общение с родными было крайне редким и проходило в стенах институтов под контролем классных дам и надзирательниц. Так же строго контролировались воспитанницы на редких прогулках за пределами институтов, выездах на балы. Письма родным прочитывались администрацией. Строгая регламентация всех сторон институтской жизни, тотальный контроль, многочисленные наказания за любые, даже самые мелкие провинности, все то, что считалось основой порядка и стабильности в николаевское царствование, порождало в девушках скрытость, лицемерие, равнодушие. Их внутренним духовным миром никто не интересовался. Предпочтение отдавалось внешним формам поведения, выработке светских манер.

Внимательный и непредвзятый наблюдатель сразу обращал внимание на это. Уместно привести мнение известной мемуаристки, фрейлины императрицы Марии Александровны А. Ф. Тютчевой, в дни своей молодости посещавшей Смольный институт, в котором обучались ее сестры. Тютчева пишет: «образование, получаемое там, было вообще очень слабо, но особенно плохо было поставлено нравственное воспитание. Религиозное воспитание заключалось исключительно в соблюдении чисто внешней обрядности… весь дух, царивший в заведении, развивал в детях прежде всего тщеславие и светскость»[670]. Эта характеристика совпадает с оценкой институтского воспитания и образования самими воспитанницами. Надо отметить, что публикация мемуаров бывших институток стала возможна лишь со второй половины XIX в., когда критика порядков в правительственных учреждениях перестала рассматриваться как прямой подрыв основ

самодержавия. Обучавшаяся в Смольном в 1855–1861 гг. Е. Н. Водовозова в своих воспоминаниях «на заре жизни» отмечает: «к молчанию и безусловному повиновению институток приучали весьма систематично. Впрочем, на женщину в то время смотрели как на существо, вполне подчиненное и подвластное родителям или мужу – институт стремился подготовить ее к выполнению этого назначения»[671].

Такие порядки были не только в Смольном. А. Н. Энгельгардт, воспитывавшаяся в 1848–1855 гг. В московском училище ордена св. Екатерины, указывает в «очерках институтской жизни былого времени»: «в институте при нравственной и умственной муштровке, которой подвергалась личность, как со стороны начальства, так и со стороны самого товарищества, и при отсутствии всякого теплого, согревающего душу ребенка элемента не существовало никаких физических наказаний – и это было благо»[672]. Окончившая в конце 1860-х гг. Казанский Байроновский институт вера Фигнер отметила в автобиографии: «реальная жизнь, вплоть до выхода из института, шла мимо меня… воспитательных влияний в институте совершенно не было. О духовном развитии нашем не заботился никто»[673].

О преобладании в женских институтах внешней, показной стороны жизни пишет в своих мемуарах М. Н. Стоюнина. Не без юмора она вспоминает случай, происшедший в николаевском сиротском институте: «в институт было дано знать, что туда приведут персидского шаха, чтобы познакомить его с женскими учебными заведениями. Начальство переполошилось… тут уж было не до занятий учебными предметами, и не до мысли о воспитании детей, – все шло в жертву для красивого и декоративного приема знатного гостя. Начались репетиции приема. Во время занятий звонок давал знак, чтобы все воспитанницы быстро собирались в большую залу, там их расставляли по росту и по рядам так, что все выходило как-то волнообразно. Затем в приготовленных для шаха носилках вносили институтского экзекутора… который по глупости входил в свою роль и производил какие-то нелепые действия жестами и словами, когда перед ним приседали воспитанницы. И таких репетиций было, говорят, несколько»[674].

В. Н. Фигнер стала одной из ведущих фигур в революционном движении 1870–1880-х гг. в России. Она входила в исполнительный комитет народной воли, была организатором убийства Александра II, многие годы провела в заключении. Е. Н. Водовозова и А. Н. Энгельгардт после окончания институтов оказались в демократической разночинной среде,

генерировавшей оппозиционные самодержавию настроения. К этой же среде принадлежала и М. Н. Стоюнина. Поэтому их отношение к институтским устоям не могло быть иным, кроме критического. Еще одна мемуаристка, А. В. Стерлигова, окончившая Петербургское училище ордена св. Екатерины в начале правления Александра II, в своих «воспоминаниях» описывает институтские нравы более сдержанно. Но и она упоминает о казарменной дисциплине, многочисленных наказаниях, о полном отсутствии интеллектуальной, духовной жизни. Единственным «культурным» развлечением институток были нечастые выезды на балы и посещения других институтов.

Интеллектуальному и духовному началу в институтской жизни неоткуда было взяться при существовавшей системе воспитания и обучения в этих заведениях. Руководство институтов не видело большой беды в том, что педагогические кадры не всегда обладали должной квалификацией. Преподавателями были в то время только мужчины. На работу в институты старались принимать педагогов, обладавших как можно менее привлекательной внешностью и немолодых, чтобы не вызвать у воспитанниц интереса к противоположному полу[675]. Учебный процесс был построен, главным образом, на зубрежке. Е. Н. Водовозова вспоминает, что из Смольного (еще до прихода туда К. Д. Ушинского) учитель после нескольких уроков был уволен только за то, что сказал воспитанницам: «девицы, вы передаете все в зубрежку и плохо рассказываете оттого, что ничего не читаете, – просите начальство снабдить вас книгами для чтения»[676]. По словам той же мемуаристки, К. Д. Ушинский, назначенный инспектором классов Смольного, не обнаружил в институтской библиотеке произведений Пушкина, гоголя, Лермонтова, Грибоедова. А. В. Стерлигова объясняет подобное отношение к учебному процессу отчасти тем, что учились в ее время в институтах не для того, чтобы в будущем добывать средства к существованию, поэтому об образовании думали мало. «но и тогда, – подчеркивает мемуаристка, – выходило из институтов много хороших и нравственных воспитательниц, как матерей семейств, так и гувернанток»[677].

Положительная роль женских институтов в дореформенное время состояла в том, что при всех своих недостатках, они были единственными учебными заведениями, в которых представительницы дворянского сословия могли получать систематическое, законченное образование. Самим фактом своего существования женские институты готовили общественное мнение к осознанию того, что представительницы слабого пола должны иметь равные возможности с мужчинами в получении

образования. Е. И. Водовозова видела положительную сторону женских институтов и в другом. Она пишет: «Эпоха крепостничества перед освобождением крестьян была временем, когда страсти, разнузданные продолжительным произволом, у весьма многих помещиков выражались отчаянным развратом… разлучая дочерей с подобными родителями, институт спасал их от нравственной гибели»[678].

Справедливость критических оценок бывших институток подтверждают мемуары графа С. Д. Шереметева, человека весьма далекого от разночинных демократических кругов. Рассказывая о людях и нравах времен Александра III, он говорит и о женских институтах: «неизбежная французомания, приседания (реверансы. – *Прим. авт.*), клички „maman“, заигрывание с начальством, искусственная наивность – вот за редкими исключениями итог институтского воспитания»[679]. Эта характеристика, относящаяся ко второй половине – концу XIX столетия, свидетельствует о том, что недостатки и пороки институтского воспитания не были изжиты и в пореформенное время. Ведомство учреждений императрицы Марии продолжало оставаться очень консервативной структурой, а женские институты – в особенности.

Примером того, как непросто проходили преобразования в институтах, служит история решения вопроса об отпуске девиц на летние каникулы. После вступления на престол Александра II общественность заговорила о ненормальных порядках в женских институтах. В частности, в 1858 г. в газете «Русский инвалид» была опубликована статья «о вреде замкнутости воспитания в женских учебных заведениях». С ней ознакомилась императрица Мария Александровна. За то, что воспитанниц надо отпускать на каникулы к родителям высказался и инспектор медицинской части петербургских институтов Маркус. Статья была направлена на обсуждение в главный совет женских учебных заведений и в учебный комитет ведомства императрицы. Но здравая, казалось бы, мысль встретила в главном совете возражения. Суть их сводилась к тому, что закрытость институтов вознаграждалась «стройным ходом учения и воспитания», общением детей с педагогами, «самый строгий выбор которых лежит на ответственности начальств»[680]. Совет исходил из того, что в институтах кадры работали проверенные, надежные, а на каникулах воспитанницы будут общаться неизвестно с кем.

Долгое время руководивший женскими заведениями, а в 1860 г. ставший главноуправляющим ведомством императрицы Марии принц П. Г. Ольденбургский как личность и администратор сформировался в николаевское время. Однако ум

и способность вникать во все детали решаемой задачи позволили ему понять необходимость перемен. Под его влиянием главный совет женских учебных заведений согласился отпускать воспитанниц на каникулы, но под ответственность институтских начальств и только с разрешения самой императрицы и губернаторов. Очевидно, чиновники просто перестраховывались. В конечном счете, решение о введении каникул было принято под влиянием императрицы Марии Александровны, положительно отнесшейся к этой идее. Тем не менее, вопрос обсуждался два года. Окончательно правила отпуска девушек на каникулы были утверждены в мае 1864 г. В соответствии с традициями ведомства императрицы каникулы сразу же были превращены в инструмент поощрения и наказания. Начальницы институтов получили право сокращать срок каникул в зависимости от прилежания в учебе и поведения воспитанниц. Чиновники перестраховались и тут. Правила решено было даже не публиковать, «чтобы через то не вызвать родителей брать к себе детей из заведения»[681]. Устав женских учебных заведений ведомства императрицы с изменениями, касающимися каникул, был опубликован только в 1884 г.

Немало затруднений встретили преобразования в учебной части. Еще наставление 1852 г. указывало на то, что недостаток учебного времени не позволяет воспитанницам усваивать знания в полном объеме. В конце 1850-х гг. решено было увеличить срок пребывания девиц в институтах с шести до семи лет. Инспектор классов Смольного института К. Д. Ушинский представил в мае 1859 г. в совет женских учебных заведений проект преобразования учебной части институтов, предусматривавший введение вместо трех двухгодичных классов семь одногодичных. Условием перехода в следующий класс должны были стать экзамены. При существовавшей системе обучения, как отмечал сам Ушинский, «экзамены были только одною лишь формальностью, и девицы переходили массами из класса в класс, почему весьма многие девицы теряли всякую возможность следить за науками»[682].

Ушинский полагал, что следует пересмотреть и содержание учебных программ, в частности, сделать более глубоким и содержательным преподавание естественных наук, географии, словесности. Проект был утвержден на семь лет «в виде опыта». Это нововведение не затрагивало пределов власти начальниц институтов, но объективно означало пересмотр складывавшихся десятилетиями традиций. Поэтому преобразования встретили явное недовольство руководства и советов женских институтов. Доходило до того, что «советы некоторых институтов прямо

отказывались учредить у себя семигодовые классы, отговариваясь недостатком в помещении, в классных дамах, в прислуге»[683]. Тем не менее, семилетняя система обучения была введена.

Реформаторская деятельность К. Д. Ушинского непосредственно в Смольном институте встретила упорное сопротивление со стороны персонала заведения, в первую очередь, начальницы института М. П. Леонтьевой. Увольнение неспособных к преподаванию лиц, привлечение в Смольный молодых талантливых педагогов, преобразования в учебной части – все это первое время вызывало лишь глухое недовольство. Но стремление Ушинского научить воспитанниц самостоятельно мыслить, критика с его стороны всей системы институтского воспитания, насмешки над архаичными традициями вызвали открытое противостояние. М. П. Леонтьева, отмечает историограф Смольного института Н. П. Черепнин, «была смолянкой времен Марии Федоровны и не могла отказаться от старого. Она не была против некоторых учебных новаций Ушинского, но в преобразованиях в области воспитания увидела поползновения на свои прерогативы»[684]. В ход пошли интриги и доносы, суть которых сводилась к тому, что Ушинский политически неблагонадежен. Но подвести Ушинского под «политику» не удалось. Леонтьева и ее окружение, видимо, не понимали, что времена Николая I ушли в прошлое. У императрицы Марии Александровны хватило здравомыслия не поверить доносам, но она и не выступила в защиту Ушинского. Предпочел дистанцироваться от ситуации принц П. Г. Ольденбургский. В конце концов, институтское начальство достигло цели. Глубоко оскорбленный Ушинский покинул институт. Вместе с ним ушла большая часть педагогов.

Несмотря на недовольство и даже сопротивление консервативно настроенного персонала женских институтов, во второй половине XIX в. в них были проведены некоторые преобразования – учебные программы приведены в соответствие с программами средних женских учебных заведений Министерства народного просвещения, институты стали давать полноценное среднее образование, подтверждавшееся государственным сертификатом. При некоторых институтах открылись педагогические классы по подготовке учительниц и домашних наставниц. Институток перестали изолировать от внешнего мира. Однако заведения эти в значительной мере продолжали сохранять традиции воспитания и образования, заложенные еще Марией Федоровной в начале XIX столетия. Серьезные преобразования в деятельности женских институтов были проведены только в начале XX в.

Во второй половине XIX столетия интерес общества к женскому образованию заметно возрос. Институты не могли удовлетворить существовавшие в то время потребности потребности. Препятствиями для многих желавших дать своим дочерям образование служили сословные ограничения при приеме, высокая пансионерская плата и воспитание с длительным отрывом от семьи. В поисках выхода из этого положения главный совет женских учебных заведений рассматривал возможность открытия при институтах отделений для приходящих девиц, но идея не получила поддержки руководства Ведомства императрицы Марии. Появление в институтах большого количества девиц из разночинных кругов могло повредить закрытому характеру воспитания. Более целесообразным было признано создание отдельного женского всесословного среднего учебного заведения открытого типа. Эту мысль поддержал принц П. Г. Ольденбургский. Разработка проекта была поручена инспектору классов Павловского института Н. А. Вышнеградскому, так как первоначально предполагалось, что училище будет при институте.

По утвержденному в марте 1858 г. проекту училище, получившее название Мариинского, предназначалось для девочек всех «свободных состояний» в возрасте от девяти до тринадцати лет, допускались и постарше. Комплект заведения был установлен в 250 учащихся. Учебный курс, как и в институтах, разделялся на семь годичных классов. Время занятий устанавливалось с 9 часов утра до 2 часов дня. Программа включала закон божий, русский язык, историю всеобщую и русскую, географию, естественную историю, арифметику, «первые основания» геометрии, пение, каллиграфию (чистописание), рисование и изучение женских рукоделий. В этом программа Мариинского училища соответствовала программам женских институтов. Однако иностранные языки – французский и немецкий, а также танцы в обязательную ее часть не вошли. Они изучались дополнительно за отдельную плату, которая составляла 5 руб. в месяц за языки и рубль – за танцы. Базовое обучение стоило 25 руб. в месяц (со временем плата за обучение возросла). Организационно училище подчинялось главному совету женских учебных заведений. Попечителем был назначен принц П. Г. Ольденбургский, инспектором классов – Н. А. Вышнеградский, который и провел основную организационную и методическую работу по созданию училища. Проект был высочайше утвержден 15 марта 1858 г., а уже 19 апреля училище открыли и за парты сели первые 162 ученицы.

Учебно-воспитательный процесс потребовал регламентации,

и в 1859 г. принц Ольденбургский утвердил составленный под его руководством «Проект правил внутреннего распорядка Мариинского женского училища». Документ был весьма демократичным. В нем, в частности, говорилось, что строгая учебная дисциплина «состоит не в мертвой тишине и не в однообразном, неподвижном физическом положении детей», а в том, чтобы они «постоянно и неуклонно были заняты тем, что составляет предмет объяснений наставника»[685]. Для этого учитель должен был объяснять предмет ясно и доступно, следить за реакцией детей. Если ученица «скромно и кстати засмеется по поводу того, что говорит наставник, прервет речь его, или ответ своей подруги, выражением своего недоумения», и сделает это в соответствии с «требованиями нравственного приличия»[686], то подобное поведение не повлечет за собой наказания. Здесь надо заметить, что будучи опытным администратором, никакого учительского опыта принц не имел. Полное выполнение предусмотренных правилами требований проведения занятий предполагало едва ли не идеального учителя, обладающего глубочайшими профессиональными знаниями, педагогическим талантом и железными нервами.

Открытие нового учебного заведения в северной столице вызвало большой интерес широких кругов общественности. Сразу выяснилось, что одного училища для всех желающих недостаточно. Поэтому ведомство императрицы Марии начало создавать аналогичные учебные заведения, как в столицах, так и в губерниях. С конца 1850-х до конца 1870-х гг. были открыты 12 женских гимназий в Петербурге и окрестностях (включая Царскосельскую и гатчинскую), 5 гимназий в Москве и 14 в губерниях: по одной в вышнем Волочке, Вильно, Гродно, Ковно, Саратове, Рязани, Симбирске, Минске, Могилеве, Житомире, Витебске, Астрахани и две в Киеве (Киевская Фундуклеевская и Киево-Подольская). При некоторых гимназиях существовали пансионы, что отчасти сближало их с институтами. Но сословных ограничений при приеме в них не было. Одновременно с ведомством императрицы Марии женские гимназии начало создавать Министерство народного просвещения. Ничем, кроме ведомственной принадлежности, они не отличались, разве что мундиры у служащих были разные.

Создание женских гимназий – учебных заведений открытого типа, доступных для всех сословий, – стало важной вехой в развитии просвещения в России. Они не являлись учреждениями призрения, и принадлежность их к ведомству императрицы Марии была лишь данью традиции (женское образование государственного характера до начала 1860-х г.г. фактически

являлось монополией названного ведомства). Эти гимназии могли пользоваться пожертвованиями. Благотворительным актом могла быть плата за учебу, учебники, мебель, ремонт здания и т. д. Однако в гимназиях не осуществлялось именно призрение, для которого изначально создавались все женские заведения ведомства императрицы. Постепенное увеличение во второй половине XIX в. числа своекоштных воспитанниц в женских институтах также ставило под сомнение их первоначальные цели.

Об изменении статуса женских институтов как привилегированных учреждений призрения не могло быть и речи. Но возможно было расширение и углубление образовательной составляющей в их деятельности, ориентирование на подготовку педагогических кадров. Реформы Александра II создали более благоприятные условия для просвещения народа, получило развитие начальное, среднее и негосударственное высшее женское образование. В условиях, когда страна остро нуждалась в педагогических кадрах высокой квалификации, женские институты и близкие к ним заведения в принципе могли стать базой для подготовки таких специалистов гуманитарного профиля. Это позволяли солидная материальная база, стабильные источники финансирования, общий уровень подготовки воспитанниц, хорошо отлаженная с организационной точки зрения учебно-воспитательная работа. Однако почти никаких шагов в этом направлении не было сделано, хотя подготовка педагогических кадров самому принципу призрения не противоречила. Только при некоторых институтах были созданы так называемые пепиньерские и педагогические классы, готовившие воспитательниц для женских заведений и учительниц. В тот период ведомство учреждений императрицы предпочло не ставить перед собой новых задач в области образования. Высшие женские курсы, получившие, несмотря на сопротивление реакционных правительственных кругов, распространение в России во второй половине XIX в., примером для него не послужили. Это было обусловлено не только тем, что самодержавная власть и руководство учреждений императрицы не желали ставить перед институтами новые задачи.

Власть хотя и разрешила создание негосударственных женских учебных заведений (директора которых утверждались Министерством народного просвещения), но относилась к ним с подозрением. И не только потому, что женская эмансипация не укладывалась в привычные стереотипы мышления чиновников-мужчин. Курсистки, то есть слушательницы высших женских курсов, в большинстве принадлежали к демократическим разночинным кругам, и многим представителям власти они

казались политически неблагонадежным элементом. Выпускницам институтов, напротив, была уготована роль жен дворян и государственных служащих – офицеров и чиновников. Уподоблять институток «бестужевкам» власть не хотела.

Первое высшее педагогическое женское учебное заведение с государственным статусом было создано в составе Ведомства императрицы Марии только в начале XX в. Надо отметить, что само по себе институтское воспитание и образование не могло гарантировать того, что выпускницы сохранят «благонамеренный» образ мыслей. Уже упоминавшаяся нами вера Фигнер была выпускницей Казанского Родионовского института. Активная участница революционного движения 1870–1880-х гг. Софья Бардина окончила Тамбовский Александринский институт благородных девиц, Генриетта Добрускина, также участвовавшая в народническом движении, – Могилевскую гимназию Ведомства императрицы Марии.

Преобразования, осуществлявшиеся ведомством во второй половине XIX столетия, коснулись и специализированных мужских детско-юношеских учреждений призрения – Санкт-Петербургского и московского коммерческих училищ. История старейшего в России Санкт-Петербургского коммерческого училища восходит к временам Екатерины II. Заботясь о воспитании «новой породы людей», она стремилась пополнять ими свободные сословия империи, в том числе купечество. Императрица поддержала идею о создании специального учебно-воспитательного заведения для подготовки детей и юношества к торгово-промышленной деятельности, выдвинутую меценатом и благотворителем Прокофием Акинфиевичем Демидовым, одним из наследников крупнейшего предпринимателя первой половины XVIII столетия Акинфия Демидова. «мысль об основании коммерческого училища, – отмечает автор „истории Санкт-Петербургского коммерческого училища“ А. Г. Тимофеев, – вероятно явилась у П. А. Демидова во время его заграничной поездки в 1771 г., когда он мог ознакомиться с только что учрежденными тогда коммерческими училищами в Австрии и германии…»[687]. В 1772 г. П. А. Демидов известил директора московского воспитательного дома И. И. Бецкого о желании учредить коммерческое училище на 100 воспитанников из купеческих семей. На устройство училища Демидов пожертвовал «вечный капитал» на сумму 205 тыс. руб.

План Коммерческого училища рассмотрела особая комиссия из пяти сановников и, получив, одобрение, был утвержден Екатериной II 6 декабря 1772 г. По этому плану в коммерческое училище принимались выходцы из купеческих семей в возрасте 6

лет. Обучение и воспитание продолжалось до 21 года. Воспитанники были разделены на пять возрастов. Первый – от 6 до 9 лет, второй – от 9 до 12 лет, третий – от 12 до 15, четвертый – от 15 до 18 и пятый – от 18 до 21 года. Учащиеся первого-четвертого возрастов изучали русскую словесность, иностранные языки, основы физико-математических и естественных наук, географию, историю, а также специальные предметы – бухгалтерский счет, навигацию, «все части коммерции», «государственные права́» и экономику. Планом предписывалось «…все способы употребить к совершению в отроках предполагаемого воспитания, вкоренить в них изящные мысли, благоразумные и твердые основания, кои суть (являются. – *Прим. авт.*) неложным знаком честного человека и воспитанного для пользы отечества»[688]. В пятом возрасте обучение заканчивалось, и закреплялись полученные знания. Каждый возраст состоял из двадцати учеников. Набор в училище проводился раз в три года. Несмотря на то, что обучение здесь было бесплатным, желающих помещать туда своих детей почти не находилось. Даже для того, чтобы открыть училище, из Петербурга Бецким были присланы 17 детей. Купечество предпочитало учить свое подрастающее поколение непосредственно на «рабочем месте». Всего с 1773 г. по 1800 г. в училище поступили 239 человек, из которых окончили полный курс только 38[689].

После кончины Екатерины II Коммерческое училище, как и основанные в ее царствование воспитательные дома и Смольный институт, перешло под покровительство императрицы Марии Федоровны. Ознакомившись с его деятельностью, она внесла ряд изменений в учебно-воспитательную часть. Училище было полностью отделено от московского воспитательного дома, число воспитанников сокращено до 60, возраст приема повышен до 10 лет. Мария Федоровна полагала, что воспитанники должны были не только получить «…заботливое воспитание, но и подготовиться к их единственному призванию – торговым занятиям; для достижения этой цели императрица желала, чтобы все занятия содействовали этому, чтобы в Училище поступали дети, предназначенные их родителями к торговой деятельности, то есть дети купцов и городских обывателей…»[690]. В мае 1799 г. училище получило новый устав, а в 1800 г. было переведено в Петербург, где, по мнению императрицы, могло стать более востребованным.

В первые годы в Петербурге Коммерческое училище тоже не пользовалось вниманием со стороны торгово-промышленного сословия. Причинами этого были консерватизм купечества и

отсутствие спроса на специалистов в области коммерции, обусловленное слабым развитием торговли и промышленности. Постепенно училище получило признание в купеческой среде, а развитие экономики привело к спросу на его выпускников. К середине XIX столетия количество воспитанников в нем заметно возросло. На 1 января 1857 г. числилось 277 человек. Из них 60 были штатными, остальные – своекоштными[691]. Окончание коммерческого училища давало детям купцов более высокий сословный статус. Штатные воспитанники получали чин XIV класса, дававший в начале XIX столетия личное дворянство. В 1805 г. высочайшим рескриптом эта привилегия была распространена на пансионеров. После установления в 1832 г. почетного гражданства, выпускники коммерческого училища удостаивались прав личных почетных граждан. В 1841 г. был принят новый Устав училища, которым предусматривалось сокращение общеобразовательной части программы, расширение полномочий директора. Штатные воспитанники, получившие звание кандидата коммерции, через десять лет службы в коммерческих учреждениях, представив совету училища положительные рекомендации от хозяев, могли поступать на государственную службу в чине XIV класса. Пансионеры, за исключением детей чиновников, этого права были лишены.

Широкое развитие во второй половине XIX в. предпринимательства в производственной, торговой и финансовой сферах вызвало потребность в квалифицированных служащих для коммерческих учреждений. Назрела необходимость изменения учебной программы. Это стало главной причиной принятия в 1879 г. нового устава Санкт-Петербургского коммерческого училища. Прежнее разделение воспитанников на собственно «коммерсантов» и чиновников-счетоводов было упразднено. Перед училищем стояла цель «…дать воспитывающемуся в нем юношеству общее образование и затем приготовить его для коммерческой деятельности бухгалтеров, конторщиков и приказчиков в торговых конторах, фабриках и других подобных заведениях»[692]. Воспитанники училища изучали закон божий, русский язык, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, физику, «естествоведение», историю, географию, чистописание, черчение и рисование. Из иностранных языков изучались английский, французский и немецкий. Кроме того, в училище преподавались танцы, гимнастика и хоровое пение. К специальным предметам относились «законоведение», политическая экономия, бухгалтерия, «коммерческое счисление», товароведение, техническая химия, торговая корреспонденция, торговое право и судопроизводство. Согласно уставу Санкт-

Петербургское коммерческое училище являлось «общеобразовательной школою, дающей на почве общего образования и коммерческую подготовку»[693].

Штатные воспитанники и собственно училище содержались на проценты с капитала, завещанного Прокофием Демидовым. Прочие благотворительные пожертвования были невелики. К середине XIX в. здание, в котором располагалось училище, обветшало и не вмещало все возраставшее количество воспитанников. Строительство нового здания требовало больших расходов. Кроме того, содержание училища на проценты с капитала становилось все более затруднительным. Но во второй половине XIX столетия положение училища упрочилось, благодаря крупным пожертвованиям, сделанным в 1850–1880-е гг. Наиболее остро стоял вопрос о строительстве нового здания. Расходы на это оценивались в 250 тыс. руб. В 1866 г. Александр II пожаловал училищу 150 тыс. руб. Остальные средства предполагалось собрать также за счет пожертвований. 245 тыс. руб. были собраны через два года. 56 тыс. руб. поступили от членов совета училища, 20 тыс. руб. – от Санкт-Петербургского купеческого общества, еще 19 тыс. руб. – от «разных лиц». Здание было построено.

Поступили пожертвования и на содержание училища. В 1853 г. по завещанию коллежского секретаря Дементьева поступили 3000 руб., в следующем году по завещанию купца Новикова – 10 тыс. 228 руб. самое крупное в XIX столетии пожертвование (не считая царского) Санкт-Петербургское коммерческое училище получило в 1857 г. Бывший выпускник, почетный гражданин А. А. Коссаковский завещал училищу капитал в 100 тыс. руб., на проценты с которого следовало содержать учащихся из числа сирот и детей бедных родителей. В 1883 г. мануфактур-советник Грибанов пожертвовал 10 тыс. руб., а «нарвский бюргер» Липгардт – 44 тыс. 178 руб. В следующем году поступили два пожертвования от известных петербургских благотворителей И. Ф. Громова и А. Л. Штиглица. первый пожертвовал 9150 рублей, второй – 10 тыс. руб. В 1887 г. Санкт-Петербургское и московское коммерческие училища получили от «казанского 1-й гильдии купца» Кокорева 20 тыс. руб. на содержание с процентов двух стипендий. Всего в 1850–1880-е гг. Санкт-Петербургское коммерческое училище получило благотворительных пожертвовании, не считая направленных на строительство, около 200 тыс. руб.[694]. Постройка нового здания и крупные пожертвования позволили существенно увеличить число пансионеров и своекоштных воспитанников. К началу 1890-х гг. в училище единовременно обучались до 500 воспитанников.

С введением в 1874 г. воинской повинности и, соответственно, льгот по ее отбыванию руководство училища начало добиваться для своих питомцев льготы второго разряда, которую имели выпускники гимназий и приравненных к ним учебных заведений. Однако Военное министерство и Министерство народного просвещения выступили против. Военное начальство не обращало внимания на некоторые различия в программе училища и гимназий. Министерство народного просвещения указывало, что в нем не преподаются древние языки. Поэтому руководство училища смогло добиться для выпускников льготы только третьего разряда. Этот пример показывает, что привилегированный статус благотворительных ведомств дома Романовых вовсе не ставил входившие в них учреждения вне рамок законов российской империи.

Во второй половине XIX столетия Санкт-Петербургское коммерческое училище сохранило свое предназначение как учебно-воспитательное заведение для призрения детей бедных родителей и сирот из купечества и мещанского сословия. Но постоянное увеличение числа своекоштных воспитанников вело к тому, что училище фактически превращалось в обычное учебно-воспитательное заведение. Возросшая в связи с развитием экономики и предпринимательства в России во второй половине XIX столетия потребность в коммерческом образовании не привела, однако, к распространению его в ведомстве императрицы Марии, располагавшем двумя коммерческими училищами – Санкт-Петербургским и Московским. В этот период приоритетным для ведомства стало развитие других типов детско-юношеских учреждений призрения – женских институтов и воспитательных домов, детских приютов. Не было в числе приоритетов коммерческое образование и в Императорском Человеколюбивом обществе. В его состав входило только Набилковское коммерческое училище в Москве, основанное в 1832 г. В 1882 г. оно было приравнено в постановке учебного процесса к четырехклассному городскому училищу.

Во второй половине XIX в. завершилось становление основных типов детско-юношеских учебно-воспитательных учреждений призрения. В ведомстве императрицы Марии сформировались крупные учебно-воспитательные комплексы: Санкт-Петербургский и Московский воспитательные дома, ведомство детских приютов, женские институты и гимназии, низшие женские школы Патриотического общества, дамского благотворительного общества и Благотворительного общества 1837 г. (два последних общества располагались в Москве). Каждый из этих комплексов действовал на общей правовой

основе, имел единые учебные программы и планы, конкретные цели и задачи воспитания и обучения. Получили дальнейшее развитие и отдельные детско-юношеские учреждения – коммерческие училища, различные приюты и школы. В соответствии с типами, целями и задачами детско-юношеские учреждений были стандартизованы и усовершенствованы их учебные программы. Учебная часть приведена в соответствие с требованиями Министерства народного просвещения. Образование, которое получали воспитанники, стало подтверждаться государственными сертификатами. Практически во всех учебно-воспитательных заведениях приютского типа было введено профессиональное обучение воспитанников мужского пола различным ремеслам, воспитанниц – женским рукоделиям. В женских институтах открылись педагогические классы, но в то время они не вызывали большого интереса, и педагогическое образование не получило широкого распространения в этих заведениях.

Воспитание и обучение призреваемых осуществлялось в соответствии с сословными порядками и традициями императорской России. Во второй половине XIX в. сословный принцип призрения был закреплен в положениях и уставах всех учебно-воспитательных заведений Ведомства императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества. Учреждения приютского типа, в которых, в основном, призревались выходцы из непривилегированных сословий, готовили питомцев к жизни людей «простого звания», то есть к адаптации в социально-профессиональной среде ремесленников, мастеровых и крестьян. Редкими исключениями из этого правила были Мариинская учительская семинария принца Петра Ольденбургского, гимназия Императорского Человеколюбивого общества и еще несколько заведений, в которых выпускники школ и приютов могли продолжить образование. Санкт-Петербургское и московское коммерческие училища в соответствии с сословным статусом большинства призреваемых давали специализированное среднее образование для работы в области предпринимательства.

Привилегированными учебно-воспитательными заведениями являлись женские институты Ведомства императрицы Марии, призванные обучать и воспитывать представительниц дворянства и чиновничества. Некоторые институты второго разряда во второй половине XIX столетия открыли двери для представительниц купечества, христианского духовенства и сословия почетных граждан. Создание в ведомстве императрицы Марии открытых всесословных женских гимназий не изменило принятого в нем общего подхода к воспитанию и образованию.

Пребывание женских гимназий в благотворительном ведомстве было лишь данью традиции.

Во второй половине XIX в. сохранился утвердившийся ранее основной принцип финансирования детско-юношеских учреждений призрения. Оно осуществлялось из «внебюджетных» средств, главным образом, за счет непосредственных благотворительных пожертвований. Кроме того, некоторые учреждения получали деньги из сумм, находившихся в распоряжении руководящих органов Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества. Эти средства также считались благотворительными, поскольку формировались преимущественно из пожертвований. В распоряжение детско-юношеских заведений поступали пансионерская плата за воспитанников, доходы от операций с принадлежавшей этим заведениям недвижимости, средства, вырученные от проведения различных благотворительных мероприятий: концертов, спектаклей, вечеров, базаров, лотерей. Учреждения, располагавшие основными, иначе говоря, неприкосновенными капиталами, получали проценты с них для обеспечения текущей деятельности. Как один из источников финансирования в положениях и уставах некоторых детско-юношеских учреждений упоминаются выплаты из казны. Однако на практике выделение казенных средств было исключением. Такие выплаты производились, как правило, в тех случаях, когда требовалось покрыть чрезвычайные расходы, непредусмотренные заранее.

Во второй половине XIX столетия окончательно сложился порядок управления детско-юношескими учреждениями. Общественность в лице благотворителей участвовала в управлении этими учреждениями на местах. Благотворители определяли порядок расходования пожертвований, участвовали в обсуждении вопросов текущей деятельности заведений. Однако окончательные решения принимались руководящими органами Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества и утверждались императором (в некоторых случаях императрицей). Этот порядок был закреплен в законоположениях как ведомств в целом, так и отдельных заведений. Согласно положениям и уставам почти всех детско-юношеских учреждений Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества, принятым в 1850–1880-е гг., благотворители получали права государственных служащих, чины и ведомственные мундиры.

В условиях отсутствия официальной государственной социальной политики ведомства дома Романовых, обладавшие широкими возможностями привлечения благотворителей, развитой организационной структурой, пользовавшиеся

поддержкой власти, в XIX столетии фактически взяли на себя решение государственных задач в области призрения. В наибольшей степени это нашло выражение в деятельности детско-юношеских учреждений, объединенных в учебно-воспитательные комплексы, действовавшие в соответствии с государственными стандартами в области образования.

При всех негативных явлениях, обусловленных представлениями власти и общества о призрении детей низших сословий, при недостатках и пороках институтского воспитания и обучения учреждения Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества давали стол, крышу над головой и образование десяткам тысяч воспитанников. К концу 1880-х гг. в учебно-воспитательных учреждениях этих ведомств единовременно призревались до восьмидесяти тысяч питомцев обоего пола. Эти учреждения выдержали проверку временем, доказали свою жизнеспособность и восприимчивость к реформам. Во второй половине XIX столетия в них был заложен существенный потенциал для дальнейших преобразований.

«Попечения о преобразовании быта питомцев» детско-юношеских учреждений призрения на рубеже XIX–XX вв.

На рубеже XIX–XX в. в благотворительных ведомствах дома Романовых начали осуществляться преобразования, имевшие целью совершенствование и расширение призрения. Они носили внутриведомственный характер, но были обусловлены переменами, происходившими в общественной жизни страны в период ускоренной модернизации конца. Преобразования коснулись всех направлений деятельности ведомств: призрения детей и юношества, взрослых, а также слепых и глухонемых.

Призрение детей и юношества наряду с призрением взрослых продолжало оставаться предметом забот Императорского Человеколюбивого общества. Для Ведомства учреждений императрицы Марии это направление деятельности к концу XIX столетия стало главным. Санкт-Петербургский и Московский воспитательные дома на 1 января 1898 г. призревали (в столицах и сельских округах): первый – 33 366 питомца[695], второй – 29 033[696]. В детских приютах Ведомства императрицы Марии на 1 января 1898 г. пользовались призрением 13 368 приходящих и постоянно проживавших детей[697].

В женских институтах, по данным на 1896 г. воспитывались около 8000 девиц, в гимназиях обучались около 10 000 девочек[698]. В школах Патриотического общества на 1 января 1898 г. пользовались призрением 2323 ученицы, как приходящих, так и постоянно проживавших[699]. Кроме того, в заведениях Елисаветинского благотворительного общества в Москве, московского благотворительного общества 1837 г. и дамского Попечительства о бедных в Москве воспитывались несколько сот человек. В детско-юношеских учреждениях призрения Императорского Человеколюбивого общества к началу 1898 г. призревались более 5500 питомцев обоего пола[700]. Всего, таким образом, в детско-юношеских учреждениях Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества к концу XIX столетия единовременно призревались около 100 000 человек, не считая пользовавшихся помощью в учреждениях Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых и Попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых. В наибольшей степени преобразования затронули детско-юношеские учреждения призрения Ведомства императрицы Марии, объединенные в крупные учебно-воспитательные комплексы

социальной помощи и образования. Общего, единого плана преобразований у ведомства не было. Они осуществлялись в зависимости от конкретных, специфических для каждого типа учебно-воспитательных учреждений задач.

В 1890-е гг. очередному реформированию подверглись старейшие учреждения Ведомства императрицы Марии – воспитательные дома. Как и прежде, главной целью преобразований было уменьшение смертности среди питомцев, особенно младенцев. Этому помогли правила, принятые в 1882 г. Если в 1870-е гг. смертность составляла почти 19 % от общего числа младенцев содержавшихся в учреждениях, то в 1880-е гг. она сократилась в среднем до 15,1 %[701]. В конце 1880-х гг. решено было продолжить преобразования для сокращения смертности в воспитательных домах. На эту проблему в 1888 г. обратил внимание руководства ведомства Александр III. В июле следующего года по его указанию была создана комиссия по преобразованию воспитательных домов под председательством почетного опекуна В. А. Нейгардта. Комиссия наметила несколько направлений реформирования. Следовало четко определить районы деятельности воспитательных домов, категории принимаемых младенцев, необходимые для этого документы… главный вывод, к которому пришла комиссия, состоял в том, что следовало вообще не допускать прием детей без каких-либо сопроводительных документов, то есть сделать его явным. Для сохранения в тайне самого факта рождения ребенка предусматривался прием документов в запечатанном конверте. Предполагалось также ввести ответственность за представление ложных сведений о ребенке и за помещение в воспитательные дома законнорожденных младенцев под видом незаконных. Правила о приеме и возврате детей решено было печатать не только в официальных изданиях, но и отдельными брошюрами для широкого распространения.

Эти и другие предложения были систематизированы и утверждены в конце 1890 г. в качестве временных правил. В 1894 г. в них были внесены изменения и дополнения, после чего «Правила приема младенцев в императорские Московский и Санкт-Петербургский воспитательные дома и возврата принятых детей» были утверждены окончательно и уже не менялись до революции 1917 г.

Согласно правилам, в воспитательные дома принимались «… в возрасте не старше года 1) незаконные младенцы, лишившиеся матери; 2) незаконные младенцы таких матерей, которые, по беспомощности или необходимости сохранить тайну рождения ребенка, не могут держать его при себе и 3) подкидыши, никем не

принятые на воспитание»[702]. Главным нововведением стал только явный прием детей. Для поступления незаконнорожденного младенца требовалась выписка из метрической книги о рождении и крещении ребенка или вид на жительство либо удостоверение личности того, кто его принес. В случае смерти матери требовалось свидетельство об этом. При соблюдении этих правил дети принимались бесплатно. Подкидыши принимались только через полицию, с удостоверением от нее, что ребенок подброшен неизвестным лицом и в отношении его родителей проводится расследование.

Прием младенцев с документами осложнял положение матерей, не желавших огласки самого факта рождения ребенка. В таких случаях правилами допускалось представление документов в запечатанном конверте. Приходским священником на конверте делалась выписка из метрической книги о рождении и крещении младенца с указанием года, месяца, числа и места рождения, но без фамилии, с указанием только имени. Лицо, принесшее младенца и представившее его документы, должно было уплатить воспитательному дому 25 рублей.

В исключительных случаях, требовавших полного сохранения тайны рождения ребенка, допускался прием без установленных документов. Но вместо них следовало представлять удостоверение, являющееся, по существу, анкетой из четырех вопросов: «1. Действительно ли отдаваемый младенец есть незаконнорожденный? 2. Действительно ли необходимо сохранение полной тайны рождения отдаваемого младенца по семейному (или по общественному) положению его матери? 3. Когда отдаваемый родился? 4. Крещен ли младенец, какого вероисповедания и как назван?»[703] на первые два вопроса следовало давать четкие, утвердительные ответы, далее указать год, месяц и число рождения. Удостоверение подписывалось приходским священником и лицом, возглавлявшим любое благотворительное общество с утвержденным уставом, либо (также вместе со священником) директором одного из родовспомогательных заведений столицы. Наконец, младенцы могли приниматься вообще без каких-либо документов, но для этого нужно было личное разрешение почетного опекуна, управляющего воспитательным домом. В таких случаях с лица, принесшего ребенка, взимались 50 руб.

Правила допускали прием в воспитательные дома законных младенцев, но только на временное кормление и только в тех случаях, когда матери не было в живых либо она по каким-то причинам не могла кормить ребенка сама. В этих случаях в воспитательный дом представлялись метрика и соответствующая

справка от какого-либо благотворительного общества или учреждения. Таких детей следовало забирать из воспитательных домов по достижении ими одного года. Правилами также предоставлялась возможность неимущим матерям кормить детей у себя на дому с платой от воспитательных домов, но только в пределах столиц и сельских округов. Плата продолжалась до достижения ребенком двухлетнего возраста. От Санкт-Петербургского воспитательного дома она составляла 30 копеек в день за ребенка в возрасте до года и 20 коп. в возрасте от года до двух лет. Плата от московского воспитательного дома была немного меньше. Дети, поступавшие в воспитательные дома некрещеными, в обязательном порядке крестились. Это было общим правилом для всех учреждений Ведомства императрицы Марии. Питомцы воспитывались в православной вере и возвращались лицам только христианского исповедания.

Введение нового порядка приема младенцев сказалось на статистике. Если в 1890 г. в Санкт-Петербургский воспитательный дом поступило 9209 детей, то в 1894 г. – 6090[704]. С 1895 г. поступления вновь возросли. В указанном году дом принял 6141 ребенка. В 1901 г. – 7066 и в 1902 г. – 8042 малыша[705]. Однако это было более чем на тысячу человек меньше, чем в 1890 году. Сократилось поступление младенцев и в Московский воспитательный дом. До введения новых правил туда ежегодно приносили 16 000–17 000 детей. В 1890 г. – 10 700, в 1895 г. – 9700[706], сократился и тайный принос детей. Если, например, в 1892 г. в Петербургском воспитательном доме он составил 32,7 % от общего числа поступивших, то в 1900 г. – только 9 %[707].

В этой связи возникают вопросы, насколько воспитательные дома на рубеже XIX–XX вв. удовлетворяли потребность в призрении незаконнорожденных детей в столицах, и почему власть не стремилась расширить их деятельность. По данным статистического комитета МВД за 1894 г. в течение предыдущих десяти лет в 50 губерниях европейской России рождалось «средним числом в год» по 4 181 783 младенца, из которых вне законных браков появлялись на свет 111 958 детей или 2,68 %. В сельской местности меньше – всего 1,84 %, а в городах выше – 10,89 %, однако в Москве ежегодно появлялось до 30 % незаконнорожденных детей от общего числа, в Петербурге – до 26 %[708] (в цифровом выражении в Москве до 36 000, в Петербурге – до 28 000). А это значит, что воспитательные дома могли обеспечить призрение не более чем одной трети незаконнорожденных младенцев в обеих столицах. Такие дети в губерниях должны были призреваться местными учреждениями.

Поскольку в России отсутствовала единая система

социальной помощи детям, роль воспитательных домов в призрении незаконнорожденных была значительной. Потенциал домов при выделении соответствующих средств позволял сделать ее еще более заметной. Но перед воспитательными домами не ставилась задача охватить призрением как можно большее число детей. Напротив, порядок их приема постоянно усложнялся, поскольку неограниченное поступление младенцев в воспитательные дома могло создать серьезные трудности в их работе. В начале XX столетия воспитательные дома, как и раньше, оставались единственными в своем роде, уникальными учреждениями, ярко демонстрировавшими заботу самодержавия о своих самых беспомощных и незащищенных подданных. Власть была заинтересована в успешном функционировании этих учреждений и устранении недостатков, бросавших на них тень.

Главной проблемой воспитательных домов на рубеже XIX–XX в. продолжала оставаться высокая детская смертность в сельских округах. Ее удалось сократить. Например, если в сельских округах Петербургского воспитательного дома в 1891 г. умерли 41,8 % детей, то в 1900 г. – 32,1 %[709]. Сокращение смертности было обусловлено как улучшением медицинского обслуживания, так и тем, что детей стали отправлять в сельские округа не в 3–4-х недельном возрасте, как раньше, а в 2–4-х месячном.

Вслед за введением новых правил приема младенцев преобразованиям подверглись все структурные подразделения воспитательных домов. К числу таких подразделений относились школы для питомцев в сельских округах. К концу XIX в. количество этих школ увеличилось. Только в сельских кругах Петербургского воспитательного дома к маю 1897 г. имелись 100 школ, в которых обучались 2334 питомца в возрасте от 10 до 16 лет и 7 сельских приютов для 233 детей в возрасте от 4 до 10 лет[710]. Прежнее положение о сельских школах, действовавшее с 1881 года, было признано устаревшим и создано новое, призванное сделать размещение школ более рациональным и допустить в них детей крестьян, проживавших в округах. Новое «Положение о сельских школах, библиотеках и приютах императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома» было введено в мае 1897 г. Согласно этому законоположению, школы учреждались только в тех деревнях округов, в которых проживало достаточное количество питомцев, годных к обучению. В каждой школе должны были учиться не менее 15 и не более 40 детей обоего пола в возрасте не моложе 10 лет. Обучение продолжалось не менее 4 лет для воспитанников из русских деревень и не менее 5 лет из немецких и «чухонских», т. е.

ингерманландских и финских. Школьная программа предусматривала преподавание закона божьего, русского языка и чтения, арифметики, кратких сведений из истории России, географии и естествознания. К посещению школ за плату допускались дети местных крестьян.

Основным занятием жителей деревень в округах было сельское хозяйство. В отсутствие родителей, находившихся на полевых работах, крестьянские дети оставались без надзора, поэтому по новому положению в воспитательных домах открыли приюты для их временного призрения. На 1 января 1904 г. в 36 округах Санкт-Петербургского воспитательного дома было 112 школ и 8 сельских приютов, из них 110 школ и 7 приютов содержались на средства непосредственно воспитательного дома, остальные – на частные средства[711]. Колебание численности питомцев в разных сельских округах вело к тому, что в одних случаях школы закрывались, в других – вновь открывались. На 1 января 1905 г. в структуре Петербургского воспитательного дома было 109 школ и 8 приютов, в которых обучались 3014 питомцев обоего пола[712]. Для распространения грамотности среди деревенского населения Положением предусматривалось создание библиотек при сельских школах «…преимущественно из книг, доступных народному пониманию»[713]. Таким образом, Петербургский воспитательный дом частично взял на себя призрение крестьянских детей и просвещение населения.

Создавать школы рядом с каждым населенным пунктом не считалось целесообразным из-за малой наполняемости и потому многие питомцы воспитательного дома проживали довольно далеко от них. Ученики вынуждены были ночевать в школах. Для обеспечения этих детей ночлегом, питанием при школах, одеждой и обувью требовались дополнительные расходы, которые не предусматривались воспитательным домом. Для решения этой и других задач развития сельских округов привлекались благотворительные средства. Еще в 1880 г. было создано общество попечения о питомцах Санкт-Петербургского воспитательного дома, проживавших в деревнях Гарболовского округа Финляндской железной дороги. В 1890-е гг. при содействии воспитательного дома были учреждены еще несколько подобных обществ. В 1893 г. начало действовать общество попечения о питомцах, проживавших в деревнях района Балтийской железной дороги. В 1895 г. возникло такое же общество, оказывавшее помощь питомцам в деревнях по линии варшавской железной дороги. В 1897 г. учреждено было общество, помогавшее питомцам, жившим по линии николаевской железной дороги.

Эти общества не подчинялись администрации воспитательного дома. Они действовали на основании собственных уставов и входили в состав Ведомства учреждений императрицы Марии. Их задачи были весьма широкими. Например, «общество попечения об улучшении быта питомцев обоего пола императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома, вскармливаемых и воспитываемых в деревнях округов, расположенных на линии николаевской железной дороги», имело право устраивать для детей приюты, богадельни, больницы, специализированные ремесленные и сельскохозяйственные школы, мастерские для профессионального обучения. Кроме того, общество заботилось «… об усыновлении питомцев, а по достижении ими совершеннолетия – о доставлении им оседлости и занятий, которые бы обеспечили им будущность»[714].

Средства подобных обществ составлялись из единовременных пожертвований и ежегодных взносов, как деньгами, так и имуществом, путем кружечного сбора, а также сборов с различных благотворительных спектаклей, балов, концертов. В состав обществ входили разные категорий членов. Например, в состав вышеназванного общества, опекавшего питомцев, проживавших на линии николаевской железной дороги, входили: а) почетные члены, б) непременные, в) действительные, г) члены-сотрудники. Звания почетных членов присваивались лицам, сделавшим особо крупные пожертвования (размеры не уточнялись) либо оказавшим обществу какие-нибудь важные услуги. Как во многих других благотворительных организациях, входивших в ведомство императрицы Марии, почетное членство могло быть предоставлено членам императорской фамилии. Непременными членами состояли надзиратели, врачи и прочие лица, служившие в округах, опекаемых обществом. Звание действительного члена присваивалось тому, кто ежегодно вносил в пользу общества от пяти до ста рублей единовременно. Подобные правила имели и другие благотворительные общества по улучшению быта питомцев в сельских округах. В 1904 г. этими обществами всего были израсходованы на благотворительные цели 6612 руб. 28 коп.[715].

Подготовка педагогических кадров для сельских школ Петербургского воспитательного дома в начале XX столетия осуществлялась, как и прежде, в учительской семинарии принца Петра Ольденбургского в Павловске. Нехватка учителей в школах и возросшие требования к их квалификации привели к очередным преобразованиям в семинарии. В 1900 г. было утверждено новое Положение о ней, расширившее круг преподаваемых дисциплин.

Кроме предметов, предусмотренных прежним Положением, вводилось преподавание садоводства, огородничества, пчеловодства, а также основ анатомии и физиологии человека, гигиены. В свободное время ученикам предписывалось заниматься ручным трудом. Возраст приема в семинарию и сроки обучения остались прежними. К 1 января 1905 г. в ней числились 60 учеников[716]. По новому Положению несколько сократился срок службы окончивших семинарию учителей сельских школ для вступления в сословие личных почетных граждан. Теперь они могли рассчитывать на это после 10, а не 12 лет беспорочной службы. Новым в Положении был пункт, согласно которому учителя после 20 лет работы в сельских школах могли рассчитывать на звание потомственных почетных граждан. Как видно, воспитательный дом оставался верным принципу, заложенному еще Марией Федоровной – готовить из питомцев людей «простого звания», крестьян и ремесленников. Начиная службу по ведомству собственно воспитательного дома, его выпускник мог достичь сколько-нибудь значительного сословного положения для себя и своих детей, беспорочно прослужив едва ли не половину жизни.

В конце XIX столетия перемены коснулись женских учебных заведений, готовивших кадры для службы по ведомству Петербургского воспитательного дома. Женское училище, претерпевшее многочисленные реорганизации, решено было вообще закрыть, так как после ликвидации в 1886 г. педагогического класса, оно по сути превратилось в подготовительное отделение для поступления в существовавшие при воспитательном доме училище фельдшериц и нянь. Это заведение тоже решили упразднить, так как потребности Ведомства императрицы Марии удовлетворяли фельдшерские курсы при больницах. Напротив, квалифицированных кадров для ухода за младенцами в самом воспитательном доме и сельских округах не хватало. Поэтому в 1891 г. женское училище и училище фельдшериц были закрыты, а училище нянь расширено. Положение о нем, принятое в августе 1891 г., определяло комплект учащихся в заведении в 100 человек. В училище нянь принимались только лучшие выпускницы сельских школ от 15 до 18 лет. Обучение продолжалось четыре года. Общеобразовательная программа была такой же, как в учительской семинарии принца Ольденбургского. Кроме того, девушки изучали специальные дисциплины: уход за больными и здоровыми детьми, анатомия и физиология, гигиена, основы педагогики. Практические навыки ученицы приобретали в детском саду при училище. Успешно окончившие это учебное

заведение получали «свидетельства на звание русских нянь первого и второго разряда, сообразно оказанным успехам в науках и практическом уходе за детьми»[717]. При отсутствии вакансий в учреждениях Ведомства императрицы Марии выпускницы училища могли рассчитывать на службу в частных домах, но работодателем для нянь выступал воспитательный дом, заключавший контракты с частными лицами.

К началу XX в. завершились преобразования, которым воспитательные дома подвергались на протяжении всего XIX столетия. Были окончательно установлены порядок приема, правила воспитания и обучения детей, а также организационная структура, не менявшиеся до революции 1917 г. Санкт-Петербургский воспитательный дом состоял из центрального управления, которому подчинялись столичный и сельские округа, и учебной части. В воспитательный дом в Петербурге, являвшемся столичным округом, входили отделения для внебрачных и законных детей. Последнее включало отделение для малолетних сирот. Все вместе взятые они были рассчитаны на одновременное призрение приблизительно тысячи ребят. После пребывания в грудных отделениях питомцы распределялись для дальнейшего воспитания в крестьянских семьях по тридцати шести сельским округам дома, располагавшимся в Петербургской, Новгородской и Псковской губерниях вдоль линий Балтийской, Финляндской и николаевской железных дорог. Учебная часть осуществляла руководство школами и приютами в сельских округах, а также заведениями, готовившими кадры для службы по ведомству – учительской семинарией Петра Ольденбургского в Павловске и училищем нянь. Московский воспитательный дом имел незначительно отличавшуюся организационную структуру, включавшую столичный и сельские округа. Но в его составе не было специализированных учебно-воспитательных учреждений. При московском воспитательном доме состояло заведение для призрения взрослых, подчинявшееся его администрации – дом призрения штаб– и обер-офицеров Шереметевой. В обоих воспитательных домах питомцы получали полное содержание и начальное образование, завершая его в возрасте 21 года.

Число питомцев в воспитательных домах в начале XX в. в сравнении с 1890-ми гг. не увеличилось. По данным на 1 января 1904 г. всего в Санкт-Петербургском и московском воспитательном домах призревались 59 337 детей обоего пола, из них 32 974 в Петербургском и 26 363 в московском[718]. Дома имели продуманную систему воспитания и образования питомцев и подготовки педагогических кадров. В результате длительных преобразований, улучшения медицинского обслуживания и

бытового содержания питомцев к началу XX столетия удалось значительно снизить детскую смертность. К этому времени воспитательные дома обладали достаточным опытом и потенциалом, чтобы стать организационными и учебно-методическими центрами при создании единой общегосударственной системы призрения детей и юношества, вопрос о необходимости которой активно обсуждался общественностью.

Об этом, в частности, шла речь на Первом съезде русских деятелей по общественному и частному призрению, состоявшемся в 1910 г. в Петербурге, и на съезде по общественному призрению, созванном МВД в 1914 г. также в северной столице. Однако ведомство императрицы Марии не пожелало даже обсуждать с общественностью и специалистами в области призрения вопросы, касавшиеся воспитательных домов. Как и прежде, препятствием был привилегированный статус учреждений императрицы, которому, по мнению их руководства, могло повредить тесное взаимодействие либо объединение с другими.

В отличие от воспитательных домов, развитие детских приютов Ведомства императрицы Марии шло не только по пути совершенствования их внутренней структуры и методов призрения, но и расширения их деятельности. Создававшиеся ведомством с конца 1830-х гг., приюты предназначались для призрения детей в дневное время и располагались, главным образом, в городах. Вначале они призревали детей, имевших родителей. Тем не менее, большая часть из них призревалась за счет средств ведомства и частных благотворителей, так как их родители принадлежали, как правило, к малоимущим слоям населения. Вскоре детские приюты начали призревать и сирот. В 1839 г. было принято Положение о детских приютах и создан общий орган управления – комитет главного попечительства. В столицах приюты подчинялись советам, в губерниях – попечительствам. В 1864 г. комитет был упразднен, что позднее признали ошибкой.

Это было не единственной причиной, по которой детские приюты слабо использовали возможности, появившиеся в годы реформ Александра II. Во второй половине XIX в. приюты продолжали действовать на основе устаревшего Положения 1839 г., не отражавшего реалии времени. Во многих губерниях и уездах, где действовали приюты, были созданы земства. Некоторые оказывали помощь приютам. Однако расширение взаимодействия земств и местных попечительств сдерживалось несовершенным законодательством. Это же обстоятельство не позволяло использовать потенциальные возможности

сотрудничества детских приютов и городских общественных управлений. Собственно ведомство императрицы основное внимание уделяло преобразованиям в женских институтах и воспитательных домах.

Преобразования в системе детских приютов ведомства начались в 1890-е гг. В июле 1891 г. утверждено новое «общее положение о детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии». Целью их деятельности объявлялось «… призрение бедных, обоего пола, детей, без различия звания, вероисповедания, сословия и происхождения, и доставление им религиозно-нравственного воспитания и первоначального образования»[719]. Четко определялись категории призреваемых: «…дневное призрение детям, остающимся, во время дневных работ их родителей или родственников, без надзора, или лишенным, по семейным обстоятельствам, возможности получить дома первоначальное образование и воспитание»[720]. Кроме того, приюты призревали «…на постоянном и полном содержании детей обоего пола: круглых сирот, полусирот и таких, родители коих не имели средств для их воспитания и обучения…», а также «… бесприютных младенцев обоего пола»[721].

Порядок управления приютами законоположение не изменило. Как и раньше, руководство ими осуществлялось канцелярией ведомства императрицы. Прежним остался порядок управления приютами на местах и разделение членов советов и попечительств на действительных и почетных. К последним относились и благотворители. В число действительных членов, как и раньше, входили высшие должностные лица административных единиц империи. Должность председателя губернского или областного попечительства детских приютов занимал губернатор или начальник области. Тем самым подтверждался государственный характер детских приютов ведомства императрицы, хотя они продолжали считаться общественными благотворительными учреждениям. В уездах должность председателя попечительства детских приютов занимал предводитель дворянства. В земских губерниях в состав руководства попечительств наряду с губернаторами, городскими головами, директорами народных училищ и прочими должностными лицами входили председатели управ – губернских или уездных. Таким образом, в состав местных управленческих структур благотворительного ведомства под покровительством императорской фамилии вошли не просто представители общественности как таковой, а общественного управления, к которому самодержавие относилось с подозрением и неприязнью.

Звания почетных членов советов детских приютов (в

столицах) и попечительств либо почетных старшин присваивались лицам, принимавшим обязательство ежегодно вносить в кассы этих учреждений «установленную плату», либо делавшим крупные единовременные пожертвования, а также оказавшим другие услуги. Звания почетных старшин также присваивались за денежные пожертвования и безвозмездное выполнение административно-хозяйственных обязанностей в приютах. Почетные старшины избирались местными попечительствами и утверждались в должностях главноуправляющим. Почетные члены также избирались советами и попечительствами, но утверждались в звании императрицей. В положении имелась оговаривалось, что почетные члены пользовались этим званием в течение того времени, когда они оказывали помощь приютам. Благотворители могли рассчитывать на получение классных чинов и мундиров ведомства императрицы. Содержащийся в общем положении перечень чинов, присваивавшихся почетным членам и почетным старшинам, включает едва ли не весь табель о рангах. Звание почетного члена совета детских приютов давало обладание чином VI класса, почетного члена попечительства в губернском, областном или портовом городе – чином VII класса, в уездном или окружном городе – VIII класса. Почетные старшины приютов в столицах имели чин X класса, в губернских, областных и портовых городах – XII класса, в уездных, окружных и прочих городах – чин XIV класса.

Ежегодные взносы почетных членов и старшин были одним из источников финансирования приютов. Конкретные суммы пожертвований не устанавливались. Не определялся точно и характер безвозмездных услуг приютам. На взгляд авторов монографии, это было обусловлено желанием ведомства императрицы проводить гибкую политику привлечения благотворителей. Помимо взносов почетных членов и почетных старшин, упоминались такие источники финансирования приютов, как выплаты из сумм опекунских советов, пособия из государственного казначейства, единовременные денежные пожертвования, кружечный сбор, доходы с различных благотворительных мероприятий и недвижимости. Отдельным пунктом в перечне источников финансирования значатся пособия от городских и земских учреждений. Так общее Положение 1891 г. ввело в правовые рамки сотрудничество детских приютов Ведомства императрицы Марии и структур общественного управления.

Совершенствование законодательной базы деятельности детских приютов способствовало увеличению их количества.

Число попечительств и благотворительных обществ ведомства возросло с 82 в 1892 г. до 92 в 1895 г. количество учреждений призрения, входивших в названную структуру, возросло со 138 в 1892 г. до 158 в 1895 г. Число призреваемых детей увеличилось с 12 421 в 1892 г. до 13 279 в 1895 г.[722] – более, чем на тысячу человек.

Расширение и совершенствование деятельности детских приютов привело к необходимости создания единого управленческого органа. В январе 1898 г. воссоздан комитет главного попечительства. Его главной задачей стало «… изыскание и обсуждение мер и средств, как для поддержания, развития и улучшения существующих в России приютов и для учреждения новых заведений, так и вообще для организации и обеспечения возможно более правильной и плодотворной постановки дела призрения, воспитания, обучения и профессионального образования неимущих детей и приготовления их к производительному труду»[723]. Чтобы члены комитета лучше понимали стоявшую перед ними задачу, по указанию главноуправляющего ведомством императрицы Н. А. Протасова-Бахметева была отпечатана и роздана членам комитета к его первому заседанию брошюра «ведомство детских приютов и его задачи». Это был своего рода справочник, содержавший краткий исторический очерк деятельности приютов ведомства, рассуждения о задачах призрения детей вообще и некоторые статистические сведения.

Для привлечения заинтересованных ведомств, учреждений и лиц к обсуждению вопросов благотворительности и призрения канцелярией по управлению детскими приютами с 1897 г. начал издаваться «вестник благотворительности» под редакцией историка, историографа Ведомства императрицы Марии Е. С. Шумигорского. Журнал был ведомственным изданием, но вскоре приобрел общероссийское значение. К сотрудничеству в нем широко привлекались специалисты в области призрения: юристы, историки, организаторы благотворительности, руководители учреждений, а также представители общественности и органов государственной власти. Современный исследователь отмечает, что «…благодаря высокому теоретическому уровню, он сумел стать одним из интереснейших журналов России»[724]. «вестник благотворительности» выходил, однако, всего пять лет. В 1902 г. он прекратил свое существование из-за отсутствия средств на издание. Частных благотворителей к его финансированию привлечь не удалось, а выделить деньги из сумм, находившихся в распоряжении центрального управления ведомства императрицы, власть не

посчитала нужным.

В конце XIX в. по решению комитета главного попечительства детских приютов на местах началось издание отчетов губернских и уездных попечительств (там, где для этого имелись возможности). Как и прочие публикации ведомства императрицы, эти отчеты были призваны демонстрировать заботу самодержавной власти о подданных. В тоже время опубликованные отчеты способствовали популяризации детских приютов, знакомили общественность с формами и методами их работы. Кратковременное издание «вестника благотворительности» было попыткой выйти за рамки популяризации, включиться в обсуждение сложнейших вопросов социальной политики. Инициативу в этом деле неслучайно проявило именно ведомство детских приютов. Воспитательные дома, женские институты и другие учреждения ведомства императрицы, не имевшие аналогов в остальных благотворительных ведомствах и обществах, могли позволить себе оставаться в гордом сознании собственной исключительности. Детские приюты, напротив, по форме были самыми распространенными в России учреждениями для призрения детей. Объективно это заставляло обращать внимание на «конкурентов» и не стоять в стороне от обсуждения вопросов социальной политики.

В конце XIX столетия ведомство детских приютов активизировало работу по поиску новых источников финансирования. В ноябре 1895 года был создан «главный комитет для сбора пожертвований в пользу детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии», сосредоточивший в своих руках все виды денежных поступлений. Особенно широкое распространение получил кружечный сбор. Кружки для пожертвований выставлялись как столичными советами детских приютов, так и попечительствами. Наиболее активно кружечный сбор внедрялся Московским советом. Например, в 1898 г. по согласованию с Министерством путей сообщения на всех московских железнодорожных станциях и пароходных пристанях установили около 3000 кружек[725].

В том же году ведомство императрицы Марии выпустило в продажу так называемые благотворительные письма с объявлениями. Письмо представляло собой лист бумаги или «бланк», по краям которого помещались «…за определенную, весьма недорогую плату, разного рода торгово-промышленные и другие объявления»[726]. Остальная часть листа предназначалась собственно для письма. Для местных или городских писем бланк стоил 4 коп., для «загородных» – 5 коп. Письмо складывалось

вчетверо и скреплялось без конверта. На него ставился 5-копеечный (для местных писем) либо 7-копеечный (для общероссийских) почтовый штемпель. На лицевой стороне письма помещалась надпись: «Чистый доход поступает в пользу детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии»[727]. Для распространения благотворительных писем при канцелярии было учреждено Управление по их выпуску и продаже. При местных попечительствах разрешалось открывать специальные отделения. Для сбора коммерческих объявлений, помещавшихся по краям бланков, местные отделения могли привлекать уполномоченных. Им запрещалось принимать наличные деньги за подачу объявлений, но в случае успешной работы они могли рассчитывать на комиссионные.

Для пополнения финансов ведомством детских приютов изыскивались любые возможности. Почетные попечители и старшины, а также руководящие должностные лица советов, попечительств и непосредственно приютов носили особый нагрудный знак. Решено было распространить право ношения этого знака на всех служащих по детским приютам, но за особую плату. Это признавалось выгодным, так как фирма, изготовлявшая знак, за оптовые заказы предоставляла большие скидки. Руководство ведомства настойчиво изыскивало не только деньги, но вообще любые материальные ценности, которые могли найти применение в приютах. Примером может служить обращение директора канцелярии О. К. Адеркаса к министру финансов С. Ю. Витте с просьбой о передаче в распоряжение детских приютов конфискованных на таможне товаров. Их предписывалось продавать с аукционных торгов, а если таковые не продавались с двух торгов – уничтожать. Обратив на это внимание, О. К. Адеркас в 1903 г. направил Витте письмо, в котором, в частности, указывал: «ныне до сведения Центрального Управления приютов дошло, что в действительности многие товары, назначенные в аукционную продажу, даже после двух торгов остаются непроданными и, что весьма многие товары и предметы, подлежащие уничтожению, с большей пользою могли бы быть употребляемы для нужд детских приютов»[728]. В ответ Витте уведомил Адеркаса, что не видит к этому препятствий. Таможням было дано указание иметь в виду при распределении непроданных товаров «…также местные детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии…»[729]. Товары передавались местным попечительствам под расписки, с запрещением использовать их в коммерческих целях.

Ведомство учитывало любые, на первый взгляд, незначительные мелочи, чтобы привлекать не только финансовые

и материальные средства, но и лиц для службы в приютах. В частности, советы и попечительства охотно брали на службу отставных армейских офицеров в качестве строгих и требовательных администраторов и надзирателей. В 1898 г. высочайшим повелением отставным офицерам было разрешено служить в детских приютах Ведомства императрицы Марии, сохраняя военный мундир и классный чин, полученные на службе, что для бывших военных было более престижным.

Учебно-воспитательная работа в детских приютах строилась, в основном, на тех же базовых принципах, что и раньше. Как указано в отчете по ведомству за 1895 г., «учебная программа детских приютов, за редким исключением, не выходит из тех скромных рамок, которые обуславливаются задачей приютского призрения»[730]. Эта программа полностью соответствовала той, которая была принята в народных училищах Министерства народного просвещения и предусматривала только начальное образование.

Традиционно во всех учебно-воспитательных заведениях ведомства императрицы образование играло второстепенную роль по отношению к воспитанию. Однако в конце XIX века значение образования существенно возросло для приютских питомцев мужского пола. Общим положением 1891 г. было установлено, что воспитанники, прошедшие полный курс начальных училищ Министерства народного просвещения и успешно сдавшие экзамены, получали льготу IV разряда по отбыванию воинской повинности, сокращавшую срок службы. Эффект от этого нововведения был заметным.

Принятый в 1874 г. устав о воинской повинности предусматривал значительное сокращение срока службы для лиц, имевших образование, подтвержденное государственным сертификатом. Все типы учебных заведений, окончание которых давало эту льготу, разделялись на четыре разряда. Начальные учебные заведения относились к IV разряду, народные школы – к III, гимназии – ко II и университеты – к I разряду. Льготы распространялись и на выпускников заведений, приравненных в учебном отношении к упомянутым. При сроке действительной службы в сухопутных войсках в шесть и во флоте в семь лет лица, окончившие начальные школы, служили четыре года, городские школы – три года. Выпускники гимназий служили полтора года, университетов – полгода. В 1888 г. был принят новый устав о воинской повинности, сокративший действительную службу до пяти лет. Срок службы для окончивших заведения IV и III разрядов остался прежним, но увеличивался в два раза для выпускников гимназий, университетов и приравненных к ним

заведений.

Включение детских приютов ведомства императрицы в число учебных заведений IV разряда создало дополнительный стимул к учебе для питомцев мужского пола. В отчете по Ведомству детских приютов за 1895 года отмечается: «Прямым следствием этой высочайше дарованной приютам льготы оказалось то отрадное явление, что приходящие мальчики стали посещать уроки исправнее, родители начали более дорожить приютами и исправнее присылать туда своих детей, а мальчики старших классов перестали переходить в другие училища для получения льготных свидетельств…»[731]. Откровенное признание того, что стимулом к учебе в приютах послужило стремление тянуть солдатскую лямку меньший срок, оказалось уместным лишь потому, что давало возможность еще раз подчеркнуть монаршую заботу о воспитанниках учреждений Ведомства императрицы Марии. Воспитанники, успешно заканчивавшие полный курс ремесленного училища при нижегородском Александровском детском приюте, в виде исключения пользовались льготой III разряда.

К началу XX столетия претерпели изменения методы воспитания, практиковавшиеся ранее. Розги и другие телесные наказания окончательно были исключены из арсенала «воспитательных» средств. В некоторых заведениях в качестве наказания применялось заключение в карцер, но только как крайняя мера. Такое наказание использовалось, в частности, в приюте Попечительства для обучения бедных детей мастерству в Санкт-Петербурге, входившем в состав Императорского Человеколюбивого общества. Система наказания в этом заведении была подробно изложена в «Положении о системе наказаний и поощрений для питомцев Попечительства Императорского Человеколюбивого общества», вышедшем в 1906 г. среди проступков, за которые могло последовать наказание, перечислялись «шалость», «брань», «неряшливость», «небрежность к работе», «нечистоплотность», «драка», «курение», «леность» и даже «излишнее внимание к своей внешности»[732]. Упоминались и более серьезные проступки: «пьянство», «буйство» и тому подобное, а также «проступки безнравственного свойства и рецидивы вообще»[733].

В большинстве случаев наказание заключалось в выговоре. В зависимости от тяжести проступка и обстоятельств его совершения провинившийся мог получить выговор от действительного члена Попечительства либо других должностных лиц. Более серьезным наказанием считался вызов в помещение Попечительства, где провинившийся оставался на срок от 6 до 7

суток, лишаясь возможности общаться с товарищами, а в случае занятости на работе в приюте виновный наказывался ограничением в пище, получая горячее питание «через два дня на третий», а в промежуточные дни на обед и на ужин ему давали только черный хлеб с водой. Если всех перечисленных наказаний было недостаточно, чтобы изменить к лучшему поведение воспитанника, он заключался в карцер. В Положении уточняется: «наказанный, находясь в карцере, должен обязательно быть занят работой, быть под присмотром дядьки и довольствоваться черным хлебом с водой»[734]. Провинившийся помещался в карцер на срок от 3 до 12 часов и отбывал наказание только в дневное время. Выговор либо заключение в карцер могли сопровождаться лишением отпуска на неделю, временным «отбиранием праздничной одежды» и уменьшением суммы заработанных денег. Но самым серьезным наказанием было лишение провинившегося покровительства Попечительства на срок до полугода и, наконец, исключение из приюта, то есть лишение социальной помощи.

Наказания, применявшиеся в приюте, имели целью не запугать питомцев и добиться от них беспрекословного послушания, а заставить осознать свои проступки. В Положении говорится: «изощряться в выдумывании разного рода наказаний или делать из дисциплинарных высказываний заурядное явление совершенно нежелательно, так как при этих условиях дети легко грубеют и перестают поддаваться влиянию воспитательных мер… никогда наказание не должно быть или сопровождаться глумлением или издевательством: только поддерживая в ребенке его человеческое достоинство, можно воздействовать на его нравственный облик»[735]. С современной точки зрения такое наказание, как карцер, является абсолютно неприемлемым. Но в то время российское общество не так уж далеко ушло от эпохи, когда палки и розги считались универсальным воспитательным средством, а в карцер сажали даже студентов университетов.

В некоторых случаях наказания в заведениях приютского типа явно выходили за пределы разумного. Такой случай находим в воспоминаниях известного революционера, советского партийного и государственного деятеля Ф. Ф. Раскольникова (настоящая фамилия ильин), в начале XX в. призревавшегося в приюте принца Петра Ольденбургского в Петербурге. Покровительствовал заведению принц А. П. Ольденбургский, не обладавший положительными нравственными качествами своего отца. Один из воспитанников по близорукости не заметил принца в автомобиле и не вытянулся «во фронт» перед ним. А. П. Ольденбургский отвез его в заведение «…и сдал директору,

приказав посадить виновного на хлеб и на воду в темный карцер»[736]. В приюте продолжали использоваться методы воспитания, которые вызывали критику в печати еще во времена Александра II. В своей автобиографии раскольников пишет: «в этом кошмарном училище, где еще не перевелись бурсацкие нравы, где за плохие успехи учеников ставили перед всем классом на колени, а поп Лисицын публично драл за уши, мне пришлось пробыть пансионером в течение восьми лет»[737].

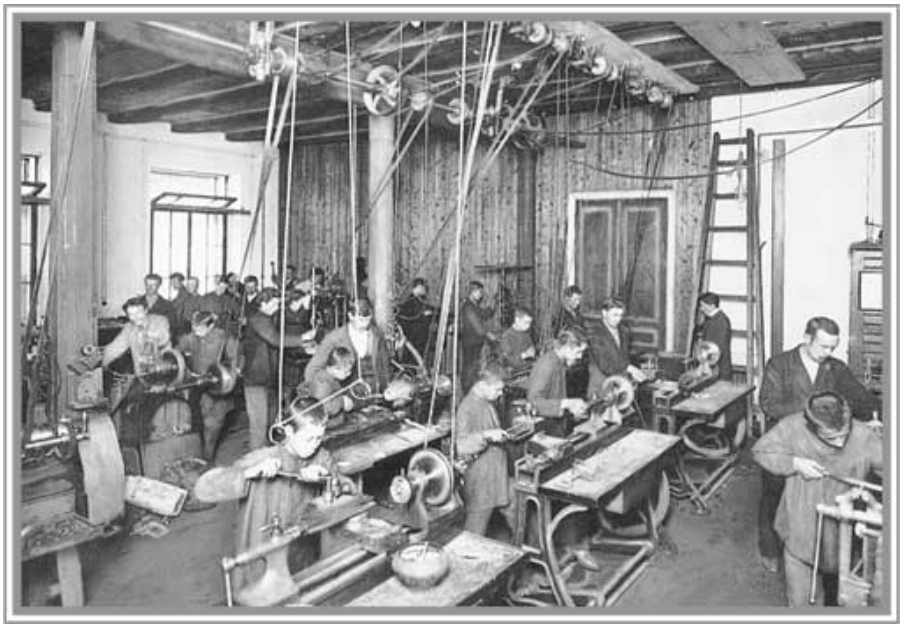
Следует оговориться, что заведение, в котором призревался раскольников, не входило в состав Санкт-Петербургского совета детских приютов Ведомства императрицы Марии. Приют принца Петра Ольденбургского в учебном отношении имел права реального училища, то есть давал полное среднее образование. Свидетельств о том, что в детских приютах ведомства императрицы в качестве меры наказания использовался карцер, не имеется. Маловероятно, что подобное могло иметь место. В этом просто не было необходимости, так как на помещение детей в приюты стояла очередь желающих, и освободившаяся вакансия сразу замещалась. Поэтому самым эффективным наказанием была угроза отчисления. А вот описанные Раскольниковым «педагогические» методы попа Лисицына вполне могли иметь место в заведениях приютского типа. Они не считались чем-то исключительным в низших сословиях.

В конце XIX столетия больше внимания стало уделяться профессиональному обучению в приютах, чтобы воспитанники не просто приучались к труду, а овладевали основами каких-либо профессий, позволявших зарабатывать на жизнь. Профессиональное обучение развивалось как путем создания специализированных ремесленных заведений, так и различных курсов и мастерских. В 1895 г. в ведомстве детских приютов действовали 10 ремесленных заведений и рукодельных школ, 2 школы поварского мастерства и одна школа для подготовки смотрительниц детских приютов[738].

В Санкт-Петербургском совете продолжало действовать строгановское сиротское отделение при приюте великой княгини Александры Николаевны. Оно состояло из двух отделений. Первое предназначалось собственно для подготовки помощниц смотрительниц, второе, рукодельное, принимало менее способных учениц. Подготовка помощниц смотрительниц детских приютов включала трехлетний теоретический курс, изучавшийся в трех последовательных годичных классах и двухлетний практический курс работы по специальности. После успешного окончания строгановского отделения воспитанницы получали свидетельство на звание помощниц смотрительниц и служили в

учебно-воспитательных заведениях Ведомства императрицы Марии. На рубеже XIX–XX вв. в отделении для подготовки помощниц смотрительниц ежегодно обучались 80 человек, в рукодельном – до 20 человек. Последнее в той или иной форме практиковалось во всех девичьих отделениях детских приютов Санкт-Петербургского совета.

Санкт-Петербургский совет также располагал крупным специализированным ремесленным учебно-воспитательным заведением. В 1898 г. известный предприниматель, действительный статский советник Алексей Григорьевич Елисеев передал совету созданную им женскую рукодельно-хозяйственную школу вместе с домом, в котором она располагалась, и капиталом в 100 тыс. руб. В 1904 г. – еще два дома в Петербурге, на Васильевском острове. Доход от их эксплуатации должен был поступать в пользу школы. По решению Елисеева управление домами оставалось за ним, а после его кончины переходило к дирекции школы. За эти пожертвования А. Г. Елисеев удостоился благодарности от императрицы Марии Федоровны. К началу 1905 г. в рукодельно-хозяйственной школе обучались 95 девиц. Надо отметить, что благотворительной помощью А. Г. Елисеева пользовалось не только ведомство учреждений императрицы Марии. В 1911 г. в число Петербургских учреждений Человеколюбивого общества вошла Еленинская бесплатная больница для бедных женщин, основанная на средства супругов Елисеевых. Больница располагалась в каменном здании. Функционирование заведения обеспечивалось капиталом в 300 тыс. руб., «пожертвованным на сей предмет учредителями больницы»[739].



Воспитанники убежища для мальчиков Римско-католического благотворительного общества за работой в механической мастерской. 1909 г. Фото ателье К. Буллы

В конце XIX в. в приютах Санкт-Петербургского совета начал вводиться так называемый ручной труд. Профессиональное обучение основам ремесел и рукоделий начиналось, как правило, в подростковом возрасте. Чтобы как можно раньше выработать у воспитанников практические навыки, с середины 1890-х гг. в программу обучения детей младшего возраста начал водиться ручной труд по методу учителя К. Ю. Цируля, члена Санкт-Петербургского совета детских приютов. Воспитанники изготавливали различные колышки, доски для резки хлеба и тому подобное. К началу XX в. ручной труд был введен в 11 петербургских приютах.

Различные ремесленные курсы, мастерские, классы при приютах лишь отчасти решали задачу профессионального обучения воспитанников. Большинство таких заведений не имело специальных производственных помещений и квалифицированных мастеров. Средства на развитие профессионального обучения в финансирование приютов, как правило, не закладывались. Ремесленное обучение не имело единых официально утвержденных учебно-производственных программ, что препятствовало, говоря современным языком, сертификации получаемых питомцами знаний. В некоторых случаях этот вопрос решался на местном уровне. Например, питомцы тверского детского приюта, успешно закончившие

обучение в столярном классе для мальчиков и в классах портних и белошвейном для девочек, получали свидетельства на знание ими ремесла из городской ремесленной управы. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в развитии ремесленного обучения питомцев детских приютов Ведомства императрицы Марии наметились два направления: унификация ремесленного обучения в обычных приютах и создание специализированных учебно-воспитательных заведений.

Помимо ремесленного, в конце XIX столетия получило развитие сельскохозяйственное обучение питомцев приютов Ведомства императрицы Марии. Нововведение было обусловлено тем, что в это время начали создаваться сельские детские приюты, как постоянные, так и временные. Они предназначались для призрения детей, родители которых находились на полевых работах вдали от дома. В 1904 г. неподалеку от Петербурга был открыт приют Тосненского сельского попечительства Царскосельского уезда Петербургской губернии. Кроме того, в период летних полевых работ Тосненским попечительством были открыты временные приюты-ясли в 7 деревнях и погостах, в которых за лето призревались 136 детей[740]. Всего к 1904 г. ведомством императрицы созданы 11 сельских детских приютов[741]. В начале XX в. в Министерстве внутренних дел появился проект обучения воспитанников сельских приютов крестьянскому труду в масштабах всей страны. В 1904 г. чиновник по особым поручениям министерства Н. Н. Жеденев по своей инициативе разработал и представил проект создания сельскохозяйственных приютов для детей «воинов-земледельцев», то есть крестьян, призванных на военную службу или погибших на войне. Предполагалось открыть эти приюты в деревнях и обучать их воспитанников сельскохозяйственному труду и аграрным знаниям. Ведомством детских приютов проект был встречен с интересом, но из-за недостаточной проработанности деталей и отсутствия средств на его реализацию поддержки не получил. Позже для призрения детей сельского населения империи было создано новое благотворительное ведомство под покровительством монаршей семьи – романовский комитет.

В начале XX столетия возникла еще одна форма организации детских приютов ведомства императрицы – приюты-корабли. Предполагалось, что питомцы этих заведений, расположенных в портовых городах, часть времени будут проживать на кораблях в портах и в плавании, получая основы знаний по морским профессиям. В 1904 г. приют-корабль создан в Таганроге. Близость к морю позволяла создать подобные приюты в Петербурге и его окрестностях, но здешний совет не проявил к

этой идее интереса. Это можно объяснить тем, что создание приюта-корабля потребовало бы непредусмотренных сметой немалых расходов.

Общим положением 1891 г. перед детскими приютами была поставлена задача призрения младенцев. Тем самым окончательно решался вопрос о том, какие учреждения ведомства императрицы должны заниматься призрением младенцев в губерниях. В составе Санкт-Петербургского совета приютов-яслей не было. В северо-западных губерниях России к началу 1905 г. действовали три приюта такого типа: Александро-Мариинский серебряный в Вологде, открытый в 1891 г., приют-ясли в Петрозаводске, созданный в 1893 г., и Архангельский приют-ясли, основанный в 1903 г. и перешедший под покровительство ведомства императрицы в 1904 г. Все они создавались на благотворительные средства. Следует отметить, что приют-ясли в Петрозаводске создан олонецким губернским земством в память 25-летия бракосочетания Александра III и Марии Федоровны. В 1900 г. на средства местного купечества для приюта купили двухэтажный деревянный дом. Пример успешного сотрудничества земства и Ведомства императрицы Марии, это заведение предназначалось для призрения на постоянной основе подкидышей и незаконнорожденных бездомных младенцев. Всего в 1904 г. в приюте призревались 39 детей. Приют-ясли в Архангельске работал по принципу детского сада, призревая малолеток только в дневное время, пока их родители были на работе. По выходным и праздникам приют был закрыт.

В конце XIX столетия обычной стала практика добровольного перехода в ведомство императрицы Марии детских приютов, создаваемых усилиями и на средства общественности. В какой-то степени это было вызвано стремлением благотворителей получить почетные звания, чины и мундиры, ощутить сопричастность к общему с высочайшими особами доброму делу. Такие стимулы благотворительности еще продолжали сохранять значение к началу XX столетия, но едва ли ими руководствовались земства. Были другие причины, по которым многие приюты желали перейти под покровительство императрицы. Важнейшей составляющей призрения являлось образование, требовавшее квалифицированных педагогических кадров, современной, по понятиям того времени, методической базы, утвержденных Министерством народного просвещения учебных программ, государственных сертификатов образования.

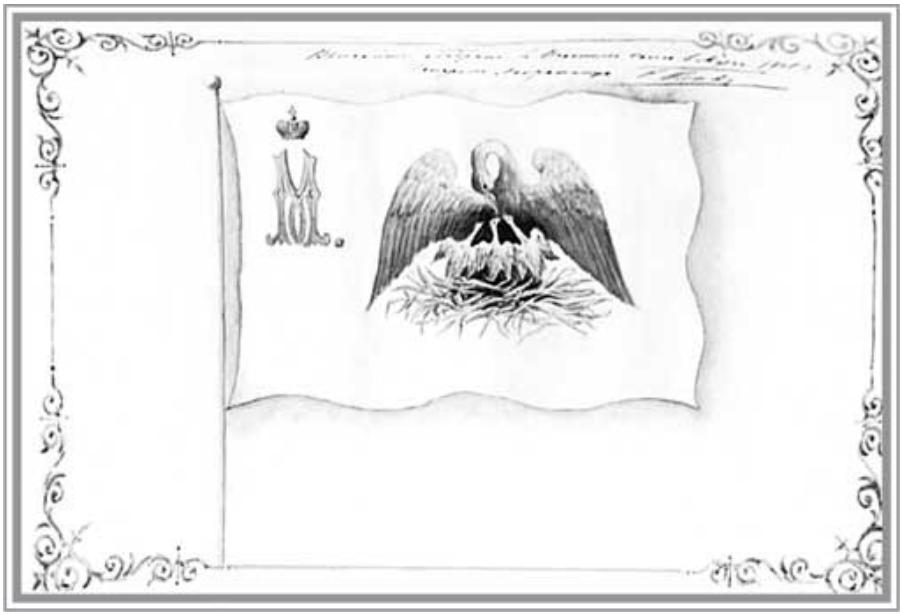


Рисунок флага детского приюта-корабля «Св. Николай» Ведомства Марии в г. Таганроге. Утвержден Николаем II 6 марта 1906 г. РГИА

Организовать учебный процесс, выполнить все требования Министерства народного просвещения и синода было сложно и хлопотно. При переходе в ведомство императрицы Марии все вопросы решались сразу. Кроме того, питомцы приютов при успешной сдаче экзаменов получали льготу по отбытию воинской повинности. Наконец, можно было рассчитывать на материальную поддержку ведомства и государства, пусть и не очень щедрую. Просьбы приютов о включении их в число учреждений Ведомства императрицы Марии удовлетворялись только тогда, когда их средств хватало на обеспечение текущей деятельности. Средства, находившиеся в распоряжении руководства ведомства, и бюджетные деньги не использовались для формирования основных или неприкосновенных капиталов приютов. Однако в экстраординарных ситуациях – ремонт, пожар и т. д. – можно было рассчитывать на поддержку руководства ведомства и государства.

На рубеже XIX–XX вв. детские приюты стали наиболее динамично развивающимися учреждениями Ведомства императрицы Марии. Это было обусловлено реформированием правовой базы их деятельности, широким привлечением благотворителей, новыми источниками финансирования, общим экономическим подъемом в стране, привилегированным статусом и соответствующей поддержкой государства. В это время

ведомство решало задачу как увеличения числа приютов и призревавшихся в них детей, так и совершенствования их учебно-воспитательной деятельности, форм и методов призрения. Углублялось профессиональное обучение, создавались специализированные ремесленные приюты и школы, расширялась сеть заведений приютского типа в сельской местности. Вакансии для дневного призрения детей постоянно сокращались и, наоборот, увеличивалось число вакансий для постоянного призрения, которыми могли воспользоваться те, кто более всего нуждался в призрении – сироты, полусироты, дети беднейших родителей.

По сравнению с началом 1890-х гг. количество учреждений ведомства детских приютов увеличилось примерно в три раза. В 1892 г. насчитывалось 82 совета, попечительства и благотворительных общества, которым подчинялись 138 учреждений. В 1904 г. в ведомстве детских приютов насчитывалось 317 административных органов управления и 398 собственно учреждений призрения. В 1892 г. в детских приютах призревались 7379 приходящих детей и 5042 ребенка на полном содержании – всего 12 421 человек. К концу 1904 г. эти заведения посещали 12 525 детей и постоянно проживали в них 13 365. Всего призрением пользовались 25 890 детей[742]. Из них 4582 ребенка призревались в летних сельских приютах и яслях[743].

Среди указанных учреждений призрения было 329 собственно приютов (в том числе – ремесленных), яслей, детских садов, рукодельных школ. Кроме того, ведомство детских приютов располагало тремя школами поварского искусства, школами домоводства, нянь, повивальных бабок, кустарных изделий, школой для подготовки помощниц смотрительниц детских приютов, двумя больницами, шестью родильными приютами, тринадцатью богадельнями и центральной детской библиотекой. При 45 заведениях имелись домовые церкви и часовни[744]. В течение 1904 г. в богадельнях при приютах призревались 137 престарелых, в родильных приютах была оказана помощь 2911 роженицам. В лечебнице имени императора Александра III в Москве и в больнице Селиверстовских благотворительных заведений в 1904 г. стационарно лечились до 350 человек. Кроме того, в этих медицинских учреждениях и в томском родильном приюте в течение 1904 г. лечились 14 342 амбулаторных больных. Таким образом, в 1904 г. ведомство детских приютов оказало различную помощь 43 333 лицам, как детям, так и взрослым[745]. По сравнению с началом 1890-х гг. существенно возросла сумма приютских капиталов. Если в 1892 г. она составляла 6 424 091 руб., а с учетом стоимости приютской недвижимости

9 119 953 руб., то к концу 1904 г. приютские капиталы составляли, в общей сложности 10 874 609 руб., а с учетом стоимости недвижимости – 19 434 679 руб.[746]

В начале XX столетия приюты Ведомства императрицы Марии представляли собой хорошо организованную, гибкую и способную к дальнейшему совершенствованию систему призрения детей, охватывавшую всю Россию, хотя она и не была обязательной и осуществлялась за счет, главным образом, благотворительных пожертвований. Действовавшая по единым правилам, разветвленная сеть приютов была хорошей основой для создания в полном смысле общегосударственной системы призрения юных граждан. Однако власти не желали возлагать на себя прямые обязанности по оказанию социальной помощи нуждающимся. А обособленный статус ведомства императрицы препятствовал объединению и, даже, координации деятельности по призрению детей с другими учреждениями такого рода, не входившими в его состав.

Исторически сложилось так, что женское образование в России, за исключением частных пансионов, возникло и развивалось как фактически государственная отрасль в рамках благотворительного ведомства, занимавшегося призрением. Это было обусловлено существовавшими тогда представлениями о роли и месте женщины в обществе, взглядами на цели и задачи женского воспитания и образования, в основном сформировавшимися во времена правления Екатерины II и Марии Федоровны. В период реформ Александра II общественностью был поставлен вопрос о развитии женского образования на принципиально иной основе в сравнении с той, которая существовала в ведомстве императрицы Марии. Не ставя под сомнение необходимость и важность подготовки женщины к роли будущей жены и матери, передовая российская общественность выступала за то, чтобы образование позволяло женщине быть не только «полезной матерью семейства», но играть активную роль в жизни страны, работать в государственных и общественных учреждениях. В это время, несмотря на сопротивление правительственной бюрократии, был создан ряд учебных заведений – высших женских курсов. Их выпускницы имели возможность работать в государственных образовательных учреждениях, но сами курсы были негосударственными. Доступ в университет для женщин оставался закрытым.

Ведомство учреждений императрицы Марии, упорно хранившее традиции времен основательницы, не могло игнорировать общественные настроения, но и не желало быть оттесненным на задний план, как образовательная структура. Во

второй половине XIX столетия были созданы, вошедшие в его состав, открытые всесословные женские гимназии. Они, по существу, не являлись учреждениями призрения. Принадлежность их к ведомству императрицы Марии было данью традиции. Наиболее консервативными к концу века оставались женские институты. Их деятельность по-прежнему определялась Уставом 1884 г. и наставление 1852 г. главной задачей институтов было по-прежнему не образование, а воспитание.

Повышение общественного интереса к женскому образованию и финансовые обстоятельства привели к тому, что ведомство императрицы Марии допустило во все институты своекоштных воспитанниц, а в некоторые заведения – приходящих. Это стало важным шагом на пути превращения институтов в образовательные учреждения. Потенциал женских институтов позволял им участвовать в решении важнейшей для России задачи – подготовке педагогических кадров. Кроме того, в новых социально-экономических условиях перед многими представительницами дворянского сословия встал вопрос о приобретении профессии, позволявшей им зарабатывать. Педагогическая деятельность была наиболее приемлемой для них. Соответственно изменилось и отношение к образованию. Во второй половине XIX в. получение женщиной из привилегированных сословий образования и их самостоятельная трудовая деятельность в реакционных кругах рассматривались как блажь, увлечение «нигилизмом», а в передовых кругах – как служение обществу и освобождение от традиционных предрассудков.

К концу столетия ситуация изменилась. Многие представительницы дворянства и чиновничества стремились получить образование, чтобы, как выразилась одна просительница, ходатайствовавшая о принятии дочери на курсы французского языка при николаевском сиротском институте, «… иметь возможность самостоятельно зарабатывать кусок хлеба»[747]. Однако власть не желала превращения женских институтов в учреждения, главной задачей которых стало бы образование, в том числе – профессиональное. Самодержавие не собиралось отказываться от роли покровителя и защитника самого ценного для него сословия – дворянства, для дочерей которого предназначались институты. Да и сам дух царствования вступившего на престол в 1881 г. Александра III не способствовал каким-либо преобразованиям. Немного надежд на перемены дало и начало царствования Николая II. Ознакомившись с отчетом по ведомству императрицы Марии за 1890–1900 гг., государь заметил, что из институтов «не надобно» выпускать

«Ковалевских». Главную задачу этих заведений он видел в том, чтобы они возвращали дочерей родителям здоровыми и подготовленными к обязанностям супруги и матери семейства. Не более того.

Тем не менее, необходимость в преобразованиях была очевидной и в начале XX столетия ведомство императрицы Марии, не меняя базовых принципов женского воспитания и образования, приступило к реформированию учебно-воспитательной части институтов. В первую очередь следовало отразить в законодательстве изменения, происшедшие с конца XIX в. Преимущество в призрении по-прежнему отдавалось представительницам дворянства и чиновничества. «в институты принимаются на бесплатные вакансии дочери лиц недостаточного состояния, преимущественно имеющих военные или гражданские чины, и потомственных дворян», – говорится в принятых в 1902 г. „Правилах приема воспитанниц в институты Ведомства императрицы Марии, управляемые на основании общего устава“ <…> на своекоштные же вакансии допускаются, кроме указанных лиц, также дочери личных дворян, духовенства, потомственных и личных почетных граждан и купцов как русских, так и иностранцев, если последние занимаются торговлей в России»[748]. Эти правила касались не всех заведений. Смольный, Патриотический и ряд других институтов допускали в свои стены только дочерей офицеров и чиновников, в крайнем случае, не служивших потомственных дворян. Единственным заведением, принимавшим на бесплатное призрение дочерей не дворян, был институт императрицы Марии.

В Мариинский Донской, Керченский Куликовский, Нижегородский Мариинский, Оренбургский императора Николая I, Тамбовский Александринский и некоторые другие губернские институты с разрешения опекунских советов принимались приходящие воспитанницы, то есть те, которые только учились, а также полупансионерки, находившиеся в институте в дневное время. Такие институты назывались полуоткрытыми. В принципе допускался прием приходящих воспитанниц в закрытые институты, но для этого требовалось разрешение императрицы. Правилами оговаривалось, что количество «…приходящих учениц в закрытых губернских институтах должно быть соображено с удобством помещения воспитанниц в классах и ни в каком случае не может быть более 5 % от общего числа комплектных воспитанниц в институте. Число бесплатных приходящих в каждом институте не должно превышать 3 % от общего числа воспитывающихся в заведении…»[749]. Как видим, руководство Ведомства

императрицы Марии стремилось к тому, чтобы закрытое воспитание и обучение оставались преобладающими.

В начале XX столетия речь, разумеется, уже не шла о том, чтобы оградить девиц от пороков внешнего мира. В это время власть была озабочена тем, чтобы в головах представительниц привилегированных сословий не укоренялись политически нежелательные мысли. Поэтому их общение с представительницами других сословий, по мере возможного, ограничивалось. К этому стремилось и руководство институтов. Вопрос о настроении умов институток приобрел особую важность в годы Первой русской революции. В наибольшей степени он беспокоил, судя по архивным материалам, руководство Полтавского института. В 1905 г. оно обнаружило, что среди воспитанниц существует «революционный» кружок, о чем и сообщило ведомству императрицы. Начальница института сокрушалась, что в заведении, где воспитывались «… преимущественно дети помещиков и военных, в среде которых преобладает консервативный элемент, тем не менее, нашлись некоторые поклонники Короленки (М. Г. Короленко. – *Прим. авт.*) и его воззрений…»[750]. У одной из воспитанниц нашлось издание этого автора, дозволенное цензурой. Ее с подружками и объявили политически неблагонадежными. Начальница института признавала, что разговоры воспитанниц на общественно-политические темы – не более чем «… громкие слова, на довольно наивной детской подкладке»[751]. Но, как сообщает она далее, неблагонамеренные настроения отдельных воспитанниц стали известны за стенами института и «…об этом заговорили некоторые родители…»[752].

Логика понятна – надо было спасать репутацию заведения и искоренять «крамолу». Не придумали ничего лучше, как обыскать в присутствии воспитанниц тумбочки и пюпитры, то есть парты. Следствием был скандал. Однако, начальница нашла книги «… весьма нежелательные по своему содержанию для учащихся девиц, несколько брошюр того же Короленко из дозволенных цензурой, но ни в коем случае не соответствующих взглядам о цензуре институтских начальств»[753]. Руководство ведомства императрицы, в принципе, разделяло эту точку зрения, но энтузиазм руководства Полтавского института выходил за рамки разумного, и историю с «революционным кружком» тихо замяли. Петербургские женские институты пережили бурные революционные события без эксцессов. Скорее всего, их руководству удалось удержать под контролем настроение умов воспитанниц.

Бурные события общественно-политической жизни в России

заставили руководство ведомства императрицы заняться пересмотром основ воспитания в институтах. Поддержание дисциплины в этих заведениях традиционно строилось на разнообразных наказаниях – лишении свиданий с родителями, поездок на балы, прикалывании к одежде бумажных ярлыков тем, кто нарушал дисциплину разговорами и прочее. Не редкостью была грубая брань классных дам и надзирательниц. Во второй половине XIX в. к этому добавилось лишение воспитанниц каникул. В начале XX столетия методы воспитания времен Марии Федоровны и Николая I выглядели явным анахронизмом. В 1907 г. решено было приступить к пересмотру методов воспитания в институтах. Главноуправляющий провел опрос их начальниц на предмет того, какие наказания применялись, и что в этом отношении следует изменить. Практически все они высказались за то, чтобы свести репрессивное воздействие на воспитанниц к минимуму и исключить меры, унижающие человеческое достоинство.

К допустимым наказаниям они относили лишение конфет и сладостей (для маленьких), запрет на посещение различных институтских увеселений, повторение невыученного материала. К более серьезному наказанию относили сообщение родителям воспитанниц об их плохом поведении. Лишение каникул представлялось крайней мерой дисциплинарного воздействия.

Некоторые начальницы выступали за то, чтобы вообще устранить репрессивное начало в воспитании, заменив его убеждением. Начальница Смольного института писала: «так как принципиально я против всяких наказаний, то я прошу классных дам не прибегать к наказаниям, а стараться действовать внутренним авторитетом, спокойствием, стойкостью, всегда требовать одно и то же…»[754]. Начальница Павловского института подчеркивала: «я враг наказаний вообще, а потому должна сказать, что наказания у нас большая редкость»[755]. Возможно, руководительницы институтов несколько приукрасили положение дел в своих заведениях, но веяния времени они уловили верно.

Как ни прочны были ведомственные традиции, безоговорочно следовать им, когда даже в политической жизни России существовали определенные свободы, было уже нельзя. Впрочем, на законодательном уровне никаких изменений в воспитательной части институтов не произошло. Некоторые архаичные институтские традиции сохранялись и во втором десятилетии XX в. Е. В. Калабина, воспитывавшаяся в Петроградском екатерининском институте в годы Первой мировой войны, отмечает в своих воспоминаниях: «…мы обязаны были всю свою

почту представлять классной даме в распечатанных конвертах, дабы она могла прочесть наши письма. Потом она конверты сама заклеивала и отправляла. Так же поступали с письмами, адресованными девочкам…»[756].

В начале XX в. была реформирована учебная часть в институтах и женских гимназиях ведомства императрицы. Учебные программы институтов и гимназий по общеобразовательным предметам были полностью унифицированы. Увеличилось количество часов, отведенных на изучение математики и естественных наук. Среди предметов были и такие, которым придавалось воспитательное, идеологическое значение. Роль закона божьего состояла «…в развитии нравственного религиозного чувства»[757]. Не отрицая религиозности части институток и гимназисток, трудно, однако, предположить, что детальное изучение, в частности, истории вселенских соборов, что предусматривалась программой, могло способствовать нравственному воспитанию. Во всяком случае, в опубликованных воспоминаниях институток разных времен, от Екатерины II до Николая II, не упоминается о том, чтобы религия играла сколько-нибудь заметную роль в их жизни. Она воспринималась с уважением, как элемент культуры, как традиция. Надо, однако, отдать должное составителям учебной программы. В ней признается, что роль религиозно-нравственного воспитания «…одними уроками, как бы хороши они не были в педагогическом отношении, достигнута быть не может. Для этого нужны не уроки, а живое действие на нравственную природу детей, и в этом отношении беседа или даже одно теплое слово законоучителя может иногда сделать более, чем самое подробное богословское объяснение того или иного факта из истории догматики»[758].

В рекомендациях по преподаванию истории подчеркивается: «…преподаватель… должен иметь в виду, кроме образовательного влияния этого предмета и воспитательное его значение, которое, главным образом, заключается в пробуждении и укреплении в учащихся чувства любви к своему отечеству»[759]. Программа преподавания истории была довольно подробной и хорошо построенной с точки зрения хронологии и изложения основных событий, хотя преподносились они в рамках дозволенного.

Серьезной была программа изучения литературы. Выпускные экзамены во втором классе (старшим был первый) предусматривали темы от русских народных сказок до литературного творчества Ломоносова. В первом класс ученицы должны были иметь представление о творчестве Карамзина,

Жуковского, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, гоголя, Кольцова, Тургенева, Гончарова, Островского. Экзамен по русскому языку и словесности требовал основательной подготовки. Например, характеризуя творчество А. С. Пушкина, ученицы должны были знать «Очерк жизни Пушкина в связи с его лирическими произведениями»: «К портрету Жуковского», «Возрождение», «К морю», «19 октября 1825 года», «Зимний вечер», «В надежде славы и добра», «Три ключа», «К няне», «Воспоминание», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Безумных лет угасшее веселье», «Осень», «Труд», «Туча», «Вновь я посетил тот уголок земли», «Отцы пустынники и жены непорочны», «19 октября 1836 года»[760]. Трудно судить, насколько институтские и гимназические библиотеки соответствовали программным требованиям. Однако вряд ли в то время была возможна ситуация, при которой в них, как случалось во времена К. Д. Ушинского, нельзя было обнаружить ни одного издания Пушкина или гоголя.

В начале XX столетия в женских институтах Ведомства императрицы Марии общее количество платных пансионерок, полупансионерок и приходящих учениц превысило количество собственно призревавшихся. По данным на 1904 г. в институтах Санкт-Петербурга (считая класс учительниц французского языка) обучались 1495 девушек, призревавшихся за счет ведомства, 233 пансионерки императорской фамилии и 1895 платных или своекоштных воспитанниц. В институтах Москвы в том году обучались 833 бесплатных воспитанницы, 38 императорских пансионерок и 793 своекоштных. Всего в женских институтах обеих столиц в то время обучались 2328 девиц, призревавшихся за счет ведомства императрицы, 271 пансионерка императорской фамилии и 2598 платных учениц[761]. В губернских институтах, среди которых были открытые заведения, количество воспитанниц, призревавшихся ведомством, было намного меньше, чем платных пансионерок, полупансионерок и приходящих учениц. В 1904 г. первых было всего 410 или 10,6 %. В то же время различных стипендиаток было 993 (26,0 %), платных пансионерок – 1755 (46,2 %), полупансионерок – 87 (2,4 %), приходящих платных учениц – 314 (8,2 %) и приходящих бесплатных – 243 (6,1 %)[762]. Это означает, что к 1905 г. женские институты в значительной степени утратили свою первоначальную функцию – давать призрение дочерям «недостаточных» дворян и чиновников.

Сословный контингент обучавшихся в институтах девиц оставался, однако, прежним. В 1904 г. в институтах обеих столиц 94 % воспитанниц принадлежали к дворянскому сословию. В

губернских институтах к дворянству и чиновничеству принадлежали 87,2 % воспитанниц[763]. Это объясняется не только ограничениями на прием представительниц прочих сословий. Вероятно, многие родители не желали надолго отрывать дочерей от семьи.

Высокой была и пансионерская плата. В 1904 г. она составляла от 400 руб. в год в Смольном и до 200–250 руб. в губернских институтах. А с 1 января 1905 г. нижний предел оплаты был повышен до 360 руб. в год[764]. Так в начале XX столетия женские институты, несмотря на фактическую утрату первоначальной функции, в сословном отношении остались верны своим целям и задачам. Главным препятствием на пути превращения их в обычные средние или, при соответствующих преобразованиях, высшие учебные заведения была не только позиция ведомства императрицы, но и вся архаичная сословная структура дореволюционного российского общества.

Иной была ситуация в женских гимназиях Ведомства императрицы Марии. В 1904 г. в петербургских гимназиях представительниц дворянства и чиновничества было только 45,6 %, почетных граждан и купечества – 23 %, мещан и ремесленников – 18,5 %, крестьян и нижних воинских чинов – 8,1 %, иностранцев – 0,8 %. В московских гимназиях представительниц дворянства и чиновничества было только 33,8 %[765]. Это означало, что женские гимназии императрицы приобрели всесословный характер. Перемены в общественной жизни страны привели к пересмотру руководством ведомства представлений о роли семьи в воспитании и обучении подрастающего поколения. Во второй половине XIX в. ведущая роль в учебно-воспитательном процессе отводилась учебным заведениям, даже если они имели открытый характер.

Однако в начале XX столетия ведомство императрицы в полной мере осознало роль семьи в процессе воспитания и обучения учащихся. В марте 1907 г. приняли «Утвержденные главноуправляющим правила для родителей учениц женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии», которые возлагали на них ответственность за религиозное воспитание и поведение учениц вне стен гимназии. Родители и «заступающие их место» – родственники, опекуны – должны были содействовать «начальству гимназии в том, чтобы ученицы соблюдали правила и указания гимназии относительно учебных занятий»[766]. На родителей возлагалась обязанность обеспечивать дочерей книгами и учебными пособиями, информировать руководство о том, будет ли девочка ходить в гимназию и возвращаться из нее одна или в сопровождении кого-либо из взрослых, просматривать

дневники и еженедельно «удостоверять» это своей подписью, письменно сообщать о причинах непосещения занятий и невыполнении домашних заданий, а в случае болезни более двух недель, представлять справку от врача. Родители призывались «не уклоняться от приглашения в гимназию для объяснений относительно ученицы»[767]. Правила содержали и перечень обязанностей для учениц, не утратившие, кстати, актуальности в наше время – выполнять «в точности» все требования учебной дисциплины, являться на занятия одетыми «опрятно и по форме, без украшений в одежде и прическе»[768]. Броши, цепочки и прочее категорически запрещалось. Приходить в гимназию надо было так, чтобы успеть к утренней молитве. Правила требовали «посещать аккуратно уроки под опасением за несоблюдение этого правила быть не допущенными к экзаменам и оставленными в классе на второй год, по определению педагогической конференции»[769]. Поскольку обучение было платным, такое средство поддержания дисциплины являлось весьма действенным. Женские гимназии ведомства императрицы в то время, по существу, ничем не отличались от гимназий Министерства народного просвещения, и их принадлежность к благотворительному ведомству была не более чем данью традиции.

В начале XX столетия женские учебно-воспитательные заведения императрицы, отвечая требованиям времени, ввели профессиональное обучение – хозяйственно-рукодельное или педагогическое. В 1901 г. по инициативе попечителя педагогических курсов в Петербурге, великого князя Константина Константиновича (внука Николая I, сына Великого Князя Константина Николаевича) была образована комиссия для выработки проекта реформирования столичных женских педагогических курсов. Она пришла к выводу о необходимости создания в структуре Ведомства императрицы Марии высшего педагогического учебного заведения – института.

По утвержденному в июне 1903 г. Положению женский педагогический институт являлся открытым государственным высшим учебным заведением, имевшим целью давать специальное образование представительницам всех сословий. Он готовил учительниц «…для всех классов женских учебных заведений, а равно, классных и домашних наставниц»[770]. Для практических занятий при нем существовала женская гимназия, названная «Константиновской». В пединститут принимались девицы не моложе 16 лет, окончившие женские институты Ведомства императрицы Марии, гимназии и другие, приравненные к ним, заведения различных ведомств. Выпускницы

средних учебных заведений, окончившие учебу с наградами, принимались без экзаменов, но не позже, чем через два года после окончания предварительной учебы. Все прочие, говоря современным языком, абитуриентки подвергались экзаменам «по предметам и в объеме», определявшемся педагогической конференцией вуза. Позже был установлен порядок, согласно которому, не имевшие наград абитуриентки зачислялись по конкурсу аттестатов. В «Правилах приема в императорский женский педагогический институт», изданных в 1916 г., указано: «в институт принимаются по конкурсу аттестатов и наград девицы, с успехом окончившие курс по преимуществу женских институтов и гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии и равных им по правам женских учебных заведений»[771]. Поступавшие должны были иметь в аттестате удовлетворительную оценку «хотя бы по одному из иностранных языков»[772]. Если абитуриентка поступала не в год окончания предыдущего учебного заведения, то от нее требовалось «свидетельство о благонадежности». Лица иудейского вероисповедания, помимо необходимых документов, должны были представлять удостоверение от градоначальника на право жительства в Петербурге.

Успешно окончившие женский пединститут и прошедшие практику в Константиновской гимназии, получали право «…без особых испытаний получать от Министерства народного просвещения свидетельство на звание учительницы средних учебных заведений с высшим образованием по предметам их специальности, с присвоением им всех прав и преимуществ, сему званию присваиваемых»[773]. Это означало, что выпускницы вуза могли преподавать во всех средних женских учебных заведениях империи, а также в мужских гимназиях. «…изучившие специально иностранный язык, из числа преподаваемых в институте» могли преподавать его «во всех или же в четырех младших классах мужских и женских средних учебных заведений, в зависимости от заключения комиссии преподавателей о степени подготовки каждого отдельного лица»[774]. Выпускницам института, желавшим повысить статус своего образования, предоставлялась возможность при успешной сдаче экзаменов получить «диплом в знании курса императорских Университетов по соответствующему факультету»[775].

Институт разделялся на два отделения – словесно-историческое и физико-математическое. Позже было образовано третье отделение – естественных наук и географии. Обучение продолжалось четыре года. В первые два занятия были в основном теоретическими. С третьего года возрастало число

практических занятий, которые в последний год становились преобладающими. Подчинялся институт непосредственно главноуправляющему собственной его императорского величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии. Кроме того, вуз имел почетного попечителя «из членов императорской фамилии». Им являлся великий князь Константин Константинович. Непосредственное руководство учебной работой осуществлял директор, воспитательной – начальница, хозяйственной – специальный комитет. Вопросы учебной деятельности института находились в ведении педагогической конференции, в состав которой входил педагогический и воспитательный персонал заведения. Ее работой также руководил директор. Для обсуждения важных вопросов воспитательного характера создавался комитет, в который входили директор, начальница и два преподавателя «по выбору конференции».

Способ финансирования женского педагогического института отличался от общепринятых в ведомстве императрицы. Если подавляющее большинство учебно-воспитательных заведений существовало на проценты с основных капиталов, пожертвования, доходы от недвижимости и различные благотворительные сборы, то институт и Константиновская гимназия обеспечивались, главным образом, за счет казенных средств. На их содержание ежегодно отпускалось «пособие» из государственного казначейства в сумме 61 тыс. 332 руб. плюс 12 тыс. руб. от ведомства. В распоряжение этих заведений поступала также плата за обучение. Это дает право утверждать, что институт не содержался за счет благотворительных пожертвований, а был по сути своей государственным учебным заведением.

В дореволюционной России кроме пединститута государственный статус имел женский мединститут в Петербурге. Помимо того, женщины принимались вольнослушательницами в высшее училище живописи, скульптуры и архитектуры академии художеств. Остальные высшие женские учебные заведения были негосударственными. По состоянию на 1917 г. их было 59[776].

На 1 января 1905 г. в пединституте обучалась 331 студентка. Наибольшей популярностью пользовалось словесно-историческое отделение. По сословному составу 218 девушек были из дворянства и чиновничества, 44 – из крестьян, 32 – из семей купечества и почетных граждан, 24 принадлежали к духовенству, 2 были дочерями нижних чинов, и одна девушка являлась иностранной подданной[777]. В 1906 г. ведомство императрицы отметило, что «…число желающих им (институтом. – *Прим. авт.*) воспользоваться растет с каждым годом»[778]. Так как вуз мог принять небольшое число желавших получить педагогическое

образование, руководство ведомства решило создать педагогические классы при традиционных женских институтах и гимназиях. В дополнение к общеобразовательным предметам их учебная программа содержала педагогику и методику обучения. Классы давали лишь среднее педагогическое образование, готовили учительниц для младших классов средних учебных заведений и для народных училищ.

В начале XX в. в Ведомстве императрицы Марии получило дальнейшее развитие женское хозяйственно-рукодельное образование. На «любительском» уровне в средних учебных заведениях оно существовало и раньше. В 1905 г. при женских гимназиях были созданы курсы, подготовки учительниц рукоделий в средних женских учебных заведениях и «подмастериц». Новым явлением в ведомстве стало женское коммерческое образование. Развитие промышленности, торговли, финансовой сферы, более активное, чем прежде, вовлечение женщин в хозяйственную деятельность заставило ведомство императрицы Марии создать при некоторых заведениях специальные курсы, имевшие целью «…дать ученицам теоретическое и практическое образование, необходимое для занятий в торгово-промышленных и финансовых учреждениях»[779]. Их учебная программа предусматривала изучение бухгалтерии, коммерческой корреспонденции, арифметики, каллиграфии, печатания на машинке, «законоведения», политической экономии, коммерческой географии, товароведения, немецкого языка с корреспонденцией на нем и домоводства. Выпускницы коммерческих курсов при успешной сдаче экзаменов получали звания «ученых конторщиц». Они могли выполнять обязанности приказчиков, бухгалтеров, работать в качестве вспомогательного персонала в государственных учреждениях, банках, фирмах.

Некоторые коммерческие курсы имели определенную специализацию. Примером тому – Демидовский дом призрения трудящихся (дом Анатолия Демидова). Профессиональное отделение для учениц девичьей школы, созданное при доме в 1880-е гг., себя не оправдало. Из множества изучавшихся в нем женских ремесел и рукоделий популярностью пользовались только белошвейное и портняжное. Содержание курсов обходилось дорого. В 1894 г. был принят новый Устав заведения, по которому школа подразделялась на общеобразовательное и профессиональное отделения. Общее образование воспитанницы получали в течение 6 лет, профессиональное – 3 года. Последнее осуществлялось рукодельно-профессиональной школой и училищем коммерческого счетоводства. Успешно окончившие

школу получали звание учительниц рукоделия и право учреждать соответствующие специальности начальные учебные заведения. Выпускницы училища коммерческого счетоводства получали звание «ученой конторщицы» и могли работать на тех же должностях, что и выпускницы коммерческих курсов при гимназиях. Демидовский дом был закрытым учреждением призрения, но имел воспитанниц и на правах пансионерок. Плата за пансион была высокой – 270 руб. в год плюс 30 руб. на первоначальное обзаведение. Дополнительно 50 руб. в год стоило обучение музыке. Несмотря на это, заведение пользовалось популярностью. В 1904 г. в нем содержались 220 пансионерок, из них 30 – за счет заведения, а остальные 190 были своекоштными. По сословному происхождению 146 воспитанниц являлись дочерями дворян и чиновников, 30 – купцов, 30 – крестьян и 14 – мещан[780].

Общеобразовательная часть деятельности дома Демидовых оставалась близкой к гимназической, поэтому руководство ведомства императрицы решило превратить ее в полноценную гимназию, что и было сделано в 1909 г. Рукодельно-профессиональная школа и училище коммерческого счетоводства ликвидировали. Вместо них создали педагогические курсы иностранных языков – французского и немецкого. Как отмечается в высочайше утвержденном положении опекунского совета от 13 апреля 1909 г. «…в видах обеспечения большим заработком лиц, оканчивающих это учебное заведение»[781].

На курсы принимались девицы в возрасте от 17 до 21 года, окончившие женские институты, гимназии и приравненные к ним заведения с отметками не ниже хороших по тому иностранному языку, который они желали изучать.

В начале XX столетия профессиональное образование стало более углубленным и в низших женских учебных заведениях Ведомства императрицы Марии. Примером может служить Александринское сиротское женское профессиональное училище в Петербурге, созданное на основе существовавшего с 1834 г. Александринского сиротского дома, призревавшего девочек-сирот и детей беднейших родителей. Вначале воспитанницы получали общее образование в пяти последовательных годичных классах, затем в трех специальных: младшем, старшем и практическом. В специальных классах осваивалось белошвейное и портняжное мастерство. Окончившие классы получали от городской ремесленной управы свидетельство на звание «мастерицы», что давало право профессионально заниматься ремеслом и учреждать соответствующие мастерские. На 1 января 1905 г. в Александринском женском профессиональном училище

воспитывались 256 девиц, из которых 214 призревались на средства Ведомства императрицы Марии. Прочие были своекоштными. Все низшие учебно-воспитательные заведения Ведомства императрицы Марии в начале XX в. сохраняли прежние цели и задачи, сводившиеся к тому, чтобы готовить воспитанниц к трудовой жизни лиц «простого звания».

В конце XIX – начале XX столетия преобразования коснулись мужских учебно-воспитательных заведений Ведомства учреждений императрицы. К этому времени завершились многочисленные эксперименты с программами в сиротском институте, созданном в 1837 г. на базе сельского воспитательного дома, основанного Марией Федоровной, в 1889 г. преобразован в реальное училище. Наиболее способные ученики четырех старших классов при наличии положительного заключения педсовета института получили право переходить в соответствующие классы классических гимназий Министерства народного просвещения. Не способные к учебе в старших классах реального училища направлялись в различные низшие технические заведения. В 1900 г. принят новый Устав гатчинского сиротского института императора Николая I, придавший заведению более четкую структуру. Институт разделялся на два отделения. Одно предназначалось для призрения малолетних, другое являлось реальным училищем. Отделение малолетних, в свою очередь, подразделялось на три пансиона, в каждом из которых призревались не более 25 детей «…по возможности, одного возраста и одинакового развития»[782]. Гатчинский сиротский институт был одним из немногих мужских учебно-воспитательных заведений благотворительных ведомств дома Романовых, дававших среднее образование. Однако прямой доступ в университеты выпускникам института был закрыт. Возможность поступать туда они получали, только переводясь в старшие классы классических гимназий.

На 1 января 1905 г. в гатчинском сиротском институте Николая I призревались 649 воспитанников, из которых 21 пансионер и 38 приходящих были своекоштными. Остальные содержались за счет Ведомства императрицы Марии и различных благотворительных стипендий. По сословному происхождению 642 из 649 воспитанников принадлежали к дворянству и чиновничеству. Гатчинский сиротский институт императора Николая I являлся учреждением призрения для представителей привилегированных сословий.

Иной характер к началу XX столетия приобрели Санкт-Петербургское и московское коммерческие училища. Формально сохраняя статус благотворительных учреждений призрения, они

фактически превратились в обычные средние учебные заведения с коммерческой специализацией. В Санкт-Петербургском коммерческом училище из 543 воспитанников на 1 января 1905 г. 355 было своекоштных. Большая часть не принадлежала к привилегированным сословиям – 234 были сыновьями купцов и почетных граждан, 131 были из мещан, 78 – из крестьян. К дворянству и чиновничеству относились только 63 воспитанника. Такой состав был обусловлен тем, что к тому времени коммерческая деятельность еще не приобрела высокого престижа в глазах дворянства и чиновничества. К тому же на 60 штатных вакансий принимались только законные сыновья обедневших купцов и мещан.

В начале XX в. Санкт-Петербургское коммерческое училище продолжало действовать на основании Устава 1879 г. Цель – «… дать воспитывающемуся в нем юношеству общее образование и затем приготовить его для коммерческой деятельности бухгалтеров, конторщиков и приказчиков в торговых конторах, фабриках и других подобных заведениях»[783]. Учебная программа совпадала «…с программой средних школ вообще»[784]. Воспитанники изучали и специальные дисциплины: политическую экономию, историю торговли, коммерческую географию, «законоведение» и «коммерческое счисление» или, говоря современным языком, бухучет. Преобразования в Санкт-Петербургском коммерческом училище состояли в том, что в 1897 г. к шести основным и двум дополнительным классам добавили практический и конторский классы. Первый для более глубокого изучения специальных предметов. Во втором глубже изучался бухучет, торговая корреспонденция и сведения о товарах Санкт-Петербургской губернии. Желающих продолжать обучение в практическом дополнительном классе было мало и в 1902 г. его закрыли. Конторский класс продолжал существовать.

Выпускники коммерческих училищ получали права личных почетных граждан. Отличившиеся успехами в учебе и примерным поведением могли рассчитывать на звание кандидата коммерции – существенной сословной привилегией. Однако прямой путь к государственной службе выпускникам коммерческих училищ был закрыт, если только они по рождению не принадлежали к дворянству и чиновничеству. Правда, выпускники училищ, получившие звание кандидата коммерции и прослужившие не менее десяти лет в торгово-промышленных и финансовых учреждениях, получали право ходатайствовать о поступлении на государственную службу. Для этого требовалось представить в совет училища, которое они заканчивали, аттестат о «добром поведении и усердной службе». При положительном решении

вопроса они получали чин XIV класса. Прямое поступление в университеты для выпускников коммерческих училищ было невозможным, поскольку они (училища. – *Прим. авт.*) не имели в учебном отношении прав классических гимназий Министерства народного просвещения.

В конце XIX – начале XX в. закончился период реформирования детско-юношеских учебно-воспитательных учреждений призрения Ведомства императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества. Серьезным изменениям подверглась учебная часть, завершилась унификация учебных программ в соответствии со стандартами Министерства народного просвещения, были отвергнуты наиболее архаичные методы воспитания. В самых консервативных, закрытых учреждениях – женских институтах – смягчилась система дисциплинарных наказаний, унижавших человеческое достоинство. Ушли в прошлое телесные наказания воспитанников мужских приютов что прежде считались не только допустимыми, но и полезными. Все учебно-воспитательные заведения Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества, кроме женских институтов, обрели всесословный характер. Однако для низших сословий женские институты продолжали оставаться недоступными.

Воспитание и обучение в детско-юношеских заведениях под патронажем монаршей семьи, тем не менее, отражало сословный характер российского общества. Мужские, женские и смешанные приютские учреждения готовили воспитанников к жизни людей «простого звания». Выпускники Санкт-Петербургского и Московского коммерческих училищ могли трудиться в области торговли, промышленности и предпринимательства, а питомцы учительской семинарии Петра Ольденбургского – преподавать в сельских школах. Молодые люди, окончившие коммерческие училища, Гатчинский сиротский институт и гимназию Императорского Человеколюбивого общества имели право поступать в высшие учебные заведения империи, но доступ в университеты был открыт только выпускникам названной гимназии, приравненной в учебном отношении к подобным учебным заведениям Министерства народного просвещения.

Важнейшим условием успешной карьеры в императорской России был доступ к государственной службе. Питомцы заведений ведомства императрицы и Человеколюбивого общества по происхождению и образованию к ней не допускались. Исключения из этого правила были весьма редкими. Возможность поступить на госслужбу давал университетский диплом, но прямой путь к нему был открыт только выпускникам гимназии

Человеколюбивого общества и питомцам гатчинского сиротского института, если последние переводились в старшие классы классической гимназии. В виде исключения поступать на государственную службу разрешалось выпускникам коммерческих училищ. Теоретически доступ к госслужбе был открыт для приютских питомцев из потомственных и личных дворян, если они могли доказать свое происхождение и обладали необходимым образованием (в 1906 г. сословные ограничения формально были отменены, но для низших сословий поступление на госслужбу оставалось крайне затруднительным).

Социально-профессиональное ориентирование воспитанников большинства детско-юношеских учреждений призрения Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества отражало стремление власти пополнять корпус государственных служащих представителями дворянства и чиновничества, ограждая его от выходцев из других сословий. Подавляющее большинство призревавшихся в учреждениях самого массового типа – приютах – относилось к низшим сословиям. Воспитанники этих учреждений, как правило, получали только начальное образование. Шансов продолжить обучение и занять хоть сколько-нибудь высокое социальное положение у них, практически, не было. Поэтому руководство благотворительных ведомств стремилось не порождать у этих молодых людей иллюзий и готовило их к вступлению в ту социально-профессиональную среду, к которой они, в основном, и принадлежали по рождению.

В начале XX столетия, в целом, завершилось формирование отвечавших требованиям времени организационно-правовых основ деятельности детско-юношеских учреждений призрения. Был усовершенствован порядок управления ими. Это позволило шире и активнее привлекать как благотворительные средства, так и общественность к управлению учреждениями на местах.

Ведомство императрицы Марии и Человеколюбивое общество в начале XX столетия располагали сотнями разных детско-юношеских учреждений призрения. Комплексы учебно-воспитательных заведений ведомства императрицы представляли собой разветвленную, хорошо организованную систему воспитания и образования, которая, наряду с учебно-воспитательными заведениями Человеколюбивого общества, решала важные государственные задачи в социальной сфере. Завершилось формирование основного типа учреждения призрения детей – приютов.

Детско-юношеские учреждения Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества к началу XX столетия

накопили огромный опыт работы. Они обладали значительным потенциалом для дальнейшего совершенствования. Такие учебно-воспитательные комплексы, как воспитательные дома и ведомство детских приютов, с соответствующими управленческими структурами на местах, могли стать базой для организации единой государственной системы призрения детей и юношества, вопрос о необходимости создания которой активно обсуждался общественностью.

Живущие в безмолвии и мгле

Первые опыты призрения слепых в 1880-1890-е гг

Кроме детей и юношества, а также взрослого нуждающегося населения учреждения Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества призревали особую категорию лиц, которым требовалась как социальная, так и в медицинская помощь, – слепых и глухонемых. По причине врожденных либо приобретенных вследствие болезней или увечий физических недостатков эти люди не могли получать образование и обеспечивать свое существование трудом в обычных условиях, самостоятельно адаптироваться в окружающей социальной среде. Без посторонней поддержки они были обречены на положение неполноценных членов общества. Помимо собственно призрения, социальная помощь слепым и глухонемым включала ряд мероприятий медицинского и социально-психологического характера, специальное образование и профессиональное трудовое обучение. Это требовалось как детям, так и взрослым.

Призрение слепых и глухонемых следует рассматривать как особую, специализированную отрасль социальной помощи. Эти недуги осложняли жизнь представителям всех групп населения и сословий. Но в организованном призрении нуждались, прежде всего, неимущие слепые и глухонемые. Они не имели средств на то, чтобы избавиться от своих недугов медицинским путем, когда это было возможно. Незрячие бедняки пополняли ряды профессиональных нищих. До начала XIX столетия специализированных учреждений для призрения слепых и глухонемых в России не было. Пораженные слепотой могли рассчитывать на помощь родных и близких либо на призрение в богадельнях. Власть обратила на это внимание при Петре I. В одном из указов, изданных в 1723 г., лиц, лишенных зрения и не имевших пристанища, предписывалось помещать в богадельни. Но о специализированном призрении слепых речи не было. Вопрос о помощи глухонемым в стране до начала XIX в. вообще не ставился. Их недуг не мешал заниматься простым крестьянским или ремесленным трудом, поэтому в обывательском сознании глухонемые не были заслуживающими призрения.

Специализированные учреждения для незрячих появились в стране в начале XIX столетия. В Императорском Человеколюбивом обществе это были институт слепых и Мариинский институт слепых девиц. Оба учреждения

располагались в Петербурге. Призрение немощных слепых осуществлялось в специализированных богадельнях. Институт слепых, основанный в 1807 г. и в 1819 г. вошедший в состав Человеколюбивого общества, был создан по распоряжению Александра I, пожелавшего иметь в России особое заведение для обучения и призрения людей лишенных зрения. Из Франции был приглашен известный специалист в области обучения слепых Валентин Гаюи, который прибыл в Россию в 1806 г. Под его руководством слепым преподавались французский язык, музыка и ремесла. Сначала институт находился в ведении Министерства народного просвещения. Неопределенность с источниками финансирования и специфика заведения создавали проблемы, мешавшие его работе. В биографии Валентина Гаюи, опубликованной в 1886 г. в журнале «детская помощь», говорится, что в Петербурге Гаюи «приходилось не столько действовать, сколько страдать и бездействовать в борьбе с канцелярским бюрократизмом, не умевшим и не могшим оценить его по достоинству»[785]. Это обстоятельство, а также восстановление во Франции власти Бурбонов побудило Валентина Гаюи, легитимиста по своим политическим взглядам, в 1817 г. вернуться домой.

Министерство народного просвещения стремилось избавиться от «непрофильного» учебного заведения и ходатайствовало об исключении его из своего ведения. В результате институт слепых был передан в Императорское Человеколюбивое общество 16 ноября 1819 г., получив новый устав и штат. По уставу целью института являлось «христианское призрение» слепых, лишенных средств к существованию. Минимальный комплект призреваемых составлял 30 человек. Допускалось его увеличение, но при наличии финансовых средств. Обучать грамоте и музыке предполагалось только тех питомцев, которые проявят к этому склонность. Руководство институтом было возложено на директора, подчинявшегося совету Человеколюбивого общества. Содержать заведение предполагалось на средства тоже этого совета. Из градских богаделен в институт были переведены 18 содержавшихся там слепых, и к 1821 г. число призревавшихся в нем достигло 26 человек[786].

В очерке «Императорского Человеколюбивого общества институты слепых», выпущенном в 1872 г., утверждается: «После 1819 г., более сорока лет, институт имел богаделенное положение, но, несмотря на это, научное образование в нем по возможности продолжалось, и слепцы обучались музыке»[787]. Из сказанного согласиться можно с тем, что институт слепых

представлял собой, скорее, богадельню, а не учебно-воспитательное заведение. «научное образование» было явным преувеличением. Сколько-нибудь продуманная программа обучения отсутствовала. Не хватало учителей – специалистов, учебных пособий. Средств на содержание института выделялось мало. К середине XIX в. он подошел в плачевном состоянии. К 1856 году в нем призревались всего шесть человек[788].

Со второй половины столетия Человеколюбивое общество уделяло институту больше внимания. Начались преобразования, имевшие целью превратить его в полноценное учебно-воспитательное заведение по призрению слепых. В 1859 г. изменился порядок управления заведением. Должности директора и его помощника из соображений экономии были ликвидированы. Руководство было возложено на заведующего, назначавшегося советом Человеколюбивого общества. В начале 1860-х гг. были предприняты меры по улучшению учебно-воспитательной части заведения. В 1864 г. заведующий институтом в отчете совету Человеколюбивого общества доложил о некоторых достижениях в этой области, отметив, в частности, что все слепцы «хорошо читают по выпуклой печати, некоторые твердо ознакомлены с церковным уставом и исполняют обязанности причетников; из слепцов составлен довольно удовлетворительный хор певчих; слепцы сами набирают, печатают и переплетают свои книги и ноты, плетут корзины, маты и ковры и, наконец, доведены в музыке до того, что составляют оркестр и многие играют весьма хорошо»[789].

Но несмотря на некоторые улучшения в учебной части, институт слепых по-прежнему фактически являл собой богадельню, где слепые пребывали с детского возраста до самой смерти. Чтобы превратить его в полноценное учебно-воспитательное заведение, решили ограничить пребывание в нем слепых определенным сроком, по истечении которого они должны были покидать институт. Право остаться при заведении сохранили за теми слепцами, которые выполняли обязанности преподавателей или могли платить за призрение. Для них предполагалось открыть так называемое квартирное отделение, проще говоря, богадельню при институте. Неспособные платить и немощные должны были помещаться в прочие богадельни Человеколюбивого общества. В 1865 г. царь одобрил составленную советом Человеколюбивого общества программу преобразования института слепых. Заведению предписывалось: «во-первых, давать малолетним слепцам религиозно-нравственное образование, научая их доступным для них искусствам и рукоделиям; во-вторых, доставлять взрослым слепцам,

окончившим в институте курс учения, приличное содержание за известную плату, или за труды по обучению малолетних воспитанников и по участию в институтском музыкальном оркестре и хоре певчих при церкви заведения»[790]. В соответствии с этим институт слепых разделялся на два отделения. Одно являлось собственно учебным, другое представляло собой богадельню. Недостаток средств, выделявшихся Человеколюбивым обществом, не позволил сразу приступить к преобразованиям. Они начались только в 1868 г.

Отделение воспитанников объединило детей и подростков. Оно состояло из двух классов – младшего и старшего. Младший класс предназначался для маленьких детей, старший – для подростков. Программа предусматривала изучение закона божьего, русского языка, арифметики, всеобщей и русской истории, а также элементарных сведений из «естествоведения». Для этого в институте слепых имелись книги выпуклой печати, деревянные наборные рамки со свинцовыми цифрами, рельефные глобусы, карты, различные чучела и модели. Так называемое отделение квартирантов фактически представляло собой приют, в котором проживали слепые в возрасте старше двадцати лет. Они получали от института питание, одежду и обувь. От обычной богадельни квартирное отделение отличалось тем, что проживавшие в нем слепые за предоставляемые им услуги обязаны были «трудиться на пользу заведения в качестве преподавателей, репетиторов некоторых научных предметов и музыки»[791]. Проживавшие в институте слепые, работавшие «на стороне» таперами, должны были вносить в пользу заведения треть своего заработка. Из наиболее способных воспитанников и квартирантов при институте были созданы оркестр и хор певчих. Для занятий музыкой со слепыми приглашались артисты императорских театров. Финансирование заведения осуществлялось из средств казны и сумм совета Императорского Человеколюбивого общества приблизительно поровну. К концу XIX столетия доля выплат из казны возросла.

Преобразования, проведенные в институте слепых, мало изменили характер его деятельности. Как и ранее, заведение призревало незначительное число нуждающихся. По данным на 1872 г. здесь пользовались призрением 30 воспитанников и 16 квартирантов[792]. Институт так и не стал полноценным учебно-воспитательным заведением для слепых и подготовки их к самостоятельной трудовой жизни. Создатель Мариинского Попечительства о слепых К. К. Грот, посетив институт в начале 1880-х гг., оценил его деятельность критически. По существу она так и не вышла за рамки не доведенного до конца эксперимента.

В конце XIX в., численность призреваемых в заведении оставалась прежней. Например, в 1897 г. их было 32[793].

Несмотря на проблемы, с которыми постоянно сталкивался институт слепых, совет Императорского Человеколюбивого общества решил создать подобное заведение для призрения незрячих женщин. В декабре 1871 г. в Петербурге открылся Мариинский институт для слепых девиц. Заведение приняла под покровительство цесаревна (позже – императрица) Мария Федоровна, но название «Мариинского» он получил в честь дочери Александра II великой княжны Марии Александровны. Целью нового института было призрение «лишенных зрения малолетних девиц», включавшее религиозно-нравственное воспитание и обучение доступным для них «искусствам, рукоделиям и ремеслам, дабы впоследствии они могли приобретать себе средства собственными трудами»[794]. Учебная программа включала закон божий, чтение и письмо «по осязательному методу», основы русского языка и литературы, арифметику, отечественную и всеобщую историю, географию, краткую естественную историю, музыку, пение, гимнастику, а также «ознакомление с главными обязанностями человека по отношению к правительству и обществу»[795]. Из доступных слепым рукоделий изучались вязание, плетение шнурков, веревок, корзин и склеивание коробок. В зависимости от возраста и способностей воспитанницы разделялись на три последовательных класса – приготовительный, младший и старший. Срок пребывания в каждом классе мог быть различным, но по выходе из заведения воспитанницы должны были иметь не менее восемнадцати лет от роду. Воспитанницы-сироты могли оставаться в квартирном отделении. Комплект призреваемых для Мариинского института был определен всего в 15 человек. В 1872 г. в заведении призревались 17 воспитанниц. До конца XIX столетия количество единовременно призревавшихся в Мариинском институте не превышало двух десятков человек. В 1897 г. там было 20 воспитанниц[796].

Финансирование заведения осуществлялось за счет благотворительных пожертвований, процентов с основного капитала, платы за пансионерок и выплат из совета Человеколюбивого общества. При основании заведения была учреждена должность попечителя, дававшая право государственной службы в V классе и мундир Человеколюбивого общества. Эту должность занял член совета Петр Степанович Митусов, пожертвовавший заведению 10 тыс. руб. в качестве основного капитала. Карьерно-служебный стимул не имел значения для благотворителя, так как П. С. Митусов к моменту

занятия должности попечителя имел чин действительного статского советника, то есть IV класса. Мариинский институт получал и другие, достаточно крупные пожертвования. Известная петербургская благотворительница графиня Н. А. Стенбок-Фермор пожертвовала заведению 4000 руб. на содержание пансионерок с процентов от этого капитала. В 1886 г. для упрочения финансового положения заведения при нем были учреждены должности четырех сотрудников попечителя с правами государственной службы в VI классе. Тогда же при Мариинском институте была введена должность врача с правом государственной службы в VIII классе.

Учебно-воспитательные заведения Императорского Человеколюбивого общества для призрения слепых во второй половине XIX столетия не получили сколько-нибудь существенного развития. Фактически они представляли собой затянувшийся эксперимент. Главной причиной этого было то, что призрение слепых никогда не рассматривалось как одно из приоритетных направлений деятельности общества. Руководство слабо представляло, как следовало оказывать помощь слепым. К наиболее очевидным недостаткам в организации призрения слепых относилось то, что в институтах учебно-воспитательная часть не была отделена от приютской, имевшей совершенно иные задачи. Отсутствовала система подготовки преподавателей, не предпринималось никаких мер по организации трудовой помощи взрослым слепым. Призрение незрячих – сложный и дорогостоящий вид призрения, включающий мероприятия социального, медицинского, образовательного, трудового и психологического характера. Осуществить их Человеколюбивое общество не смогло. Столкнувшись с трудностями, оно решило оставить в своем составе два небольших учебно-воспитательных заведения как свидетельство того, что благотворительное ведомство под высочайшим покровительством уделяет внимание этому виду призрения.

Помимо институтов, Человеколюбивое общество располагало двумя богадельнями для призрения слепых. Одна из них располагалась в Петербурге. В 1880 г. П. С. Митусов предложил создать в столице приют для призрения тех выпускниц Мариинского института, которые не имели возможности находиться на чьем-либо попечении. Для этого он приобрел на свои средства каменный дом, часть которого была отдана под приют, а часть сдавалась в аренду. Кроме того, Митусов пожертвовал тысячу рублей на содержание в приюте шести пансионерских вакансий, а затем еще 25 тыс. руб. в качестве основного капитала[797]. За это он был назначен попечителем.

Приют открылся в октябре 1880 г. он получил название «состоящий под августейшим покровительством государыни императрицы Марии Федоровны приют взрослых слепых девиц». Призревались здесь около 20 человек единовременно. Другая богадельня для призрения слепых была открыта в 1885 г. в селе Петрилово Костромского уезда одноименной губернии, на средства купца Д. Е. Гордеева. Ее назвали в честь друга благотворителя – крестьянина Ивана Боярова. Всего в 1880–1890-е гг. призрением в заведениях Человеколюбивого общества пользовались около сотни слепых.

Для организации призрения слепых помимо значительных финансовых средств, была необходима серьезная учебно-методическая база, система подготовки специалистов для работы с незрячими, как педагогов, так и мастеров производственного обучения. Важно было добиться и изменения существовавших в то время обывательских представлений о слепых как о неполноценных членах общества. Решение этих задач было по силам если не государству, то связанному с ним общегосударственному ведомству, взаимодействовавшему с другими благотворительными ведомствами, обществами и учреждениями. Такой организацией стало Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых, созданное в начале 1880-х гг. оно представляло собой благотворительное ведомство под покровительством дома Романовых и входило в состав учреждений императрицы Марии.

Призрение слепых в ведомстве императрицы вначале осуществлялось в богадельнях. В 1846 г. в Москве открыли богадельню для слепых женщин, а в 1880 г. – приют для слепых детей. Оба заведения состояли в московском попечительстве о бедных. Началом организованного призрения слепых в России можно считать 1881 г., когда создали Мариинское попечительство о слепых, названное в честь супруги Александра II Марии Александровны. В 1883 г. оно вошло в состав Ведомства учреждений императрицы Марии. История Мариинского попечительства связана с попыткой организации призрения инвалидов русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Тогда в Петербурге под покровительством императрицы Марии Александровны было открыто «главное попечительство для призрения нуждающихся семейств воинов». Председателем его стал видный сановник, опытный и честный администратор Константин Карлович Грот.

Приступив к организации работы Попечительства, он стремился определить, в какой именно помощи нуждались раненые и больные участники сражений. Выяснилось, что до

полутораста тысяч их полностью или частично лишились на войне зрения. Большая часть этих инвалидов была жертвами не турецких пуль, а болезней и плохого лечения. Им оказывалась офтальмологическая помощь. Были открыты два заведения для обучения слепых участников войны ремеслам. Одно – в Петербурге, другое – в Киеве.

Узнав о том, что главное попечительство для призрения нуждающихся семейств воинов оказывает помощь слепым, в него начали обращаться лишенные зрения гражданские лица. В связи с этим у Грота возникла мысль объединить дело призрения незрячих в России в одно ведомство. Идея получила поддержку власти, и 13 февраля 1881 г было учреждено Мариинское попечительство о слепых. Новому ведомству были переданы имущество и средства упраздненного главного попечительства для призрения нуждающихся семейств воинов.

К. К. Грот, в 1882–1884 гг. главноуправляющий Е. И. В. Канцелярии по учреждениям императрицы Марии Федоровны, основатель Мариинского попечительства для призрения слепых. 1870-е гг.

Поначалу Мариинское попечительство о слепых состояло в ведении МВД, но 10 марта 1883 г. по решению императора оно со всеми своими заведениями было передано в ведомство учреждений императрицы и получило наименование «Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых». Возглавил его тот же К. К. Грот. Он управлял Попечительством о слепых до 1894 г. Включив новое ведомство в состав учреждений императрицы Марии, власть еще раз продемонстрировала заботу о подданных, а Попечительство о слепых получило статус, дававший определенные преимущества перед другими благотворительными обществами и учреждениями, не имевшими высочайшего покровительства.

Согласно «Основным началам для деятельности Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых», оно имело целью: «а) призрение, воспитание, обучение слепых детей и подготовление их к самостоятельной деятельности и б) попечение о взрослых слепых, посредством помещения их в заведения, в которых они могли бы изучать доступные для них ремесла, а также поддержкой семейств их и тех лиц, которые взяли бы их на свое содержание, или же посредством помещения в богадельни и тому подобные учреждения неспособных к труду, слабых и престарелых»[798]. Как видно, целью нового ведомства было комплексное призрение слепых. Важнейшим элементом этой работы являлось трудовое воспитание и обучение, которое готовило слепых к самостоятельной жизни и давало им возможность хотя бы частично обеспечивать свое существование.

Ведомственный статус Попечительства о слепых определялся своеобразно. В процитированных выше Правилах говорится, что Попечительство, «будучи учреждением частным, пользуется покровительством правительства и состоит со всеми устроенными им заведениями в ведомстве учреждений императрицы Марии»[799]. Характеристика Попечительства, как «частного учреждения», разумеется, не означала его принадлежности какому-либо лицу. Имелось в виду, что оно было самостоятельным и не зависело от других благотворительных обществ, заведений и от государства, а подчинялось лишь высшим руководителям ведомства императрицы, то есть – монарху и его супруге. Но это также означало, что Попечительство о слепых не могло рассчитывать на средства опекунских советов ведомства императрицы и других его учреждений. Источниками финансирования Попечительства императрицы о слепых были суммы, переданные ему из ликвидированного главного попечительства для призрения

нуждающихся семейств воинов, благотворительные пожертвования, плата за призреваемых и выручка от продаж изделий. Как возможный источник поступления средств, обтекаемо упоминались «могущие быть субсидии от правительства и общественных организаций»[800], (позже этот пункт из Правил изъяли). К благотворительным пожертвованиям относились и традиционные для ведомства ежегодные взносы членов Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых.

Члены Попечительства делились на несколько категорий в зависимости от должностного положения и услуг, оказанных ведомству. В число членов-учредителей входили председатель Попечительства и члены упраздненного главного попечительства для призрения нуждающихся семейств воинов, а также те лица, которые до официального открытия Попечительства о слепых внесли в его кассу не менее 200 руб., либо оказали «значительные услуги» в деле помощи незрячим. Характер этих услуг не уточнялся. К почетным членам Попечительства о слепых относились лица, содействовавшие ему денежными пожертвованиями (сумма не уточнялась), профессиональными знаниями и другой помощью. Имевшие звание членов-соревнователей должны были вносить каждый не менее 5 руб. ежегодно в пользу Попечительства или 75 руб. единовременно (с 1900 г.). Звания членов-сотрудников имели лица, участвовавшие в деятельности попечительства личным трудом. От остальных учреждений императрицы Марии Попечительство о слепых отличалось тем, что звания не давали благотворителям классных чинов и ведомственных мундиров. Наградой им могла служить только общественная признательность. Однако в 1906 г. права государственных служащих были даны лицам, служившим в Попечительстве о слепых «по учебно-воспитательной части».

К. К. Грот критически относился к различным правительственным наградам и поощрениям за благотворительную деятельность. В 1893 г. на письме одного из служащих Попечительства о слепых, предлагавшего таким образом поощрять благотворителей, Грот сделал заметку: «Почтенный Николай Михайлович забывает, что если бы такой порядок установить для всех благотворительных обществ, то половина населения ходила бы со знаками отличия, которые, в таком случае, потеряли бы всякое значение»[801]. Но в некоторых случаях К. К. Грот, напротив, энергично ходатайствовал о награждении, если этого требовали интересы призрения слепых.

Управлялось Попечительство в принципе так же, как и другие структуры, входившие в состав Ведомства императрицы Марии.

Во главе стоял председатель – Грот. Текущими делами занимался работавший под его началом совет, избиравшийся общим собранием Попечительства. Собрание рассматривало все важнейшие вопросы деятельности. Порядок представления дел августейшим покровителям правилами не определялся, но К. К. Грот, имевший звание статс-секретаря, мог докладывать лично императрице и, когда требовалось, монарху. Такой порядок сохранялся и при других председателях. Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых фактически являлось общественной благотворительной организацией. Следует отметить, что сам К. К. Грот осознавал недостатки благотворительности, как основного способа обеспечения призрения, и был склонен считать ее «лишь второстепенным придатком к Попечительству». Но он вынужден был считаться с тем, что деятельность Попечительства в тех условиях «неизбежно должна была принять благотворительный характер»[802].

Важнейшим направлением деятельности Попечительства о слепых было призрение детей и юношества, которое прежде было организовано в России не самым лучшим образом. К. К. Грот решил ознакомиться с работой учебно-воспитательных учреждений для призрения слепых Человеколюбивого общества. То, что он увидел в институте слепых оказалось весьма далеким от того, что изображалось в официальных изданиях: «то, что давно отжило свой век, продолжало влачить еще здесь жалкое существование. Это был, в сущности, не институт, а богадельня, где слепцы, усвоив игру разных музыкальных инструментов, оставались до гробовой доски»[803]. Так как отечественный опыт призрения слепых оказался неудовлетворительным, К. К. Грот совершил поездку за границу, посетив ряд заведений по обучению и воспитанию слепых в германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, Франции и Италии.

Возвратившись из поездки, Грот начал работу по созданию полноценного учебно-воспитательного заведения для призрения слепых детей. В 1881 г. в Петербурге открыли училище для слепых мальчиков, в 1883 г. – такое же училище для девочек. Число призревавшихся в них детей было незначительным. Увеличить его удалось только в 1885 г., когда оба училища были объединены и переехали в новое здание. Созданное заведение получило название «Александро-Мариинское училище слепых», в честь императрицы Марии Александровны. В окончательном виде оно было рассчитано на призрение одновременно 120 детей – 70 мальчиков и 50 девочек. Сюда принимались неизлечимо больные слепые дети всех сословий в возрасте 7–11 лет. Они обучались как ремеслам, так и общеобразовательным предметам по

программе двухклассных городских училищ Министерства народного просвещения. С 12–15 лет начиналось профессиональное обучение. Воспитанники осваивали плетение корзин, соломенных и суконных матов, изготовление щеток. Заканчивалось пребывание в училище по достижении ими 19–20 лет. По образцу Александро-Мариинского училища Попечительством о слепых создавались училища в других городах империи, как правило, там, где имелись местные отделения и комитеты Попечительства о слепых.

Работа по созданию Александро-Мариинского училища слепых продвигалась во многом благодаря энтузиазму и энергии К. К. Грота. В его биографии отмечается: «открытие и устройство училища было чисто личным делом К. К. Грота»[804]. Так случилось из-за того, что Мария Александровна и Александр II, интересовавшиеся делами Попечительства о слепых, ушли из жизни, а новый монарх и его супруга совершенно не имели представления о целях и задачах Попечительства. Чтобы заинтересовать их, нужны были время и определенные усилия. Попечительство о слепых и, в частности, Александро-Мариинское училище не пользовались таким вниманием со стороны императорской фамилии, как, например, женские институты и другие учебно-воспитательные заведения императрицы Марии. В официозных трудах, посвященных Попечительству о слепых, не упоминается о посещении августейшими особами его учреждений. Вероятно, они не видели в этом смысла. Ведь слепые не могли лицезреть высочайших особ.

Усилия К. К. Грота по созданию Александро-Мариинского училища слепых были отмечены в его трехтомной биографии, вышедшей в 1915 г., не случайно. Успехи в той или иной области государственного или общественного управления в России в значительной степени определялись (и определяются) личными качествами руководителя. Многое зависело от этих качеств и в таком сложном деле, как организация благотворительности и призрения, Помимо доброты и милосердия требовалось глубокое понимание проблем людей, нуждавшихся в помощи, административно-хозяйственные способности, умение решать сложные управленческие задачи, гибкость и настойчивость в общении с представителями власти. Этими качествами в полной мере обладал председатель Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых Константин Карлович Грот. История Попечительства о слепых не отделима от его имени, поэтому следует коротко остановиться на его биографии.

Константин Карлович Грот пришел к руководству благотворительностью и призрением, имея большой жизненный и

административный опыт. Он родился в 1815 г. в дворянской семье немецкого происхождения. Его дед был выходцем из Голштинии, переселившимся в XVIII в. в Россию. Отец – Карл Ефимович Грот – служил в департаменте государственного имущества Министерства финансов, получил потомственное дворянство. Окончив Царскосельский лицей, К. К. Грот начал службу в Министерстве императорского двора. В 1853–1861 гг. был самарским губернатором. На этом посту проявил себя дельным и честным администратором, пользовался уважением общественности. Грот боролся с некомпетентностью и взяточничеством чиновничества, добивался того, чтобы административные должности в губернии замещались лицами с университетским образованием, стремился навести порядок в винных откупах. Это привело к тому, что у него появились недоброжелатели.

Но, несмотря на жалобы и обвинения с их стороны, репутация Грота не пострадала. В 1861 г., еще оставаясь губернатором, он был назначен членом комиссии по устройству крестьянских учреждений. Оставив должность губернатора, Грот получил пост директора департамента разных податей и сборов Министерства финансов, но затем по предложению великого князя Константина Николаевича был назначен директором департамента неокладных сборов. В этой должности он занимался ликвидацией винных откупов и введением акцизной системы продажи спиртного. В 1869 г. Грот покинул этот пост, но остался причисленным к Министерству финансов. С 1870 г. К. К. Грот – член департамента законов Госсовета. В тот период в правительственных кругах обсуждались вопросы совершенствования тюремной системы и разработки общего устава управления ею. Работа в этом направлении активизировалась в 1878 г., когда все связанные с ней вопросы начали рассматриваться под руководством К. К. Грота в Госсовете. Представленный им проект преобразования тюремной системы был признан лучшим.

Для разработки тюремного законодательства решено было создать при Госсовете комиссию из его членов и представителей заинтересованных министерств, которую возглавил Грот. В 1881–1882 гг. он руководил в ранге министра тюремным ведомством, отделенным от МВД. В 1882 г. Грот подал в отставку, полагая, что дальнейшие преобразования тюремной системы не встретят поддержки в новое царствование. В это время он уже активно занимался организацией призрения слепых.

В 1882 г. Грот был призван к императрице Марии Федоровне и получил предложение возглавить ее ведомство. Супруга Александра III глубоко не вникала в деятельность

подведомственных ей учреждений, но понимала, что для управления ими нужен был опытный администратор, не царедворец, а «хозяйственник». Грот пытался отказаться, ссылаясь на состояние здоровья и возраст (ему было 67 лет). Однако императрица настояла на своем. Грот возглавил ведомство, которым руководил до 1885 г.

Из его автобиографии, написанной в 1896 г. в Ницце, ясно, что главной причиной нежелания возглавить учреждения императрицы Марии был не возраст. Основой успешной административной деятельности Грот считал самостоятельность в принятии решений. Для него важны были интересы дела, а не субъективные пристрастия и эмоции. Он опасался, что как руководитель будет скован в своих действиях августейшими покровителями ведомства и их приближенными, традициями, не менявшимися десятилетиями. Как позже отметил сам Грот в автобиографии, в ведомстве императрицы Марии «слишком многое зависит от личных отношений и связано стариной и представлениями дореформенного времени»[805].

Его опасения отчасти подтвердились. Деятельность ведомства нуждалась в серьезных преобразованиях. Из года в год бюджет сводился с дефицитом. Грот принялся за наведение порядка в финансово-хозяйственной части. Было установлено, какие капиталы имеются в ведомстве, подверглась реорганизации контрольная экспедиция. Позже, в 1888 г., на ее основе был создан контроль Ведомства учреждений императрицы, подчинявшийся непосредственно главноуправляющему. Сокращены были некоторые расходы, прямо не связанные с призрением, например, суммы, выдававшиеся на разъезды чиновникам. Более точно стали составлять сметы доходов и расходов. Благодаря этому удалось добиться бездефицитного бюджета ведомства. Августейшие покровители были довольны, но мероприятия, осуществленные Гротом, как он сам впоследствии заметил, не могли ему доставить «большой популярности в этом ведомстве»[806]. В 1885 г. просьба К. К. Грота об отставке с поста главноуправляющего Ведомства императрицы Марии была удовлетворена. Уволенный с благожелательным рескриптом императора Грот полностью сосредоточился на руководстве Попечительством о слепых, отдавая ему все свои силы и личные сбережения.

Больших усилий стоило К. К. Гроту создание Александро-Мариинского училища слепых. Важнейшим вопросом было строительство нового здания для него. Участок земли для этого выделило на аптекарском острове городское общественное управление Санкт-Петербурга. На строительство Попечительству

выделил 25 тыс. руб. император. Но для завершения работ этих денег не хватало. Более того, оставался нерешенным вопрос о том, как будет в дальнейшем финансироваться текущая деятельность училища. Благодаря авторитету, настойчивости и осторожности, необходимой при общении с высочайшими особами, К. К. Гроту удалось положительно решить эти вопросы. Как? Об этом стоит рассказать подробнее, поскольку история поиска средств для училища является примером того, что покровительство благотворительности со стороны монаршей власти, наряду с несомненными преимуществами, имело и негативные стороны.

Александр II в память скончавшейся супруги пожертвовал 1 млн руб. на благотворительные цели. Так как монарх точно не определил, на что следовало потратить эти деньги, главноуправляющий ведомством императрицы Марии принц П. Г. Ольденбургский предложил направить их на строительство лечебницы для больных «грудными» болезнями. Для более детальной разработки вопроса была создана комиссия, которую возглавил К. К. Грот, ставший главой ведомства после кончины принца. Реализация предложенного комиссией проекта стоила около двух миллионов рублей. Александр III, рассмотрев проект, пожелал, чтобы строительство и дальнейшее содержание лечебницы не вышло за пределы выделенного миллиона. Уложиться в эту сумму комиссия не смогла. Спорить с императором было невозможно. В конце концов, «задача оказалась неразрешимой, и дело постепенно поросло тиной забвения»[807].

Сам Александр III о злополучном миллионе, по-видимому, просто забыл. Но этих денег, которым не нашлось применения, как раз хватало для завершения строительства здания Александро-Мариинского училища слепых и дальнейшего содержания заведения. На это обратил внимание член Попечительства о слепых О. К. Адеркас. В 1887 г. он выпустил брошюру, в которой говорилось, что пожертвованному в память императрицы Марии Александровны миллиону рублей не найти лучшего применения, чем потратить на училище слепых, «которое могло бы быть всегда живым памятником императрице»[808]. В свою очередь «К. К. Грот, вполне одобрив мысль О. К. Адеркаса, пустил в ход все свое влияние, чтобы заручиться столь серьезной материальной поддержкой для слепых»[809]. Идея увековечить память покойной матери, назвав в ее честь училище для слепых, пришлась Александру III по душе. Вопрос был решен положительно, и 14 июня 1888 г. царь повелел передать один миллион рублей с накопившимися процентами Попечительству о

слепых на содержание училища, названного в честь императрицы Марии Александровны. Торжественное освящение училища состоялось 29 мая 1890 года.

Радость К. К. Грота по случаю открытия училища была омрачена обстоятельствами, связанными с пожертвованием Попечительству злополучного миллиона. Банковские проценты с этой суммы ко времени передачи Попечительству составляли около 300 тыс. руб. В то время царю стало известно, что дворянское семейство Мятлевых ищет возможность продать большой участок земли неподалеку от Петербурга. Это была так называемая Новознаменская дача. Считалось, что ее территория составляет 230 десятин. Покупателей не находилось. Тогда Александр III, передавая деньги попечительству, решил заодно помочь и Мятлевым. Он распорядился купить Новознаменскую дачу за 300 тыс. руб., т. е. – на проценты с упомянутого миллиона. Еще 55 тыс. руб. были направлены на ремонт построек на даче.

Дачу передали Попечительству, которому она была совершенно не нужна, но указать на это царю никто не осмелился. Вскоре выяснилось, что площадь дачного участка составляет не 230, а только 150 десятин. Более того, оказалось, что часть дачи уже была продана. К. К. Грот вынужден был решать запутанные финансово-хозяйственные вопросы, связанные с этим императорским подарком, принесшим Попечительству одни убытки. При этом он, разумеется, не мог публично объяснить – в силу какой причины возникли проблемы. В конце концов, Попечительство продало дачу городскому общественному управлению Петербурга за 90 тыс. руб. Императорский дар дорого обошелся Попечительству о слепых.

Главная задача, однако, была решена. Училище открылось и начало действовать. Оно было лучшим учебно-воспитательным заведением Попечительства о слепых. Его питомцы изучали общеобразовательные предметы в объеме программы двухклассных городских училищ Министерства народного просвещения, а также доступные слепым ремесла. Имевшие голос и слух обучались церковному и светскому пению и музыке, некоторые осваивали профессию настройщика роялей. Пребывание в училище заканчивалось в возрасте 18–19 лет. Александро-Мариинское училище играло роль центра подготовки кадров для заведений Попечительства о слепых. При училище проходили подготовку инспекторы, преподаватели и ремесленные мастера.

Открытие Александро-Мариинского училища было лишь первым успешным шагом в создании системы призрения слепых

детей и юношества. Необходимо было открыть подобные заведения в губерниях, организовать изготовление учебных пособий и, главное, печатание книг для незрячих. Это требовало создания отделений Попечительства о слепых в губерниях. Первоначально оно имело лишь несколько губернских отделений, но к 1907 г. их было уже 27 – Астраханское, Виленское, Владимирское, Вологодское, Воронежское, Иркутское, Казанское, Каменец-Подольское, Киевское, Костромско-Ярославское (с центром в Костроме), Минское, Московское, Одесское, Орловское, Пермское, Полтавское, Псковское, Самарское, Саратовское, Смоленское, Тверское, Тифлисское, Тульское, Уфимское, Харьковское, Черниговское и Якутское. Кроме того, действовали шесть постоянных комитетов Попечительства о слепых в Елабуге, Ревеле, Ташкенте, Вятке, Ярославле и Звенигородске Киевской губернии[810].

Опираясь на местные подразделения, Попечительство с 1884 г. начало открывать губернские училища для слепых. К 1905 г. действовали 23 училища – во Владимире, в Вологде, Воронеже, Елабуге, Иркутске, Каменец-Подольске, Казани, Киеве, Костроме, Минске, Москве, Одессе, Перми, Полтаве, Ревеле, Самаре, Саратове, Смоленске, Твери, Тифлисе, Туле, Харькове и Чернигове. Тринадцать из этих училищ предназначались для детей обоего пола, 8 – для мальчиков и 2 – для девочек. Всего в них к 1905 г. содержались 759 человек (540 мужского пола и 219 женского)[811]. В губернские училища принимались неизлечимо слепые дети в возрасте от 7 до 11 лет. Образовательная программа в них соответствовала программе сельских двухклассных училищ Министерства народного просвещения. Школьная учеба и освоение ремесел были организованы в принципе так же, как и в Александро-Мариинском училище. Изучение ремесел начиналось еще в школьных классах с 12 лет, а с 14–15 лет воспитанники обучались только ремеслам – корзиночному, щеточному и веревочно-канатному.

Кисть для бритья, изготовленная в мастерских для взрослых слепых им. К. К. Грота. 1900-е гг. РГИА

Как и Александро-Мариинское училище, губернские учебно-воспитательные заведения для слепых обеспечивались за счет благотворительных средств. Некоторые пожертвования были значительными. Например, в 1886 г. купец Клочков пожертвовал училищу слепых в Воронеже каменный дом с мезонином, двумя флигелями, хозяйственными постройками и садом. Все было оценено в 15 тыс. руб.[812]. Пермское отделение Попечительства о слепых в 1890 г. получило от екатеринбургского купца Рожнова 70 тыс. руб. на постройку здания для училища. Позже рожнов пожертвовал отделению еще 800 руб.[813].

Обучение слепых грамоте и другим предметам требовало специальных учебных пособий. Точечная система обозначения букв, так называемая система Брайля, использовалась еще в 1881 г. в училище для слепых мальчиков, созданном К. К. Гротом. Однако в России не было типографии, способной печатать книги шрифтом Брайля. Их приходилось заказывать в Берлине. С 1882 по 1886 г. Попечительство о слепых печатало книги обыкновенным российским алфавитом, но выпуклым шрифтом, так называемыми «унциалами». Первыми книгами, отпечатанными таким способом, были евангелие и «детский мир» Ушинского. С 1886 г. в России началось печатание книг по Брайлю.

Помимо учебно-воспитательных заведений, в состав Попечительства императрицы Марии Александровны входили ремесленные убежища для взрослых слепых. Их целью было

создание незрячим таких условий, чтобы они могли зарабатывать на свое существование. В начале 1880-х гг. открыли три таких убежища – в Петербурге, Киеве и Каменец-Подольске. Однако первые два из-за недостатка средств закрылись, а третье позже было преобразовано в училище. В начале 1890-х гг. Попечительству пришлось практически заново создавать учреждения для призрения и оказания трудовой помощи взрослым слепым. Необходимость привлечения внимания общественности к проблеме призрения незрячих, распространения связанной с этим информации, имевшегося опыта – все это вызвало появление специализированного периодического издания. В 1886 г. О. К. Адеркас основал журнал «слепец», выходивший в Петербурге до 1889 г.

До середины 1880-х гг. призрение слепых в России осуществлялось без сведений о том, сколько их вообще в стране и какая помощь им требуется. Чтобы иметь об этом хотя бы частичное представление, по инициативе Попечительства и на его средства силами Центрального статистического комитета МВД в 1886 г. провели перепись слепых в европейской части России. Оказалось, что их общее число с учетом польских земель и кавказского края составляло 189 927 человек обоего пола (94 097 мужчин и 95 830 женщин). В губерниях Польши, кавказского края и европейской России на 10 тысяч жителей приходилось 20 слепых. Среди народов севера (коми, ненцев и других) процент слепых оказался выше и составлял 50 человек на 10 тысяч жителей. Около 10 % от общего числа слепых приходилось на детей[814]. Это требовало дальнейшего расширения деятельности Попечительства. К концу XIX столетия оно было единственным в России общегосударственным ведомством, занимавшимся специализированным призрением слепых, которое осуществлялось в различных формах. Попечительство призревало детей и юношество в специализированных учебно-воспитательных заведениях, выдавало нетрудоспособным денежные пособия, пыталось организовать трудовую помощь тем, кто мог и хотел что-то делать. Несмотря на колоссальные усилия председателя Попечительства К. К. Грота и поступление ряда крупных пожертвований, в том числе миллиона рублей, завещанного Александром II, Попечительство было не в состоянии охватить призрением всех слепых. Не хватало училищ для них, слабо было развито призрение взрослых незрячих. Не проводилось никаких мер по предупреждению слепоты. Помощь слепым осуществлялась, главным образом, в столицах и губернских городах. В сельской местности она практически отсутствовала. Менее всего это можно поставить в вину самому Попечительству.

Оно делало все, что было в его силах с учетом тех средств, которыми располагало. Для того чтобы организовать призрение слепых в масштабах России и охватить всех нуждавшихся в нем, требовался комплекс мероприятий, проводимых если не государством, то под его контролем и с его активным участием, как, впрочем, и для оказания помощи другим категориям нуждавшихся. Попечительство Марии Александровны о слепых могло стать базой для осуществления этих мероприятий.

Призрение глухонемых во второй половине XIX столетия не получило развития в благотворительных структурах. Единственным специализированным учебно-воспитательным заведением в России оставалось Училище глухонемых в Санкт-Петербурге, входившее в состав Ведомства императрицы Марии.

Рисунки вензеля для петлиц и вензеля для фуражки служащих Санкт-Петербургского училища глухонемых. РГИА

В остальном дело помощи глухонемым было сосредоточено «в руках отдельных лиц, будучи частной инициативой того или иного кружка людей, движимых желанием облегчить участь несчастных»[815]. Училище глухонемых было основано в 1806 г. Марией Федоровной и располагалось вначале в Павловске. Оно могло принять всего 12 воспитанников. В 1810 г. его перевели в Петербург. Количество призревавшихся в нем было невелико. Во второй половине столетия – около сотни воспитанников. Как и большинство учреждений императрицы, созданных в начале XIX в., Училище глухонемых было основано на «собственные средства» Марии Федоровны. Кроме того, в 1816 г. она пожертвовала заведению капитал в 256 тыс. руб. на содержание с процентов пансионерок[816].

До середины века обучение воспитанников строилось по так называемому мимическому методу. Он «долгое время считался легчайшим способом обучения глухонемых, наиболее им свойственным, и попытки научить детей произношению членораздельных звуков были делаемы только изредка»[817]. В 1836 г. была сделана попытка ввести обучение глухонемых детей путем совместного обучения их с говорящими, но она закончилась неудачей. Вопрос о способах обучения вновь был поставлен на повестку дня в 1856 г. новый директор Училища глухонемых Я. Т. Спешнев после ознакомления с зарубежным опытом стал убежденным сторонником «устного способа преподавания»[818]. Однако и он не вышел за рамки эксперимента. До конца 1890-х в Училище глухонемых сохранялись оба способа обучения, как мимический, так и устный. Очередную, и окончательную, реорганизацию учебная часть Училища пережила в 1900-х гг., когда уже было создано Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых, а само Училище стало учебно-методическим центром по подготовке педагогических кадров для работы с ними.

Совершенствование системы призрения слепых на рубеже XIX–XX вв. Социальная и медицинская помощь глухонемым

К началу 1890-х гг. Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых из небольшой организации с весьма скромными задачами превратилось в крупное ведомство призрения, действовавшее в общегосударственном масштабе. Помощь слепым оформилась в самостоятельную отрасль. Это произошло во многом благодаря личным усилиям председателя Попечительства Константина Карловича Грота. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал руководить этим ведомством до середины 1890-х гг. Порядок управления оставался прежним. Но в начале XX столетия руководство Попечительства позволило обсуждать вопросы помощи слепым на ведомственных съездах. Первый состоялся в мае 1901 г., второй был намечен на лето 1906 г., однако революционные события помешали его провести и он собрался в мае 1909 г. В работе съездов участвовали не только сотрудники и преподаватели Попечительства, но и сами слепые, приглашались представители государственных учреждений и благотворительных организаций. Рассматривавшиеся вопросы, как правило, не выходили за рамки обсуждения проблем социальной и медицинской помощи слепым. Попечительство старалось не касаться на съездах политики. Однако выступления некоторых участников были очень резкими. На втором съезде член-сотрудник Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых А. А. Крогиус заявил: «Слепота является страшным общественным злом, и является результатом народной нищеты и угнетения»[819].

Деятельность Попечительства заключалась, главным образом, в призрении детей и юношества в специализированных учебно-воспитательных заведениях – училищах слепых. Кроме того, оно призревало нетрудоспособных взрослых слепых в богадельнях, выдавало денежные пособия и к началу 1890-х гг. располагало десятками различных учреждений. Наряду с успехами в деятельности Попечительства о слепых имелись проблемы. Отсутствовала система профессионального трудового обучения частично трудоспособных незрячих, чтобы они могли хотя бы в какой-то степени обеспечивать свое существование. Учебно-воспитательные и богаделенные заведения для слепых располагались, главным образом, в городах. Слепые, проживавшие в сельской местности, практически не были

охвачены призрением. Не было известно, сколько вообще в России людей, лишенных зрения.

Ответ на последний вопрос дала перепись населения империи, проведенная в 1897 г. Выяснилось, что общее число слепых составляло 247 900 человек, из которых 71 434 были слепыми от рождения и 176 466 ослепли впоследствии[820]. Во многих случаях причиной были заболевания глаз. Это привело Попечительство к мысли об организации мероприятий для лечения и предупреждения слепоты. Таким образом, оно взяло на себя решение задач не только в области собственно призрения, но и здравоохранения. Официальная государственная политика в этой сфере в дореволюционной России отсутствовала. Вопросами, связанными с организацией медицинской помощи населению, занимались различные государственные и общественные структуры, в том числе и благотворительные. Обращение Попечительства о слепых к мероприятиям лечебно-профилактического характера было обусловлено и тем, что предупреждение и лечение слепоты обходилось дешевле, чем призрение невидящих.

Стремление к рациональному расходованию средств заставило Попечительство также приступить в 1890-е гг. к организации трудового обучения взрослых слепых. До этого они содержались в богадельнях или получали денежные пособия. Раздача денег слепым была близка к традиционной милостыне и одобрялась общественностью. К. К. Грот, напротив, полагал, что помощь взрослым слепым, за исключением немощных, должна состоять в обучении ремеслам, которые им доступны. Эту точку зрения он подробно изложил в сентябре 1893 г. в циркулярном письме советам местных отделений Попечительства и его уполномоченным. Грот напомнил, что главная цель «… заключается в рациональном призрении слепых, то есть в воспитании и обучении ремеслу слепых детей и в приучении взрослых слепых к производительному труду, с тем, чтобы они, изучив какое-либо ремесло, могли, хотя отчасти, содержать себя собственным трудом…»[821]. Денежные пособия он считал уступкой общественному мнению, которое не имело «…ясного понятия о рациональном призрении слепых»[822]. Грот полагал возможным выдавать пособия только нетрудоспособным слепым или для покрытия расходов на лечение. Категорически запрещалась выдача денег слепым, занимавшимся профессиональным нищенством.

Для того чтобы сделать призрение слепых «рациональным», прежде всего, требовалась производственная база. В 1893 г. в Петербурге Попечительством были созданы мастерские для

обучения взрослых слепых ремеслам и оказания им трудовой помощи. Мастерские состояли из двух отделений. Одно предназначалось для изготовления плетеных изделий, другое – щеток. Правила для мастерских, утвержденные советом Попечительства в октябре 1893 г., были составлены лично К. К. Гротом. «Цель учреждения мастерских, – говорится в них, – двоякая: во-первых, обучение мастерству взрослых слепых, и, во-вторых, облегчение работы тем взрослым слепцам, которые, изучив мастерство, не имеют удобного помещения для занятия ремеслом»[823]. В мастерские принимались лица в возрасте от 16 до 35 лет, полностью лишенные зрения на оба глаза и не имевшие других физических недостатков, мешавших труду. Мастерские являлись учреждением призрения, поэтому важнейшим условием посещения их было «…желание трудиться и готовность подчиняться установленному в мастерских и вне их порядку»[824]. Для обучавшихся ремеслу работа в мастерских была обязательной во все дни, кроме праздничных. На тех, кто пользовался трудовой помощью, это правило не распространялось. Однако лица, которые зарабатывали недостаточно для своего содержания и пользовались пособием от Попечительства, должны были работать в мастерских ежедневно, кроме праздников, как ученики.

Особенностью призрения слепых в мастерских было то, что за работавшими были закреплены попечители из числа членов так называемого патроната – особого органа, учрежденного при мастерских для наблюдения за слепыми. «главная цель патроната, – говорится в правилах, – заключается в том, чтобы ни один из тех слепых, которые изучили ремесло и начали трудовую жизнь, не мог опять покинуть работу и впасть в нищету по недостатку покровительства и поддержки со стороны зрячих, и чтобы каждый трудящийся слепец знал, что у него есть попечитель, который всегда готов о нем заботиться и принимать его интересы близко к сердцу»[825]. Члены патроната работали добровольно и безвозмездно. Попечитель мог наблюдать не более чем за четырьмя слепыми. Патронат обеспечивал наиболее совершенное призрение, позволяя сочетать трудовую помощь с поддержкой в решении различных жизненных задач, с которыми сталкивались слепые. Ученики мастерских содержались за счет Попечительства и материалы для работы получали бесплатно. Пользовавшиеся трудовой помощью приобретали материалы за свой счет. Всем работавшим в мастерских бесплатно давались инструменты и консультации обучавших мастеров. Деньги за продажу своих изделий пользовавшиеся трудовой помощью получали сразу, ученики – только на третий год. При мастерских

имелся склад, куда могли приносить свои изделия все слепые, состоявшие под покровительством Попечительства. Деньги им выдавались сразу, за удержанием 10 % от стоимости изделий в пользу мастерских. Через три года обучения ученики покидали мастерские, чтобы «…начать самостоятельную жизнь и содержать себя своим трудом»[826].

Созданные К. К. Гротом мастерские представляли собой наиболее совершенную форму призрения взрослых слепых, объединявшую профессиональное обучение, трудовую помощь и патронат. В дополнение к этому Грот планировал создание так называемого заведения дешевых квартир, говоря современным языком, общежития для слепых, чтобы сократить их расходы на жилье и облегчить наблюдение за ними. При жизни Грота этот проект реализовать не удалось за отсутствием средств. Общежитие для слепых было открыто только в 1903 г.

Недостаток средств тормозил и открытие мастерских. Тогда Грот пожертвовал на них собственные сбережения – 45 тыс. руб. [827]. Из скромности он не афишировал свой поступок, представил дело так, что эти деньги были получены по завещанию его покойной сестры. В действительности деньги сестры Грот тоже пожертвовал, учредив три стипендии ее имени в Училище св. Елены в Санкт-Петербурге. Кроме того, 3 тыс. руб. К. К. Грот пожертвовал в 1893 г. рождественской школе Патриотического общества для учреждения на проценты с них стипендии имени его покойной жены А. Н. Грот[828]. Труды К. К. Грота отмечены присвоением мастерским его имени. Полностью заведение получило название «мастерские для взрослых слепых имени Константина Карловича Грота».

Как и Александро-Мариинское училище слепых, мастерские являлись образцовым учреждением, по примеру которого намечалось создать такие же в других городах. Потребность в них была очень велика. Существовавших не хватало даже для Петербурга. В начале XX в. Они могли одновременно принять не более 100 человек. Но недостаток средств и квалифицированных кадров не позволил распространить удачный опыт на всю страну. Кроме мастерских в Петербурге, в составе Попечительства о слепых было открыто еще одно подобное заведение – вятское ремесленное убежище для слепых женщин. Кроме того, для оказания трудовой помощи (без профессионального обучения) Попечительством были организованы, так называемые, общежития слепых работников и работниц. В 1904 г. таких общежитий было девять. Женские имелись (по одному) в Петербурге, Киеве, Костроме и Воронеже. Мужские находились (по одному) в Петербурге, Киеве, Самаре, Смоленске и

Тифлисе[829].

Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых располагало и традиционными заведениями для их призрения. Это были специализированные богадельни или, как их тогда называли, убежища для слепых. В Петербурге располагались три таких заведения – новоалександровский дом призрения слепых для мужчин, убежище слепых женщин имени княгинь Волконских и приют слепых женщин в память Елизаветы Кудюра. В первые два заведения принимались полностью лишенные зрения в возрасте от 20 до 50 лет. Приют в память Елизаветы Кудюра принимал на призрение лиц старше 50 лет. Столичные богаделенные учреждения для слепых могли в общей сложности единовременно призревать немногим более 100 человек. Кроме Петербурга, богадельни для призрения слепых располагались (по одной) во Владимире, Воронеже, Казани, орле и Туле[830]. Как и учебно-воспитательные заведения для слепых, богадельни существовали на благотворительные пожертвования.

Благотворительные пожертвования в силу их нерегулярности и нестабильности являлись не вполне надежным источником финансирования учреждений призрения. Да и не всегда на пользу делу шли амбиции благотворителей. Такой пример приводится в одном из писем К. К. Грота. В 1893 г. он писал одному из своих корреспондентов: «Была у меня сегодня княжна Вол конская со своей компаньонкой, и мы все еще не совершенно кончили. Таких бестолковых и прижимистых барынь я в жизнь свою не видел и сомневаюсь, чтобы у ней дело пошло на лад. Они, главное, норовят дать как можно менее и стянуть что-нибудь с Попечительства»[831]. Из опубликованного отрывка письма неясно, что хотели «стянуть» дамы. Можно предположить, что для Попечительства были неприемлемы условия пожертвования. Очевидно, что Вол конская доставила Гроту немало хлопот, иначе опытный и осторожный сановник не стал бы так резко отзываться о ней в частном письме. В конце концов, вопрос разрешился с пользой для Попечительства.

Корреспондентом К. К. Грота была С. А. Эллис, супруга генерала от инфантерии, основательница и председательница Братства во имя Христа спасителя для помощи слепым, созданного в 1903 г. в Петербурге. Братство осуществляло призрение в различных формах – устраивало общежития и столовые, занималось поисками работы для частично трудоспособных и организацией сбыта их изделий. В некоторых случаях оказывалась денежная помощь слепым[832]. Братство располагало несколькими общежитиями для слепых в Петербурге и в Крыму, в судаке. Лица, являвшиеся членами Братства и

непосредственно участвовавшие в его деятельности, назывались братчиками и братчицами, а те, кто оказывал денежную помощь, назывались соревнователями. По данным на 1904 г. в организации числились 26 братчиков и братчиц и 92 соревнователя[833]. Братство во имя Христа спасителя было удачной формой привлечения общественности к призрению слепых на местном уровне, использовавшей традиционные религиозные истоки русской благотворительности для оказания организованной помощи. Однако других подобных организаций для призрения слепых в России не возникло.

Обучение детей и юношества в учебно-воспитательных заведениях Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых не ограничивалось освоением ремесел. Слепым также преподавались общеобразовательные предметы. Для этого требовались книги со шрифтом Брайля. Печатание таких книг обходилось довольно дорого. Их себестоимость составляла 3 руб. за рельефную страницу. Поэтому Попечительство печатало только самую необходимую литературу, которая распределялась руководством по учебно-воспитательным заведениям. Всего с 1886 г. за десятилетие шрифтом Брайля были напечатаны книги 26 различных наименований общим тиражом 12 450 экземпляров[834]. Желая сократить расходы на печатание, с 1895 г. Попечительство о слепых организовало собственную типографию при Александро-Мариинском училище в Петербурге. Она давала заработок нескольким слепым. С 1898 г. в ней печаталось единственное в России периодическое издание специально для слепых – журнал «досуг слепых».

Увеличить объем литературы для слепых с конца XIX в. помогали дамские кружки, члены которых добровольно и безвозмездно занимались изготовлением книг по Брайлю. Эта работа осуществлялась вручную. Как правило, кружки создавались в тех городах, где имелись училища слепых. Вклад кружков в обеспечение литературой заведений для незрячих был заметным. Например, кружок Е. А. Шамшиной в Петербурге, состоявший из нескольких десятков человек, к 1904 г. изготовил для Александро-Мариинского училища более 2400 томов рельефных книг[835]. Это были, главным образом, произведения русских классиков и детские книги. С 1897 г. в Петербурге существовал кружок Е. Г. Опочининой, изготовлявший книги для губернских училищ. Но деятельность кружков этим не ограничивалась. В 1903 г. в Петербурге при Александро-Мариинском училище был организован дамский кружок для изготовления нот по системе Брайля. В самом училище изготавливались рельефные географические карты и планы

городов, как для этого заведения, так и для других училищ.

Стремление избавить от тяжкого недуга тех, кому можно было помочь, и сократить расходы на призрение слепых привело к созданию Попечительством специализированных лечебниц. В 1904 г. они действовали в 16 городах – Астрахани, Вильно, Воронеже, Верном, Гомеле, Звенигородске, Ковно, Новом Маргелане, Пскове, Ташкенте, Твери, Тифлисе, Туле, Уфе, Ярославле и в Троице-Сергиевом Посаде. Эти лечебницы ежегодно оказывали помощь приблизительно 41 тысяче больных[836]. Еще одной формой медицинской помощи пораженным глазными болезнями было содержание за счет Попечительства кроватей или койко-мест в неспециализированных лечебных учреждениях различных ведомств. В 1904 г. таких кроватей было всего 22, воспользовались ими примерно 460 больных[837].

Помощь лишенным зрения и страдавшим глазными болезнями, осуществлявшаяся Попечительством императрицы Марии Александровны в постоянно действующих учреждениях, охватывала, главным образом, столицы и губернские города, где были более подходящие условия для размещения учреждений призрения и более широкие возможности для привлечения благотворителей. Слепые и пораженные глазными болезнями, проживавшие в сельской местности, практически были лишены возможности прибегать к помощи Попечительства, так как не имели средств на дорогу и пребывание в городах. Зачастую, сельские жители не могли оставить дом и сельскохозяйственные работы. Создавать на селе стационарные учреждения для помощи слепым и больным Попечительство не могло из-за недостатка средств и квалифицированных медицинских кадров. Возможности благотворителей в сельской местности и уездных городах были невелики. Земства так же не имели средств для широкомасштабной помощи. Поэтому в начале 1890-х гг. решено было направлять в сельскую местность медиков в командировки. Группы врачей и других специалистов, направлявшиеся Попечительством о слепых в губернии, получили название летучих окулистических отрядов.

В 1892 г. при Попечительстве был создан особый отдел по изысканию мер для предупреждения слепоты, который в следующем году отправил в губернии 7 окулистических отрядов. При выборе регионов Попечительство исходило из того, что находившиеся в его распоряжении врачи-окулисты знали ту или иную местность. Отряды работали всего полтора месяца в летнее время. За этот срок были обследованы более 7,5 тысячи больных, не считая повторных посещений. Врачи сделали около 1,5 тысячи

глазных операций, выявили около 500 неизлечимых больных[838]. Характеризуя их деятельность, К. К. Грот писал: «результаты, полученные от командирования семи отрядов, блестяще оправдали надежды, возлагавшиеся на них»[839]. Летом 1894 г. в губернии отправился уже 21 отряд. Всего за два года таких командировок были обследованы более 35 тысяч больных и сделаны около 9,5 тысячи операций. Неизлечимых было выявлено почти 3,5 тысячи человек[840].

Оказывая медицинскую помощь пораженным глазными болезнями, Попечительство решало государственную задачу в области здравоохранения, однако помощь из казны не получало. Финансирование деятельности окулистических отрядов осуществлялось как за счет средств Попечительства, так и из целевых благотворительных пожертвований. Наиболее щедрыми жертвователями были предприниматели и деятели искусства. В частности, А. В. Кокорев внес 5000 руб., пианист А. Г. Рубинштейн – 4264 руб., А. Г. Елисеев – 500 руб.

После всероссийской переписи населения, установившей, сколько слепых в империи, можно было представить масштаб задач по их призрению. Но число пораженных глазными болезнями и слепых, которым можно было вернуть зрение, оставалось неизвестным. Для того, чтобы это установить, требовалась всеобщая диспансеризация населения. Попечительству императрицы Марии Александровны это было не по силам. На правительственном уровне такой вопрос даже не ставился. Поэтому летучие окулистические отряды направлялись туда, куда соглашались ехать сами врачи-добровольцы, и где Попечительство могло организовать взаимодействие с местными властями. В августе 1896 г. К. К. Грот отметил в одном из своих писем: «наша работа по предупреждению слепоты идет превосходно и находит везде большое сочувствие. Отряды начинают уже возвращаться, но недоделанной работы осталось еще много. Оказывается, что число больных глазами везде огромное, и в глухих местах их даже трудно убедить подчиниться лечению»[841].

В Петербургской губернии окулистические отряды не действовали, а в столице помощь оказывалась стационарными учреждениями. Представление о характере деятельности и условиях работы отрядов можно получить, например, из отчета руководителя отряда, действовавшего в 1898 г. в Псковской губернии. Собственно отряд состоял из двух докторов – У. Б. Гольдбладта и И. А. Рабиновича. Гольдбладт являлся руководителем. Рабинович, как можно понять из отчета, вскоре уехал, и Гольдбладт остался работать один. По просьбе

великолукской земской управы в апреле 1898 г. отряд прибыл в великие Луки и до конца августа работал в этом городе. А также в Новоржеве и селе Заболотье. Врачи встретили, судя по отчету, полное понимание важности их работы со стороны земства и местного отделения Красного Креста. Начальница последнего прикомандировала к окулистам двух сестер милосердия. Земская управа направила в помощь фельдшера. В земской больнице в великих Луках увеличили число коек для больных глазными болезнями. Позже для них был дополнительно оборудован больничный барак. Всего земство предоставило 90 коек, взяло на себя расходы по содержанию больных, обеспечению их медикаментами и перевязочными материалами. За время работы отряда различная помощь была оказана более чем 4 тысячам больных. Из них 3974 были крестьянами, 575 – мещанами, 161 – из дворянского сословия, 92 принадлежали к духовенству и 40 человек – к другим сословиям[842].

Как видно, подавляющее большинство больных принадлежало к наименее обеспеченным и образованным слоям населения. Отчасти это можно объяснить тем, что крестьян в сельской местности по определению больше. Но столь широкое распространение глазных болезней среди них было вызвано социальными причинами. Сорок три процента от общего числа обратившихся за помощью к врачам отряда страдало трахомой. Больше всего среди больных трахомой было крестьян. В отчете о работе отряда У. Б. Гольдбладт писал: «Причины трахоматозного заболевания мы не знаем, нам только известны многие условия, способствующие появлению и распространению этой болезни, как и большинству других заболеваний глазами и развитию слепоты. Из них главные: низкий уровень культуры большей части населения, нечистоплотность и невежество – с одной стороны, различные влияния окружающей природы и условия (с другой стороны. – *Прим. авт.*): скученность в жилищах, курные избы, освещение последних лучиной и, вследствие этого, постоянный дым в них…»[843]. К причинам болезни Гольдбладт отнес, опираясь на мнение земства, обработку льна в некоторых уездах Псковской губернии. Кроме того, доктор отметил: «Беззаботность и слепая покорность судьбе, доверчивость ко всем знахарям и знахаркам, лечение глаз слюной и всякой грязью – так же играют большую роль в ухудшении глазных болезней»[844].

Нет основания подозревать автора отчета в тенденциозности. Жизнь русской деревни той эпохи хорошо известна. Да и сам отчет предназначался не для того, чтобы критиковать царизм в каком-нибудь оппозиционном собрании, а был сугубо профессиональным. Автор полагал, что для устранения

перечисленных им условий возникновения и распространения глазных болезней потребуются десятки лет. В то же время Гольдбладт считал, что для «…хорошей организации специальной помощи, необходимы только незначительные жертвы»[845]. Вопрос состоял в том, кто эти жертвы должен был приносить. Лечение и профилактика глазных болезней рассматриваются автором отчета как «священная обязанность государства и общественных учреждений»[846]. Однако инициатива, по его мнению, должна принадлежать земствам[847]. Фактически это было указание на отсутствие государственной политики в области здравоохранения, сделанное в корректной форме.

Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых не могло полностью решить задачи в области здравоохранения и специализированного призрения. Масштаб его деятельности зависел от финансирования, осуществлявшегося из «внебюджетных», главным образом, благотворительных источников. Поэтому безоговорочно судить об эффективности деятельности летучих окулистических отрядов сложно. К. К. Грот оценивал их работу позитивно. Однако высказывались и другие мнения.

Один из его ближайших сотрудников, доктор А. И. Скребицкий, полагал, что расширению деятельности окулистических отрядов мешает позиция руководства Попечительства о слепых. По мнению Скребицкого, оно отпускало недостаточно средств для организации отрядов. На втором съезде представителей профессионального и технического образования, состоявшемся в 1896 г. в Москве, Скребицкий подверг резкой критике деятельность Попечительства по предупреждению слепоты. Он полагал, что именно это направление работы должно стать главным. После этого отношения Грота и Скребицкого испортились и последний отошел от дел Попечительства.

Скребицкий, помимо критики в адрес руководства, нарушил одну из вековых традиций благотворительных ведомств под покровительством Романовых, согласно которой не принято было «выносить сор из избы». Но в данном случае основной причиной разногласий послужило не это. Закрытость и консерватизм Ведомства императрицы Марии, в состав которого входило Попечительство о слепых, вызывали недовольство и самого К. К. Грота. Предмет разногласий заключался в том, какое направление в деятельности следовало сделать приоритетным. Целью Попечительства о слепых было призрение лиц, полностью лишившихся зрения. Медицинскую помощь пораженным глазными болезнями Попечительство взяло на себя позже. Самостоятельно изменить приоритет в работе Попечительства

Грот не мог. Инициатива служащих, даже высокопоставленных, в ведомстве императрицы Марии не поощрялась. С учетом этого можно сказать, что в области медицинской помощи слепым Попечительство делало все, что было в его силах. За 12 лет – с 1893 по 1905 г. – Попечительством императрицы в губернии были направлены 315 окулистических отрядов, которыми были обследованы 542 054 больных и сделано 181 323 операции[848]. Всего окулистическими отрядами и стационарными лечебными учреждениями Попечительства о слепых за это время был принят 1 448 841 больной и проведено 377 668 операций[849].

В начале XX столетия важнейшим направлением деятельности Попечительства о слепых оставалось призрение детей и юношества в учебно-воспитательных заведениях (к 1905 г. их было 24 – в Санкт-Петербурге, Владимире, Вологде, Воронеже, Елабуге, Иркутске, Каменец-Подольске, Казани, Киеве, Костроме, Минске, Москве, Одессе, Перми, Полтаве, Ревеле, Самаре, Саратове, Смоленске, Твери, Тифлисе, Туле, Харькове и Чернигове). Всего в них единовременно обучались 759 человек[850]. Эти данные приводятся в статье О. К. Адеркаса «Призрение слепых», опубликованной в сборнике «общественное и частное призрение в России», вышедшем в 1907 г. в издании «Благотворительность в России. Т.1.», вышедшем тогда же, приводится другая цифра – 915 человек[851]. Это, вероятно, связано с тем, что к концу 1904 г. часть воспитанников училищ слепых окончила заведения. Помимо училищ Попечительство к 1905 г. располагало 8 богаделенными заведениями для призрения лишенных зрения, 3 из которых располагались в Петербурге.

Стремясь к расширению своей деятельности, Попечительство императрицы Марии Александровны создавало местные отделения и постоянные комитеты. Как правило – в губернских городах. В 1904 г. было 27 отделений – в Астрахани, Вильно, Владимире, Вологде, Воронеже, Иркутске, Казани, Каменец-Подольске (Подольское), Киеве, Костроме (Костромско-Ярославское), Минске, Москве, Одессе, орле, Перми, Полтаве, Пскове, Самаре, Саратове, Смоленске, Твери, Тифлисе (кавказское), Туле, Уфе, Харькове, Чернигове и Якутске. Кроме того, в Попечительство входили 6 постоянных комитетов – в Вятке, Елабуге, Звенигородске, Ревеле, Ташкенте (туркестанский комитет), Ярославле[852].

Попечительство являлось единственной в России организацией, осуществлявшей призрение слепых и пораженных глазными болезнями в масштабах страны. Собственно призрение оно сочетало с медицинской помощью. Как и другие благотворительные структуры под покровительством дома

Романовых, оно, по сути, решало государственные задачи в области призрения и здравоохранения. Его помощью в начале XX столетия ежегодно пользовались несколько сотен тысяч людей (в 1904 г. – 602 459 человек)[853].

На рубеже XIX–XX вв. получило развитие новое направление специализированной социальной помощи под покровительством дома Романовых – призрение глухонемых. До конца XIX столетия этим занимались отдельные учреждения различной ведомственной принадлежности. Отсутствовала какая-либо единообразная система обучения глухонемых. Из благотворительных структур дома Романовых только ведомство императрицы располагало единственным специализированным заведением. Это было Училище глухонемых, основанное Марией Федоровной в 1806 г. в Павловске и переведенное в 1810 г. в Петербург. В конце XIX столетия власть и общество пришли к осознанию того, что глухонемые, подобно слепым, нуждаются в специализированной социальной и медицинской помощи.

Для решения этой задачи в 1898 г. создано еще одно благотворительное ведомство под покровительством дома Романовых – Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых. Она выступила инициатором его создания и стала руководительницей. Организационно новое ведомство вошло в состав Ведомства учреждений императрицы Марии. Это было обусловлено рядом причин. В числе его учреждений действовало единственное в России специализированное учебно-воспитательное заведение для призрения глухонемых. В составе Ведомства императрицы Марии успешно работало Попечительство о слепых. Его опыт мог быть использован при организации помощи глухонемым. Полностью новое ведомство называлось «состоящее под августейшим покровительством их императорских величеств Попечительство государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых». Следует уточнить, что под «их императорскими величествами», в первую очередь, понимались царствующий монарх и его супруга, традиционно покровительствовавшие ведомству императрицы Марии. Однако в царствование Николая II его мать-императрица Мария Федоровна – сохранила за собой руководство ведомством, не желая уступать эту почетную роль своей невестке – Александре Федоровне.

В составе Ведомства императрицы Марии Попечительство о глухонемых сохраняло внутреннюю самостоятельность. Положение, установившее правовую основу его деятельности, было утверждено 2 мая 1900 г. Цель нового ведомства определялась как «…попечение о глухонемых всех возрастов»[854].

Для взрослых глухонемых, говорится в Положении, Попечительство «…утверждает мастерские, дома трудолюбия, дешевые квартиры, приискивает работу, озабочивается помещением престарелых и увечных в богадельни и другие подобные учреждения»[855]. Для «малолетних глухонемых» предполагалось создавать школы, учебные мастерские, различные приюты и убежища. Предусматривалась выдача пособий «нуждающимся семьям, в коих имеются глухонемые дети»[856]. Кроме того, Попечительство «озабочивалось» созданием курсов по подготовке учителей для обучения глухонемых, разработкой методических материалов. Как видно, характер призрения глухонемых обуславливался не только указанным недугом, но их возрастом и способностью к трудовой деятельности.

По своему организационному устройству Попечительство было сходно с другими структурами и учреждениями Ведомства императрицы Марии. Как орган управления, оно состояло из комитета, совета при нем и неограниченного числа членов. Главной руководящей структурой был комитет, осуществлявший «высший надзор» за всеми учреждениями, входившими в состав Попечительства. В комитет входили шесть членов, утверждавшихся сроком на три года Марией Федоровной. Один из членов комитета на этот срок назначался председателем, другой – заместителем. Комитет устанавливал правила хранения и использования финансов Попечительства, рассматривал прошения об оказании помощи глухонемым, утверждал в должностях руководителей региональных отделений и их заместителей, почетных членов Попечительства и членов совета. Совет при комитете предназначался для обсуждения вопросов учебно-воспитательной и хозяйственной деятельности. Возглавлял его председатель комитета. Положением предусматривалась возможность создания губернских, областных и городских отделений Попечительства с советами при них. Вопросы, связанные с открытием отделений, находились в компетенции комитета.

Члены Попечительства подразделялись на почетных, действительных и членов-сотрудников. В почетные члены принимались лица, «…оказавшие Попечительству услуги значительными пожертвованиями или иным образом способствовавшие успешному развитию деятельности Попечительства»[857]. Почетные члены утверждались в этом звании Марией Федоровной. К действительным членам относились лица, внесшие 500 руб. единовременно или вносившие не менее 50 руб. ежегодно. Членами-сотрудниками могли быть лица, пожертвовавшие 100 руб. единовременно либо

вносившие не менее 5 руб. ежегодно. Две последние категории членов Попечительства утверждались в званиях комитетом. Никаких ограничений по сословному происхождению, чину, званию и полу для приема во все категории членов Попечительства о глухонемых не было. Члены всех категорий имели право присутствовать на годичных собраниях комитета.

Пребывание в звании члена Попечительства о глухонемых не давало никаких служебных, социальных и сословных преимуществ, а служило лишь общественному признанию заслуг благотворителей. Однако, тем из них, кто занимал должности попечителей учреждений призрения, Попечительство присваивало чины и мундиры Ведомства императрицы Марии. В Положении указано, что должности попечителей заведений в столицах «полагаются» в VI классе, помощников попечителей – в VIII классе. Кроме того, в разделе IX «Права и преимущества Попечительства и лиц, служащих по оному» сказано: «Попечители, их помощники, казначеи и секретари, если по своему происхождению и образованию имеют право на вступление в государственную службу, пользуются только правами на чинопроизводство на общем основании, согласно классам занимаемых должностей»[858].

Средства Попечительства о глухонемых в основном складывались из сумм, поступавших в качестве благотворительных пожертвований. К ним относились деньги, поступавшие от имени императрицы Марии Федоровны, а также в форме взносов членов Попечительства, различных нерегулярных пожертвований, средств, полученных от проведения благотворительных мероприятий. Кроме того, в распоряжении Попечительства поступали деньги, полученные за содержание призреваемых на внештатных вакансиях, от продажи изделий призреваемых, доходы от операций с недвижимостью. Среди сумм, поступавших в распоряжение Попечительства, в Положении упоминаются и «субсидии, какие могут быть назначаемы правительством»[859]. Выделение государственных средств Попечительству Положением не гарантировалось, а лишь допускалось.

Учреждение отдельного специализированного ведомства создало основу для преобразований в существовавших к тому времени заведениях призрения глухонемых и для открытия новых заведений. Перемены коснулись и старейшего в России Училища. В марте 1900 г. был принят новый устав Училища глухонемых, положивший конец экспериментам со способами их обучения. Он утвердил «устный» способ обучения призреваемых. Мимическое обучение было сохранено в специальных отделениях при

Училище, позже ликвидированных. Целью Училища глухонемых оставалось воспитание, общее и специальное (трудовое) обучение детей обоего пола, как родившихся глухонемыми, так и потерявших слух или дар речи в результате заболевания. В Училище имелись женское и мужское отделения. Каждое состояло из «приготовительного» и общеобразовательного классов. Срок обучения в приготовительном классе – 3 года, в общеобразовательном – 6 лет. В приготовительном классе изучались устная речь и письмо, выдержки из закона божьего, чистописание, рисование. Кроме того, питомцам мужского пола преподавался ручной труд, женского – рукоделия. Программа второго отделения предусматривала изучение закона божьего, русского языка, арифметики, геометрии с черчением, географии, истории, извлечений из естественной истории и физики, чистописания, рисования и «курса общеполезных сведений».

В Училище глухонемых принимались дети всех сословий любого христианского вероисповедания не младше 7 и не старше 9 лет. Воспитанники содержались за счет Попечительства и за пансионерскую плату. Бесплатные вакансии предназначались, главным образом, для сирот, полусирот, питомцев воспитательных домов и детей «беднейших» родителей. Плата за своекоштных воспитанников была довольно высокой – 350 руб. в год за пансион, 120 руб. За полупансион и 40 руб. в год за приходящего воспитанника. Если желающих поступить в Училище было больше, чем вакансий, претенденты зачислялись кандидатами и ожидали освобождения мест. На 1 января 1905 г. в Училище глухонемых содержались 142 питомца, 96 из которых призревались за счет Попечительства. Остальные были пансионерами высочайших особ, различных ведомств и частных лиц[860]. По сословному происхождению состав учеников был следующим: 91 воспитанник относился к крестьянам и мещанам, детей дворян и чиновников было 40[861]. Профессиональное обучение в Училище осуществлялось в ремесленных мастерских, созданных еще в первой половине XIX столетия.

Помимо воспитания и обучения призреваемых, Санкт-Петербургское Училище глухонемых с конца XIX в. Играло роль общероссийского учебно-методического центра по подготовке административно-педагогических кадров для работы с глухонемыми и глухими. Кандидаты на получение звания наставника или наставницы должны были провести в Училище под надзором инспектора не менее 12 уроков в неделю. Кроме того, Училище играло просветительскую роль, привлекая внимание общественности к вопросам социальной и медицинской помощи глухонемым и глухим. Ведущие специалисты-медики в

этой области в вечернее время читали здесь лекции «для лиц, желавших посвятить себя воспитанию и обучению глухонемых»[862].

Вскоре после своего образования Попечительство приступило к созданию системы специализированных учреждений для оказания различной социальной и медицинской помощи глухонемым и глухим. В Петербурге и столичной губернии действовали, практически, все типы этих учреждений: педагогические курсы, приют со школой для девочек, специализированный детский сад, ремесленные мастерские, амбулатория, Мурзинская колония глухонемых, приют-школа в Сестрорецке и школа в Нарве.

Поскольку Училище не могло полностью удовлетворить возраставшую потребность в кадрах для работы с глухонемыми, в 1899 г. в Петербурге были созданы Педагогические курсы для лиц, «…которые, помимо общего педагогического развития, ознакомились бы с делом обучения и воспитания глухонемых настолько подробно и обстоятельно, чтобы каждый впоследствии мог самостоятельно заняться образованием глухонемых»[863].

На курсах преподавались специальные дисциплины и методика обучения общеобразовательным предметам. Слушатели изучали центральную нервную систему человека, анатомию и физиологию органов слуха, общую анатомию и гигиену. Помимо этого, преподавались методики обучения глухонемых устной речи, русскому языку, арифметике, географии, рисованию и черчению. Срок обучения на курсах составлял два года. Первый год был посвящен теории. На втором году обучения слушатели сами преподавали глухонемым под руководством наставников. Выпускники курсов могли поступать на службу как в Попечительство, так и в прочие ведомства и учреждения, связанные с воспитанием, обучением и лечением глухонемых. К 1 января 1905 г. на курсах обучались 37 слушателей и слушательниц[864]. Всего с 1899 по 1906 г. курсы окончили более 100 человек[865].

В 1899 г. Попечительство о глухонемых открыло в Петербурге специализированный приют. Вскоре он был преобразован в школу для девочек. Программа воспитания и обучения напоминала существовавшую в Училище, но была более краткой. Воспитанницы изучали устную речь, закон божий, арифметику, домоводство и рукоделия. В школе единовременно обучались до трех десятков девочек. На 1 января 1905 г. их было 32[866]. Кроме того, в Петербурге действовал специализированный детский сад, которым руководили приват-доцент военно-медицинской академии М. В. Богданов-Березовский и доктор медицины

Е. С. Бориспольский. В детский сад принимались глухонемые дети в возрасте от 6 лет и могли посещать его до 14-летнего возраста. Сад располагал классами, в которых обучали глухонемых, глухих, косноязычных, заик и детей с остатками слуха. Он мог единовременно принять не более двух десятков питомцев. В 1904 г. в нем призревались лишь 14 воспитанников[867].

Призрение Попечительством о глухонемых взрослых заключалось, главным образом, в трудовом обучении и трудовой помощи. Для этого в Петербурге в 1899 г. были организованы мастерские, состоявшие из трех отделений: столярного, токарного и переплетного. Их целью – обучение глухонемых доступным ремеслам и предоставление работы. Обучавшиеся находились на полном обеспечении Попечительства. Приходящие пользовались помощью только в рабочее время. В течение 1904 г. в мастерских прошли обучение 24 пансионера и работали 11 приходящих. За этот период реализовали изготовленной учениками и работниками продукции на сумму 7,5 тыс. руб.[868]. По своему организационному устройству и назначению мастерские для глухонемых в Петербурге были сходны с действовавшими в северной столице мастерскими для взрослых слепых имени К. К. Грота. В столице работало и медицинское учреждение для оказания помощи глухонемым – амбулатория, открытая в 1901 г. в ней лечили страдавших болезнями органов слуха и расстройством речи. За 1905 г. амбулатория оказала помощь 1237 больным[869].

Из заведений, располагавшихся в Петербургской губернии, наиболее крупным была колония глухонемых, располагавшаяся в местечке Мурзинка по Шлиссельбургскому тракту. В отличие от отдельных заведений, оказывавших узкоспециализированную помощь, Мурзинская колония представляла собой комплекс учебно-воспитательных и производственных учреждений для призрения глухонемых. Она объединяла Мариинскую школу, школу-ферму, мастерские, учебную прачечную и больницу. В Мариинской школе, предназначавшейся для наиболее способных к обучению детей, воспитанники осваивали «устную» речь и общеобразовательные предметы. С теми из учащихся, у которых обнаруживался хоть какой-нибудь слух, занимались специальными упражнениями, «…чтобы учащиеся сделались способными воспринимать сказанное им не только при помощи зрения, но и через ухо»[870]. Для этого же применялись упражнения с использованием музыки. В школе изучались основы ремесел, доступных глухонемым. Ученики младшего возраста осваивали переплетное дело. Воспитанники старших возрастов

обучались в мастерских столярному, токарному и сапожному ремеслам.

Воспитанницы осваивали рукоделие и ткацкое ремесло. Для общего и профессионального обучения менее способных глухонемых женского пола предназначались школа-ферма и учебная прачечная. Воспитанницы этих заведений осваивали лишь речь и счет по мимическому способу. На 1 января 1905 г. в Мариинской школе обучались 135 человек, в мастерских работали 97. В школе-ферме обучались 37 воспитанниц, в учебной прачечной – 19[871]. Таким образом, в Мурзинской колонии могли единовременно призреваться немногим более полутораста человек. В Петербургской губернии существовали и другие заведения для призрения глухонемых. В Сестрорецке располагалась мужская школа-интернат для больных и малоспособных к обучению детей. Главное внимание в ней уделялось освоению столярного и сапожного ремесел, а также огородничеству и садоводству. Подобное назначение имела и школа для девочек, располагавшаяся в местечке смолка неподалеку от Нарвы. Ее воспитанницы занимались преимущественно рукоделиями. Общеобразовательные программы обеих школ ограничивались законом божьим, обучением письму, «устной» речи, четырем действиям арифметики.

Училище для глухонемых детей под покровительством вдовствующей императрицы Марии Федоровны. На уроке сапожного мастерства. 1890-е гг.

Деятельность Попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых не ограничивалась Петербургом и столичной губернией. Подобно Попечительству о слепых, оно имело отделы в других губерниях. В 1905 г. действовали 14 отделов – Александровский в городе Александровск Екатеринославской губернии, Донской в Новочеркасске, Калужский, Киевский, Костромской в городе Юрьевец Костромской губернии, Московский, Одесский, Полтавский, Смоленский, Тифлисский, Тульский, Уфимский, Харьковский, Черниговский. Большинство отделов располагало учебно-воспитательными заведениями для общего и трудового обучения детей. Некоторые имели в своем составе богадельни. Количество глухонемых, призревавшихся отделами, обычно не превышало двух-трех десятков человек. Исключением был Московский отдел, имевший в своем составе приют для глухонемых девиц, школу, мастерскую живописи и иконописи и бухгалтерские курсы. Здесь единовременно пользовались призрением до 60 человек[872].

Общее число призревавшихся Попечительством императрицы о глухонемых было невелико. В 1905 г. в учебно-воспитательных и богаделенных учреждениях Петербурга и Петербургской губернии единовременно призревались 439 человек. Отделы Попечительства в губерниях призревали 310 человек. Всего, таким образом, в то время различным призрением воспользовались 749 глухонемых – взрослых и детей[873]. С учетом лиц с расстройством речи и слуха, принятых лечебницей для глухонемых в Петербурге, общее число призревавшихся Попечительством по состоянию на 1905 г. составляло не более 2000 человек. Не возросло оно и в последующие годы.

Столь скромный масштаб деятельности объясняется недостатком средств. В 1904 г. доход Попечительства составлял 150 251 руб. 25,5 коп., тогда как, например, доход Попечительства о слепых тогда же был 1 045 624 руб.[874]. Это было обусловлено тем, что власть не уделяла должного внимания Попечительству о глухонемых. Капиталы Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества формировались десятки лет, в том числе за счет крупных пожертвований монархов и членов императорской фамилии. Попечительство о слепых получило, как отмечалось, 1 млн руб., пожертвованных Александром II на благотворительные цели в память своей супруги императрицы Марии Александровны. Созданный в 1913 г. романовский комитет получил 1 млн руб. от Николая II.

Выделить Попечительству о глухонемых столь крупную сумму из казны или средств, находившихся в его личном распоряжении, император видимо не посчитал нужным. Таким

образом, исходной причиной того, что Попечительство о глухонемых не смогло развернуть масштабную деятельность, было отсутствие поддержки со стороны государства и императорской власти. Следует отметить, что оно стремилось обрести расположение лиц, облеченных высокой государственной властью. В 1900 г. император по докладу министра финансов С. Ю. Витте все-таки распорядился выделить из казны 75 тыс. руб. Попечительству для организации ремесленных мастерских в Петербурге. В том же году С. Ю. Витте избран почетным членом Попечительства. Однако для решения задач по призрению глухонемых требовалось гораздо больше денег.

«Попечительство, состоящее под августейшим покровительством, пока не имеет достаточных денежных средств, чтобы организовать необходимые дома призрения, убежища и школы»[875], – говорится в записке об итогах деятельности за 1898–1900 гг., составленной его председателем И. К. Мердером. Тем не менее, он полагал, что «с божьей помощью дело должно двинуться вперед, и при содействии просвещенных медиков удастся облегчить страдания от ушных болезней, а иногда и предупредить развитие глухоты»[876]. Как видно, руководство Попечительства четко представляло конкретные задачи деятельности своего ведомства, но «Божьей помощи» для этого было недостаточно. Не изменилось эта ситуация и в дальнейшем. В 1907 г. был опубликован сборник «общественное и частное призрение в России», в который вошла статья С. И. Уманца «Призрение глухонемых». Характеризуя деятельность Попечительства о глухонемых, автор признавал, что ему «…к сожалению, часто приходится, несмотря на всю энергию, бессильно отступать пред вопиющей нуждой в врачебной, воспитательной и учебной помощи и с грустью опускать руки, сознавая полную пока невозможность придти на помощь всем несчастным…»[877]. В публикации отмечалось, что вопрос о призрении глухонемых в России стоит «…доселе не на соответствующей его важности высоте»[878].

Тем не менее, создание Попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых было прогрессивным шагом на пути развития социальной политики в России. Впервые глухонемые начали призреваться как особая категория, требующая специализированной социальной и медицинской помощи. Получили развитие различные типы учреждений призрения и формы социальной поддержки этой части населения. Призрение взрослых глухонемых осуществлялось, главным образом, в форме трудовой помощи, считавшейся наиболее прогрессивной и широко внедрявшейся с конца XIX столетия в различных

ведомствах и учреждениях. Призрение детей и юношества объединяло общее и профессиональное трудовое обучение. Попечительство стало центром разработки учебно-методических материалов по призрению глухонемых. Действовавшая в составе Попечительства о глухонемых Мурзинская колония является примером того, что Попечительство, как и ведомство императрицы Марии в целом, стремилось идти по пути создания отраслевых многофункциональных комплексов призрения детей и юношества. Несмотря на трудности в работе и скромный масштаб деятельности, Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых до прихода к власти большевиков оставалось единственным ведомством, занимавшимся специализированным призрением глухонемых в России.

Специализированные благотворительные ведомства – Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых и Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых при отсутствии в России государственной политики в области призрения и здравоохранения по сути взяли на себя решение государственных задач по социальной и медицинской помощи слепым, больным глазными болезнями, глухонемым и глухим. При этом законодательно государственные обязанности на них не возлагались. Не оказывалась им и соответствовавшая их роли поддержка. Попечительства, как и другие благотворительные ведомства дома Романовых, до конца своего существования являлись общественными благотворительными организациями. За время своей деятельности они накопили солидный положительный опыт социальной и медицинской помощи, учебно-воспитательной, педагогической работы, связанной с призрением детей и юношества, а также трудового обучения слепых и глухонемых. Но организация призрения слепых и глухонемых с опорой только на общественные силы и средства не могла заменить государственной политики в этой области. Но деятельность названных ведомств свидетельствовала о перспективности взаимодействия власти и общества в этой сфере.

Заключение. Возрождение традиций

В конце XVIII – начале XIX в. российская благотворительность под покровительством дома Романовых приобретает организованный характер. Призванная служить демонстрацией заботы самодержавной власти о подданных, она в первой половине XIX столетия одновременно становится средством решения задач в сфере социальной помощи. К середине XIX в., в основном, завершилось становление двух крупнейших благотворительных структур призрения под покровительством императорской фамилии – Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества. Со второй половины XIX столетия благотворительность и призрение под покровительством Романовых существовали в изменившихся исторических условиях. Политическая система самодержавия оставалась прежней. Сохранялось и предназначение благотворительных ведомств демонстрировать заботу монархии о своих обездоленных подданных. Однако общественная жизнь существенно изменилась.

Вызванный реформами Александра II рост социальной активности нашел свое выражение и в благотворительности. Начало развиваться «альтернативное» призрение на благотворительной основе. Вопрос о «конкуренции» благотворительных структур дома Романовых с прочими обществами и учреждениями никем прямо не ставился. Но объективно эта ситуация заставляла власть думать о дальнейшем развитии благотворительности и призрения под высочайшим покровительством. Для этого имелись и другие причины. Развитие во второй половине XIX в. оппозиционного самодержавию движения делало еще более актуальным сохранение авторитета монархии, в том числе посредством благотворительности под ее покровительством. Чтобы поддерживать и развивать учреждения призрения ведомств дома Романовых, нужно было не только привлекать благотворительные пожертвования, но и модернизировать собственно эти учреждения. В первую очередь – заведений для призрения детей и юношества, структур, оказывавших помощь бедным в открытой форме.

Процессы реформирования учреждений призрения, входивших в ведомство императрицы Марии и Императорское Человеколюбивое общество, были довольно сложными и длительными. Тем не менее, созданные структуры и их подразделения выдержали проверку временем, показав свою

жизнеспособность. Сформировав в первой половине XIX столетия организационно-правовые основы своей деятельности, во второй половине века эти ведомства получили дальнейшее развитие, расширив число призреваемых. Это, в частности, сказалось на организации призрения детей и юношества, ставшим для Ведомства императрицы Марии во второй половине XIX столетия главным направлением деятельности. В составе этого ведомства была создана новая благотворительная структура под высочайшим покровительством – Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых, оказывавшее специализированную социальную и медицинскую помощь этой категории нуждающихся.

Вместе с тем в деятельности указанных ведомств имелись существенные недостатки. Развитие учреждений призрения сдерживалось нехваткой финансовых средств, формировавшихся, главным образом, за счет благотворительных пожертвований. Они были важным и перспективным источником получения денег для обеспечения повседневной деятельности, но только его было явно недостаточно, поскольку призрение развивалось, исходя не из потребностей общества, а благодаря лишь щедрости благотворителей. Другим недостатком было то, что нуждавшийся в призрении должен был просить о милости. Социальная помощь рассматривалась не как выполнение общественного долга перед нетрудоспособным либо неимущим, а как благодеяние. Для той эпохи такой подход был обычным, но это не делало его менее унизительным для просившего о помощи. Существенным минусом деятельности по призрению нуждающихся было отсутствие координации усилий ведомств дома Романовых с другими благотворительными организациями России. Все это были «врожденные» пороки существовавшего в то время призрения, свойственные не только учреждениям императрицы Марии и Человеколюбивого общества. Во второй половине XIX в. призрение все еще традиционно рассматривалось как оказание благотворительной помощи.

Обострение социальных проблем на рубеже XIX–XX вв., вызванное быстрой капиталистической модернизацией России, заставило власть вновь обратить внимание на вопросы социальной политики. В 1892 г. для разработки нового законодательства о призрении при Министерстве внутренних дел была создана комиссия под руководством К. К. Грота. Однако ее деятельность не привела к практическим результатам. Рассмотрев несколько проектов, члены комиссии не смогли выработать единый проект, а власть не проявила должной настойчивости, чтобы довести эту работу до конца.

В первом десятилетии XX в. инициативу в совершенствовании социальной поддержки неимущих слоев населения взяла на себя общественность. Два общероссийских форума, посвященных благотворительности и призрению, рассмотрели широкий круг проблем, но без участия государства общественность не могла осуществить модернизацию системы социальной помощи. Вступление России в Первую мировую войну заставило отложить этот вопрос на неопределенное время.

На рубеже XIX–XX столетий роль благотворительных ведомств под покровительством дома Романовых в общероссийском призрении возросла. Это выразилось как в существенном увеличении числа призреваемых, так и в создании новых структур. В конце XIX в. были созданы Попечительство о домах трудолюбия и работных домах и Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых. В первом десятилетии XX века возникли романовский комитет и Попечительство по охране материнства и младенчества. В начале XX столетия российские благотворительные организации под покровительством императорской фамилии оказывали помощь всем категориям нуждающихся в призрении, кроме душевнобольных, осуществляли призрение во всех известных тогда формах. Ведомство учреждений императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество, Попечительство о трудовой помощи располагали не имевшими аналогов крупными отраслевыми комплексами социальной помощи.

Организационно благотворительные ведомства и комитеты дома Романовых были самостоятельными и ревниво оберегали свою независимость. В то же время они широко привлекали общественность к решению задач социальной поддержки. Это выражалось как в благотворительных пожертвованиях, так и в привлечении общественности к управлению учреждениями призрения на местах. Фактически благотворительные структуры императорской фамилии решали общегосударственные задачи в области призрения. По своему особому положению, обусловленному поддержкой власти, организационно-управленческой структуре и масштабам деятельности они в большей степени, чем другие благотворительные организации империи, были близки к государственным учреждениям социальной помощи.

В начале Первой мировой войны были созданы Татьянинский и Ольгинский комитеты, которые помогали лицам, испытывавшим нужду по причинам, связанным с военными действиями. Все остальные благотворительные организации дома Романовых в военное время продолжали в полном объеме

выполнять взятые на себя в мирное время обязательства по призрению нуждающихся.

Возникшие в условиях самодержавного строя, ставшие одним из элементов системы государственных и общественных институтов российского абсолютизма благотворительные ведомства и комитеты дома Романовых, как единые организационные комплексы, продолжили свою деятельность и после свержения монархии в России, вплоть до установления Советской власти. Их жизнеспособность и востребованность были обусловлены не только и не столько покровительством власти, сколько способностью широко привлекать общественность к финансированию призрения и управлению им, гибкой системой стимулирования благотворения, огромным опытом работы и, самое главное, осознанным стремлением общества делать добро, являвшимся выражением лучших нравственных качеств нашего народа.

Для современной России вопрос о привлечении общественных сил и средств к решению социальных задач чрезвычайно актуален. Речь, разумеется, не идет о том, чтобы полностью копировать опыт деятельности ведомств и комитетов, созданных до революции. Российская благотворительность возрождается в иных исторических условиях. Современное законодательство о благотворительности, а именно Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-Фз «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (с изменениями от 21 марта, 25 июля 2002 г. и 4 июля 2003 г.), является приемлемой основой для взаимодействия государства и благотворителей.

Однако многое из опыта работы ведомств и комитетов под покровительством дома Романовых может быть востребовано и в наши дни. Чины и мундиры ушли в прошлое. Но почетные звания и должности благотворителей не выглядят анахронизмом. Как и в императорской России, они могут служить выражением признательности со стороны общества и государства. Оно может взять на себя право присваивать почетные звания за добрые дела, установив соответствующие критерии. Это способствовало бы определению правового статуса благотворителей с целью привлечения их к управлению не только общественными, но и государственными социальными, образовательными и культурно-просветительными учреждениями, которым они пожелали бы оказать помощь. Такой порядок представляется допустимым в тех случаях, когда благотворители не только желают знать, как расходуются их пожертвования, но имеют свои взгляды на то, как должны развиваться пользующиеся их покровительством

учреждения.

Положениями и уставами обществ и учреждений Ведомства императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества почетные благотворительные звания и должности присваивались, как правило, за крупные единовременные пожертвования, внесение регулярных периодических взносов или за другую помощь в течение длительного времени. Именно такая форма привлечения благотворителей, как регулярная помощь в различных видах, представляется наиболее целесообразной сегодня. Это, наряду с государственным финансированием, позволит прогнозировать развитие учреждений призрения.

В дореволюционной России имена щедрых жертвователей были широко известны, по крайней мере, в пределах уезда, города или губернии. О наиболее крупных пожертвованиях знала вся страна. В честь благотворителей назывались школы, училища, приюты, больницы, богадельни. Только в Петербурге в конце XIX столетия 7 из 23 приютов Ведомства императрицы Марии носили имена лиц, поддержкой которых пользовались. В составе ведомства и Человеколюбивого общества было несколько десятков «именных» приютов, школ и других учреждений призрения. Эта традиция также служила выражением признательности благотворителям со стороны власти и общества.

В старой России и, в частности, в благотворительных ведомствах дома Романовых, была распространена традиция именовать в честь жертвователей денежные капиталы, стипендии, пансионерские вакансии. Сумма «именного» взноса могла составлять всего несколько десятков или даже несколько рублей. Очевидно, что в этих случаях благотворитель не мог рассчитывать на широкую известность. Но возможность указать на свое участие в добром деле приносила моральное удовлетворение и подталкивала к новым пожертвованиям. Традиция эта заслуживает возрождения в наши дни.

В дореволюционной России благотворители нередко оговаривали конкретные условия пожертвований. Такой порядок был широко распространен в ведомствах и комитетах дома Романовых. Жертвователь имел право определять, в оказании какой именно социальной помощи, и в какой форме (деньгами, вещами, продуктами, недвижимостью и т. д.) ему участвовать. В некоторых случаях пожертвования обуславливались сословной, конфессиональной, социально-профессиональной принадлежностью лиц, которым адресовывались. Оговаривать пожертвования конфессиональной или социально-профессиональной принадлежностью нуждающегося в наши дни было бы анахронизмом. А вот право благотворителя точно

определять характер социальной помощи, порядок ее осуществления, вплоть до мельчайших деталей, вполне приемлемо.

В современной России благотворительность понимается, главным образом, как материальные пожертвования. До революции безвозмездный труд в учреждениях призрения также рассматривался как благотворительная деятельность. Этот опыт актуален и в наши дни. Эффективность благотворительной деятельности снижает бюрократизм в работе осуществляющих ее обществ и учреждений. Но полностью избежать его нельзя. Финансово-хозяйственная деятельность благотворительных структур, ведение документации, учет обращающихся за помощью, проверка их материального положения – все это требует определенной канцелярской работы. Свести ее отрицательные проявления к минимуму можно, привлекая к службе на добровольной и безвозмездной основе представителей общественности. Это успешно делалось благотворительными ведомствами и комитетами дома Романовых.

Поощряя благотворительность, государство, не вмешиваясь в нее непосредственно, имеет возможность ориентировать жертвователей на помощь в решении приоритетных социальных задач. При этом государственные органы на местном и федеральном уровне должны не только контролировать благотворительную деятельность с точки зрения соблюдения законов, но и координировать ее. Делать это следует не администрированием «сверху», а путем постоянного взаимодействия госорганов социальной защиты, властей регионального и федерального уровня с общественными организациями и частными лицами.

Очевидно, что ощутимую поддержку учреждениям призрения могут оказывать только лица, обладающие значительными состояниями. В современной России, как и в дореволюционной, к ним относятся крупные предприниматели. (состоятельные деятели культуры и искусства, серьезно занимающиеся благотворительностью, – не частое для современной России явление.) после политических перемен в нашем отечестве, происшедших в конце XX – начале XXI в., во власти и в обществе громче заговорили о социальной ответственности крупного российского бизнеса. При этом она трактуется весьма широко. Нередко утверждается, что предпринимателям следует заботиться о развитии спорта, культуры, науки в тех регионах, в которых они действуют, принимать участие в благоустройстве населенных пунктов и так далее. При этом не всегда уточняется, каким образом предприниматели должны это делать. Как

представляется, социальная ответственность бизнеса, в первую очередь, состоит в соблюдении законов и уплате налогов, из которых, собственно, поступают средства для осуществления государственной социальной политики. Напротив, неформальная помощь предпринимателей непосредственно властям выводит их отношения за правовые границы и, в конечном счете, служит целям, далеким от социальных проблем.

Время благотворительности наступает тогда, когда жертвователь выполняет предусмотренные законом обязанности перед государством. Подлинная благотворительность – более высокий уровень социальной ответственности. Она не должна служить непосредственным инструментом решения предпринимателями своих экономических и политических задач.

В настоящее время поощрение благотворительности и привлечение ее к решению социальных задач могут быть успешными только при наличии продуманной целенаправленной государственной политики в этой сфере. Управление организованным благотворением должно стать одним из направлений деятельности государства. Но это возможно только при условии, что само общество будет сознавать ответственность за решение социальных задач.

notes

Примечания

1

Полное собрание законов российской империи (Далее – ПСЗ). I. Т. 5. № 3006.

ПСЗ – I. Т. 5. № 3006.

3

Там же.

Св. зак. / изд. 1857. Т. 1. Ч. 1. Ст. 1.

Там же. Ст. 109.

См. подробнее: *Зимин И. В.* Царские деньги. М., 2011.

Св. зак. / изд. 1906. Т. 1. Ч. 1. Ст. 4.

Там же. Ст. 5.

Там же. Ст. 7.

10

Ерошкин Н. П. Смодержавие накануне краха: книга для учителей. М., 1975. С. 17.

11

Там же.

12

Литература Древней Руси. Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев; под ред. Д. С. Лихачева. М., 1990. С. 48.

13

Там же. С. 49.

Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 78.

Стоглав. СПб, 1997. С. 198.

16

Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. С. 79.

17

Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. Т. 3. С. 307.

18

Фроянов И. Я. Вступительное слово // Дом Романовых в истории России. Материалы к докладам 19–22 июня 1995. СПб, 1995. С. 7.

Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. 1992. № 4. С. 81.

20

Памятники русского права. Выпуск 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / Под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. С. 65.

Анисимов В. Е. Петр I: Рождение империи // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 3–4.

ПСЗ – I. Т. 5. № 4047.

23

Ильинский В. Благотворительность в России (история и настоящее положение). СПб, 1908. С. 11.

Там же. С. 13.

ПСЗ – I. Т. 16. № 11908.

ПСЗ – I. Т. 16. № 11901.

27

Там же. № 12130.

Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. С. 7.

29

Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I, А – Д: в 6-ти частях. СПб, 1806. Ч. 1. Стб. 226.

30

Словарь академии российской… Ч. 5, П – С. СПб, 1822. Ч. 5. Стб. 1142.

31

Об общественном призрении в России. Б.м., 1818. С. 1.

32

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А – З. С. 94.

33

Там же.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 3. П М., 1955. Т. 3. С. 414.

Благотворительность // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон: в 82-х т. СПб, 1891. Т. 4. С. 56.

Призрение общественное // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон: в 82-х т. СПб, 1898. Т. 25. С. 165.

37

Там же.

38

Призрение общественное // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон: в 82-х т. СПб, 1898. Т. 25. С. 165.

39

Там же.

Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. СПб, 1894. С. 82.

41

Там же.

42

Максимов Е. Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России (извлечения) // Антология социальной работы: в 5 т. Т. 1. История социальной политики в России. М., 1994. Т. 1. С. 28–29.

43

Ануфриев К. И. Основы обязательного призрения бедных // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г.: в 2-х т. Т. 1. Доклады и журналы заседаний. Пг., 1914. Т. 1. С. 194.

Там же.

45

Там же.

Благотворительность // Большая советская энциклопедия: в 51-ти т. / 2-е изд. М., 1950. Т. 5. С. 278.

47

Там же.

Там же. С. 279.

Словарь иностранных слов / 5-е изд. М., 1955. С. 733.

Степанец К. В. Николай I и ведомство учреждений императрицы Марии // Философский век. Альманах 6. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. СПб, 1998. С. 175.

Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 7.

Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 8.

53

Лачаева М. Ю., Наумова Р. Г. Благотворительность // Отечественная история: энциклопедия: в 5-ти т. Т. 1.: А – Д: / редкол. В. Л. Янин (гл. ред.) и др. М., 1994. Т. 1. С. 240.

Там же.

Афанасьев В. Г., Соколов А. Р. Благотворительность в России: историографические аспекты проблемы: учебно-методическая работа. СПб, 1998. С. 15.

Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-е–1914 гг.: автореф. дисс… канд. ист. Наук: 07.00.02 отечественная история. М., 1995. С. 3.

Там же.

Некрасов А. Я. Благотворительность // Социальная энциклопедия / Редкол. А. П. Горкин, Г. Н. Карелова, Е. Д. Катульский и др. М., 2000. С. 45.

Некрасов А. Я. Благотворительность // Социальная энциклопедия / Редкол. А. П. Горкин, Г. Н. Карелова, Е. Д. Катульский и др. М., 2000. С. 45.

Там же.

61

Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-Фз «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14.08.95 г., № 33. Ст. 3334.

Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-Фз «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14.08.95 г., № 33. Ст. 3334.

63

Там же.

Некрасов А. Я. Благотворительность // Социальная энциклопедия. С. 45.

65

Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии: в 3-х т. Т. 1. 1884. СПб, 1884. Т. 1.С. X.

Там же. С. XI.

Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. Пг., 1915. С. 16.

Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. 1. С. XI, 789.

69

Отчет Санкт-Петербургского совета детских приютов за 1865 г. // Всеподданнейший отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за XXV лет с 16 мая 1837 по 16 мая 1862 г. (отчеты 1862–1879 гг.). СПб, 1862–1879.

70

Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения: в 3-х т. Пг., 1915. Т. 1–2. С. 392.

71

Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. 1. С. 779.

Троицкий В. Д. Краткий исторический очерк и современное состояние благотворительной деятельности Императорского Человеколюбивого общества // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб, 1910. С. 451–452, 454–455.

73

Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. С. 17.

Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна (1759–1828). Ее биография. СПб, 1897. Т. I. С. 34.

Там же. С. 313.

Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 105–106.

Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 120.

Выскочков Л. В. Император Николай I: Человек и государь. СПб, 2001. С. 470.

Lindenmeyr A. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990. P. 17.

80

Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения: в 3-х т. Пг., 1915. Т. 3. С. 170.

Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева / Сост., подг. текста и примеч. Л. И. Шохина. М., 2001. С. 604.

82

Там же.

83

Всеподданнейший отчет за десятилетие (1890–1900) управления ведомством учреждений императрицы Марии. СПб, 1900. С. 2.

84

РГИА. Ф. 1106. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

85

Стерлигова А. В. Воспоминания институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. М., 2001. С. 113.

Папков А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. СПб, 1885. С. 125.

Анненкова Э. А., Голикова Ю. П. Русские Ольденбургские и их дворцы. СПб, 1997. С. 126.

Папков А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. С. 125.

Там же.

Яковлева Е. Б. Благотворительная деятельность семьи Ольденбургских в России в XIX в. // Немцы и развитие образования в России. СПб, 1998. С. 182.

91

Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 267.

Стоюнина М. Н. Воспоминания. Публ. Б. Н. Лосского // Минувшее: исторический альманах. 7. М., 1992. С. 384–385.

93

Там же.

Стоюнина М. Н. Воспоминания. Публ. Б. Н. Лосского // Минувшее: исторический альманах. 7. М., 1992. С. 380.

Там же.

Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. Сочинение автора «Современной России». Второе издание. СПб, 1891. С. 245.

Там же. С. 249.

Наставления для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб, 1852. С. 12.

Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 281.

100

Витте С. Ю. Воспоминания: в 3-х т. М., 1960. Т. 1. С. 161.

101

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 564.

Там же. С. 568.

103

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3888. № 69. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1773 г.

104

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3890. № 79 Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1775 г.

105

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3891 Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1776 г.

106

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 244.

107

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 44 // Письма об августейших сыновьях Императора Александра II писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к Его Величеству в бытность его наследником Цесаревичем.

108

Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. М., 1966. С. 198.

109

Воспоминания бывшей камер-юнгферы Императрицы Марии Александровны // Русские императоры, немецкие принцессы. Династические связи, человеческие судьбы. М., 2002. С. 308.

110

Цит. по: *Моренец Н. И.* Шевченко в Петербурге. Л., 1960. С. 37.

111

РГИА. Ф.515. Оп. 1 (120/2322). Д. 142. Л. 53.

112

РГИА. Ф. 541. Оп. 1. Д. 30. Л. 87.

113

РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 865. Л. 56.

114

РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.

115

Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. М., 1966. С. 206.

116

РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 8. Л. 167 // Денежные документы по расходу и приходу сумм его императорского величества за 1896 г.

117

РГИА. Ф. 525. Оп. 1(197/2685). Д. 104. Л. 35 // О пострадавших на Ходынском поле во время народного праздника 18 мая 1896 г. и О пожертвовании на приют сирот пострадавших. 21 мая 1896 г.

118

РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 8. Л. 197 // Денежные документы по расходу и приходу сумм его императорского величества за 1896 г.

119

Зимин И. В., Журавлев А. А. СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова: Этапы большого пути. Возникновение женского медицинского образования в России и создание женского медицинского института (XVIII – начало XX вв.). СПб, 2012. С. 110.

120

РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 2. Л. 1 // Бухгалтерская книга по суммам его императорского величества. 1904.

121

Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: воспоминания. Дневники. СПб, 1994. С. 299.

122

Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: воспоминания. Дневники. СПб, 1994. С. 300.

123

Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: воспоминания. Дневники. СПб, 1994. С. 299.

124

РГИА. Ф. 525. Оп. 3(3\2). Д. 190\591. Л. 1 об. // Заграничные капиталы. 1905.

125

РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (202а). Д. 34(9). Л. 1 О сооружении ортопедического института в С.-Петербурге. Переписка с доктором К. Х. Хорн и его супругой.

126

РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (2022690). Д. 117. Л. 404 Брошюры, газеты и рисунки в газетах, относящиеся к ортопедическому институту.

127

РГИА. Ф. 525. Оп. 1(202а). Д. 34(9). Л. 43 об. О сооружении ортопедического института в С.-Петербурге. Переписка с доктором К. Х. Хорн и его супругой.

Королевский ортопедический госпиталь на 50 кроватей (с 1838 г.); Ситейский госпиталь на 50 кроватей; национальный госпиталь на 60 кроватей.

129

РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (202а). Д. 34(9). Л. 10 О сооружении ортопедического института в С.-Петербурге. Переписка с доктором К. Х. Хорн и его супругой.

130

В конце 1912 г. ортопедический институт передали в ведение Министерства народного просвещения. В письме от 31 декабря 1912 г. начальник канцелярии императрицы граф Я. Н. Ростовцов пишет: «Ее Императорское Величество изволила признать передачу ортопедического института в ведение Министерства народного просвещения весьма желательною, но при том условии, чтобы институт сохранил свой характер ортопедического научно-врачебного учреждения и чтобы содержание его было увеличено до 23 000 рублей, т. е. соответствовало бы смете, первоначально определенной при представлении проекта об его учреждении, без чего он не может правильно функционировать».

131

ПСЗРИ. 3 изд. Т. 26. № 27861. Положение об ортопедическом институте в С.-Петербурге. 26 апреля 1906 г.

Директор, старший ассистент, три младших ассистента и два консультанта. Средний медперсонал определен также в 7 единиц. Руководящий хозяйственный состав включал механика, мастера, заведующего хозяйственной частью, экономку (она же кастелянша) и делопроизводителя (он же казначей и бухгалтер). Всем перечисленным лицам, кроме старшего ассистента и консультантов, предоставлялось жилье при институте.

133

РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (202а). Д. 34(9). Л. 31 О сооружении ортопедического института в С.-Петербурге. Переписка с доктором К. Х. Хорн и его супругой.

134

РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (202а). Д. 34(9). Л. 36 О сооружении ортопедического института в С.-Петербурге. Переписка с доктором К. Х. Хорн и его супругой.

135

Танеева А. А. Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. Авт. – сост. Ю. Ю. Рассулин. СПб, 2005. С. 43.

136

Отчет о приходе и расходе денежных сумм, поступивших в распоряжение Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны на нужды войны за 1914 г. Пг., 1915. С. 12.

137

О пожертвованиях // Вестник Красного Креста 1915. № 5. С. 2143.

138

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. V. Царствование Государя Императора Николая второго. Кн. 2. С 10 ноября 1894 по 31 декабря 1897. СПб, 1908. Т. 5. С. 610.

139

ПСЗ – II. Т. 3. № 2379.

140

Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.: в 4 т. Т. I. Высшие государственные учреждения. СПб, 1998. Т. 1. С. 166.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 149.

Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX вв. СПб, 1999. С. 78.

143

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. С. 149.

144

Высшие и центральные государственные учреждения дореволюционной России. 1801–1917 гг. Т. 1. С. 147.

145

Список почетных опекунов опекунского совета учреждений императрицы Марии (составлен в порядке старшинства чинов по 15 ноября 1896 г.). СПб, 1896. С. 2–14.

146

Устав опекунского совета учреждений императрицы Марии. СПб, 1905. С. 3.

ПСЗ – I. Т. 3. № 2491.

ПСЗ – II. Т. 8. Ч. I. № 6206.

149

Там же.

150

Шумигорский Е. С. Императорское женское патриотическое общество (1812–1912). СПб, 1912. С. 70.

151

Основные начала для деятельности Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых и правила деятельности Киевского отделения Попечительства. Киев, 1904. С. 3.

152

Положение о состоящем под августейшим покровительством их императорских величеств Попечительстве государыни императрицы Марии Федоровны и глухонемых. Саратов, 1909. С. 1.

153

Расписание классных должностей по Ведомству учреждений императрицы Марии. Ч. 3 // Общее расписание классных должностей в Империи: в 4 т. СПб, 1905. Т. 3. С. 2–105.

ПСЗ – I. Т. 27. № 20266.

155

Календарь Императорского Человеколюбивого общества. 1902. Год столетнего юбилея. СПб, 1902. С. 55–59.

156

Расписание классных должностей по ведомству Императорского Человеколюбивого общества. Ч. 4 // Общее расписание классных должностей в империи. Т. 3. С. 1–94.

157

Св. зак. / изд. 1857. Т. 3. Ст. 3–5.

Там же. Ст. 3.

Там же. Ст. 4.

160

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. I V. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. 3. 1891–1894. СПб, 1898. Т. 4. Кн. 3. С. 543.

161

Положение о форменной одежде для чинов Ведомства учреждений императрицы Марии (высочайше утвержденное 8 августа 1896 года). СПб, 1896. С. 3–4.

162

Описание и правила ношения форменной одежды для лиц, состоящих в ведомстве Императорского Человеколюбивого общества. СПб, 1905. С. 3.

163

Св. зак. / Изд. 1892. Т. 1, Ч. 1. Ст. 19.

ПСЗ – II. Т. 3. № 2511.

165

Скродзский Н. Я. Сборник сведений о знаках благотворительных обществ. СПб, 1913. С. 42.

Там же. С. 45.

167

Скродзский Н. Я. Сборник сведений о знаках благотворительных обществ. С. 51.

168

Скродзский Н. Я. Сборник сведений о знаках благотворительных обществ. С. 78.

169

Очерк деятельности Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий со дня основания по 1 января 1916 г. Пг., 1915. С. 25.

170

Правила о дипломах и жетонах Комитета ее императорского величества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий // Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г.: в 2 т. Т. 2. Пг., 1916. С. 235.

171

Там же.

Там же. С. 237.

173

Скродзский Н. Я. Сборник сведений о знаках благотворительных обществ. С. 82.

Там же.

175

Ди-Сеньи Н. К. К вопросу о пересмотре действовавшего законодательства об общественном призрении (обзор законопроектов об организации призрения бедных) // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб, 1910. С. 126–127.

Там же. С. 127.

177

Там же. С. 128.

178

Ди-Сеньи Н. К. К вопросу о пересмотре действовавшего законодательства об общественном призрении (Обзор законопроектов об организации призрения бедных) // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб, 1910. С. 130.

Там же. С. 130–131.

180

Одел рукописей российской национальной библиотеки (Далее – ОР РНБ). Ф. 1029. Е. Д. Максимов. Д. 24. С. 81.

181

См.: *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской Империи, XIX – начало XX века. М., 2005. С. 173–174.

182

См.: Там же. С. 174.

183

Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской Империи, XIX – начало XX века. С. 177.

184

Гогель С. К. Всероссийский съезд учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб, 1910. С. 1.

185

Там же. С. 1–2.

186

Устав Всероссийского съезда учреждений, обществ и деятелей по и частному призрению // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. С. 10.

187

Гогель С. К. Всероссийский съезд учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. С. 2.

188

Там же.

189

Там же.

190

Резолюции Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. С. 206.

191

Ракеев Г. Ф. О постановке профессионального образования в благотворительно-воспитательных заведениях // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. С. 258.

192

РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 1703. Л. 1.

193

Там же. Л. 3.

Там же.

195

РГИА. Ф. 759. Оп. 2. Д. 856. Л. 1.

196

РГИА. Ф. 759. Оп. 2. Д. 856. Л. 17–17 об..

197

Гогель С. К. О задачах съезда // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 1. Доклады и журналы заседаний. Пг., 1914. С. 30.

198

Там же.

199

Приветствия // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 1. С. 37.

200

Там же.

201

Общее собрание 16 мая 1914 г. // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 1. С. 723–724.

Там же. С. 724.

203

РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2354. Л. 3.

Там же. Л. 50.

205

РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2354. Л.57.

Там же. Л. 25.

207

РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2343. Л. 1.

Там же. Л. 2.

209

РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2354. Л. 17 об.

Там же. Л. 18.

Там же. Л. 18 об.

Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1917. Отд. 1. № 119, ст. 645.

213

РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2351. Л. 222 об.

Там же. Л. 94.

215

РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2348. Л. 24.

216

РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2374. Л. 3.

Фрайман А. Л. Форпост социалистической революции. Петроград в первые месяцы Советской власти. Л., 1969. С. 362.

218

Там же.

219

Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГА СПб). Ф. 2815. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

220

Там же.

221

Морозова Т. Г. В институте благородных девиц // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 475.

Л. Л-ва. Очерки жизни в Киеве в 1919–20 гг. // Архив русской революции: в 22-х т. М., 1991. Т. 4. С. 219.

223

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 1184. Л. 3.

Там же. Л. 30.

225

Трудовая помощь. 1918. № 7. С. 92.

226

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГИА СПб). Ф. 261. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.

227

ЦГИА СПб Ф. 261. Оп. 1. Д. 151. Л. 7.

228

Там же.

229

Там же. Л. 1.

230

См.: ЦГА СПб Ф. 142. Оп. 1. Д. 21. Л. 13–13 об.

Благотворительность в России. СПб, 1907. Т. I. С. XXIX.

Ведомство учреждений Императрицы Марии // Благотворительность в России. СПб, 1907. Т. I. С. 10.

Благотворительность в России. Т. I. С. ILVII.

Там же.

235

Ведомство учреждений Императрицы Марии // Благотворительность в России. Т. I. С. 6.

Императорское Человеколюбивое общество // Благотворительность в России. Т. I. С. 60.

237

Попечительство о домах трудолюбия и работных домах // Благотворительность в России. Т. I. С. 46.

238

ОР РНБ. Ф. 1029 Д. 24. Л. 190.

239

Там же. Л. 240, 344.

Максимов Е. Д. Практическая и законодательная постановка мер общественного призрения // Русское богатство. 1896. № 10. С. 20.

241

Там же.

242

Там же.

243

Ведомство учреждений Императрицы Марии; Попечительство о домах трудолюбия и работных домах; Императорское Человеколюбивое общество // Благотворительность в России. Т. I. С. 6–60.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 3. К – Н: в 6-ти ч. СПб, 1814. Ч. 3. Стб. 1405.

245

Там же. Стб. 1321.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 2. И – О. М., 1955. С. 520.

247

Там же.

Там же.

Стоглав. СПб, 1997. С. 198.

250

Там же.

Пыляев М. И. Старое житье. СПб, 2000. С. 321.

Термен С. Э. Призрение несчастнорожденных в России. С. 4.

253

Там же.

ПСЗ – I. Т. 3. № 6213.

255

Там же.

Там же.

257

Там же.

ПСЗ – I. Т. 5. № 3708.

259

Там же.

Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 8. История России с древнейших времен. М., 1993. С. 496.

261

Св. зак. / Изд. 1915. Т. 13. Ст. 42.

Св. зак. / Изд. 1915. Т. 13. Ст. 42.

263

Десятилетие комитета, высочайше утвержденного для разбора и призрения нищих в Санкт-Петербурге. СПб, 1847. С. 2.

Там же. С. 3.

265

Там же.

Там же.

267

ПСЗ – II. Т. 16. Отд. 2. № 15002.

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1974. Т. 3. С. 505.

Соловьев Ю. Б. Франко-русский союз в его финансовом аспекте (1896–1900 гг.) // Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1961. М., 1962. С. 163.

ПСЗ – II. Т. 16. Отд. 2. № 15002.

ПСЗ – II. Т. 33. Отд. 1. № 32834.

ПСЗ – II. Т. 16. Отд. 2. № 15002.

Там же.

275

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1867, 1868 и 1869 гг. СПб, 1871. С. 22–23.

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1874, 1875 и 1876 гг. СПб, 1877. С. 70.

Там же. С. 70–71.

278

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1874, 1875 и 1876 гг. С. 70.

Там же. С. 75–76.

Там же. С. 74–75.

281

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1874, 1875 и 1876 гг. С. 75.

282

Там же.

283

Там же.

284

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1874, 1875 и 1876 гг. С. 76.

285

Там же. С. 78.

Там же.

287

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 280. Л. 7 об.–8.

288

Отчет Общества для снабжения бедных одеждою. С 1 сент. 1875 по 1 апр. 1876. СПб, 1876. С. 1.

289

Там же.

290

Отчет Общества для снабжения бедных одеждою. С 1 сент. 1867 по 1 сент. 1868. СПб, 1868. С. 3.

291

Отчет Общества для снабжения бедных одеждою. С 1 сент. 1882 по 1 апр. 1883. СПб, 1883. С. 2.

292

Отчет Общества для снабжения бедных одеждою. С 1 сент. 1867 по 1 сент. 1868. С. 1.

293

Отчет Общества для снабжения бедных одеждою. С 1 сент. 1875 по 1 апр. 1876. СПб, 1876. С. 1.

294

Отчет Общества для снабжения бедных одеждою. С 1 сент. 1882 по 1 апр. 1883. С. 1.

295

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 280. Л. 29–30.

296

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1874, 1875 и 1876 гг. С. 65.

297

Троицкий В. Исторический очерк совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. СПб, 1898. С. 167.

Там же. С. 143.

299

Всеподданнейший отчет Императорского Человеколюбивого общества за 1855 г. СПб, 1856. С. 31.

300

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1874, 1875 и 1876 гг. С. 56.

301

Там же. С. 61.

302

Троицкий В. Исторический очерк совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. С. 151.

303

Устав убежища и дешевых квартир действительного статского советника Михаила и Елизаветы Петровых. СПб, 1890. С. 10.

Жерихина Е. И. Санкт-Петербургский Вдовий дом // Императрица Мария Федоровна. Личность. События. Коллекции. Краткое содержание докладов IV научной конференции «Павловские чтения». СПб, 1999. С. 30.

305

Там же.

Грекова Т. И., Голиков Ю. П. Медицинский Петербург. Очерки, адресованные врачам и их пациентам. СПб, 2001. С. 355.

307

Двадцатипятилетие Демидовского дома трудящихся в Санкт-Петербурге 19 марта 1858 г. СПб, 1858. С. 23.

308

Двадцатипятилетие Демидовского дома трудящихся в Санкт-Петербурге 19 марта 1858 г. СПб, 1858. С. 23.

309

Там же.

Там же. С. 18–22.

Приложения // *Селезнев И. Я.* Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством. СПб, 1878. С. 109–112.

312

Краткий очерк Санкт-Петербургских градских богаделен за сто лет их существования. 1781–1881. СПб, 1881. С. 67, 73.

313

Там же. С. 74.

314

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. I V. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. 2. 1886–1890. СПб, 1896. Т. 4. С. 19.

315

Там же.

Там же. С. 20.

317

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. I V. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. I. С 1 марта 1881 по 31 декабря 1885 г. СПб, 1895. Т. 4. С. 471.

Там же. С. 191–192.

319

Там же. С. 192.

Там же. С. 193.

321

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. I V. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. I. С 1 марта 1881 по 31 декабря 1885 г. Т. 4. С. 193.

322

Селезнев Н. Я. Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством. С. 426.

323

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. I V. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. I. С 1 марта 1881 по 31 декабря 1885 г. Т. 4. С. 456.

Там же.

325

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. I V. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. 2. 1886–1890. Т. 4. С. 190.

Юкина И. И., Гусева Ю. Е. Женский Петербург: Опыт историко-краеведческого путеводителя. СПб, 2004. С. 73.

327

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. I V. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. 2. 1886–1890. Т. 4. С. 584.

Там же.

329

Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве. СПб, 1899. С. 6.

Там же.

331

Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве. С. 28–29.

Там же.

Там же. С. 12.

334

Подсчитано автором по кн.: *Троицкий В.* Исторический очерк Совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. СПб, 1898.

335

Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве. С. 5–6.

Троицкий В. Указ. соч. С. 185.

Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Л., 1991. С. 107.

Там же. С. 104.

339

Там же. С. 244.

Шмелев И. Рождество в Москве // Родина. 1995. № 1. С. 12.

Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 79.

342

Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве. С. 24.

343

Там же.

344

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 806. Л. 24 об.

345

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 806. Л. 24 об.

Там же.

347

Там же.

Там же. Л. 38.

349

Там же.

350

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 806. Л. 38 об.

351

Там же.

352

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 806. Л. 38 об.

353

Там же.

Там же. Л. 33.

Там же. Л. 26.

356

Призрение и благотворительность в России. 1913. № 1. С. 7.

357

Всеподданнейший отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1900 г. СПб, 1902. С. 3.

358

Речь пред молебствием при открытии морского благотворительного общества, сказанная настоятелем Санкт-Петербургского адмиралтейского собора протоиереем Д. И. Поповицким. СПб, 1894. С. 1.

359

Там же. С. 2.

360

Устав Морского благотворительного общества. СПб, 1891. С. 1.

Там же. С. 2.

Там же. С. 3.

363

Отчет Морского благотворительного общества за 1893 год. СПб, 1894. С. 7.

Там же.

Там же. С. 6.

Там же.

367

Отчет Морского благотворительного общества за 1893 год. С. 7.

Там же.

Там же. С. 6–7.

370

Отчет Морского благотворительного общества, состоящего под августейшим покровительством ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны, за 1894 год. Спб, 1895. С. 6.

371

Отчет Морского благотворительного общества, состоящего под августейшим покровительством ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны, за 1894 год. Спб, 1895. С. 11.

Там же.

373

Отчет Морского благотворительного общества, состоящего под августейшим покровительством ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны, за 1911 год. СПб, 1912. С. 26–27, 36.

Там же. С. 18–21.

375

Отчет Морского благотворительного общества, состоящего под августейшим покровительством ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны, за 1911 год. С. 7.

Там же.

377

Отчет за 1912 г. состоящего под августейшим покровительством и личным председательством ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны Ксенинского Общества попечения о детях тружеников судоходства и воздухоплавания. СПб, 1913. С. 6.

Троицкий В. Исторический очерк совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. С. 184.

379

Календарь Императорского Человеколюбивого общества. 1902 год. Год столетнего юбилея. С. 121.

380

История СССР. 1861–1917. Учебник для студентов пед. ин-тов по спец. «История» / Под ред. В. Г. Тюкавкина. М., 1989. С. 212.

381

Камшицкий В. Безработица в СССР // Малая Советская энциклопедия: в 10 т. М., 1928. Т. 1. Стб. 633.

Кузнецов И. В. История СССР. Эпоха капитализма (1861–1917 гг.): Пособие для учителей. М., 1971. С. 244.

Максимов Е. Д. Трудовая помощь в России // Общественное и частное призрение в России. СПб, 1907. С. 127.

Там же.

385

Там же.

Там же.

387

Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. СПб, 1915. С. 73.

Там же. С. 73–74.

389

Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. М., 1991. С. 415.

390

Великий Князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М., 1991. С. 141.

391

Мосолов А. А. При дворе последнего Императора. Записки начальника канцелярии Министра Двора. СПб, 1992. С. 91.

Там же. С. 92.

393

Положение о состоящем под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительстве о домах трудолюбия и работных домах // Краткие сведения по состоящему под августейшим покровительством ее величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительству о домах трудолюбия и работных домах. 1-е января 1899 г. СПб, 1899. С. 62.

Там же.

395

Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. С. 5.

Положение о состоящем… // Краткие сведения… С. 62–63.

Там же. С. 66.

Положение о состоящем… // Краткие сведения… С. 66.

399

Там же. С. 64.

400

Герье В. И. Что такое дома трудолюбия // Трудовая помощь. 1897. № 1. С. 43.

401

Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. С. 7.

Герье В. И. Что такое дома трудолюбия. С. 41.

403

Там же. С. 41–42.

Кони А. Ф. Задачи трудовой помощи. Письмо редактору // Трудовая помощь. 1897. № 1. С. 47.

405

Правила учрежденного NN благотворительным обществом Дома трудолюбия // Краткие сведения по состоящему под августейшим покровительством ее величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительству о домах трудолюбия и работных домах. С. 110.

Там же.

407

См.: Краткие сведения по состоящему под августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны Попечительству о домах трудолюбия и работных домах. С. 47–56.

Там же.

409

Дом трудолюбия в Царском селе // Трудовая помощь. 1897. № 2. С. 174.

410

Там же

411

Дом трудолюбия в Царском селе // Трудовая помощь. 1897. № 2. С. 174.

412

Там же.

413

Там же. С. 175.

Там же.

415

Дом трудолюбия в новой Ладоге Петербургской губернии // Трудовая помощь. 1899. № 7. С. 217.

Там же.

417

Дом трудолюбия в новой Ладоге Петербургской губернии // Трудовая помощь. 1899. № 7. С. 217.

418

Там же.

419

Отчет правления Общества трудовой помощи образованным лицам в Санкт-Петербурге с 1 сентября 1908 по 1 сентября 1909 г. с приложением очерка деятельности названного общества за десятилетний период его существования (1899–1909 гг.). Спб, 1909. С. 4.

Там же. С. 5.

421

Отчет правления Общества трудовой помощи образованным лицам в Санкт-Петербурге с 1 сентября 1908 по 1 сентября 1909 г. с приложением очерка деятельности названного общества за десятилетний период его существования (1899–1909 гг.). С. 8.

422

Там же.

423

Там же. С. 11–12.

Там же. С. 11.

425

Отчет правления Общества трудовой помощи образованным лицам в Санкт-Петербурге с 1 сентября 1908 по 1 сентября 1909 г. с приложением очерка деятельности названного общества за десятилетний период его существования (1899–1909 гг.). С. 18.

Там же. С. 13.

427

Отчет правления Общества трудовой помощи образованным лицам в Санкт-Петербурге с 1 сентября 1908 по 1 сентября 1909 г. с приложением очерка деятельности названного общества за десятилетний период его существования (1899–1909 гг.). С. 18.

Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. С. 34.

429

Положение о Санкт-Петербургском Ольгинском детском приюте трудолюбия // Краткие сведения по состоящему под августейшим покровительством ее величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительству о домах трудолюбия и работных домах. С. 91.

Там же.

431

Положение о Санкт-Петербургском Ольгинском детском приюте трудолюбия // Краткие сведения по состоящему под августейшим покровительством ее величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительству о домах трудолюбия и работных домах. С. 94.

Там же.

Там же. С. 95.

Там же. С. 96.

435

Положение о Санкт-Петербургском Ольгинском детском приюте трудолюбия // Краткие сведения по состоящему под августейшим покровительством ее величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительству о домах трудолюбия и работных домах по 1 января 1899 года. СПб, 1899. С. 93.

436

Отчет совета Детского приюта трудолюбия Св. Ольги за 1898–1907 гг. СПб, 1908. С. 16.

437

Отчет о деятельности Санкт-Петербургского Ольгинского детского приюта в 1904 г. // Трудовая помощь. 1905. № 9. С. 541.

Там же. С. 545.

439

Там же. С. 544.

440

Некоторые итоги из деятельности учреждений трудовой помощи. СПб, 1913. С. 31, 33, 35.

441

Библиотека состоящего под августейшим покровительством ее величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. (Специальная библиотека по вопросам призрения бедных, благотворительности, трудовой помощи и о мероприятиях, направленных на улучшение условий труда и быта нуждающихся). СПб, 1902. С. 26.

Там же. С. 32.

Там же. С. 33.

Там же. С. 15.

445

Библиотека состоящего под августейшим покровительством ее величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. (Специальная библиотека по вопросам призрения бедных, благотворительности, трудовой помощи и о мероприятиях, направленных на улучшение условий труда и быта нуждающихся). С. 16.

Там же. С. 22.

Там же. С. 19.

Попечительство о трудовой помощи // Благотворительность в России. СПб, 1907. Т. 1. С. 47.

449

Там же.

450

Там же.

451

Там же.

452

Попечительство о трудовой помощи // Благотворительность в России. СПб, 1907. Т. 1. С. 47.

453

Там же.

Асташов А. Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отечественная история. 1992. № 6. С. 171.

Белецкий С. П. Воспоминания // Архив русской революции: в 22 т. М., 1991. Т. 12. С. 32.

456

Очерк деятельности Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий со дня основания до 1 января 1916 г. Пг., 1915. С. 3.

457

Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г.: в 2 т. Пг., 1916. Т. 1. С. 6.

458

Памятная книжка Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Издана к 3 мая 1915 г. Пг., 1915. С. 70.

459

Положение о Татьянинском комитете // Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г.: в 2 т. Пг., 1916. Т. 2. С. 233.

Там же. С. 233–234.

461

Положение о Татьянинском комитете // Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г.: в 2 т. Пг., 1916. Т. 2. С. 234.

Там же.

463

Памятная книжка Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Издана к 3 мая 1915 г. Пг., 1915. С. 63.

Там же.

Там же. С. 40.

466

Положение о Татьянинском комитете // Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г.: в 2 т. Пг., 1916. Т. 2. С. 234.

467

Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1–2. С. 538.

Там же.

469

Труды Второго всероссийского съезда представителей местных отделений всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны (Татьянинского). 16–19 апреля 1917 г. Пг., 1917. С. 28.

Очерк деятельности Комитета ее императорского величества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий со дня основания по 1 января 1916 г. С. 11.

С У. 1915. Отд. 1. № 242. Ст. 1842.

Там же.

473

Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г. Т. 2. С. 229.

Там же. С. 230.

Там же.

476

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГИА СПб). Ф. 161. Оп. 1. Д. 73. Л. 1 об.

477

ЦГИА СПб Ф. 261. Оп. 1. Д. 79. Л. 1 об.

478

Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г. Пг., 1916. Т. 1. С. 311.

479

Очерк деятельности Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной по мощи пострадавшим от военных бедствий со дня основания до 1 января 1916 г. С. 11.

480

ЦГИА СПб Ф. 261. Оп. 1 д. 73. Л. 6 об.

481

Там же.

482

Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г. Пг., 1916. Т. 1. С. 322.

483

Список организаций, ведающих делом помощи беженцам. (На 1 мая 1916 г.). Вып. 1. Европейская Россия. М., 1916. С. 87–94.

ЦГИА СПб Ф. 261. Оп. 2. Д. 73. Л. 44 об.

485

Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г. Пг., 1916. Т. 1. С. 320.

Там же. С. 84.

487

ЦГИА СПб Ф. 261. Оп. 1. Д. 73. Л. 7.

Там же. Л. 7–7 об.

489

Там же. Д. 73. Л. 7 об.

Там же. Д. 97. Л. 40.

491

Там же. Д. 73. Л. 6.

492

Особый отдел Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. Перепись беженцев в Петрограде. Пг., 1916. С. 17–18.

493

Там же. С. 18.

494

Очерк деятельности Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий со дня основания до 1 января 1916 г. С. 17.

495

Там же.

496

Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г. Пг., 1916. Т. 2. С. 280–285.

497

Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г. Пг., 1916. Т. 2. С. 280.

498

Всероссийский земский и городской союзы. Отдел по устройству беженцев. (Очерк деятельности). Б.м., Б.г. С. 1.

499

Всероссийский земский и городской союзы. Отдел по устройству беженцев. (Очерк деятельности). С. 7–8.

500

Там же.

501

Там же.

502

Там же.

503

Очерк деятельности Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий со дня основания по 1 января 1916 г. С. 21–22.

Там же. С. 22.

505

Очерк деятельности Особого отдела Комитета ее императорского величества княжны Татьяны Николаевны // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 8. Стб. 855.

506

Призрение и благотворительность в России. 1916. № 1, 2. Стб. 99–100.

507

Очерк деятельности Особого отдела Комитета ее императорского величества княжны Татьяны Николаевны // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 8. Стб. 849.

508

Очерк деятельности Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий со дня основания по 1 января 1916 г. С. 22.

509

Труды Второго всероссийского съезда представителей местных отделений всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны (Татьянинского). 16–19 апр. 1917 г. Пг., 1917. С. 32.

510

Там же.

511

Там же. С. 31.

512

Там же.

513

Там же.

514

Труды Второго всероссийского съезда представителей местных отделений всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны (Татьянинского). 16–19 апр. 1917 г. Пг., 1917. С. 1.

515

Там же. С. 4.

516

Там же.

517

Там же. С. 58.

Там же. С. 52.

519

Там же. С. 20.

520

Труды Второго всероссийского съезда представителей местных отделений всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны (Татьянинского). 16–19 апр. 1917 г. Пг., 1917. С. 20–21.

521

Там же. С. 28.

Там же. С. 30.

523

ЦГИА СПб Ф. 261. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.

Там же. Л. 7.

525

Там же. Л. 1.

526

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. (Далее – СУ). 1914. Отд. 1. № 224. Ст. 2239.

СУ. 1914. Отд. 1. № 224. Ст. 2239.

СУ. 1914. Отд. 1. № 224. Ст. 2239.

529

Особый Петроградский комитет, состоящий под почетным председательством ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 10. Стб. 1027–1028.

Там же. Стб. 1027–1028.

531

Там же. Стб. 1019.

Там же. Стб. 1021–1022.

533

ПСЗ. Собр. III. Т. XXXII. Отд. I. № 37507.

ПСЗ. Собр. III. Т. XXXII. Отд. I. № 37507.

535

Гогель С. К. Слабые стороны закона 25 июня 1912 г. о призрении нижних воинских чинов и их семейств // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 12. С. 7.

Там же. С. 7–8.

537

Особый Петроградский комитет ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1–2. С. 14.

538

Особый Петроградский комитет ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1–2. С. 14.

Там же. С. 15.

Там же. С. 16.

541

Особый Петроградский комитет, состоящий под почетным председательством ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 10. Стб. 1023.

542

Особый Петроградский комитет ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1–2. С. 17–18.

Там же. С. 19.

544

Особый Петроградский комитет, состоящий под почетным председательством ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 10. Стб. 1024–1025.

545

Особый Петроградский комитет, состоящий под почетным председательством ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 10. Стб. 1025.

Там же. Стб. 1027–1028.

547

Там же.

Возраст приема во многие учебно-воспитательные заведения колебался. Для женских институтов во второй половине XIX в. он составлял 8–9 лет, но в виде исключения могли зачисляться девицы и в возрасте 13 лет. На пансионерские вакансии иногда зачислялись лица более старшего возраста, чем на штатные. Например, в Санкт-Петербургское коммерческое училище на штатные вакансии принимались дети в возрасте 8–9 лет, а на пансионерские вакансии лица от 9 до 16 лет.

549

Селезнев И. Я. Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством. СПб, 1878. С. 65.

550

Очерк исторического развития и современного состояния императорских воспитательных домов // Труды съезда по общественному призрению созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Материалы: в 2 т. Т. 2. Пг., 1914. Т. 2. С. 155.

551

Там же.

Термен С. Э. Призрение несчастнорожденных в России. СПб, 1912. С. 8.

Термен С. Э. Призрение несчастнорожденных в России. С. 32.

Там же. С. 34.

555

Соколов А. Р. Благотворительность в России с древнейших времен до начала XX века. Каталог выставки. СПб, 2011. С. 35.

556

Очерк исторического развития и современного состояния Императорских воспитательных домов // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел. 11–16 мая 1914 г. Т. 2. С. 158–159.

557

Там же.

Термен С. Э. Призрение несчастнорожденных в России. С. 56.

559

Селезнев И. Я. Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством. С. 14.

Там же.

561

Там же. С. 15.

562

Очерк исторического развития и современного состояния Императорских воспитательных домов // Труды съезда по общественному призрению созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 2. С. 162.

563

Очерк исторического развития и современного состояния Императорских воспитательных домов // Труды съезда по общественному призрению созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 2. С. 164.

Там же. С. 164.

565

Историческая справка к вопросу о преобразовании воспитательных домов. СПб, 1889. С. 21.

566

Очерк исторического развития и современного состояния Императорских воспитательных домов // Труды съезда по общественному призрению созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 2. С. 165.

567

РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1197. Л. 53.

568

РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1197. Л. 3.

569

Там же. Л. 13.

Там же. Л. 3.

571

Там же.

Там же. Л. 13.

573

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. IV. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. I. С 1 марта 1881 по 31 декабря 1885 г. СПб, 1895. Т. 4. С. 358.

Двадцатипятилетие Демидовского дома трудящихся в Санкт-Петербурге. 19 марта 1858 г. СПб, 1858. С. 8.

Там же.

576

Всеподданнейший отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за XXV лет с 16 мая 1837 по 16 мая 1862 года. (Отчеты 1862–1879). СПб, 1862–1879. С. 7.

Там же. С. 10.

578

РГИА. Ф. 763. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

579

Там же. Л. 1–2.

580

Отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за 1866 г. // Всеподданнейший отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за XXV лет с 16 мая 1837 по 16 мая 1862 г. (Отчеты 1862–1879). СПб, 1862–1879. С. 9.

581

РГИА. Ф. 763. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–4.

582

Отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за 1866 г. // Всеподданнейший отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за XXV лет… С. 13–24.

583

Там же. С. 5.

584

Отчет Санкт-Петербургского совета детских приютов за 1881 г. СПб, 1882. С. 16.

585

РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1118. Л. 15 (об.) – 16.

586

РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1118. Л. 16.

Там же. Л. 15.

588

Воспоминания о Василии Федуловиче Громове. С его портретом. СПб, 1870. С. 12.

589

Воспоминания о Василии Федуловиче Громове. С его портретом. С. 15

Там же. С. 15–16.

591

Там же. С. 20.

592

Воспоминания о Василии Федуловиче Громове. С его портретом. С. 21.

593

Памятная книжка Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством в Санкт-Петербурге и его окрестностях (Испр. по 1 мая 1879 г.): В 2-х частях. СПб, 1879. Ч. 1. С. 129.

594

Всеподданнейший отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за XXV лет… С. 8.

Там же. С. 9.

Там же.

597

Отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за 1866 г. // Всеподданнейший отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за XXV лет… С. 8.

Там же. С. 4.

599

Отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за 1868 г. // Всеподданнейший отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за XXV лет… С. 5.

600

Отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за 1869 г. // Всеподданнейший отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за XXV лет… С. 2.

601

Отчет Морского благотворительного общества, состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества великой княгини Ксении Александровны, за 1894 г. СПб, 1895. С. 9.

602

Отчет Санкт-Петербургского совета детских приютов за 1880 г. СПб, 1881. С. 5.

603

Отчет Санкт-Петербургского совета детских приютов за 1881 г. С. 6.

604

Всеподданнейший отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за XXV лет… С. 8–10.

605

Отчет Санкт-Петербургского совета детских приютов за 1880 г. С. 5.

606

Детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии (1839–1889). К пятидесятилетию со времени издания Положения о детских приютах. 27.XII.1839. СПб, 1889. С. 39–63.

Там же. С. 390.

Там же. С. 391.

609

Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1874–1879 гг. СПб, 1881. С. 36–37; 42; 45; 157–172.

610

РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1197. Л. 3 (об.)

611

Там же. Л. 8 (об).

612

РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1197. Л. 8 (об).

613

Троицкий В. Исторический очерк совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. СПб, 1898. С. 84.

614

Там же.

615

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1874, 1875 и 1876 гг… СПб, 1877. С. 44.

616

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1866, 1867, 1868 и 1869 гг. СПб, 1871. С. 9.

617

Троицкий В. Исторический очерк совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. С. 97.

Там же. С. 101.

619

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1874, 1875 и 1876 годы. С. 14.

620

Троицкий В. Исторический очерк совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. С. 103.

621

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1874, 1875 и 1876 годы. С. 15.

622

Иванов А. Классики и реалисты. Кому открывались двери вузов сто лет назад // Родина. 2001. № 7. С. 66–67.

623

Троицкий В. Исторический очерк совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. С. 106–107.

Там же. С. 109.

Там же. С. 126–127.

626

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 796. Л. 30 (об) – 39.

627

Волков Н. П. Императорское Человеколюбивое общество. Очерк. Владикавказ, 1903. С. 20.

628

Троицкий В. Исторический очерк совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. С. 107–109.

629

Там же. С. 112.

630

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 280. Л. 36.

631

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 280. Л. 40 об.–41.

632

Там же.

633

Там же. Л. 40–41 об.

634

Там же.

635

Там же. Л. 36.

636

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 280. Л. 36.

637

Там же. Д. 246. Л. 3.

Там же. Л. 5.

639

РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 246. Л. 22.

640

Устав воспитания двух сот благородных девиц учрежденного ее величеством государыней императрицей Екатериной II самодержицей всероссийской матерью Отечества и прочая, и прочая, и прочая // Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк (1764–1913): В 3 т. Т. 3. Приложения. Пг., 1915. Т. 3. С. 27.

641

Там же. С. 41.

642

Устав воспитания двух сот благородных девиц учрежденного ее величеством государыней императрицей Екатериной II самодержицей всероссийской Матерью Отечества и прочая, и прочая, и прочая // Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк (1764–1913). Т. 3. С. 43.

643

Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк (1764–1913): В 3 т. СПб, 1914. Т. I. С. 77.

Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк (1764–1913). Т. I. С. 192.

Там же. С. 231.

Там же. С. 299.

Там же. С. 331.

Там же.

649

Повеление императрицы Марии Федоровны совету Воспитательного общества о новом плане учения 1815 г. // Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк (1764–1913). Т. 3. С. 218.

650

Составленный императрицей Марией Федоровной план учения для общества благородных девиц // Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк (1764–1913). Т. 3. С. 199.

651

Там же.

652

Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб, 2006. С. 320.

653

Шумигорский Е. С. Императорское женское Патриотическое общество (1812–1912). СПб, 1912. С. 13.

Там же. С. 51.

Там же. С. 51.

Там же. С. 24.

Там же. С. 39.

658

См.: Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. СПб, 1906. С. 95–101.

659

Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России: В 4-х кн. Кн. 3. 1828–1856. СПб, 1895. С. 14.

Там же. С. 8.

661

Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России: В 4-х кн. Кн. 2. (1796–1828). Время императрицы Марии Федоровны. СПб, 1893. С. 122.

662

Селезнев И. Я. Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством. С. 65.

663

Селезнев И. Я. Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством. С. 80.

664

Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб, 1852. С. 5–6.

Там же. С. 9.

666

РГИА. Ф. 761. Оп. 1. Д. 1353 Л. 14.

667

Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. С. 12.

668

Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии. Спб., 1855. С. 6.

669

Там же. С. 8.

Тютчева А. Ф. Воспоминания. М., 2002. С. 8.

671

Водовозова Е. Н. На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. М., 2001. С. 226.

Энгельгардт А. Н. Очерках институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. С. 135.

673

Фигнер Вера Николаевна // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь. М., 1989. Стб. 461.

Стоюнина М. Н. Воспоминания. Публ. Б. Н. Леского // Минувшее: Исторический альманах. 7. М., 1992. С. 385.

675

Водовозова Е. Н. На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. С. 308.

Там же. С. 314.

677

Стерлигова А. В. Воспоминания // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. С. 92.

Водовозова Е. Н. Указ. соч. С. 314.

Шереметев С. Д. Мемуары. С. 308.

Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России: В 4-х кн. Кн. 4. 1856–1889. СПб, 1901. С. 295.

681

Там же. С. 325.

682

ОР РНБ. Ф. 804. Д. 26. К. Д. Ушинский. С. 3.

683

Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. Кн. 4. 1856–1889. Кн. 4. С. 313.

Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914: В 3-х т. СПб, 1914–1915. Т. 2. С. 319.

Примечания // Селезнев И. Я. Указ. соч. С. 29.

Там же.

687

Тимофеев А. Г. История Санкт-Петербургского Коммерческого училища: В 2-х т. СПб, 1901. Т. 1. С. 11.

Тимофеев А. Г. История Санкт-Петербургского Коммерческого училища. Т. 1. С. 19.

689

Богоявленский М. М. Исторический очерк Санкт-Петербургского Коммерческого училища. СПб, 1872. С. 14.

Тимофеев А. Г. История Санкт-Петербургского Коммерческого училища. Т. 1. С. 61.

691

Там же. С. 50.

692

Очерк истории учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб, 1906. С. 175.

693

Очерк истории учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб, 1906. С. 176.

Тимофеев А. Г. История Санкт-Петербургского Коммерческого училища: В 2-х т. СПб, 1902. Т. 2. С. 53; 192–193.

695

Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве. СПб, 1899. С. 4.

Там же. С. 27.

697

Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1898 год… СПб, 1898. С. 4.

Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 397.

699

Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве. С. 4.

700

Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве. С. 7.

701

Термен С. Э. Призрение несчастнорожденных в России. Спб, С. 83.

702

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. I V. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. 3. С 1 января 1891 по 20 октября 1894. СПб, 1898. С. 657.

Там же. С. 662.

704

Очерк исторического развития и современного состояния императорских Воспитательных домов // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 2. Материалы. СПб, 1914. Т. 2. С. 174.

Там же.

Там же.

Термен С. Э. Призрение несчастнорожденных в России. С. 91.

Россия. Энциклопедический словарь. С. 97.

709

Очерк исторического развития и современного состояния императорских воспитательных домов // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 2. Материалы. С. 174.

710

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. V. Царствование государя императора Николая Второго. Кн. 1. С 10 ноября 1894 по 31 декабря 1897. СПб, 1908. Т. 5. С. 612–613.

711

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. СПб, 1906. С. 314

Там же. С. 315.

713

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. V. Царствование государя императора Николая Второго. Кн. 1. С 10 ноября 1894 года по 31 декабря 1897 года. Т. 5. С. 620.

714

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. V. Царствование государя императора Николая Второго. Кн. 1. С 10 ноября 1894 года по 31 декабря 1897 года. Т. 5. С. 555.

715

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 315.

Там же.

717

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. V. Царствование государя императора Николая Второго. Кн. 1. С 10 ноября 1894 года по 31 декабря 1897 года. Т. 5. С. 127.

718

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 312.

719

Общее положение о детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии // Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1895 год. СПб, 1897. С. 76.

Там же.

721

Там же.

722

Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1904 год. СПб, 1906. С. XV.

723

Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1898 год. СПб, 1900. С. 4.

Горчаева А. Ю. Нищенство и благотворительность в России. Российский журнал как источник сведений о социальных приоритетах общества. М., 1999. С. 94.

725

Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1898 год. С. 11.

726

Руководство для организации сбора объявлений и выпуска в продажу благотворительных писем с объявлениями в пользу детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб, 1900. С. 5–6.

Там же. С. 5.

728

Ведомство детских приютов и его задачи. Сборник сведений, издаваемый канцелярией по управлению всеми детскими приюта ми Ведомства учреждений императрицы Марии. Часть XX. Сборник циркуляров по управлению всеми детскими приютами Ведомства учреждений императрицы Марии за время с 1891 по 1905 г. Сост. И. И. Скрябин. СПб, 1905. С.251.

729

Там же. С. 252.

730

Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1898 год. С. 128.

731

Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1898 год. С. 128.

732

Положение о системе наказаний и поощрений для питомцев Попечительства Императорского Человеколюбивого общества. СПб, 1906. С. 5.

733

Там же.

Там же. С. 8.

Там же. С. 25–26.

Раскольников Ф. Ф. Федор Раскольников о времени и о себе: Воспоминания. Письма. Документы. Л., 1989. С. 27.

Раскольников Ф. Ф. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь гранат. Репринтное издание. М., 1898. Стб. 187.

738

Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1895 год. С. 2.

739

Императорское Человеколюбивое общество. Памятная книжка на 1915 г. Пг., 1915. С. 87.

740

Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1904 г. С. 102–103.

Там же. С. V–VI.

742

Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1904 г. С. XV.

743

Там же.

Там же. С. VIII.

Там же. С. IX.

Там же. С. XV.

747

РГИА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 об.

748

Правила приема воспитанниц в институты Ведомства императрицы Марии, управляемые на основании общего устава. СПб, 1903. С. 2.

749

Там же.

750

РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 357. Л. 2 об.

751

Там же.

Там же.

753

Там же. Л. 3 об.

Там же. Д. 285. Л. 66.

Там же. Л. 54.

Калабина Е. В. Казачья семья Хрипуновых. Воспоминания Е. В. Калабиной // Вопросы истории. 1996. №.11–12. С. 77.

757

Основные положения, нормальная табель и учебные планы женских институтов и гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб, 1905. С. 22–23.

Там же.

759

Там же. С. 58.

Там же. С. 27.

761

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 80–81.

Там же. С. 84–85.

Там же. С. 82–83.

Там же. С. 80–81.

Там же. С. 142–143.

766

Утвержденные главноуправляющим правила для родителей учениц женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии // Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. V. Царствование государя императора Николая Второго. Кн. 5. С 5 янв. 1907 по 31 дек. 1909. Пг, 1916. С. 36.

Там же. С. 37.

Там же.

Там же. С. 38.

770

Положение о женском педагогическом институте Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб, 1903. С. 1.

771

Правила приема в Императорский женский Педагогический институт Ведомства учреждений императрицы Марии. Пг., 1916. С. 1.

Там же. С. 2.

Там же. С. 3.

Там же. С. 3–4.

Там же. С. 4.

Иванов А. Е. Классики и реалисты. Кому открывались двери вузов сто лет назад // Родина. 2001. № 7. С. 65.

777

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 9.

Там же.

Там же. С. 129.

780

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 170–171.

781

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. V. Царствование государя императора Николая Второго. Кн. 5. С 5 января 1907 по 31 декабря 1909 гг. СПб, 1916. Т. 5. С. 426.

782

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 193.

783

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 175.

Там же. С. 178.

785

Гаюи В. // Детская помощь. 1886. № 10. С. 383.

Императорского Человеколюбивого общества институты слепых. 1872 года. СПб, 1872. С. 5.

Там же.

788

Всеподданнейший отчет Императорского Человеколюбивого общества за 1855 год. СПб, 1856. С. 25.

Императорского Человеколюбивого общества институты слепых. 1872 года. С. 5.

Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1874, 1875 и 1876 гг. СПб, 1878. С. 34.

Императорского Человеколюбивого общества институты слепых. 1872 года. С. 7.

Там же.

793

Троицкий В. Исторический очерк совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. С. 91.

Императорского Человеколюбивого общества институты слепых. 1872 года. С. 13.

Там же. С. 15.

Троицкий В. Исторический очерк Совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. С. 120.

Троицкий В. Исторический очерк Совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. С. 156.

798

Основные начала для деятельности Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых и правила для деятельности Киевского отделения Попечительства. Киев, 1904. С. 3.

Там же.

800

Там же.

801

Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения: в 3 т. Пг., 1915. Т. 3. С. 354.

802

Там же. С. 367.

803

Деятельность К. К. Грота на пользу слепых // Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель… Т. 1–2. С. 367.

Там же. С. 374.

805

РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 734. Л. 52.

Там же. Л. 30 об.

807

Деятельность К. К. Грота на пользу слепых // Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель… Т. 1–2. С. 393.

808

Адеркас О. К. Призрение слепых // Общественное и частное призрение в России. СПб, 1907. С. 74.

809

Там же.

810

Адеркас О. К. Призрение слепых // Общественное и частное призрение в России. С. 73.

811

Там же. С. 76.

812

Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. IV. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. 2. 1886–1890. СПб, 1896. Т. 4. С. 59.

813

Там же. С. 556, 593.

814

Адеркас О. К. Призрение слепых // Общественное и частное призрение в России. С. 83.

815

Уманец С. И. Призрение глухонемых // Общественное и частное призрение в России. СПб, 1907. С. 84.

Там же. С. 429.

817

Там же. С. 84.

818

Там же.

819

Труды второго русского съезда по попечению о слепых и предупреждению слепоты. СПб, 1910. С. 17.

820

Адеркас О. К. Призрение слепых // Общественное и частное призрение в России. С. 83.

821

Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения: В 3-х т. Пг., 1915. Т.3. С. 348.

822

Там же.

Там же. С. 367–368.

Там же. С. 369.

825

Там же. С. 381.

Там же… С. 371.

827

Деятельность К. К. Грота на пользу слепых // Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения: В 3-х т. Пг., 1915. Т. 1–2. С. 398.

828

ОР РНБ. Ф.226: К. К. Грот. Оп.1. Д. 33. Л. 13.

829

Ведомство учреждений императрицы Марии // Благотворительность в России. СПб, 1907. Т.1. С. 22.

830

Там же.

831

Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. Т. 3. С. 433.

832

См.: РГИА. Ф. 836. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

833

Адеркас О. К. Призрение слепых // Общественное и частное призрение в России. С. 78.

834

Краткий очерк деятельности Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых. 1881–1891. СПб, 1892. С. 30.

835

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. СПб, 1906. С. 458.

836

Адеркас О. К. Призрение слепых // Общественное и частное призрение в России. С. 82.

837

Там же.

838

Скребицкий А. И. Обзор результатов деятельности Попечительства о слепых в России за 14 лет на основании его отчетов, с 1881 по 1894 г. (включительно). М., 1897. С. 18.

839

Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. Т. 3. С. 398.

840

Скребицкий А. И. Обзор результатов деятельности Попечительства о слепых в России за 14 лет на основании его отчетов, с 1881 по 1894 г. (включительно). С. 19

841

Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. Т. 3. С. 438.

842

Отчет о деятельности летучего офтальмологического отряда в Псковской губернии в летнее время 1898 г. Псков, 1898. С. 2.

843

Там же. С. 18.

Там же.

845

Там же. С. 26.

846

Там же.

847

Там же. С. 26.

848

Адеркас О. К. Призрение слепых // Общественное и частное призрение в России. С. 81.

849

Там же. С. 82.

Там же. С. 6.

851

Ведомство учреждений императрицы Марии // Благотворительность в России. Т. 1. С.23.

Там же. С. 22.

853

Там же. С. 23.

854

Положение о состоящем под августейшим покровительством их императорских величеств Попечительстве государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых. Саратов, 1909. С. 2.

855

Там же.

856

Там же.

857

Положение о состоящем под августейшим покровительством их императорских величеств попечительстве государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых. С. 2.

Там же. С. 11.

859

Там же. С. 3.

860

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 434.

861

Там же.

862

РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Д. 23. С. 84.

863

Там же. С. 438.

864

Уманец С. И. Призрение глухонемых // Общественное и частное призрение в России. СПб, 1907. С. 86.

865

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 438.

Там же.

867

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 439.

Там же.

869

Уманец С. И. Призрение глухонемых // Общественное и частное призрение в России. С. 86.

870

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 437.

871

Там же.

872

Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. С. 437–438.

Там же.

Ведомство учреждений Императрицы Марии // Благотворительность в России. Т.1. С. 23, 25.

875

РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Д. 23. С. 83 (об.).

Там же.

877

Уманец С. И. Призрение глухонемых // Общественное и частное призрение в России. С. 85–86.

Там же. С. 90.